

В. П. Яйленко

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

VII-III вв. до н. э.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

В. П. Яйленко

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ VII-III вв. до н.э.

По данным
эпиграфических
источников

Издательство «Наука»
Москва 1982

В книге рассматриваются основные стадии древнегреческой колонизации: выведение колоний, основание полисов и последующие отношения между колонистами и метрополией. Автор исследует земельный строй колоний, социальные отношения, юридический статус колонистов. Особое внимание уделено колонизационной деятельности Афин и характеристике их колоний. Работа основана на многочисленных источниках, главным образом эпиграфических, многие из которых впервые переводятся на русский язык.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ОТ АВТОРА

В этой книге предпринята попытка воссоздать картину эллинской колонизационной практики на основе эпиграфических источников. Ряд ее глав был уже опубликован в различных изданиях¹. Рукопись неоднократно обсуждалась в секторе истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР, и я глубоко обязан коллегам за ряд полезных замечаний. Приношу свою искреннюю благодарность Т. В. Блаватской, постоянно курировавшей мою работу, А. И. Штрахову, Е. С. Голубцовой и Г. Ф. Поляковой, оказавших содействие моей научной деятельности. Я хотел бы также своей книгой выразить глубокую признательность моей матери, Яйленко Марии Спиридоновне, снабдившей меня ценной информацией, касающейся этнографических параллелей из жизни приазовских греков.

¹ К интерпретации декрета иссейцев о разделе земли колонистами. — ВДИ, 1971, № 2, с. 9—24; Греческая колонизация архаической поры в эпиграфических источниках. — ВДИ, 1973, № 2, с. 43—68; Зарубежная историография древнегреческой колонизации. — Вопросы истории, 1975, № 4, с. 188—198. Древнегреческая колонизационная практика. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 67—73.

§ 1. Историография древнегреческой колонизации

«Не будь колонизации, Греция не имела бы истории», — в этих словах Р. Ю. Випшера¹ отчетливо отражено перво-степенное значение колонизационного движения для истории древней Греции. Важность этой проблемы была осознава антиковедением давно. Эволюция представлений о характере и ходе греческой колонизации была тесно связана с общим развитием науки о древности. В историографии колонизации можно выделить несколько этапов. Первый этап можно было бы условно назвать антикварно-публицистическим. Он охватывает вторую половину XVIII—первую четверть XIX в. Вторым этапом — аналитический (до 1865 г.) — ознаменован тщательным сбором и анализом конкретных исторических фактов. Третий этап — критический, начало которому было положено в 1865 г. работами Ф. Ф. Соколова и Г. Дистервега. На этом этапе стали широко привлекать эпиграфические данные. Четвертый — теоретический (с 1893 г.) — этап характеризуется фундаментальными трудами основоположников социально-экономического направления в антиковедении — Э. Мейера, Ю. Белоха и П. Гиро. Последний этап можно было бы назвать комплексным. Начало его относится к 1931 г. (выход в свет работ Ф. Хайхельхайма), и для него характерно широкое привлечение данных археологии и нумизматики.

Интерес антикваров и публицистов XVIII в. к древнегреческой колонизации отчасти был вызван злободневностью взаимоотношений Англии и Франции со своими колониями. Так, диссертация Бугенвиля была озаглавлена: «Каковы были права греческих метрополий в отношении своих колоний, обязанности колоний перед метрополиями и их взаимные обязательства друг перед дру-

¹ История Греции в классическую эпоху. М., 1918, с. 87.

гом»². Столь же характерное название носила и вышедшая в период американской Войны за независимость анонимная книга «История колонизации свободных государств древности в применении к современной борьбе между Великобританией и ее американскими колониями»³.

В начале XIX в. одна за другой вышли в свет обзорные работы по греческой колонизации, написанные Д. Хегвишем⁴ и Раулем Рошетом⁵. Обе книги носили чисто антикварный характер и представляли собой свод известий, почерпнутых из древних источников. Труд Рошета отличался обширностью и известной глубиной исследования: автор не только собрал всевозможные сведения о различных греческих колониях, но и затронул также некоторые теоретические проблемы, как, например, вопрос о причинах и движущих мотивах колонизации. По мнению Рошета, широкое колонизационное движение было обусловлено в первую очередь неуемностью (*vanité*) греков и характером их религиозных воззрений. К этим основным причинам присоединялись местные, случайные — политическая борьба, кровная месть, нехватка земли, голод и т. д.⁶ Лишенная какого-либо критического начала, работа Рошета в целом имела большое значение как первый необходимый этап синтеза сведений по истории древнегреческой колонизации⁷, за которым последовала пора аналитического исследования отдельных ее сторон⁸.

² *Bougainville J. P. de. Dissertation qui a remporté le prix de l'Academie Royale des Inscriptions et Belles-lettres en année 1745. Quels étaient les droits des métropoles grecques sur leurs colonies; les devoirs des colonies envers les métropoles; et les engagements reciproques des unes et des autres. P., 1745.*

³ *A History of the Colonisation of the Free States of Antiquity, Applied to the Present Contest between Great Britain and her American Colonies. L., 1777.* Как было установлено впоследствии (*Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1971, p. XVII, n. 4*), эта книга принадлежала перу Вильяма Баррона. В обзорной статье К. М. Колобовой (ВДИ, 1949, № 2, с. 122, примеч. 2) книга ошибочно приписана Бугенвилю.

⁴ *Hegewisch D. H. Geographische und historische Nachrichten, die Kolonien der Griechen betreffend. Altona, 1808.*

⁵ *Rochette R. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. P., 1814—1815, t. 1—4.*

⁶ *Ibid., t. 1, p. 15—26.*

⁷ Как отмечал С. А. Жебелев, со времени появления работы Рошета «рассмотрение греческой колонизации в ее целом не соблазнило ни одного исследователя» (Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 52, примеч. 2).

⁸ Литература указана в кн.: *Hermann K. F. Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer. Heidelberg, 1855, 1, S. 212, Anm. 1, 2.*

Среди последующих работ, носивших еще антикварный характер, выделяются глубокие, на несколько десятилетий опередившие свое время исследования Августа Бёка. В его обширном труде «Государственное хозяйство афинян», вышедшем первым изданием в 1817 г., имелся небольшой, но очень содержательный свод известий древних авторов об аттических колониях, дополненный данными эпиграфических источников⁹. Этой работой А. Бёк заложил основы научного исследования проблем афинской колонизации, к изучению которой он еще раз вернулся в статье, посвященной восстановлению и интерпретации декрета о колонии в Брее¹⁰.

В середине XIX в. вопросы истории древнегреческой колонизации получили систематическое освещение в работах представителя «культурной школы» Эрнста Курциуса. В своей «Истории Греции», первый том которой вышел в 1857 г., Курциус ярко обрисовал сущность и ход греческого колонизационного движения¹¹. Идеалистические представления об эллинской колонизации, являвшейся, по его мнению, исторической миссией греков, призванных распространять свою цивилизацию среди варварских народов, во многом зиждились на утверждении невозможности подробного исследования колониальной деятельности эллинов. Тем не менее Курциус отмечал последовательность и планомерность греческого колонизационного движения, причиной которого была, по его мнению, перенаселенность Греции VIII—VI вв. Среди движущих причин колонизации он отмечал первостепенное значение торговых интересов отдельных городов, местоположением которых определялись их торговые пути. Торговые взаимоотношения с туземцами породили колонизацию: сначала устраивались временные рынки, затем на приобретенных у туземцев территориях — постоянные; наконец на основе торгового пункта возникала в качестве слепка с метрополии самостоятельная эллинская община — колония. В последующих работах Курциус нарисовал столь же яркую, но гораздо более конкретную картину древнейших контактов греков с наро-

⁹ Böckh A. Staatshaushaltung der Athener. B., 1886³, S. 555—566.

¹⁰ Böckh A. Kleine Schriften. Leipzig, 1872, 6, S. 167—184.

¹¹ Curtius F. Griechische Geschichte. B., 1874⁴, 1, S. 390 f.

дами Средиземноморья¹² и очертил общий ход греческой колонизации¹³.

С середины XIX в. антиковедение переходит на качественно новую ступень — трудами А. Бёка, К. О. Мюллера, И. Г. Дройзена, Дж. Грота, М. Дункера и многих других ученых критического направления была выработана новая прагматическая методика исследования. Ее характерными чертами стали фактологическая точность и строгий критический отбор данных античных источников. Работой Г. Дистервега «О праве греческих колоний»¹⁴, в которой впервые были подвергнуты критическому анализу данные источников, начинается подлинно научное исследование различных проблем и аспектов древнегреческой колонизации. В дальнейшем исследование пошло по линии накопления новых данных, доставляемых эпиграфикой, а также по пути комплексного пересмотра традиционных известий. В связи с разработкой эпиграфического материала вновь возник интерес к аттическим клерухиям, что нашло свое отражение в ряде исследований¹⁵. Помимо общих проблем греческой колонизации, разрабатывались также такие специальные вопросы, как роль ойкистов¹⁶, типология поселений¹⁷ и т. д.

Результаты аналитических исследований были суммированы в общих курсах по государственным и правовым древностям. В упоминавшемся уже «Учебнике по греческим государственным древностям» К. Ф. Германна давался систематический обзор греческих колоний и их государственного устройства¹⁸. В «Руководстве по греческим государственным древностям» Г. Гилберта содержался краткий очерк истории колонизационного движения, причем особое внимание уделялось взаимоотноше-

¹² Die Griechen in der Diaspora. Gesammelte Abhandlungen von E. Curtius. B., 1894, 1, S. 163—180.

¹³ Curtius E. Die Griechen als Meister der Kolonisation. B., 1883.

¹⁴ Diesterweg G. De jure coloniarum Graecarum. B., 1865.

¹⁵ Kirchhoff A. Ueber die Tributpflichtigkeit der attischen Kleruchen. — Abh. Ak. Berlin, 1873, S. 1—35; Foucart P. Mémoire sur les colonies athéniennes. Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions. P., 1878, série 1, t. 9, p. 323 sq. и другие работы.

¹⁶ Lampros S. De conditorum coloniarum Graecarum indole, premiiisque et honoribus. Leipzig, 1873.

¹⁷ Hirschfeld G. Zur Typologie griechischer Ansiedelungen im Alterthum. Historische und philologische Aufsätze E. Curtius. B., 1884, S. 355—373.

¹⁸ Hermann K. F. Op. cit., 1, S. 211—257,

ниям между колониями и метрополиями — прежде всего по данным декрета об эпойках, отправленных в Навпакт¹⁹.

В несколько ином плане эта тема была освещена в очерке «Греческие государственные и правовые древности» Георга Бузольта²⁰. Раздел этого компендиума «Метрополия и колония» был построен на комплексном привлечении литературных и эпиграфических данных; кроме того, учитывались результаты исследований предшествующего времени. По мнению Бузольта, греческая колонизация началась с упрочением эллинов на островах и в Ионии, с расцветом торговли и промышленности. Она обуславливалась, с одной стороны, торговыми интересами, с другой — экономическими и политическими отношениями. Экономический кризис, гражданские раздоры и сильное увеличение числа рабов, как и стремление к странствиям, побуждали толпы греков к переселению. Вкратце обобрав пределы расселения греческих колонистов, Бузольт переходит к рассмотрению собственно колонизационного движения. Очень кратко, насколько позволяли привлеченные источники, он прослеживает процесс отправления колонистов и основания полиса: получив санкцию Дельфийского оракула, государство назначало колонистам ойкиста; основав поселение, переселенцы разделяли город и хору на участки; они сохраняли свои прежние фило и полисные учреждения метрополии. Далее вкратце рассматривались вопросы об эпойках, об отношениях между колониями и метрополиями, об аттических клерухах. Обширный общий очерк греческой колонизации с подробными ссылками на источники Бузольт дал в своей «Греческой истории»²¹.

Во второй половине 1880-х—начале 1890-х годов, с оформлением социально-экономического направления в историографии античности, греческая колонизация получает новое освещение в общих курсах по истории древней Греции. При этом наметились две теории — «торговой» колонизации (Э. Мейер) и «аграрной» (Ю. Белох, П. Гиро). Эти теории возникли независимо друг от друга²²; их

¹⁹ Gilbert G. Handbuch der griechischen Staatsalterthümer Leipzig, 1885, 2, S. 397—403.

²⁰ Busolt G. Griechische Staats- und Rechtsalterthümer. München, 1892², S. 84—90 (первое издание вышло в 1886 г.).

²¹ Busolt G. Griechische Geschichte. Gotha, 1885, 1, S. 180—360.

²² Первый том «Истории Греции» Белоха, второй том «Истории древности» Мейера и «Земельная собственность в Греции» Гиро вышли одновременно в 1893 г.

авторов объединял общий взгляд на греческую колонизацию как на результат социально-экономического развития архаической Эллады, однако причины, движущие силы и характер колонизационного процесса трактовались ими по-разному.

Эдуард Мейер подробно обосновал тезис о колонизации как торговой экспансии крупных греческих городов ²³. Мысль о том, что торговые интересы были основной причиной греческой колонизации, высказывалась, как мы видели, и раньше. Заслуга Мейера состояла в том, что он первый дал законченную, построенную на данных источников теорию «торговой» колонизации. Мейер отмечал, что греческая колонизация тесно связана с расцветом товарного производства, пришедшего на смену ойкосному хозяйству гомеровской эпохи. Во всех крупных центрах с VIII в. развивается широкое производство товаров массового производства, как и предметов роскоши. Начиная с этого времени в Греции получила значительное развитие морская торговля. В поисках рынков сбыта греки осваивали самые различные уголки Средиземноморья и Причерноморья, чему в немалой степени способствовала перенаселенность эллинских полисов, являвшаяся постоянным фактором их истории. С оттоком населения в колонии в Элладе увеличивается роль рабского труда; благодаря появлению денежного обращения и развитию торговли в Греции коренным образом изменяются социально-экономические условия, приведшие к социальному кризису VII—VI вв.

Теорию «торговой» колонизации полностью поддержал Р. Цельман, особенно заостривший вопрос о социально-политической борьбе классов как одной из существенных причин греческой колонизации ²⁴.

Теорию «аграрной» колонизации независимо друг от друга сформулировали Юлиус Белох и Поль Гиро. По мнению Белоха ²⁵, на раннем этапе колонизации торговые интересы не играли какой-либо существенной роли, поскольку промышленность находилась еще в зачаточном

²³ Meyer E. Geschichte des Alterthums. Stuttgart, 1893, 2, S. 433—484.

²⁴ Pöhlmann R. Grundriss der griechischen Geschichte nebst Quellenkunde. München, 1909⁴, S. 44—45 (первое издание вышло в 1888 г.).

²⁵ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Strassburg, 1912², S. 229—233.

состоянии. Недостаток земли вынуждал греков искать плодородные края за пределами их родины. Белох считал, что с самого начала греческие поселения были земледельческими, подтверждение чему, между прочим, он видел в участии Беотии, Арголиды и других аграрных областей Эллады в колонизационном движении. На следующем этапе колонизации ряд земледельческих поселений с течением времени превратился в крупные торговые центры. Одновременно в колонизационное движение включаются большие торговые города Эллады. С этого времени беспорядочное колонизационное движение сменилось планомерным освоением различных уголков Средиземноморья и Причерноморья. Масса колонистов формировалась из тех, кто не находил дома пропитания, кого гнала в далекие края жажда приключений, наконец из людей, недовольных политическим строем своего полиса.

С несколькими иными, обстоятельно аргументированными позициями построил свою теорию «аграрной» колонизации Поль Гиро²⁶. Он отметил, что греческая колонизация по времени совпадает с периодом господства режима семейной собственности, приходящимся на XI—VII вв. По мнению Гиро, ни древние авторы, ни ученые нового времени не правы, говоря о нехватке земли, — ее в архаической Греции было достаточно^{26а}. Соответственно нет никаких реальных данных, свидетельствующих о перенаселенности Греции в архаическую эпоху. Суть дела заключается не в нехватке земли и не в перенаселенности, а в массовом обезземеливании крестьянства. Земля как собственность в целом принадлежала семье, а не отдельным лицам, она не подлежала, например, разделу среди братьев. Деспотическая власть главы семьи могла поставить любого ее члена вне семейного имущества. Земля всякого полиса была поделена на участки, которыми владел тот или иной род; лица же, оказавшиеся вне рода, утрачивали свои права на родовой надел и семейное имущество и были вынуждены искать себе землю за пределами отечества: они и составляли массу греческих колонистов, расселившихся по всему Средиземноморью и Понту. Гиро, как и Белох, считал, что в первое время основываемые поселения носили преимущественно земледельческий характер,

²⁶ Guiraud P. La propriété foncière en Grèce jusqu' à la conquête romaine. P., 1893, p. 78—86.

^{26а} Ср.: Od., XIV, 62 sq.

в дальнейшем же развитие колоний определялось местными условиями.

Теория Белоха—Гиро, убедительно объяснявшая основные этиологические моменты греческой колонизации, была сочувственно принята в позднейшей французской, английской и отчасти немецкой литературе. В исследованиях последующего времени уточнялись и развивались главные положения этой теории. Джон Бэри в своей «Истории Греции», вышедшей первым изданием в 1900 г., согласился с тем, что причины греческой колонизации не могут быть найдены в одних лишь торговых интересах; в большинстве случаев они являлись лишь мотивом²⁷. Греческая колонизация тем и отличалась от финикийской, что она удовлетворяла не одни торговые нужды. Правда, Бэри отмечал, что торговля часто прокладывала путь колонизационному движению и колонисты следовали по торговым путям. Он также отрицал, по крайней мере в отношении раннего этапа колонизации, перенаселенность эллинских полисов; не она, а природа земельного строя вынуждала людей к эмиграции. Бэри целиком воспринял тезис Гиро о том, что патриархальная семейная система часто приводила к исключению ее отдельных членов из участия в общем имуществе. Лица, выделенные из семьи и тем самым обезземеленные, составляли основной контингент переселенцев. Эмиграции благоприятствовали также политические обстоятельства, сложившиеся в большинстве греческих государств, особенно борьба внутри аристократического слоя. Это явление было настолько широко распространено, что политическое недовольство являлось одной из непосредственных причин греческой колонизации, которая, по выражению Бэри, была палладиумом аристократии. Осознавая эти общие причины, писал Бэри, мы не должны в то же время игнорировать многообразные частные моменты.

В специальном исследовании Обри Гвинна выяснялись причины греческой колонизации, изучалось возникновение колоний, их политическое развитие и взаимоотношение с метрополиями²⁸. По мнению автора, греческая колонизация была прежде всего вызвана нуждой в земле. При нормальных условиях функционирования полиса

²⁷ Bury J. B. A History of Greece. L., 1952³, p. 86—87.

²⁸ Gwynn Au. The Character of Greek Colonisation. — JHS, 1918, 38, p. 88—123.

колонизация являлась свидетельством того, что количество населения переросло его производственные возможности. Гвинн обратил внимание на сообщение Фукидида о том, что Эллада архаической поры в основном состояла из деревень (I, 10, 2); этот факт, заключает автор, бесспорен, и его логические последствия для греческой истории нам даже трудно представить. Гвинн указал, что, когда Архия отплыл из Коринфа или первые ионийские колонисты из Милета, в Греции еще не было городов. Полис находился в процессе становления, поскольку жители Эллады были еще земледельцами, а не горожанами. Большинство населения жило не в городах, но в деревнях, и социальные условия, существовавшие в досолоновских Афинах, представлялись Гвинну типичными для большинства греческих государств.

Автор признавал, что греки VI—V вв. были торговцами, но в VIII—VII вв. они таковыми еще не являлись, поскольку до второй половины VII в. торговля и ремесло не доминировали в экономической жизни страны. Спутники Архии, основавшие Сиракузы, большей частью происходили из деревни Тенеи, находившейся в Коринфской области ^{28a}. «Какие торговые интересы могли быть у них?» — спрашивал Гвинн. Конечно, скорее всего, аграрные. В связи с этим автор оспаривал утверждение ряда своих предшественников (в частности, Бэри) о том, что колонисты шли по торговым путям. По его мнению, переселенческие массы двигались «по тропам приключений», что хорошо видно на материале «Одиссеи». Рассмотрев колонии VIII в., Гвинн пришел к интересному выводу о том, что именно торговые связи между ранними колониями и их метрополиями породили позднейшие торговые пути (в качестве одного из примеров приведены Милет и Синопа, при основании которой метрополия еще только начинала развиваться в качестве коммерческого центра). Далее Гвинн вкратце разобрал ряд конкретных моментов колониационного процесса: формирование контингента колонистов, выбор ойкиста, раздел земли, различия между апойками и эпойками, виды контактов колонистов с местными жителями (завоевание, подчинение, союз). В целом чрезвычайно существенная работа Гвинна на конкретном материале осветила ряд узловых и частных моментов греческого колониационного движения.

^{28a} *Stb.*, VIII 380.

Во французской историографии широкое признание получила теория Гиро: отдельные его идеи были в дальнейшем разработаны более детально или подверглись пересмотру, но общая оценка характера древнегреческой колонизации, данная Гиро, была в целом принята позднейшими исследованиями. Гюстав Глотц, приняв мысль Гиро о том, что колонизация была вызвана не перенаселенностью, а характером системы земельных отношений, уточнил ее, отметив, что разрушение родового строя привело к тому, что в результате парцелляции наследственной недвижимости не все могли обеспечивать себя благодаря полученному участку²⁹. Стремление получить землю было для греков основным стимулом колонизационной активности, но не единственным — она сопровождалась также пиратством, захватом рабов и новых территорий.

Эти идеи Глотц в дальнейшем развил в своей «Греческой истории», содержащей обстоятельную главу о греческой колонизации³⁰. Прежде всего он отметил, что причины колонизации лежат не в политической, а в экономической и социальной сферах. Древние и новые объяснения «нехваткой земли» и «перенаселенностью» в общем правильны, но не совсем. Избыток населения, как и нехватка земли, был относительным — Греция страдала главным образом от пороков своей системы земельных отношений. В результате разрушения родовой собственности многие люди лишились недвижимого имущества. Дробление наследств приводило к образованию групп, не способных содержать себя; отсюда — стремление к захвату плодородных земель, что и явилось главным двигателем колонизационного движения. На первых порах это был стихийный процесс, однако со временем греки перешли к планомерной, направляемой государством колонизации³¹. Небольшой раздел Глотц посвятил также характеристике колонизационной деятельности Афин³².

К «аграрному» направлению примкнул и Ж. Хатцфельд, сделавший упор на некоторые юридические мо-

²⁹ Glotz G. *Le Travail dans la Grèce ancienne*. P., 1920, p. 120—135.

³⁰ Glotz G. *Histoire grecque*. P., 1925, t. 1, p. 153—216.

³¹ Точку зрения Глотца принял в своем очерке греческой колонизации А. Жарде (*Jardé A. La formation du peuple grec*. P., 1923, p. 222).

³² Glotz G. *Histoire grecque*. P., 1931, t. 2, p. 199—204.

менты³³. Он указывал, что нет ни археологических, ни исторических свидетельств того, что Греция IX—VIII вв. была густо населена. По его мнению, система юридических норм объясняет тот факт, что полисной земли не хватало для всех областей. Земля неотчуждаема и неделима, а человек, исключенный из рода, не имел никаких прав на приобретение земли. Вслед за Гиро автор утверждал, что именно раннегреческий семейный строй объясняет колониционное движение. Вместе с тем, полагал он, определенную роль играли также политические и социальные противоречия, как и дух предприимчивости, характеризующий молодые народы.

Как видно, Хатцфельд целиком разделял мнение Гиро об отсутствии индивидуальной собственности на землю в ранней Греции, что подверг сомнению уже Глотц. Это положение Гиро оспорил также Жюль Тутэн, который считал, что индивидуальная собственность безусловно имела место в ранней Греции, так же как и наследственный раздел земли³⁴.

В соответствии с мыслью Глотца Тутэн утверждал, что колонизация может быть объяснена разделом отцовского достояния на мелкие участки, которые не могли прокормить их владельцев. По этой причине они были вынуждены отправляться за пределы отечества в поисках большего земельного надела. К эмиграции греков побуждала также ожесточенная политическая борьба (гражданские войны, революции): изгнанники поселялись за границей, чтобы обрести средства существования взамен конфискованного на родине имущества. Тутэн отметил, что с расширением колониционного движения, носившего первоначально аграрный характер, помимо самого аграрного фактора все большую роль стали играть другие причины. Многие города в силу локальных условий начали ориентировать свою экономику на морскую торговлю. Греки, заняв место финикийцев в средиземноморской торговле, должны были сами стать производящей страной для торговли с туземцами, для обмена своих изделий на сырье и продукты. Эти причины придали греческой экспансии серьезное экономическое значение.

По мнению Тутэна, было два типа колоний — земле-

³³ *Hatzfeld J. Histoire de la Grèce ancienne. P., 1950³, p. 46—47* (первое издание вышло в 1926 г.).

³⁴ *Toutain J. L'Economie antique. P., 1927, p. 32—41.*

дельческие и торговые. Однако эти типы эволюционировали, поэтому с течением времени одна колония, основанная как земледельческая, могла стать торговой; наоборот, другая, основанная в качестве торгового центра, могла стать поставщиком продуктов в Грецию, третья — индустриальным центром и т. д. При этом не следует забывать, что в так называемых «торговых» колониях, как и в «земледельческих», также осваивались земли, пастбища, леса. Далее Тутэн отмечал ту роль, которую колонизация сыграла в экономическом развитии греков. Прежде всего она расширила район их экономической деятельности, освоение же новых районов дало толчок вовлечению огромных нетронутых средств в производство. Возросла роль обмена, что в конце концов привело к возникновению монеты. Сельское хозяйство, ремесло и торговля в результате колонизации поднялись на неведомую ранее ступень развития.

В немецкой историографии первой трети XX в. наметилась тенденция к комплексному изучению локальных групп колоний. Так, Ф. Билабель систематизировал разнообразный, прежде всего эпиграфический, материал по истории, государственному устройству, культу, календарю многих ионийских колоний и их метрополий³⁵, а Г. Нессельхауф посвятил одну из глав своей работы афинским колониям середины V в.³⁶ С другой стороны, между последователями Белоха и Мейера продолжался спор по теоретическим проблемам колонизации. Долгая дискуссия привела к резкой поляризации обеих точек зрения³⁷. Так, Э. Цибарт утверждал, что греки были прирожденными торговцами; для греческих полисов, таких, как Афины, торговля являлась жизненной необходимостью, вследствие чего их внешняя политика, и в частности колонизационная деятельность, диктовалась коммерческими интересами³⁸. Напротив, И. Хазебрек реши-

³⁵ Bilabel F. Die Ionische Kolonisation. (Philologus. Supplbd. XIV). Leipzig, 1920.

³⁶ Nesselhauf H. Untersuchungen zur Geschichte der Delisch-Attischen Symmachie (Klio, Beiheft 30). Leipzig, 1933, S. 120—140.

³⁷ В прошлом делались также попытки эклектического слияния обоих направлений. См., например: Swoboda H. Griechische Kolonisation. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Zweiter Supplbd. Jena, 1897, S. 531—543.

³⁸ Ziebarth E. Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929.

тельно отстаивал тезис о том, что все греческие колонии были исключительно земледельческими³⁹. Он утверждал, что торговля в применении к VIII в. является «историческим нонсенсом»: городская экономика того времени сводилась к сношениям соседних городов; в архаический период можно говорить скорее об экспорте населения, чем предметов производства. По мнению Хазебрека, основанные греками поселения разделялись на три типа: торговые фактории, земледельческие колонии и военные колонии — клерухии. В более поздней работе Хазебрек подробно разобрал отдельные колонизационные потоки (эретрийский, халкидский, коринфский, мегарский и др.) и вновь пришел к выводу о том, что основание греческих колоний диктовалось исключительно аграрными интересами⁴⁰.

В конце концов дискуссия фактически зашла в тупик: обе стороны оперировали определенным набором свидетельств литературных по преимуществу источников, зачастую полностью игнорируя данные археологии и нумизматики. Уязвимость обеих теорий состояла в том, что ни их основатели, ни их адепты, одинаково исходившие из посылки об экономических причинах колонизации, не имели в сущности конкретного и детального представления об экономике архаической Греции, поскольку их концепции основывались единственно на свидетельствах нарративных источников. Это был необходимый этап развития наших представлений о характере и сущности греческого колонизационного движения, однако в конце концов традиционная методика решения этих коренных вопросов изжила себя.

Блестящим образцом решения этой проблемы с новых позиций явилась работа Фрица Хайхельхайма по экономике архаической Греции⁴¹. На основе данных археологии и нумизматики он реконструировал процесс эволюции экономики архаической Греции и пришел к следующим выводам. В VIII в. торговые связи в греческом мире, как отмечал и Хазебрек, были еще очень невелики. Например,

³⁹ *Hasebroeck J.* Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928, S. 110—116 u. a.

⁴⁰ *Hasebroeck J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931, S. 109—122.

⁴¹ *Heichelheim F. M.* Ausbreitung der Muenzgeldwirtschaft und der Wirtschaftsstil im archaischen Griechenland. — *Schmollers Jahrbuch*, 1931, 51, S. 229—254. Cp.: *Idem.* An Ancient Economic History. Leiden, 1958, 1, p. 239 f., n. 26 on p. 494 f.

распространение геометрической керамики далеко отстояло от уровня, достигнутого микенской керамикой. Лишь в начале VII в. мало-помалу по всему греческому миру распространяется коринфская керамика, однако она не была еще продуктом серийного производства, поскольку большинство ваз, считающихся протокоринфскими или коринфскими, на самом деле является продуктом местного производства, имитирующего модные оригиналы. Начиная приблизительно с середины VI в. экономика архаической Греции поднимается на качественно новую ступень: промышленность переходит к серийному производству, соответствующим образом изменяется также характер торговли, предметом которой отныне являются не столько предметы роскоши, сколько изделия массового производства. С этим явлением связан и ход денежного обращения в Греции: после эпохи электровых монет, около середины VII в., в Эгине, Коринфе и Афинах начинается чеканка серебряной монеты, однако только в середине VI в. денежный оборот приобрел первостепенное экономическое значение.

Таким образом, понятие «архаическая эпоха» покрывает собой два совершенно различных периода: до середины VI в. греческая экономика остается примитивной, торговля довольно ограничена и зиждется на натуральном обмене; с середины VI в. греческая экономика приобретает классический характер, поскольку основывается уже на серийном производстве и денежном обращении. Хайхельхайм отмечает, что примерно до 700 г. греческие города в экономическом смысле еще не существовали. Были полисы, и их колониальная активность VIII и VII вв. ни в коей мере не развивалась в связи с торговой деятельностью. Случайная торговля могла сопутствовать инициативе отдельных купцов, но в целом на первом этапе колонии никогда не основывались для того, чтобы быть рынком сбыта продукции из метрополии.

Значение работы Хайхельхайма состоит не только в том, что на конкретном археологическом материале был обрисован ход экономического развития архаической Греции, но также и в том, что автор показал пути нового подхода к решению вопроса о характере и сущности греческой колонизации. Новая концепция экономического развития архаической Греции в определенной степени развенчала «торговую» теорию и подтвердила основные положения Белоха и Гиро. Вместе с тем тезис о чисто

аграрном характере первого этапа колонизации по-прежнему оставался проблематичным: Алан Блякуэй, исследование которого также основывалось на археологическом материале, пришел к выводу о том, что колонизации Великой Греции предшествовал период торгового обмена ⁴². (На первых порах широкое привлечение археологического материала было сопряжено с такой трудностью, как отсутствие твердой хронологической шкалы для различных серий геометрической керамики.)

После окончания второй мировой войны исследование греческой колонизации протекало в двух направлениях: по линии дальнейшего привлечения и более глубокого изучения данных вещественных источников и по традиционному пути рассмотрения различных моментов колонизационного движения на основе нарративных источников. При этом характерной чертой современной историографии стали конкретность и локальная ограниченность исследования.

Из послевоенной литературы следует упомянуть следующие работы. Р. М. Кук в большой, чрезвычайно содержательной статье «Иония и Греция, 800—600 гг. до н. э.» рассмотрел хронологию основания ионийских и ряда других колоний в связи с датировкой керамического материала архаической поры ⁴³. На основании комплексного сопоставления источников автор пришел к выводу о том, что в рассматриваемое время в Ионии наблюдались определенный рост численности населения и связанное с этим развитие городской жизни, что, в свою очередь, привело к подъему уровня торговли, доставлявшей городскому населению необходимое пропитание. Таким образом, торговля была результатом, а не причиной колонизации, которая способствовала развитию городской жизни.

Исследованию ионийского колонизационного движения были посвящены также обстоятельные труды М. Сакеллариу, детально исследовавшего традицию об освоении греками малоазийского побережья и прилегающих островов ⁴⁴, и К. Ребака, изучившего на археологическом

⁴² *Blakeway A. Prolegomena to the Study of Greek Commerce with Italy, Sicily, and France in the VIIIth and VIIth Centuries B. C. — BSA, 1932/3, 33, p. 202.*

⁴³ *Cook R. M. Ionia and Greeco, 800—600 B. C. — JHS, 1946, 66, p. 67—98.*

⁴⁴ *Sakellariou M. B. La Migration grecque en Ionie. Athènes, 1958.*

материале ионийскую торговлю и ее связь с колони-
зационным движением ⁴⁵.

Особенно интенсивно учеными разных стран разраба-
тывались различные проблемы колонизации Великой
Греции. Жан Берар критически пересмотрел легендарную
и историческую традицию об основании сицилийских и
южноиталийских полисов, сопоставив ее с данными архео-
логии ⁴⁶. Еще большее внимание вещественным источни-
кам по колонизации Великой Греции уделил Т. Дж. Дан-
бэбин в нескольких главах своего фундаментального труда
по истории западных греков ⁴⁷. Ему же принадлежит
небольшое, оставшееся незаконченным вследствие прежде-
временной кончины исследование, касавшееся греко-вос-
точных контактов ⁴⁸. Л. Лакруа на основе нумизматиче-
ских данных сделал ряд существенных выводов о колони-
зации Великой Греции ⁴⁹. Наконец особо следует остано-
виться на работе Жоржа Вале, посвященной ранней
истории Регия и Занклы ⁵⁰, поскольку ее значение выходит
за рамки узко локального исследования.

На материале двух греческих колоний Вале попытался
разработать методику изучения греческой колонизации
в целом. По его мнению, анализу должен предшествовать
синтез — сбор всех сведений традиции, на основе которых
следует вывести шкалу абсолютной хронологии, сопостав-
ляемой затем с археологическими данными. Поскольку
при этом исследователь нередко попадает в заколдованный
круг (абсолютная датировка археологического материала
опирается на традицию, а история — на археологию),
очевидно, что возможен только следующий метод иссле-
дования. Нужно точно определить тот материал, который
можно отнести ко времени, предшествующему основанию
города. Этот материал следует сопоставить с ранним
материалом из других греческих городов, избегая при
этом всякой попытки заранее давать абсолютные даты.
Для получения относительной стратиграфической шкалы

⁴⁵ Roebuck C. *Ionian Trade and Colonisation*. N. Y. 1959.

⁴⁶ Bérard J. *La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité*. P., 1941 (вторым, переработанным изданием, книга вышла в 1957 г.).

⁴⁷ Dunbabin T. J. *The Western Greeks*. Oxford, 1948.

⁴⁸ Dunbabin T. J. *The Greeks and their Eastern Neighbours*. L., 1957.

⁴⁹ Lacroix L. *Monnaies et colonisation dans l'Occident grec*. Bruxelles, 1965 (ср.: ВДИ, 1968, № 2, с. 198—204).

⁵⁰ Vallet G. *Rhegion et Zancle*. P., 1958.

в первую очередь необходимо сопоставлять самый ранний материал, найденный в наиболее древних греческих городах. Таким образом, используя стратиграфические наблюдения, можно установить типологию материала, принадлежащего к доколониционному периоду, и сопоставить его с материалом, относящимся к основанию города и начальному периоду его существования. С другой стороны, этим путем может быть выработана относительная шкала основания различных греческих городов. Данные традиции, относящиеся к основанию тех или иных городов, следует сопоставлять со шкалой, составленной на базе археологического материала. Сопоставленные даты нужно рассматривать в качестве простых, полезных и приблизительных хронологических реперов, которым не должно придаваться значение абсолютных (с. 15—17).

Применение изложенной методики позволило автору сделать ряд убедительных заключений о ходе колониционного движения в целом. В частности, Вале установил, что основанию колоний Великой Греции предшествовал период торговых сношений греков с местными племенами, причем объектом обмена были предметы роскоши. После этого предварительного знакомства на плодородные земли Сицилии и Южной Италии хлынули потоки греческих переселенцев. Эта колонизация, преследовавшая аграрные цели, придала новый характер торговым сношениям между Грецией и Западом: в результате подъема новых греческих городов Италии и Сицилии и установления контактов между колонистами и туземцами открылся новый огромный рынок сбыта греческих товаров, производимых главным образом в самих колониях по образцам метрополии. Таким образом, аграрная фаза колонизации дала толчок широкому торговому потоку (с. 57—58)⁵¹.

В послевоенное время продолжалось также углубленное изучение данных нарративных источников, касающихся греческой колонизации. Ряд проблем получил

⁵¹ Как отмечали рецензенты, методика Вале, блестяще примененная им на практике, должна быть положена в основу последующих исследований по колонизации (ср., например, рец.: *Metzger H.* — In: *REG*, 1958, 71, p. 447). Вале принадлежит ряд других работ по колонизации Великой Греции, например: *La Colonisation chalcidienne et l'hellénisation de la Sicile orientale.* — *Kokalos*, 1962, 8, p. 30—51 (совместно с Ф. Впйяром); *Les Phocéens en Méditerranée occidentale à l'époque archaïque et la fondation de Hyélè.* — *PP*, 1966, 21, p. 169—190.

разработку в фундаментальном исследовании Б. Д. Мерритта, Г. Т. Уэйд-Гери и М. Ф. Мак Грегора «Афинские налоговые списки»⁵². Авторы подробно исследовали конкретный ход афинской колонизации V в., дали общий очерк ее истории в V в., разобрали вопрос о типологии афинских колоний, о категориях колонистов (апойки, эпойки, клерухи) и т. д. В ряде статей В. Эренберга была рассмотрена афинская колонизация Фурий⁵³, Херсонеса, Пропонтиды, Пароса, а также типология афинских колоний⁵⁴. Широкие отклики вызвала статья В. Эренберга о терминологии Фукидида в связи с афинской колонизационной деятельностью⁵⁵. Численность афинских колонистов и некоторые социально-политические аспекты были рассмотрены А. Х. М. Джоунзом⁵⁶. Отдельные стороны афинской колонизации рассматривались также в работах Д. Ашерри⁵⁷, П. А. Бранта⁵⁸, Ф. Готье⁵⁹, Г. Б. Мат-

⁵² *Merritt B. D., Wade-Gery H. T., Mac Gregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Cambr. (Mass.), 1939—1953, 1—4.*

⁵³ *Ehrenberg V. The Foundation of Thurii. — AJPh, 1948, 69, p. 149—170.* Этому вопросу посвящены также работы: *Accame S. La fondazione di Turi. — RF, 1955, 33, p. 164—174; Rutter N. K. Diodorus and the Foundation of Thurii. — Historia, 1973, 22, p. 155—176.*

⁵⁴ *Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World. Oxford, 1946, p. 116—143* (немецкий вариант статьи опубликован в сборнике работ Эренберга: *Polis und Imperium. Zürich; Stuttgart, 1965, S. 221—244*).

⁵⁵ *Ehrenberg V. Thucydides on Athenian Colonisation. — CPh, 1952, 47, p. 143—149* (см. об этом подробно ниже, с. 146 сл.).

⁵⁶ *Jones A. H. M. Athenian Democracy. Oxford, 1957, p. 7, 168—177.*

⁵⁷ *Asheri D. Studio sulla storia della colonizzazione di Anfi-poli. — RF, 1967, 95, p. 5—30; Idem. Distribuzioni di terre nell'antica Grecia. Torino. 1966* (мне недоступна); *Idem. Supplementi colonari e condizione giuridica della terra nel mondo greco. — Rivista storica dell'antichità, 1971, 1—2, p. 77—91; Idem. I coloni elei ad Agrigento. — Kokalos, 1970, 16, p. 79—88; Idem. Il caso dei Aithiops. — PP, 1974, 29, p. 232—236; Idem. Eracle, Eraclea e i Cylicranes. — Ancient Society, 1975, 6, p. 33—50; Idem. Osservazioni sulle origini dell'urbanistica Ippodamea. — Rivista storica italiana, 1975, 87, p. 5—16; Idem. On the «Holy Family» of Astakos. — Studien zur Religion und Kultur Kleinasien. Leiden, 1978, 1, S. 93—98.*

⁵⁸ *Brunt P. A. Athenian Settlements abroad in the Fifth Century B. C.—Ancient Society and Institutions. Studies, presented to V. Ehrenberg. N. Y., 1967, p. 71—89* (обзор ряда афинских колоний и выводы, относящиеся к их типологии).

⁵⁹ *Gauthier Ph. Les clérouques de Lesbos et la colonisation athénienne au Ve siècle. — REG, 1966, 79, p. 64—88* (подтверждение

тингли ⁶⁰, М. Манфредини ⁶¹, Э. Виль ⁶² и др. Виль выдвинул тезис о значительном отличии коринфской и афинской колонизации, «носившей империалистический характер», от традиционной, общеэллинской. По мнению Виль, различие исторических ситуаций определило существование пяти типов эллинских колоний: 1. Древняя независимая апойкия (Коринф, Сиракузы и т. д.). 2. Апойкия древнего типа, но связанная с метрополией общими интересами и личными связями (Херсонес Фракийский, Сигей). 3. Пограничная клерухия, с помощью которой увеличивались размеры полисной земли и происходила экспансия граждан (Саламин, первые клерухии на Халкиде, Эгине). 4. Полуколонии, представлявшие собой формально независимую анокийю, которая устраивалась на предварительно захваченной земле; этот тип имеет две разновидности — старые колонии (Лемнос, Имброс) и новые (Брея, Амфиполь). 5. Классическая клерухия типа V и IV вв.

Своеобразными чертами отличается теория «полиса без территории», выдвинутая Ф. Хамплем ⁶³ и развитая его учеником Ф. Гшнитцером ⁶⁴. Согласно этой теории коринфская и афинская колонизационная деятельность отличалась от общеэллинской практики тем, что территория колоний фактически принадлежала метрополии. Таким образом, полисы-колонии в сущности не имели своей территории, чем обуславливались их тесная близость и зависимости от метрополии.

В ряде работ рассматривались общие проблемы греческой колонизации. В курсе истории Греции Н. Хэммонда

тезиса о том, что афинские клерухи представляли собой гарнизоны. Ранее этот тезис разрабатывал Свобода (*Swoboda H. Zur Geschichte der attischen Kleruchien. Serta Harteliana. Wien, 1896, S. 28—32*).

⁶⁰ *Maittingly H. B. The Growth of Athenian Imperialism. — Historia, 1963, 12, p. 257—273* (цели афинской колонизации).

⁶¹ *Manfredini M. La cleruchia ateniese in Calcide. — SCO, 1968, 17, p. 199—212* (вывод о том, что сообщение Элиана — V. h., VI, 1 — следует относить к афинской клерухии 506 г.; появление термина «гиппоботы» в тексте Геродота (V, 77) связано с ошибкой переписчика).

⁶² *Will Ed. Sur l'évolution des rapports entre colonies et métropoles en Grèce à partir du VIe siècle. — La Nouvelle Clio, 1954, 6, p. 413—460*.

⁶³ *Hampel F. Poleis ohne Territorium. — Klio, 1939, 32, S. 1—60* (мне недоступна).

⁶⁴ *Gschntzer F. Abhängige Orte im griechischen Altertum. München, 1958*.

анализировались ее цели, причины и последствия⁶⁵. По мнению автора, намерения городов, основывавших колонии, изменялись от случая к случаю; Хэммонд не сомневается, что ряд городов был основан в целях торговли; немалую роль играло также пиратство. В целом эмиграции способствовали общие условия существования и перенаселенность, находившая выход не только в колонизации, но и в наемничестве, а позже — империализме.

В работах Я. Зайберта⁶⁶, А. Дж. Грэйэма⁶⁷ и Р. Вернера⁶⁸ получили фундаментальное освещение взаимоотношения между колониями и метрополиями. П. Б. Шмид исследовал греческие сказания об основании городов⁶⁹. Ж. Берар в последние годы своей жизни предпринял попытку обрисовать общий ход греческой колонизации, основываясь на данных, полученных историографией нового времени⁷⁰. Кратко определив основные типологические черты различных колоний (апоикий, клерухий, катойкий), Берар переходит к характеристике трех этапов греческой колонизации, относящихся соответственно к микенской, архаической и эллинистической эпохам. По мнению автора, колонизация является постоянным фактором греческой истории, свидетельствующим о жизненной силе эллинизма и его культуры. Говоря о колонизации архаической поры, Берар отмечает, что она прошла две фазы, одна из которых приходится на 775—675 гг., а другая продолжалась с 675 г. до конца VI в. (естественно, что

⁶⁵ *Hammond N. C. L. A History of Greece to 322 B. C.* Oxford, 1959, p. 109—124.

⁶⁶ *Seibert J. Metropole und Apoikie.* Würzburg, 1963 (мне недоступна).

⁶⁷ *Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece* Manchester, 1971. Перу Грэйэма принадлежит ряд других работ о древнегреческой колонизации: *The Authenticity of the ὈΡΚΙΩΝ ΤΩΝ ΟΙΚΙΣΤΗΡΩΝ of Cyrene.* — *JHS*, 1960, 80, p. 94—111; *The Fifth-Century Cleruchy on Lemnos.* — *Historia*, 1963, 12, p. 127—128; *ΟΙΚΗΙΟΙ ΠΕΡΙΝΘΙΟΙ.* — *JHS*, 1964, 84, p. 73—75; *Patterns in Early Greek Colonisation.* — *JHS*, 1971, 91, p. 35—47; *Corinthian Colonies and Thucydides' Terminology.* — *Historia*, 1962, 11, p. 246—252; *The Foundation of Thasos.* — *BSA*, 1978, 73, p. 61—98.

⁶⁸ *Werner R. Probleme der Rechtsbeziehung zwischen Metropolis und Apoikie.* — *Chiron*, 1971, 1, S. 19—73.

⁶⁹ *Schmid P. B. Studien zu griechischen Ktisissagen.* Freiburg in der Schweiz, 1947 (мне недоступна).

⁷⁰ *Bérard J. L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques.* P., 1960.

принятые цифры приблизительны). Обе фазы отличаются друг от друга рядом прогрессивных изменений, поскольку на протяжении трех веков колонизации архаической поры ее условия и характер существенно изменились. Причины возникновения первой фазы колонизации сложны, однако ясно, что в начале VIII в. в Греции произошли глубокие изменения. К числу факторов, обусловивших эти изменения, относятся: увеличение населения, недостаток земли, переход от монархического государственного строя к аристократическому, имевший место на протяжении XII—VIII вв. и повлекший за собой возникновение крупного землевладения. С другой стороны, источники обрисовывают пехватку земли у бедных крестьян во второй половине VIII в. Наряду с этими демографическими и социальными факторами имело место стремление к достижению богатств посредством торговли, которая на первом этапе колонизации играла еще второстепенную роль. Дух приключений, столь отчетливо проявившийся в «Одиссее», в которой перед нами предстают пионеры колонизационного движения VIII в., также был одним из основных факторов широкой экспансии греков. Иногда имели место и случайные причины: голод, войны, засуха и т. д., которые также приводили к основанию новых городов. Для второй фазы колонизации характерно возрастание роли торговых интересов. Далее Берар вкратце описывает процесс формирования контингента колонистов и их переселения (работа осталась незавершенной вследствие кончины автора).

Краткий очерк греческой колонизации содержится также в научно-популярной книге Клод Моссе «Колонизация в древности»⁷¹. Касаясь переселенческого движения архаического периода, автор пишет о двух фазах, одна из которых приходится на время с середины VIII по середину VII в. и другая — с середины VII до начала V в. Вторая фаза характеризуется расширением ареала колонизационной деятельности, большим числом оснований, преобладающим значением торговых интересов. По мнению автора, колонизация была средством решения аграрного и социального кризиса. Далее вкратце рассматриваются «аграрные» и «торговые» колонии, их взаимоотношения с метрополией, контакты с туземным миром. В от-

⁷¹ Mossé C. La colonisation dans l'antiquité. P., 1970.

дельную фазу выделена «империалистическая» колонизация Коринфа и Афин; автор излагает различные точки зрения на характер афинской колонизационной деятельности. Раздел о греческой колонизации заключается краткой характеристикой переселенческого движения в эллинистическую эпоху.

Помимо упомянутых работ, в послевоенное время был опубликован ряд специальных исследований по различным вопросам греческой колонизации⁷².

При всей важности исторических работ по древнегреческой колонизации можно констатировать, что в послевоенное время магистральные пути изучения данной проблемы определялись археологическими исследованиями. Первым на решающий характер археологических данных указал в названной выше работе А. Блякуэй, и предпринятый им опыт характеристики греческой колонизации Запада на основании анализа керамики был для своего времени весьма плодотворным. Широкий фронт археологических исследований, ведшихся в послевоенное время в Средиземноморье и Понте, позволил поставить изучение проблемы на качественно новую ступень. Был добыт огромный материал, существенно расширивший наши представления о греческой колонизации той или иной конкретной местности. Например, процесс колонизации Кирены долгое время описывали исходя из сведений Геродота. Археологические же исследования послевоенного времени перевели изучение этого вопроса на почву твердых материальных фактов — здесь была зафиксирована разветвленная сеть архаических поселений,

⁷² Bullen H. Geleisestrassen des Altertums. — Sb. Ak. München, Jg. 1947, 2 (München, 1948); Cassola F. Sull'origine di Side in Pamfilia. — PP, 1954, 9, p. 41—45; Forrest W. G. Colonisation and the Rise of Delphi. — Historia, 1957, 6, p. 160—173; Kirsten E. Raumordnung und Kolonisation in der griechische Geschichte. Historische Raumforschung. Kiel, 1958, S. 25—46 (мне недоступна); Schaeffer H. Eigenart und Wesenzüge der griechischen Kolonisation. — Heidelberger Jahrbücher, 1960, 4, S. 77—93; Blumenthal E. Die altgriechische Siedlungskolonisation im Mittelmeerraum. Tübingen, 1963; Berve H. Griechische Frühzeit. Basel; Wien, 1963, S. 111 f.; Pugliese Carratelli G. Greci d'Asia in Occidente tra il secolo VII e il VI. — PP, 1966, 21, p. 155—165; Woodhead A. G. The «Adriatic Empire» of Dionysius I of Syracuse. — Klio, 1970, 52, S. 503—512; Pugliese Carratelli G. Dalle odysseiai alle apoikiai. — PP, 1971, 26, p. 393—417; Burstein S. M. Outpost of Hellenism: the Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976 etc.

одно из которых, Токра, было изучено детально ⁷³. Другой пример — раскопки Дж. Кука в Старой Смирне ⁷⁴, которые позволили подвергнуть проверке традиционные данные о греческой колонизации Смирны. Археологические исследования показали, что на месте греческого города находилось туземное поселение. Наиболее ранние найденные образцы протогеометрической керамики датируются временем около 1000 г. Преобладающая группа гончарных изделий по IX в. включительно — монохромная керамика, обнаруживающая сходство с эолийской посудой с Лесбоса, что подтверждает традицию об основании Смирны эолийцами.

Большое значение имели раскопки Аль-Мины и Питекусс — двух наиболее ранних греческих колониальных центров, расположенных на противоположных концах греческой ойкумены VIII в. до н. э. Аль-Мину раскапывал еще до войны Л. Вулли, но значение этого материала полное раскрылось в контексте исследований послевоенного времени ⁷⁵. Это самое раннее из известных греческих поселений на Востоке. Аль-Мина расположена в устье реки Оронт, в Северной Сирии (ныне это турецкая территория). Слои X—VII приходятся на время примерно до 700 г. Это было приморское поселение, строительные остатки его довольно просты, и самое важное здесь — греческая керамика, происходящая из различных центров и заполняющая в большом количестве уже древнейшие слои. На протяжении всего VIII в. здесь бытовало несколько групп массовой греческой керамики: эвбейская геометрическая, эвбейские имитации элегантных коринфских котил, эвбейские же скифосы геометрического стиля, кикладско-эвбейские кубки и группа скифосов позднего VIII в., произведенных скорее всего местными греками, проживавшими в этой фактории. Через Аль-Мину греческая керамика шла в хинтерланд. В Аль-Мине, как можно заключить, основную роль играли эвбейцы. Эвбея была

⁷³ Boardman J. Evidence for the Dating of Greek Settlements in Cyrenaica. — BSA, 1966, 61, p. 149—156; Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra. Oxford, 1966.

⁷⁴ Cook J. M. Old Smyrna. — BSA, 1959, 53—54, p. 10—22 (см. также статьи Р. Николза и других исследователей в этом же томе).

⁷⁵ Boardman J. Early Euboean Pottery and History. — BSA, 1957, 52, p. 1—29; Idem. Greek Potters at Al Mina? — Anatolian Studies, 1959, 9, p. 163—169.

ранним развитым центром Греции, где получила интенсивное развитие металлургия. Металлы и изделия из них играли важнейшую роль в торговом обмене Греции с Востоком, в частности в Аль-Мине.

Другая древнейшая колония, расположенная на противоположном, западном конце Средиземноморья — на острове Питекуссы (Искья), также, согласно традиции, была основана эвбейцами из Эретрии и Халкиды. Раскопками Дж. Бюхнера были вскрыты некрополь VIII в. и, частично, собственно поселение, расположенное на Монте ди Вико в северной части острова ⁷⁶. Поодаль известно еще одно синхронное поселение. Основная часть древнейшей керамики — коринфская, присутствуют также эвбейская, критская и родосско-ионийская керамика. В погребениях VIII в. найдены киликийские печати и египетские скарабеи, указывающие на широкий ареал торговой деятельности местных греков уже в то время. Как бы ни ссылались в этих условиях сторонники чисто аграрной колонизации Запада на плодородие вулканической почвы острова ⁷⁷, ясно, что выбор места для древнейшей западной колонии — в обход плодородной Южной Италии и Сицилии — диктовался стремлением эвбейцев и других греков осесть поближе к источникам сырья: здесь были найдены остатки железнотделательного производства. Согласно анализам, железо привозилось сюда с острова Эльба.

Грандиозный археологический материал, накопленный к 60—70-м годам текущего столетия, был синтезирован в блестящем исследовании Дж. Боурдмена «Заморские греки», вышедшем первым изданием в 1964 г., а дополненным, вторым — в 1973 г. ⁷⁸ Эта работа, пожалуй, лучшее, что было написано по древнегреческой колонизации. В первой, вводной главе дан краткий очерк состояния Греции в послемикенское и протогеометрическое время, анализируются возможности археологического материала в качестве источника для исследования проблем греческой колонизации. Вторая глава содержит синопсис

⁷⁶ *Buchner G. Pithekoussai: Oldest Greek Colony in the West. Expedition, 1966, VIII (Summer), p. 4—12; Ridgway D. The First Western Greeks: Campanian Coasts and Southern Etruria. — Greeks, Celts and Romans. Totowa, 1973, p. 5—28.*

⁷⁷ См., например: *Cook R. M. Reasons for Foundation of Ischia and Cumae. — Historia, 1962, 11, pp. 113—114.*

⁷⁸ *Boardman J. The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973.*

наиболее ранних археологических находок в ионийских и эолийских центрах Западного побережья Малой Азии и прилегающих островов. В следующих главах анализируются греко-восточные контакты по археологическим материалам из Северной Сирии, Финикии и Палестины, Анатолии, Египта. Эти главы дают читателю полное представление о многообразном характере восточных предприятий греков в IX—VI вв. до н. э. и их значении для складывания собственно эллинской цивилизации. Для полноты картины сюда следовало бы добавить лишь в незначительной степени учтенные Дж. Боурдменом результаты датских раскопок в Сукасе (Финикия)⁷⁹. Ряд последующих глав касается греческой колонизации Запада (Сицилия, Южная Италия, Окситания, Иберия), Северной Африки, Северной Эгеиды и Понта. Нет нужды пересказывать содержание монументального труда Дж. Боурдмена — каждая его страница содержит ценную информацию археологического характера и исторический анализ этого материала.

Публикация археологического материала из ранних колоний резко возросла за последние два десятилетия. Особенно интенсивен поток литературы, относящейся к западным греческим колониям⁸⁰.

⁷⁹ Sukas 1. *Riis P. J.* The North-East Sanctuary and the First Settling of Greeks in Syria and Palestine. København, 1970; Sukas 6. *Idem.* The Graeco-Phoenician Cemetery and Sanctuary at the Southern Harbour. København, 1979; *Idem.* The First Greeks in Phoenicia and their Settlement at Sukas. — *Ugaritica*, 1969, 6, p. 435—450; Sukas 2. *Ploug G.* The Aegean, Corinthian, and Eastern Greek Pottery and Terracotas. København, 1973 (см. также: ВДИ, 1978, № 1, с. 198—204).

⁸⁰ Поскольку анализ этой бесчисленной и не всегда доступной литературы уже стал уделом специального монографического исследования, ограничусь выборочным перечнем. Обширные и существенные материалы содержат труды съездов по изучению Великой Греции (*Convegno di studi sulla Magna Grecia*) и интернациональные сборники «*Dialoghi di archeologia*». Из отдельных работ назову: *Immerwahr S. A.* Mycenaean Trade and Colonisation. — *Archeology*, 1960, 13, p. 4 f.; *Will Ed.* La Grèce archaïque. — In: 2-me Conference int. d'histoire économique. P.; La Hayet., 1965, 1, p. 42—58; *Roe-buck C.* — *Ibid.*, p. 97—106; *Wasowicz A.* Plan miasta i plan zaplecza rolniczego kolonii greckiej. — *Kwart. hist. kult. mater.*, 1967, 15, s. 743—756; *Alexandrescu P.* Les importations grecques dans les bassins du Dniepr et du Boug. — *Revue archéologique*, 1975, 1, p. 63—72; *Salviat F.* La colonisation grecque dans le nord de l'Egée: céramique pariennne orientalisante. Céramic précoloniales à Thasos. — In: *Le Rayonnement des civilisations grecques et romaine sur les cultures*

В русской историографии греческой колонизацией впервые занялся выдающийся исследователь и педагог Ф. Ф. Соколов. Его «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии», выпущенные в Петербурге в 1865 г., ознаменовали собой переворот в подходе к источникам по вопросам колонизации (напомню, что книга Г. Дистервега, положившая начало критическому исследованию соответствующих источников в западной историографии, вышла в том же году). Первая глава магистерского труда Соколова была посвящена источниковедческим и методологическим проблемам. Автор выступил против наметившегося в немецкой историографии крайнего скептицизма в отношении древних источников и одновременно показал несостоятельность воззрений антикваров типа Р. Рошета, считавшего «драгоценным преданием» всякие басни о Девкалионе и т. д. Основные методологические посылки Соколова заключались в требовании «аккуратности и осторожности» исследования. Автор указал на недостатки, присущие отдельным сочинениям современных ему немецких ученых, которые «можно разделить на три главные формы: фикции догадок об исторических фактах, фикции догадок в исправлении текста древних писателей и фикции излишнего неверия и скептицизма» (с. 24—25). В третьей и четвертой главах книги Соколова разобрана легендарная и историческая традиция об основании греческих колоний в Сицилии. Передовая методика Соколова дала блестящие результаты — ряд его выводов сохранял свое значение на протяжении долгого времени. В другой работе —

péripheriques. P., 1965, p. 299—303; *Clavel-Leveque M.* Marseille grecque. Marseille, 1977; *Guzzo P. G.* Scavi a Sibari. — PP, 1973, 28, p. 278—314; *Humphreys S. C.* Il commercio in quanto motivo della colonizzazione greca dell'Italia e della Sicilia. — *Rivista storica italiana*, 1965, 77, p. 421—433; *Miller M.* The Sicilian Colonisation Dates. Albany, 1970; *Schenk von Stauffenberg A.* Trinakria: Sizilien und Grossgriechenland in archaischer und frühklassischer Zeit. München, 1963; *Sjöquist E.* Sicily and the Greeks. *Studies in the Relationship between the Indigenous Population and the Greek Colonists*. Ann Arbor, 1973; *Uggeri G.* ΚΑΗΡΟΙ arcaici e bonifica classica nella ΧΩΡΑ di Metaponto. — PP, 1969, 24, p. 51—71; *Vallet G.* La colonisation grecque en Occident. — В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук: Доклады конгресса. М., 1973, т. 1, ч. 2, с. 53—72; *Vallet G., Villard F.* Mégara Hyblaea. 2. Céramique archaïque. P., 1964; *Villard F.* La céramique grecque de Marseille (VI—IV s.). *Essai d'histoire économique*. P., 1960; *Woodhead A. G.* The Greeks in the West. L., 1962.

«Клирухии афинские» Соколов подытожил результаты предшествующих исследований и дал общую картину афинской колонизационной деятельности в VI—IV вв.⁸¹

Другой выдающийся русский эпиграфист — А. В. Никитский исследовал аргосский декрет о Кноссе и Тилиссе, рисуя отдельные стороны взаимоотношений между колониями и метрополиями⁸². Его исследование в значительной мере продвинуло вперед интерпретацию этой надписи.

Глубоко прогрессивные идеи, не вполне оцененные наукой своего времени, содержались в работах Э. фон Штерна⁸³, который первым показал огромное значение археологического материала для изучения греческой колонизации (в западной историографии, как указывалось выше, этот вопрос был поставлен лишь на исходе первой трети XX в.).

Некоторые результаты были достигнуты русскими учеными также в отношении теоретических проблем колонизации. Так, В. В. Латыщев еще в 1887 г. высказал мнение, принятое и современной наукой, о том, что главной причиной проникновения греков в Северное Причерноморье послужили их торговые интересы⁸⁴.

В концепции Р. Ю. Виппера причудливо сочетались идеи Мейера, Белоха и Пельмана⁸⁵. Автор отмечал такие черты греческой колонизации, как перманентность, смена первоначальной беспорядочности планомерностью. Гомеровских рыцарей сменили купцы и промышленники: колонии первых были преимущественно земледельческими, со вторыми преобладающая роль в колонизационном движении перешла к торговому капиталу. Аналогичной точки зрения придерживался и А. И. Тюменев: торговая колонизация идет вслед за земледельческой; первая приходится на VIII в., вторая господствует в VII в.⁸⁶

⁸¹ См.: ЖМНП, 1903, сентябрь, с. 408—431; Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910, с. 411—436.

⁸² Никитский А. В. К аргосской надписи о Кноссе и Тилиссе. — ЖМНП, 1911, июнь, с. 251—266.

⁸³ Штерн Э. Р. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. — ЗООИД, 1900, 22, с. 1—21.

⁸⁴ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 11 сл.

⁸⁵ Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху, с. 80 сл.

⁸⁶ Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Пг., 1924, 1, с. 43 сл.

Чрезвычайно обстоятельный очерк греческой колонизации был написан С. А. Жебелевым для общего курса по истории Греции ⁸⁷. По его мнению, главной причиной колонизационной активности греков был экономический переворот VIII—VII вв. Колонизация, таким образом, была обусловлена комплексом экономических и социальных причин: нуждой в земле, торговыми интересами, социальной борьбой. Жебелев целиком воспринял тезис Тиро об обезземеливании крестьянства как одном из основных мотивов колонизационного движения. Вместе с тем автор выказывал себя сторонником «торговой» теории Э. Мейера. В частности, он полагал, что государственной инициативе по выведению колоний предшествовали частные торговые предприятия ⁸⁸.

Оригинальные черты (в сочетании с отдельными идеями Мейера) свойственны концепции греческой колонизации, изложенной С. Я. Лурье в его общем курсе по истории ранней Греции ⁸⁹. По мнению автора, колонизация явилась причиной распада аристократического общественного устройства и экономического переворота, заключавшегося в подъеме сельскохозяйственного и ремесленного производства. Колонизация произвела коренные изменения также и в социальной сфере, разрушив родовые устои и выдвинув на первый план политической жизни богатей из простонародья. Она создала народоправление, уравнивая в богатстве знатных и незнатных. По мнению Лурье, на раннем этапе колонизация преследовала земледельческие цели, на смену которым пришел торговый интерес. Ряд отдельных работ Лурье был посвящен эпиграфическим памятникам, проливающим свет на греческую колонизацию.

В послевоенное время вышло исследование А. А. Исесена о греческой колонизации Северного Причерноморья (написанное в 1942 г.) ⁹⁰. Автор впервые развил тезис о двусторонности колонизационного процесса (ранее эту мысль

⁸⁷ История древней Греции. М., 1936, 1, с. 146—170. Чрезвычайно насыщенные фактическим материалом работы С. А. Жебелева по греческой колонизации Северного Причерноморья собраны в упоминавшемся сборнике «Северное Причерноморье».

⁸⁸ Эти положения были развиты Жебелевым в кн.: Древняя Греция. М., 1956, с. 112 сл.

⁸⁹ Лурье С. Я. История Греции. Л., 1940, с. 93—110.

⁹⁰ Исесен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

вскользь высказал М. И. Ростовцев)⁹¹. На основе широкого археологического материала Иессен пришел к следующим выводам. Возникновение греческих колоний в Северном Причерноморье было подготовлено предшествующими полуторатысячелетними меновыми сношениями этого региона с южными странами, в том числе и с Эгидой. Оформление скифского общества в Северном Причерноморье происходило ранее возникновения там постоянных греческих поселений. Только с переходом местного населения на высшую ступень варварства создались условия для основания и развития греческих колоний. Чрезвычайно интересная работа Иессена дала толчок последующей интенсивной разработке проблем греческой колонизации Северного Причерноморья в советской историографии⁹².

В 1949 г. был опубликован первый и единственный до сих пор обзор общей историографии древнегреческой колонизации⁹³, ссылки на который время от времени встречаются в современной литературе⁹⁴. Однако, к сожалению, содержащиеся в этом обзоре оценок не всегда достаточно объективны. Приводя отдельные цитаты⁹⁵, К. М. Колобова явно недооценивает серьезных достижений антиковедения, заключая (с. 129), что «история греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. еще не написана и все основные проблемы остаются нерешенными. Более того, решение этой проблемы еще и не начиналось» (!). Ряд теоретических соображений автора вызывает серьезные сомнения. Например, бездоказательным выглядит утверждение, что, «пока в греческих полисах путем нерегуляр-

⁹¹ Ростовцев М. И. Единство и иранство на юге России. Пг., 1918, 36 сл., 77 сл.

⁹² См. об этом: Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 7 сл.

⁹³ Колобова К. М. К истории вопроса о греческой колонизации. — ВДИ, 1949, № 2, с. 121—131. В несколько переработанном виде статья была включена в работу того же автора: Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, с. 143 сл. Помимо обзора К. М. Колобовой по общей историографии древнегреческой колонизации есть специальный обзор Х. Нойбауэра советской литературы о колонизации: Neubauer H. Die griechische Kolonisation in sowjetischer Geschichtsforschung. — Saeculum, 1960, 11, S. 132 f.

⁹⁴ Например: Лапин В. В. Указ. соч., с. 6, примеч. 1.

⁹⁵ При этом автор обзора широко оперирует цитатами из заведомо слабых работ Мичела и Жарде (о ранних работах последнего отрицательно отзывался еще А. В. Никитский. См.: Сборник статей в честь Ф. Ф. Соколова. СПб., 1905, с. 105, 139).

ного торгового обмена и пиратства не скопились достаточно большие группы привозных рабов, до тех пор, пока рабство-должничество оставалось главной базой развития рабовладения, до тех пор не могла начаться колонизационная экспансия»⁹⁶. Но ведь нам пока ничего не известно о связи рабовладения и колонизации.

Вместе с тем другие разделы книги К. М. Колобовой, в которых рассматриваются конкретные вопросы колонизации Родоса, написаны интересно и содержат весьма убедительные выводы.

В советской историографии трех послевоенных десятилетий на конкретном материале разрабатывались различные вопросы греческой колонизации, в особенности Причерноморья⁹⁷. Нет резона давать здесь анализ каждой такой работы — историографический обзор этой литературы содержится в упоминавшейся уже монографии В. В. Лапина о греческой колонизации Северного Причерноморья. Поэтому ограничусь тем, что вкратце коснусь этой книги Лапина и подробнее — работ последнего десятилетия.

В своей очень содержательной книге на материале безрезанского поселения Лапин попытался выявить некоторые общие закономерности греческого колонизационного процесса. Он пришел к выводу о том, что колонизация носила земледельческий характер. Автор отрицает теорию Иессена о двусторонности колонизационного процесса

⁹⁶ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества, с. 154

⁹⁷ См., в частности: Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — В кн.: Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л., 1956, с. 211—254; Она же. Ранние этапы греческой колонизации нижнего Побужья. — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 273—275; Гордеев В. И. Основание Фурий как опорного пункта Афин на Западе. — Труды Ленингр. библиотеч. ин-та, 1957, 2, с. 63—78; Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Он же. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 167—172; Доманский Я. В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья. — Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1965, 7, с. 116—141; Залесский Н. И. К истории этрусской колонизации Италии в VII—IV вв. до н. э. Л., 1965; Он же. К вопросу о начале этрусской колонизации Кампании. — В кн.: Античное общество, с. 33—38; Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний в V в. до н. э. — ВДИ, 1969, № 2, с. 3—19; Циркин Ю. Б. К вопросу о родосской колонизации в Испании и Галлии. — ВДИ, 1970, № 1, с. 86—92.

и отмечает ненаселенность Северного Причерноморья в эпоху основания ранних колоний. Исследование археологического материала позволило ему утверждать, что в социальном отношении переселенческая масса состояла из трудовых и неимущих слоев. Раскопки в ольвийском регионе показывают, что наряду с городами в процессе колонизации быстро возникали сельскохозяйственные поселения в хоре. Хотя с рядом положений Лапина трудно согласиться (например, оценка Перезани как чисто аграрного поселения), его книга, бесспорно, является значительным вкладом в отечественную историографию греческой колонизации Северного Причерноморья. Основные выводы монографии В. В. Лапина во многом были приняты в последующей литературе.

Серьезным стимулом к расширению исследований по древнегреческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья стал первый Цхалтубский симпозиум 1977 г. Ряд авторов представил интересные работы, и опубликование трудов этого симпозиума является большой заслугой грузинских ученых⁹⁸.

В дискуссионной работе «Некоторые проблемы греческой колонизации» И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов, дав краткую историографическую справку о концепциях торговой (Э. Мейер) и аграрной (Ю. Белох) колонизации и подчеркнув важность понятийно-терминологического аппарата, предлагают свою систему «колонизационной» терминологии. Они разъясняют такие термины, как «колонизация», «колония», «доколонизационные связи», «фактория», «пригород», устанавливают понятия «полис-хора», «контактные зоны». Затем следует беглое изложение современных концепций греческой колонизации. Перечислив точки зрения советских исследователей, занимавшихся вопросами колонизации, авторы доклада отмечают, что в последние десятилетия ряд зарубежных ученых пришел к выводу, что процесс колонизации нельзя рассматривать как однозначное явление. «Предполагается, что характер колонизации зависел от целого комплекса конкретных исторических ситуаций как в центрах колонизации — метрополиях, так и в районах, куда эта колонизация была направлена» (с. 35). Далее рассматриваются узловые вопросы колонизационного движения: ситуации

⁹⁸ Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

в районах колонизации, доколонизационные связи, контактные зоны, понтийская колонизация.

Что касается первого вопроса, то здесь все большее внимание привлекают демографические ситуации: «густота и характер заселения территории, общественная организация данного конкретного общества, уровень его социально-экономического развития, политическая организация и т. д.» (с. 36). В зонах с многочисленным оседлым населением и высоким уровнем социальной организации греческие колонисты сталкивались либо с противодействием, либо с содействием. В районах с нестабильным кочевым населением колонисты получали «большую свободу выбора при определении экономического характера колонии и ее территориальной организации» (с. 37). Только при изучении каждой конкретной ситуации в каждом конкретном случае, заключают авторы, «можно будет правильно понять конкретные цели колонизации и попытаться определить изначальный характер той или иной колонии» (с. 37). По гипотезе Ж. Вале, в зависимости от конкретных географических и демографических ситуаций в районах колонизации ее целью могло быть либо создание «колоний для заселения», либо торговых колоний.

К вопросу о доколонизационных связях авторы относятся довольно скептически. Они указывают, что при изучении западной колонизации большинство исследователей сейчас приходит к отрицательным выводам в отношении доколонизационных связей. Исходя из своего определения доколонизационной торговли — «связи, которые непосредственно предшествовали появлению на данной территории первых колоний» (с. 33), авторы утверждают, что в Северном Причерноморье такой торговли не существовало. Они признают предлагаемое Э. Вилем понятие «доколонизационные плаванья» более удачным, нежели «доколонизационная торговля».

Относительно контактных зон авторы высказывают мнение, что в колонизованных районах всегда создаются системы полис-хора (за исключением факторий на варварских поселениях), и это на территории расселения варварских обществ с момента основания полиса приводит к образованию контактных зон, в которых создаются новые ситуации, например, разложение прежних социально-экономических отношений и образование новых в варварских обществах, а в самих греческих колониях —

к появлению новых форм эксплуатации, этническому смешению, новым связям и т. д.

В заключение И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов иллюстрируют ряд изложенных ими положений на примере различных зон греческой колонизации Причерноморья.

Следует отметить полезный информационный характер рассматриваемой статьи, кратко вводящей читателя в круг теоретической проблематики греческой колонизации. Благодаря этому советский читатель смог ознакомиться с отдельными положениями работ Ж. Вале, Э. Лепоре, А. Дж. Грэйзма, Э. Вилия и других зарубежных исследователей. Основной недостаток данной работы — обильные *loci communes*, слегка прикрытые современной терминологией, такой, как контактные зоны, колонизационные модели, демографические или палеографические ситуации, система полис — хора, пограничная зона и т. д. Бедна фактологическая база — вся статья содержит лишь отдельные ссылки на археологические данные да несколько ссылок на древних авторов, чего, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы трактуемые положения обрели доказательную силу, чтобы изложение стало тканью живого исторического исследования.

Излишним представляется терминологический раздел. К примеру, вряд ли обогатит теорию колонизации определение пригорода, под которым предлагается понимать «только часть городского поселения, расположенную за пределами его оборонительных сооружений и непосредственно прилегающую к ним» (с. 32). Заслуживающий специального рассмотрения термин «колония» [«условный термин, объединяющий все виды и типы поселений, основанных греками на новых землях. В это понятие мы включаем как те поселения, которые именуются современными исследователями полисами с момента их возникновения, так и те, которые обозначаются как эмпории, торговые фактории, рыболовецкие станции, клерухии и т. д.» (с. 32)] трактован в неприемлемо расширительном плане: нельзя ведь всерьез ставить на одну доску полис и рыболовецкую станцию.

Серьезное упущение содержит историографический раздел — формирование аграрной теории колонизации обязано не столько Ю. Белоху, сколько Полю Гиро, исследование которого «Земельная собственность в Греции», как указывалось выше, вышло в 1893 г. одновременно с «Историей Греции» Ю. Белоха и вторым томом «Истории

древности» Э. Мейера. Основная мысль статьи в целом: «Таким образом, на современном уровне знаний греческая колонизация понимается как сложный процесс, который не может быть объяснен ни аграрной, ни торговой теориями колонизации. Более того, и стимулы этого процесса не могут быть сведены только к аграрным и торговым факторам» (с. 43—44) — фигурировала, как мы видели, еще полвека назад у Ж. Тутэна.

Подытоживая сказанное, отмечу, что в целом статья сыграет положительную роль в ознакомлении советских антиковедов с современной проблематикой изучения греческой колонизации.

Наибольшая часть статей сборника посвящена греческой колонизации Северного Причерноморья, причем основное внимание уделено исследованию греческой колонизации ольвийско-березанского региона. Активные исследования Березани, Ольвии и ее хоры, предпринятые в послевоенное время археологическими экспедициями ЛОИА, Института археологии АН УССР и Эрмитажа, привели к накоплению известной суммы фактов, относящихся к архаическому периоду развития данного региона. Эти археологические данные, однако, количественно еще недостаточны, а по содержанию неоднозначны, что и повлекло за собой построение различных, иногда полярных моделей греческой колонизации ольвийского региона, представленных в работах Л. В. Копейкиной, В. М. Отрешко и других исследователей. Так, если Л. В. Копейкина предполагает раннее активное развитие торговых функций Березани и Ольвии, то П. А. Мейпунская относит их в Ольвии к рубежу VI—V вв.; возникновение каменного домостроительства здесь Л. В. Копейкина датирует серединой VI в., а С. Д. Крыжицкий — началом V в. Тем не менее построение различных моделей исторического развития ольвийско-березанского региона в архаическую эпоху на основе одних и тех же, но трактуемых неоднозначно археологических данных представляется необходимым, поскольку в дальнейшем, с накоплением археологических и эпиграфических источников, картина греческой колонизации здесь уточнится в ту или иную сторону.

Наиболее полная характеристика исторического развития ольвийско-березанского региона в VII—VI вв. до н. э. дана в работе Л. В. Копейкиной «Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колониза-

ционного процесса». По ее мнению, дата основания Борисфениды — 645 г. у Евсевия — относится к Березанскому поселению, поскольку согласуется с археологическими материалами, самые ранние из которых приходятся на вторую четверть VII в.⁹⁹ Причины основания Березанского поселения кроются во внешнеполитическом положении Милета, хора которого подвергалась в VII в. нашествиям лидийцев¹⁰⁰. Необходимость снабжения метрополии продовольствием как раз и могла стать причиной основания Березанского поселения. С другой стороны, расположение Березанского поселения на (полу)острове у устья водных путей, ведущих в глубь хинтерланда (Днепр, Южный Буг), как и другой милетской синхронной колонии в Причерноморье — Истрии, основанной на острове у устья Дуная, указывает на торговый характер обеих колоний.

В результате своих исследований архаической керамики березанского поселения Л. В. Копейкина пришла к выводу, что так называемые «родосско-ионийские» сосуды происходят из Восточной Ионии, а не с Родоса. Собственно родосский импорт здесь очень незначителен, и это элиминирует тезис К. М. Колобовой и С. И. Капошиной о родосской колонизации и тем более о конкуренции родосской и милетской колонизации в Северном Причерноморье¹⁰¹.

По мнению Л. В. Копейкиной, березанско-ольвийский регион в своем развитии на протяжении VII—VI вв. про-

⁹⁹ Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика «ориентализирующей» группы из раскопок на острове Березань. — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock*. 19. Jahrgang. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reiche, 1970, 8, S. 559—564. Она же. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань. — *СА*, 1973, 2, с. 240—244; К сожалению, на симпозиуме не состоялся исключительно интересный по материалу доклад П. О. Карышковского и В. В. Лашина «Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г.». Клад был найден в слое VII—первой половины VI в. в небольшом ионийско-родосском расписном кувшинчике VI в. и включал золотые ювелирные изделия (пара серег, две подвески, бусина), а также 4 архаические монеты ионийской чеканки (Милет, возможно Эрифры): статер приблизительно последней трети VII в. и три тригты первых десятилетий VI в. (Проблемы греческой колонизации... , с. 105).

¹⁰⁰ *Идт.*, I, 14—22.

¹⁰¹ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества, с. 164; Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, с. 233—234.

шел три этапа: 1) вторая половина VII—начало VI в.; 2) первая половина VI в.; 3) середина VI—начало V в. до н. э. К первому периоду относится основание Березанского поселения, характеризовавшегося жилищами в виде землянок, полужемлянок и количественно небольшим импортом керамики. Слой VII в. в силу интенсивного обживания острова в античное и средневекое время пока не найден. На второй период приходится керамический импорт, указывающий на экономический расцвет поселения. Домостроительство остается земляночным и полужемляночным. Территория поселения достигает наибольшего территориального распространения. К рубежу VII—VI вв. относится основание Милетом ряда поселений в Причерноморье — Ольвии, Пантикапея, Аполлонии, что указывает на рост милетской колонизации берегов Понта Евксинского. Третий период характеризуется новым качественным скачком: керамический импорт уменьшается сравнительно с первой половиной VI в., но происходит интенсивное образование сельских поселений в Нижнем Побужье и на берегах Березанского лимана. На Березани и в Ольвии наблюдается развитие каменного домостроительства, появляются участки с регулярной планировкой. Все это, по мнению Л. В. Копейкиной, свидетельствует о широком притоке новых поселенцев, о наличии большого количества рабочей силы. Бурный расцвет Березанского поселения был кратковременным — уже в начале V в. до н. э. его территория резко сокращается. Наиболее важные его функции торгово-транзитного центра переходят к Ольвии.

Концепция Л. В. Копейкиной основана на глубоком изучении керамического импорта и строительных остатков архаической Березани и Ольвии, она построена на широком фоне милетской колонизации Причерноморья в целом и безусловно сыграет большую роль в дальнейшем осмыслении процесса исторического развития рассматриваемого региона. Вместе с тем — и это естественно — отдельные моменты ее модели требуют уточнения, в первую очередь хронология каменного домостроительства. Тезис о широком притоке новых колонистов, приведшем к образованию нескольких десятков сельскохозяйственных поселений в Нижнем Побужье, по существу правильный, представляется односторонним, поскольку не учитывает в полной мере возможностей экономического роста собственно Березанского поселения.

Широкое вовлечение туземного населения в аграрно-ремесленную деятельность Березанского полиса очень хорошо продемонстрировано в работе К. К. Марченко «Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.»¹⁰² Лепная керамика VI в. из Ольвии, Березани и многочисленных сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья, по мнению К. К. Марченко, свидетельствует о вовлеченности в экономическую деятельность греков Березанско-ольвийского региона, фракийцев из Заднестровья, туземного населения степи и лесостепи¹⁰³. Преобладание лепной керамики из лесостепи указывает на преимущественно лесостепной источник поступления рабочей силы для сельскохозяйственной деятельности аграрных поселений Побужья. По справедливому заключению К. К. Марченко, в процессе освоения экономического потенциала района греки Нижнего Побужья создали слой экономически и политически зависимого населения, проживавшего по преимуществу на поселениях ольвийской хоры. В этно-культурном отношении этот слой не представлял однородного образования и являлся искусственным объединением представителей различных районов хинтерланда — главным образом жителей Карпато-Дунайского бассейна и лесостепной зоны Северного Причерноморья. В первой половине V в. скифы-кочевники прервали каналы поступления туземных элементов сюда. По заключению К. К. Марченко, произошла быстрая трансформация этнического состава, и с середины V в. по вторую половину IV в. пополнение туземной прослойки в греческих аграрных поселениях шло в основном за счет жителей степи и лишь отчасти лесостепи.

Данные К. К. Марченко, на мой взгляд, позволяют думать о значительном туземном источнике рабочей силы для аграрно-ремесленного освоения хоры березанско-ольвийского полиса. Приток новых греческих колонистов на

¹⁰² Проблемы греческой колонизации... с. 130—138.

¹⁰³ Замечу, что лепная керамика на Березани и в других греческих центрах Северного Причерноморья, относящаяся к первым десятилетиям их существования, могла быть принесена туземками: переселенцы обычно отправлялись без женщин (ср.: *Hdt.*, I, 146); поскольку основную их массу составляла молодежь (*Hdt.*, IV, 150, 153; *Just.*, XVIII, 4, 2., *Plut.*, *Mor.*, 298—299a; *Paus.*, VIII, 3, 5 и т. д.), то она добывала себе жен на новом месте жительства из окрестной туземной среды.

протяжении VI в. также был значителен, он стимулировал рост экономического потенциала березанско-ольвийского полиса и влиял на количественную и качественную сторону процесса местного исторического развития. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что при высоком уровне грамотности греческого населения Березани и Ольвии в VI в., о котором свидетельствует массовый материал — граффити, в первую очередь имена и сокращения имен собственников на донцах сосудов, надписи подобного рода встречаются гораздо реже в этих сельскохозяйственных поселениях VI в.

Интересна также работа В. М. Отрешко «К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху» (с. 151—158). Представляется очень перспективной примененная автором методика исследования археологического материала. Он показал, что в первой половине VI в. в процессе экономического освоения Нижнего Побужья выделились две зоны: 1) район очаковой степи с преимущественным развитием земледелия и скотоводства и 2) Кинбурнский полуостров, служивший сырьевой базой и центром ремесленного производства.

В рассматриваемом сборнике трудов первого Цхалтубского симпозиума ряд работ посвящен греческой колонизации Колхиды. Здесь в советской историографии наметились две полярные точки зрения. Одна группа ученых — А. И. Болтунова, Ю. И. Воронов, Г. А. Лордкипанидзе, Г. К. Шамба и в какой-то степени Г. Ф. Дундуа — признает, что процесс греческой колонизации Колхиды привел к образованию эллинских полисов (по меньшей мере одного-двух — Фасиса и Диоскуриады). Другая группа — Ю. И. Ломоури, О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе и примкнувшие к ним в той или иной степени Т. С. Каухчишвили, Г. Т. Квирквелия — отрицает возможность образования в Колхиде самостоятельных греческих полисов.

В работе А. И. Болтуновой «Эллинские апойкии и местное население Колхиды» (с. 256—274) отмечается, что картина греческой колонизации Колхиды в настоящее время может быть намечена лишь в самых общих чертах, поскольку эллинские города еще не найдены, как Фасис, или не раскопаны, как Диоскуриада, а известия древних авторов о них чрезвычайно скудны. Создание греческих апойкий в Колхиде — Фасиса и Диоскуриады —

осуществлялось в соответствии с общегреческой колони-
зационной практикой, т. е. в форме основания полисов.
Местное земледельческое население жило еще родовым
строем, и колхи в VI в. были подчинены ахеменидской
Персии. Уже на первом этапе существования греческих
городов количество земледельческих поселений абориге-
нов вокруг них увеличивается, местное население интен-
сивно включается в хозяйственную жизнь греческих по-
лисов. Торговые связи эллинов затрагивали не только
окрестное население, но и хинтерланд; зародилось и раз-
вивалось денежное обращение. В среде местного населе-
ния, которое к исходу V в. до н. э. уже было свободно от
власти персов, происходил ускоренный процесс имуще-
ственной и социальной дифференциации. Экономический и
культурный расцвет эллинских полисов на территории
Колхиды приходится на IV—II вв. до н. э.

Г. А. Лордкипанидзе в исследовании «О характере
колхо-греческих взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э.»
(с. 322—326) отметил, что греческие ремесленные изде-
лия поступают в Колхиду с самого начала VI в., причем
во второй половине столетия, с основанием здесь гречес-
ких городов, объем поставок греческой ремесленной и
сельскохозяйственной продукции резко возрастает. В ре-
зультате мирных греко-колхских отношений в конце VI в.
в Фасисе возникла местная монетная система. Некоторые
монетные номиналы с изображением лежащего льва или
его головы свидетельствуют о тесной связи с Милетом,
что подтверждает указание античных авторов на основа-
ние Фасиса этим городом. О том же свидетельствуют до-
шедший до нас фрагмент из фасисской Политии и наличие
здесь храма Аполлона Предводителя (граффито из кур-
гана у Зубовского хутора).

Греческие приморские города осуществляли активные
экономические и культурные связи с колхскими центрами
хинтерланда. Так, по данным М. Лордкипанидзе, пред-
полагается, что в Вани в V в. до н. э. существовала мас-
терская по изготовлению гемм, перстней-печатей, в ко-
торой работали ионийцы. Вероятно, греческие мастера
участвовали в строительстве колхского храма в районе
Сачхере, где была найдена дорическая капитель. С пер-
вой половины V в. в глубь страны распространяется и
греческая письменность. Исследование могильника в Пич-
внари позволяет предполагать наличие здесь с V в. гре-
ческого полиса, жителями которого были выходцы из

Афин; впрочем, лишь дальнейшие исследования могут показать, была ли здесь апойкия или только эмпорий. У Г. А. Лордкипанидзе не вызывает возражения тезис о своеобразии путей колонизации в Восточном Причерноморье, но имеющийся материал не позволяет отрицать наличие греческих полисов в прибрежной Колхиде.

Взгляды ученых второй группы, отстаивающих тезис об очень высоком уровне развития Колхиды в раннеантичное время, что делало невозможным образование здесь греческих полисов, наиболее полно отразились в работе О. Д. Лордкипанидзе «К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды)» (с. 187—256), изданной также отдельной книгой¹⁰⁴.

Материалы второго Цхалтубского симпозиума (1979 г.) по теме «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации» были столь же содержательны, как и материалы первого симпозиума^{104а}.

Заключая краткий историографический обзор зарубежной и отечественной литературы, прежде всего следует отметить длительный и поступательный характер эволюции наших знаний о сущности и ходе древнегреческой колонизации. На мой взгляд, было бы излишне вдаваться в детальную критику тех или иных положений, гипотез и теорий упомянутых выше исследователей, поскольку, как правило, они отвергались или получали подтверждение в последующих трудах. Я убежден, что ни одна из упомянутых работ (за исключением откровенно ненаучных) не должна быть отброшена — все они сохраняют историографический интерес, все они, каждая в своем роде и степени, способствовали приближению к истине наших представлений о греческой колонизации. В противоречивости суждений и борьбе мнений постепенно выкристаллизовывались современные методы исследования и, можно сказать, современные взгляды на суть древнегреческой колонизации.

В результате длительного изучения древнегреческой колонизации было установлено, что она явилась следствием глубинных социально-экономических процессов, происходивших в греческом обществе. Колонизация была постоянным фактором истории греческого народа. В эво-

¹⁰⁴ Тбилиси, 1977. Подробно о ней см. ниже, с. 247 сл.

^{104а} Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.

люции колониационного движения можно наметить следующие этапы: 1) колонизация микенской, субмикенской и раннеархаической эпох, завершившаяся прочным освоением западного побережья Малой Азии и островной Эгеиды; 2) колонизация архаической поры (начало VIII—конец VI в.), подразделяющаяся на два периода, грань между которыми приходится на вторую половину VII—середину VI в.; 3) колонизация классической поры (с начала V в. до последней трети IV в.); характеризующаяся прежде всего экспансионистскими устремлениями Афин, Спарты и Коринфа; 4) эллинистическая колонизация (последняя треть IV в.—середина II в. до н. э.).

Современные представления о колонизации архаической поры, которая была предметом проведенного выше историографического обзора, на мой взгляд, вкратце могут быть суммированы в следующем виде. На протяжении архаического периода развитие экономических и социальных отношений в греческом обществе прошло две фазы. В первой фазе в экономике целиком доминировало сельскохозяйственное производство; торговля играла очень незначительную роль, поскольку ремесло находилось еще в неразвитом состоянии. К началу колониационного движения в собственно Греции еще не существовало городов как экономических центров — были полисы, объединявшие деревенские общины. Вместе с тем в ряде областей (Эвбея, Иония, Коринф и др.) на протяжении VIII в. развивалась городская жизнь, что сопровождалось ростом населения. К середине VIII в. были основаны первые греческие колонии на Востоке (Аль-Мина) и Западе (Шитекуссы), снабжавшие Грецию сырьем для развивающегося ремесла, прежде всего для производства оружия. Интенсивные контакты с Востоком ускорили складывание собственно греческой цивилизации архаической поры.

Колонизация была прежде всего демографической проблемой. Ее определяющими факторами были, во-первых, несоответствие между наличными производительными ресурсами страны и численностью населения в целом, а во-вторых, неадекватность их распределения в пересчете на душу населения. Процесс смены аристократического строя олигархическим повлек за собой перемены в составе землевладельцев. Одним из результатов этого процесса было массовое обезземеливание части как аристократии, так и рядового крестьянства, вызванное

также разрушением родовой собственности, с одной стороны, и, с другой — наследственной парцелляцией родовых участков. Массы обезземеленного крестьянства составили основной контингент колонистов, искавших за пределами отечества плодородные края. Уход в колонисты мог быть вызван также различными политическими и стихийными обстоятельствами.

Предварительное знакомство с новыми землями имело место в результате предприятий отдельных лиц, торговавших предметами роскоши с туземным населением. Размах переселенческого движения, освоение колонистами плодородных земель и установление экономических контактов с туземным миром дали толчок быстрому экономическому подъему колоний. В новых городах стало развиваться широкое производство массовых товаров, предназначавшихся для торговли с туземцами и удовлетворения внутреннего спроса. Таким образом, аграрная фаза колонизации вызвала увеличение промышленного производства, сопровождавшееся широким развитием торговли, в первую очередь морской. К этому времени оформились в качестве крупных экономических центров ряд городов собственно Греции — Коринф, Милет, Халкида, Эритрея и др. При этом в их становлении немалую роль играли экономические связи со своими колониями. Коммерческие контакты между ранними колониями и их метрополиями способствовали возникновению ряда позднейших торговых путей.

Расширение колонизационной деятельности греческих торговых городов, в числе которых были и наиболее развитые колонии, ознаменовало собой начало второй фазы колонизации архаического периода (примерно вторая половина VII—конец VI в.). С началом второй фазы греческая экономика вследствие развития внутренних ресурсов и вовлечения огромных петропнутых средств во вновь освоенных районах поднялась на качественно новую ступень. Она приобрела классический характер: производство перешло к массовой серийной продукции, что повлекло за собой широкое развитие торговли и монетно-денежного обращения. В новых условиях в силу местных обстоятельств изменялся характер колоний. По выражению Ж. Тугэна, одна колония, основанная в качестве земледельческой, могла стать торговой, другая, основанная как торговый центр, могла стать поставщиком продуктов в Грецию, третья — ремесленным центром и т. д.

Таким образом, колонизация явилась одной из существеннейших причин экономического переворота в архаической Греции, она в значительной мере повлияла на рост греческих городов. Вместе с тем она в немалой степени способствовала социально-политическому развитию Греции, разрушению родовых устоев, распаду аристократического строя, возникновению олигархических и раннедемократических полисов.

§ 2. Три направления изучения греческой колонизации

Как явствует из обзора историографии, изучение древнегреческой колонизации велось в основном по двум направлениям: 1) решение общих теоретических вопросов (характер, сущность, ход, причины, движущие силы, цели, последствия колонизации); 2) исследование частных, локальных вопросов (конкретная история колонизации той или иной местности). Однако существует еще один аспект — исследование собственно колонизационного процесса.

На протяжении двух столетий истории Великой греческой колонизации была выработана система норм и канонов во взаимоотношениях между колонией и метрополией, которую уже греки V в. до н. э. называли *καλαίως νόμος* ¹⁰⁵. Согласно этим «древним обычаям», колонисты и их потомки должны были, в частности, на общенародных празднествах воздавать метрополии «положенные почести» (*τὰ γέρεα τὰ νομιζόμενα*), при жертвоприношениях предоставлять первенство ее жителям, а при основании колонии приглашать из нее ойкиста ¹⁰⁶. Система общепринятых обычаев сложилась не только в сфере взаимоотношений между колонией и метрополией, но имела место и на предыдущих этапах — в сфере общих норм вывода и основания колоний (ср. *τὰ νομιζόμενα* у Геродота) ¹⁰⁷. Таким образом, колонизационный процесс состоит из трех последовательных стадий: выведение колонистов, основание полиса, отношения колонии с метрополией. В то время как последняя стадия подвергалась фундаментальному исследованию в упомянутых работах Я. Зайберта

¹⁰⁵ *Thuc.*, I, 24, 2.

¹⁰⁶ *Ibid.*, ср.: I, 25, 4.

¹⁰⁷ *Ibid.*, V, 42, 2.

и А. Дж. Грэйзма, предыдущие стадии колонизационного процесса изучались спорадически и в довольно небольшом объеме. По несколько страниц им уделено внимание в общем курсе по греческим государственным древностям Г. Гильберта, в статье О. Гвинна и в последней книге Ж. Бера. Общий очерк, содержащийся в известном компендиуме Г. Бузольта и Г. Свободы и по сей день является наиболее полным собранием реалий, относящихся к выводу колонистов и основанию полиса¹⁰⁸. Авторы компендиума рассматривают типологию греческих колоний (апойкия, эпойкия, клерухия) и соответствующие категории колонистов, а также обрисовали роль института ойкистов. Далее трактуются вопросы, связанные с набором колонистов и основанием ими города: раздел земли, выделение клеров и темепов, политическая организация. Вкратце характеризуется также система норм и традиций во взаимоотношениях между колониями и метрополиями. Особый раздел посвящен афинским клерухиям — он содержит материалы об их истории, органах управления, праве, культовых отправлениях.

При всей своей обстоятельности очерк Бузольта и Свободы довольно краток и, естественно, не покрывает все доступные нам источники, относящиеся к данной проблеме. Восполнить этот пробел и призвана предлагаемая работа, посвященная реконструкции системы норм и обычаев в сфере вывода колонистов и основания полиса, иначе говоря, выявлению общих и частных норм эллинской колонизационной практики.

§ 3. Значение эниграфических источников

В античных литературных и эниграфических источниках (например, *Μαγνὸν Ραγίον*) сохранились разнообразные сведения о возникновении различных городов, представляющие собой жалкие остатки большого количества сочинений древних авторов, посвященных основанию колоний¹⁰⁹. Некоторые сведения подобного рода сохра-

¹⁰⁸ Busolt G., *Swoboda II. Griechische Staatskunde*. München, 1926, 2, S. 1264—1279.

¹⁰⁹ «Многие на разные лады излагали генеалогии, мифы, историю колоний, а также родство имен и основание городов» (*Polyb.*, IX, 2. Пер. Ф. Мищенко).

нили и эпиграфические памятники¹¹⁰. Вместе с тем и в доставшемся нам скудном наследстве нелегко разобраться, поскольку выдуманное и реальное переплетены в нем настолько сильно, что зачастую нет возможности твердо отделить одно от другого. Во многих случаях исследователь целиком зависит от сведений того или иного автора, не имея возможности установить их подлинность. Можно привести в качестве примера основание Кирены. В нашем распоряжении — подробный рассказ Геродота, согласно которому голод и какие-то несчастия ферян привели к вынужденному отправлению колонии в Кирену (IV, 150 сл.). С другой стороны, по сообщению киренского историка II в. до н. э. Менекла, причиной вывода колонии в Кирену явились гражданские междоусобицы и борьба политических партий на Фере¹¹¹. Располагая этими противоречивыми данными, историк не может вынести окончательное решение о подлинности той или иной версии, т. е. вопрос в сущности остается открытым. Однако благодаря эпиграфическим данным он может быть решен положительно: существует декрет киренян, содержащий сведения об отправлении колонии с Феры, который позволяет не только прийти к определенному заключению о подлинности версии Геродота, а не Менекла, но и значительно дополняет его данные.

Этот пример показывает, насколько важны сведения эпиграфических источников для исследования различных вопросов греческой колонизации. До нашего времени сохранилось примерно два десятка более или менее пространных надписей, связанных с отправлением колонистов или основанием полиса. В силу своей документальной подлинности эти памятники должны рассматриваться в качестве основополагающих источников при изучении греческого колонизационного процесса. Здесь особенно существенно то, что подчас колонисты могли принимать участие в выработке того или иного документа. Интерпретация сведений подобных надписей, разумеется, должна сопровождаться максимально возможным привлечением свидетельств литературных источников.

Вместе с тем эпизодическое привлечение эпиграфических данных по тому или иному вопросу, имеющее

¹¹⁰ Например, киренская «стела основателей», «Паросский мрамор» и др.

¹¹¹ *Menekles*, fr. 6 Jacoby (FGII, III, A 270).

место в научной литературе, представляет собой только начальную ступень работы. Комплексное изучение возможно большего числа дошедших до нас эпиграфических источников, естественно, принесет большие плоды¹¹². При этом следует отметить, что, поскольку предлагаемая работа основана на эпиграфическом материале, исследование каждой надписи представляет собой в то же время отдельный очерк по истории вывода или основания той или иной колонии.

Итак, для того чтобы на основе надежных и достоверных данных составить детальное представление об отправлении колонистов и основании полиса как о реальном процессе, или, иначе говоря, об эллинской колонизационной практике, необходимо прежде всего систематизировать и исследовать имеющийся в нашем распоряжении эпиграфический материал. Привлекаемые документы должны также освещать по возможности единое в историческом плане явление, т. е. при отборе материала следует иметь в виду тот факт, что в период эллинизма (со времени походов Александра Македонского) характер греческого колонизационного движения существенно изменился, вследствие чего к исследованию могут быть привлечены надписи в основном доэллинистического времени. (Лишь одна привлеченная надпись — декрет иссейцев III в. до н. э. — выходит за рамки IV в. до н. э., но она очень важна для исследования нашей темы и довольно консервативна по духу своих установлений.)

В результате систематизации эпиграфического материала к реконструкции эллинской колонизационной практики были привлечены следующие надписи VII—III вв.¹¹³:

№ 1. Киренская «стела основателей».

№ 2. Локридский закон о земле.

№ 3. Декрет онунтия об эпойках, отправленных в Навпакт.

№ 4. Иссейский закон о разделе земли колонистами.

¹¹² Это можно видеть на примере тематических собраний Ф. Майера и Д. Ашерри (*Maier F. G. Griechische Mauerbauinschriften. München, 1959—1961, 1—2; Asheri D. Leggi greche sul problema dei debiti. Pisa, 1969 (=SCO, 1969, 18, p. 5—122)*).

¹¹³ В дальнейшем ссылки на эти надписи приводятся в соответствии с данными померами. Цифра после точки означает строку надписи.

Исследованию этих надписей посвящена первая часть данной работы. Остальные надписи, которые анализируются во второй части, почти все происходят из Аттики и позволяют воссоздать своеобразную картину афинской колонизационной деятельности:

№ 5. Декрет о колонии, отправлявшейся в Брею.

№ 6. Декрет о неизвестной колонии.

№ 7. Декрет о Фаселиде¹¹⁴.

№ 8. Декреты из Эрифр.

№ 9. Декрет о Милете.

№ 10. Декрет об Эретрии.

№ 11—13. Декреты о Гестиэе.

№ 14. Декрет о снаряжении колониальной экспедиции в Адриатику.

№ 15. Декрет о саламинской клерухии.

№ 16. Декрет о митилениах.

№ 17. Декрет о лемпосских клерухах.

№ 18. Декрет о пошлинах.

Исследование эпиграфического материала связано со специфическими трудностями. Во-первых, часть надписей сохранилась в довольно фрагментированном виде. Во-вторых, интерпретация отдельных мест в ряде надписей довольно затруднена ввиду лексико-синтаксической неясности текста. В-третьих, отдельные надписи (№ 1—2) включают в себя разновременные тексты. Указанные особенности привлеченного материала обусловили необходимость проведения тщательного источниковедческого анализа, предваряющего в каждом отдельном случае собственно исторический анализ. Эти же обстоятельства обусловили и форму исследования: изложение строится не по сквозному тематическому плану, а по отдельным надписям, сгруппированным в тематические отделы; тексту каждой надписи предпослана лемма; после перевода или до него следует источниковедческий раздел, на данных которого основывается интерпретация содержания текста, т. е. исторический анализ.

В процессе исследования отдельные места ряда надписей были реконструированы автором, однако исторический анализ проводился, как правило, без учета вос-

¹¹⁴ Для исследования весьма фрагментированных декретов о Гестиэе возникла необходимость привлечения ряда документов (№ 7—10), не связанных с вопросами колонизации.

становлений. При ссылках на реконструированный текст, за исключением бесспорных случаев, всегда следует иметь в виду, что его данные — это лишь один из возможных вариантов.

Прежде чем перейти к исследованию указанного материала, следует остановиться на состоянии разработки привлеченных надписей. В аспекте изучения вопросов эллипской колонизационной практики этот материал рассматривался довольно слабо, хотя в целом ему посвящено немало литературы (подробности историографического характера см. также в соответствующих главах данной работы).

«Стела основателей» (№ 1) была опубликована С. Ферри в 1925 г. в числе других новопайденных киренских надписей¹¹⁵. Издатель датировал ее IV в., связал с ферской традицией об основании Кирены и сопроводил кратким лексическим комментарием; при этом ряд крупных лакун в тексте он оставил незаполненными. Надпись вызвала большой интерес; в 1928 г. вышли сразу три работы, посвященные ее интерпретации. А. Феррабино в противоположность С. Ферри высказал мнение о том, что надпись отражает киренскую традицию¹¹⁶. Он связывал составление надписи со стремлением Кирены установить контакты со вторым Афинским морским союзом через входившую в него Феру путем возобновления старых связей со своей метрополией. А. И. Доватур высказался в пользу компромиссного характера надписи и видел в ней попытку примирения киренской и ферской традиций об основании Кирены¹¹⁷. По его мнению, текст клятвы не является аутентичным и заимствован скорее всего из какого-либо ферского исторического труда. Существенна повторная публикация надписи, осуществленная Г. Оливерио, который обследовал подлинник и заполнил все лакуны в ее тексте¹¹⁸. Свою републикацию Оливерио сопроводил обстоятельным лексико-историческим комментарием.

¹¹⁵ *Ferri S.* Alcune iscrizioni di Cirene. — *Abh. Ak. Berlin*, 1925, p. 19—24.

¹¹⁶ *Ferrabino A.* La stele dei patti. — *RF*, 1928, 56, p. 250—254.

¹¹⁷ *Доватур А. И.* Киренская клятва основателей. — *ДАН*, 1928, с. 233—236.

¹¹⁸ *Oliverio G.* Iscrizioni di Cirene. 2. La stele dei Patti. — *RF*, 1928, 56, p. 222—232. Текст Оливерио был воспроизведен в *SEG*, IX, 1, N 3.

В дальнейшем изучение надписи шло в направлении уточнения текста «клятвы основателей» и ее характера. А. Вильхельм, Л. Джеффри и Дж. Оливер предложили свои варианты восстановления текста, частично утраченного в сткк. 29—30¹¹⁹, а П. Фрэзер вновь обследовал подлинник¹²⁰. Важная вышедшая в 1960 г. обстоятельная работа А. Дж. Грэйзма, в которой были исследованы различные аспекты интерпретации текста надписи¹²¹. Путем подробного анализа лексики «клятвы основателей» Грэйзм одновременно с Л. Джеффри показал несостоятельность господствовавшего до того времени мнения об ее апокрифическом характере и по сути дела вместе с Л. Джеффри возвратил этот ценный памятник в круг исторических источников архаического времени¹²².

Локридский декрет о разделе земли и приеме эпойков (№ 2) был опубликован в 1926 г.¹²³ У. Виламовиц, внося свои эмендации в текст, дал соответствующий перевод, исследовал шрифт, орфографию и диалект надписи, сопроводив ее кратким лексическим комментарием¹²⁴. Он отметил, что дошедшая до нас бронзовая пластинка содержит лишь часть закона о приеме поселенцев и разделе пастбищ. По его мнению, текст *C* нельзя вставлять в разрыв стк. 6 надписи, как это делал Паппадакис. В том же году были опубликованы текст, перевод и краткий комментарий С. Я. Лурье к лексике надписи¹²⁵. Л. Джеффри датировала надпись последней четвертью VI в. и высказала предположение о связи этого документа с из-

¹¹⁹ Wilhelm A. Griechische Inschriften rechtlichen Inhalts. Athenai, 1951, S. 5—7; Jeffery L. H. The Pact of the First Settlers at Cyrene. — *Historia*, 1961, 10, S. 139—147; Oliver J. H. Herodotus 4. 154 and SEG, IX, 3. — GRBS, 1966, 7, p. 25—29.

¹²⁰ Frazer P. M. Berythus. 1956—1958, p. 120 сл. (мне недоступна). Его чтение было учтено Мейггсом и Льюисом, публикация которых (ML, № 5) является наилучшей из существующих.

¹²¹ Graham A. G. The Authenticity of the OPIKION, p. 94—111.

¹²² К сожалению, мне недоступна упоминавшаяся уже работа Я. Зайберта, в которой с. 9—67 посвящены «стеле основателей». Другие подробности историографического характера см. ниже, гл. I.

¹²³ Παππαδάκης N. Λοκρίδος θεσμός. — 'Αρχ. 'Εφ., 1924, σ. 119 f (номер вышел в 1926 г.). Полный свод библиографии см. у Клаффенбаха: IG, IX, pars 1, fasc. 3. B., 1968, S. 2.

¹²⁴ Wilamowitz U. Ein Siedelungsgesetz aus West-Lokris. — Sb. Ak. Berlin, 1926, S. 7—17.

¹²⁵ Luria S. Zum neugefundenen lokrischen Gesetz. — ДАН, 1927, с. 216—218.

вестным декретом опунтян об эпойках, отправленных в Навпакт¹²⁶. Текст надписи с краткими, но содержательными комментариями был помещен в ряде эпиграфических сборников¹²⁷. В ряде других работ рассматривался вопрос о локализации надписи¹²⁸.

Подробному историческому анализу содержание надписи было подвергнуто лишь в последнее время в работах К. Ватэна и Д. Ашерри¹²⁹. По мнению Ватэна, сохранившаяся надпись содержит второй закон, регулирующий последствия раздела земли, и две поправки к первому, не дошедшему до нас закону о формах раздела земель. Автор следующим образом реконструирует ход событий, связанных с выработкой сохранившегося декрета. Сначала был принят закон о разделе земли. Однако городу угрожала опасность и в число граждан была принята группа боеспособных колонистов, с поселением которых население города удвоилось. В связи с этим формы раздела земель были изменены в двух поправках. (Следует отметить, что Ватэн, как и ряд других авторов, излишне широко пользуется презумпцией о том, что всякие мероприятия полиса должны сопровождаться фиксацией соответствующих законодательных актов.) Поскольку текст дошедшего до нас декрета является достаточно цельным документом, предположение Ватэна о существовании трех законов, не подкрепленное убедительными соображениями, представляется весьма произвольным, как и усмотренная им связь между этим декретом и италийскими локрами. Интересен лексический анализ надписи, проведенный Ватэном; ряд его соображений продвинул вперед интерпретацию текста. Большое внимание он уделил также диалекту надписи, который, по его мнению, носит искусственный характер. Суждения автора по этому поводу открывают новый аспект изучения памятника.

Глубокие, подчас исчерпывающие соображения содержатся в обстоятельной работе Д. Ашерри, который пришел к следующим выводам. В начале V в. один из полисов западной Локриды предпринял раздел участков, образо-

¹²⁶ LSAG, p. 105—106.

¹²⁷ Buck, p. 255—257; IG, IX, p. 1, f. 3, p. 2—4; ML, N 13.

¹²⁸ См. ниже, с. 93.

¹²⁹ Vatin C. Le bronze Pappadakis, étude d'une loi coloniale. — BCH, 1963, 87, p. 1—19; Asheri D. Distribuzione di terre e legislazione agraria nella Locride Occidentale. — JJP, 1965, 15, p. 313—328.

ванных в четырех округах общественной земли¹³⁰. В связи с этим был издан аграрный закон, согласно которому граждане, уже владевшие «первоначальными наделами» на центральной равнине, получали также право выпаса на общественных лугах. Участки этих лугов и право выпаса на них должны были регулироваться действенным наследственным правом, обеспечивавшим их неотчуждаемость и прямое наследование от отца к сыну. Кроме того, поддерживалась инициатива частных лиц по культивации пастбищ. Проведенное распределение было признано окончательным и подлежало изменению только в случае приема эпойков. Специальное добавление к закону определяло основные правила возможного перераспределения округов, предусмотренных законом, и в первую очередь утверждалось деление пополам участков, образуемых в этих округах. Автор отмечает, что, согласно закону, право выпаса становилось привилегией, связанной с владением наследственным участком, и справедливо указывает на антидемократический характер этой меры, лишавшей остальных жителей города права пользования пастбищами. Расходясь с Апери в ряде отдельных моментов, должен отметить, что его выводы, основанные на тщательном анализе текста, служат надежной базой для дальнейших исследований памятника.

Декрет опунтия об эпойках, отправленных в Навпакт (№ 3), разрабатывается уже свыше столетия. В десятках трудов изучались язык, текстуальные апории, исторический контекст и содержание надписи¹³¹. Останавливаться на этом здесь не имеет смысла, поскольку основные выводы фундаментальных исследований Э. Мейера¹³² и Р. Майстера¹³³ известны достаточно хорошо и в значительной степени апробированы литературой нового времени.

Декрет иссейцев о разделе земли колонистами (№ 4) большой библиографией не обладает. Должному истори-

¹³⁰ Заключение о наличии четырех участков представляется довольно спорным, см. ниже, с. 88—89.

¹³¹ Полный свод библиографии см.: IG, IX, 1, 3, p. 91.

¹³² Meyer E. Drei lokrische Gesetze. 1. Gesetz über eine Kolonie nach Naupaktos. Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1892, 1, S. 291—305.

¹³³ Meister R. Das Kolonialrecht von Naupaktos. — Berichte der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. 1895, 47, S. 272—333.

чешскому анализу этот декрет как источник для изучения раздела земли колонистами еще не подвергался (частичный исторический анализ содержания надписи провел П. Лисичар, но его интересовали главным образом вопросы развития иллирийского общества)¹³⁴.

Парадоксально, но не многим лучше дело обстоит и с афинским декретом о колонии, отправлявшейся в Брею (№ 5). Давно вошедший во всевозможные хрестоматии и сборники, этот документ исследовался главным образом в плане определения места и времени вывода колонии. В то же время детальный исторический анализ содержания этой надписи в литературе еще не дан¹³⁵.

Декреты о неизвестной колонии (№ 6) и поплипах (№ 18) вообще оставались до сих пор вне поля зрения исследователей.

Афинские декреты о Гестиэе (№ 11—13) в силу своей фрагментарности привлекались к исследованию в незначительной мере. Исключение составляют работы Ф. Ф. Соколова, реконструировавшего в общих чертах содержание текста¹³⁶, и М. Кэри, более подробно разобравшего эти документы¹³⁷. К сожалению, Кэри широко пользовался реконструкцией Хиллера фон Гертрингена и своими восстановлениями, в силу чего эта статья представляется устаревшей и ее выводы по большей части не могут быть приняты.

Декрет о снаряжении колониальной экспедиции в Адриатику (№ 14) изучен достаточно хорошо как в текстуальном¹³⁸, так и в историческом плане¹³⁹. К сожалению, в интересующем нас аспекте этот декрет предоставляет довольно скудные данные.

Обширна литература, посвященная саламинскому декрету (№ 15). Одно из первых исследований принадлежит У. Келеру, который проследил историю афинской клерухии на Саламине и предложил ряд своих восстановлений

¹³⁴ *Lisičar P.* Crna Korkira. Skopje. 1951, s. 94 sq. Отдельные замечания по вопросу об отчуждаемости земли на Черной Кerkire содержатся в статье: *Finley M. I.* The Alienability of Land in Ancient Greece: a Point of View. — *Eirene*, 1968, 7, p. 27—32.

¹³⁵ Наиболее содержательный, но слишком краткий анализ можно найти у Ф. Ф. Соколова (Клерухии афинские, с. 427—429).

¹³⁶ *Соколов Ф. Ф.* Клерухии афинские, с. 425—427.

¹³⁷ *Cary M.* Athens and Hestiaeae. — *JHS*, 1925, 45, p. 243 f.

¹³⁸ См.: *Tod*, 2, p. 284—286.

¹³⁹ *Жебелев С. А.* Афинская колония на Адриатике. — *ДАН*, 1930, с. 59—65.

утраченных частей надписи¹⁴⁰. В дальнейшем П. Фукар¹⁴¹ и Г. Липсиус¹⁴² предложили свои варианты реконструкции текста декрета. А. Вильхельм¹⁴³ и В. Юдейх¹⁴⁴ полагали, что надпись имеет в виду не столько афинских клеруков, сколько местное население Саламина, вовлеченное в орбиту афинского государства. Новая община составлялась из афинских клеруков и саламинских жителей; те и другие должны были уплачивать подати в афинскую казну и служить в афинском войске. Свои участки саламинцы не должны были сдавать в аренду.

Следующий этап изучения надписи связан с трудами С. Я. Лурье¹⁴⁵. Согласно его реконструкции текста, которую он последовательно отстаивал на протяжении долгого периода времени, саламинские клеруки обязаны были проживать на острове; сдача участков в аренду возвращалась, за исключением того случая, когда они оказывались не в состоянии исполнять свои гражданские и военные повинности. Запрещение клерухам сдавать землю в аренду, как указывал Лурье, имело в виду не военные цели (постоянное присутствие клеруха на острове при своем воинском подразделении), а интересы мелкого крестьянства. Такая политика была характерна для Писистрата, ко времени которого Лурье и относил надпись.

В результате дальнейших исследований были уточнены некоторые традиционные и открыты новые аспекты ре-

¹⁴⁰ Köhler U. Attischer Volkbeschluss aus dem sechsten Jahrhundert. — AM, 1884, 9, S. 117—126.

¹⁴¹ Foucart P. Décret athénien du VIme siècle. — BCH, 1888, 12, p. 1—8.

¹⁴² Lipsius H. Zum ältesten attischen Volksbeschluss. — Leipziger Studien, 1890, 12, S. 221—224.

¹⁴³ Wilhelm A. Altattische Schriftdenkmäler. — AM, 1898, 23, S. 466—486.

¹⁴⁴ Judeich W. Der älteste attische Volksbeschluss. — AM, 1899, 24, S. 321—338.

¹⁴⁵ Luria S. Noch einmal das salaminische Psephisma. — ДАН, 1924, с. 134—137. См. также статью: Aegyptus, 1925, S. 311—315 (мне недоступна); Idem. Zur Rechtfertigung meiner Ergänzung von IG, I², 1. — Klio, 1926, 21, S. 68—74; Idem. Zur Frühgeschichte des griechischen Alphabets. — Kadmos, 1964, 3, S. 100—107; Он же. Древнейшие аттические надписи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937, с. 79—82; Он же. Новые эпиграфические находки в Афинах. — ВДИ, 1939, № 1, с. 157—158 и другие работы.

конструкции содержания надписи¹⁴⁶. Наилучшее представление о состоянии разработки текста декрета дает последняя публикация Р. Мейггза и Д. Льюиса (№ 14). Однако, несмотря на определенный прогресс в понимании текста надписи, ряд ключевых вопросов остается неясным. Так, определенно неизвестно, могли клерухи сдавать землю в аренду или нет (сткк. 3—4), архонт должен взимать штраф или речь идет о получении им арендной платы (сткк. 7—8)?

Афинский декрет о Митилене (№ 16) сохранился в довольно плачевном состоянии. Несмотря на усилия Ф. Дэвиса¹⁴⁷, Б. Д. Меритта¹⁴⁸ и Э. Эркслебена¹⁴⁹, данные этого декрета о клерухии на Лесбосе и по сей день остаются проблематичными, поскольку они целиком зависят от того или иного варианта восстановления. Реконструкция Меритта особенно привлекательна, однако в силу значительной утраты текста ее данные не могут быть привлечены для исторического анализа.

Афинский декрет о лемноских клерухах (№ 17) также довольно фрагментирован. Его восстановлению была посвящена статья С. Я. Лурье¹⁵⁰; по мнению автора последнего издания этого декрета — Р. Страуда, эта реконструкция во многом не соответствует сохранившемуся тексту¹⁵¹.

Такова в целом картина разработки привлекаемых надписей. Какая-либо сводная работа, посвященная интерпретации указанных надписей, отсутствует, как нет и отдельной работы по вопросам реконструкции эллинской колонизационной практики. В интересующем нас аспекте часть этих документов получила освещение в работе

¹⁴⁶ Meritt B. D. Notes on Attic Decrees. — *Hesperia*, 1941, 10, p. 301—307; Wade-Gery H. T. The Sixth-Century Athenian Decree about Salamis. — *CQ*, 1946, 40, p. 101—104; Guarducci M. L'origine e le vicende del γένος attico dei salaminii. — *RF*, 1948, 76, p. 232—237.

¹⁴⁷ Davis Ph. H. Two Attic Decrees of the Fifth Century. 1. The Cleruchy on Lesbos. — *AJA*, 1926, 30, p. 177—179.

¹⁴⁸ Meritt B. D. Athenian Covenant with Mytilene. — *AJPh*, 1954, 75, p. 359—368.

¹⁴⁹ Erxleben E. Die Kleruchien auf Euböa und Lesbos und die Methoden der attischen Herrschaft im 5. Jh. — *Klio*, 1975, 57, S. 92—100.

¹⁵⁰ Luria S. Die lemnische ἀπογραφή. — *ДАИ*, 1924, с. 130—133.

¹⁵¹ Stroud R. S. Inscriptions from the North Slope of the Acropolis. — *Hesperia*, 1971, 40, p. 168—175.

А. Грэйзма «Колония и метрополия в древней Греции». В первой части этой книги, именуемой «Акт основания», исследуются следующие вопросы: «Традиционная практика» (с. 25—28), «Роль ойкиста» (с. 29—39), «Декреты об основании» (с. 40—68). В первой главе, имеющей самое прямое отношение к теме нашего исследования, автор вкратце затронул два вопроса: о роли дельфийского оракула в колониационном движении; о клятве, которую давали друг другу колонисты и жители метрополии. Грэйзм высказался против точки зрения Ж. Дефрада о том, что Дельфийский оракул начал играть существенную роль в общегреческой жизни лишь с VI в.¹⁵², поддержав мнение В. Форреста об активной роли святилища Аполлона уже на самых первых этапах Великой греческой колонизации¹⁵³. Вопрос о клятве, даваемой колонистами, решен положительно на основе свидетельства киренской «стелы основателей». Следует заметить, что более надежные свидетельства предоставляет декрет опунтян (№ 3.11—14), поскольку соответствующие строки киренской надписи представляются неаутентичными тексту первоначального подлинного документа¹⁵⁴. Вместе с тем эта инвентаризация VI—V вв. отражает действительно существовавший обычай давать клятву при отправлении колонистов. В целом Грэйзм рассматривает сткк. 24—51 декрета как аутентичные тексту первоначального документа, который трактуется им в качестве «договора». На мой взгляд, однако, большая часть указанного текста является апокрифической, а сам документ лучше трактовать в качестве «клятвы», а не «договора» (см. ниже, с. 61—62). Скудость материала этой главы может быть объяснена единственно отмечавшейся уже неразработанностью вопроса об эллинской колониационной практике в научной литературе.

В третьей главе «Роль ойкиста» привлечен почти весь доступный материал, вследствие чего автору удалось в полной мере показать роль ойкиста как основателя города. Тем не менее трудно согласиться с его мнением о том, что власть и полномочия ойкиста Демоклида (№ 5. 8—9) были ограничены различными предписаниями декрета, такими, как избрание комиссии геономов и при-

¹⁵² Defradas J. *Thèmes de la propagande delphique*. P., 1954, p. 233 f.

¹⁵³ Forrest W. G. *Colonisation and the Rise of Delphi*, p. 160 f.

¹⁵⁴ См. ниже, с. 74—75.

существовании апойкистов. Избрание представителя от каждой филы в комиссию геономов, занимавшуюся распределением земли, было связано с тем, что по существующему обычаю земля прежде всего распределялась между филлами¹⁵⁵. Следовательно, вопросы распределения земли могли и не входить в данном случае в компетенцию ойкистов. Что же касается апойкистов, то необходимо иметь в виду, что присутствие этой коллегии в декрете обязано очень маловероятной реконструкции текста (№ 5. 4—5; в античных источниках апойкисты засвидетельствованы лишь один раз среди глосс Гесихия). На мой взгляд, Демоклиду были предоставлены самые широкие полномочия во всех вопросах, связанных с основанием колонии и созданием государственного аппарата, к чему его и обязывало звание автократора.

В четвертой главе «Декреты об основании» Грэйзм подробно рассматривает декрет опунтян; вкратце затронуты также некоторые данные иссейского и локридского законов о земле и декрета о Брее. Автор полагает, что цель декрета опунтян не состояла в регулировке отношений между колонией и метрополией, как полагали некоторые исследователи. Он справедливо указывает, что декрет регулировал взаимоотношения между Опунтом и отправленными колонистами. В спорном вопросе об интерпретации ст. 2—3 декрета Грэйзм примыкает к точке зрения Р. Майстера, с которой, однако, можно и не соглашаться¹⁵⁶. Вызывает сомнение также предположение Грэйзма о политической зависимости Павпакта от Олунта. На мой взгляд, отношения между этими городами сложились на основе полного равноправия: Опунт отправлял колонистов на помощь павпактянам не как политический гегемон, а как метрополия своим колонистам¹⁵⁷. Интересна трактовка автором рассматриваемой книги статей декрета о павпактских колонистах по вопросам наследования. Вызывает сомнение лишь его предположение о том, что доля каждого из братьев в отцовском имуществе увеличивалась в случае смерти одного из них. Оно верно лишь в том случае, если у покойного не было прямого наследника (ср. № 3. 16). В целом тем не менее нужно отметить, что предложенная

¹⁵⁵ *Hyper.*, IV, 16—17.

¹⁵⁶ См. ниже, с. 102—103.

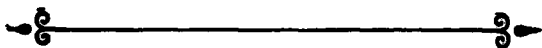
¹⁵⁷ См. ниже, с. 105—106.

Грэйэмом интерпретация представляет ряд данных декрета опунтян в новом свете.

Помимо указанных глав первой части, к теме нашего исследования примыкает также девятая глава второй части «Афины и поздние имперские колонии» (с. 166—210). В первом разделе главы, посвященном клерухиям, Грэйэм полемизирует с Хамилем и Гиннитцером, развивавшими теорию «полиса без территории», согласно которой территория выведенной государством колонии полностью принадлежит метрополии. Грэйэм справедливо указывает, что эта гипотеза верна лишь в отношении нескольких случаев. В вопросе о «колониальной» терминологии Фукидида автор полностью примыкает к точке зрения В. Эренберга, которая предполагает включение в число клерухий ряда афинских колоний, о статусе которых идет спор. Так, колония в Гестизе причислена Грэйэмом к числу клерухий, что противоречит свидетельствам Фукидида и афинских декретов о ней. Далее Грэйэм подробно рассматривает вопрос об афинских колониях V в. на Эгине, Лемносе, Имбросе, Скиросе и утверждает, что они также представляли собой клерухии.

Вторая часть главы посвящена другому типу колоний — апойкиям. Автор приходит к выводу о том, что некоторые метрополии, как, например, Синопа, в V в. стали устанавливать свой контроль над колониями. Наиболее яркое выражение такая политика получила в отношениях между Афинами и их колониями.

Таковы основные положения прекрасной в целом работы А. Грэйэма, имеющие прямое отношение к поставленным в нашем исследовании вопросам. Отдельные соображения других ученых, касающиеся проблем афинской колонизации (например, В. Эренберга, авторов ATL) разобраны в четвертой главе данной книги.

ЭЛЛИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава I

ОТПРАВЛЕНИЕ КОЛОНИИ В КИРЕНУ

(по данным «стелы основателей») (№ 1)

§ 1. Текст и перевод надписи

Этот чрезвычайно интересный документ был найден, впервые прочтен и опубликован Сильвио Ферри¹. Надпись вырезана на мраморной прямоугольной стеле (ныне находится в музее Кирены). Верхняя и средняя часть лицевой стороны довольно сильно сглажена, так что текст поддается чтению с трудом; в некоторых местах имеются незначительные лакуны. Текст надписи разделен составителями на две части, озаглавленные большими по размерам буквами в сткк. 1 и 23. По палеографическим признакам памятник датируется первой половиной IV в.²

Надпись состоит из двух частей. Первая содержит предложения киренянина Дамида насчет предоставления гражданских прав группе ферян (сткк. 2—11) и постановление киренян, утверждающее эти предложения (сткк. 11—22). Вторую часть (сткк. 23—51) составляет «клятва основателей», в соответствии с которой народное собрание приняло ферян в число граждан своего полиса. Необходимо отметить, что выражение *ὅρκιον ποιῆσαι* (в медиальном значении) означает как акт произнесения клятвы, так и

¹ *Ferri S. Alcune iscrizioni di Cirene*, p. 19—24.

² Ср. соображения исторического плана в работах: *Ferrabino A. La stele dei patti*, p. 253—254; *Жебелев С. А. Северное Причерноморье*, с. 41, примеч. 1.

скрепленные клятвой обязательства³. Термин ὄρκιον исследуемой надписи некоторые ученые переводят как «договор»⁴, что возможно, однако его более точное значение здесь — «клятва». Дело в том, что в надписи различаются ὄρκος ферян и ὄρκιον основателей Кирены (сткк. 14, 18); когда имеется в виду и то и другое, употребляется множественное число ὄρκια (сткк. 9, 40, 47, 49). Колописты и феряне давали друг другу клятву, возможно, не идентичного содержания; ср., с одной стороны: «пусть все феряне, поселяющиеся в Кирене, принесут клятву, которой и остальные (подразумевается — феряне) некогда клялись», где значение «договор» невозможно (сткк. 13—15), и, с другой: «Написать на стеле и клятву, которую дали основатели, приплывшие в Ливийскую Кирену», где выражение ὄρκιον... ἐποίησαντο определенно означает не «договор», а «клятву», поскольку указывается действие лишь одной из сторон. В связи с этим заголовок второй части надписи перевожу как «Клятва основателей» (сткк. 23), под чем, естественно, подразумеваются также «клятвенные обязательства».

Θεός.   τύχα ἀγαθή.

Δᾶμις Βαθυκλεῦς ἦπε· περὶ ὧν λέγοντι τοῖς Θηραίο[ι]
Κλευδάμας Εὐθυκλεῦς, ὅπως ἂ πόλις ὀρθῶται καὶ ὁ δ[ι]ά-
μος εὐτυχῇ ὁ Κυραναίων, ἀποδόμεν τοῖς Θηραίοις τ-
⁵ αμ πολιτήιαν κατὰ τὰ πάτρια, τὰ οἱ πρόγονοι ἐποιήσαν-
το, οἳ τε Κυράναγ κα[τ'ὴ]ν ἰκίξαν Θήραδε καὶ οἱ ἐν Θήραι [μέ]-
νοντες, καθὼς Ἀπόλλων ἔδωκε Βάττωι καὶ τοῖς Θηρ[αί]-
οις τοῖς κατοικίεσσι Κυράναν εὐτυχὲν ἐμμένοντας το[ῖς]
ὀρκίοις, τὰ οἱ πρόγονοι ἐποιήσαντο αὐτοῖ ποτ' αὐτός, ὅκα
¹⁰ τὰν ἀποικίαν ἀπέστειλλον κατὰ τὴν ἐπίταξιν τῷ Ἀπό[λ]-
λωνος τῷ Ἀρχαγέτα· ἀγαθὰί τόαυτί, δεδόχθαι τῷ δάμω[ι],
καταμείναι Θηραίοις ἴσαμ πολιτήιαν καὶ ἐγ Κυράναι κα[τ']

³ См.: LSJ, s. v. *ἄρχων*, II, 1; Доватур А. И. Присяга афинских архонтов. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 118.

* Например: *Graham A. J.* The Authenticity of the OPKION, p. 103—104.

⁵ *Oliverio G.* *Iscrizioni di Cirene*, p. 224—225; *Frazer P. M.* *Berythus*, p. 120 f.

τὰ αὐτά· ποιεῖσθαι δὲ πάντα Θηραῖους τὸς ἐπιδημέ[ον]-
 τας ἐγ Κυράναι τὸν αὐτὸν ὄρκον ὅπερ τοῖ ἄλλοι ποτ-
 15 ἔ διώρκωσαν· καὶ καταστᾶμεν ἐς φυλὰν καὶ πάτρην ἐς θε-
 ἐννῆα ἑταιρίῃας. καταγράφειν δὲ τὸδε τὸ ψάφισμα ἐν στάλ[αν]
 λυγδίναν, θέμεν τὰν στάλαν ἐς τὸ ἱερὸν πατρῷον τῷ
 Ἀπόλλωνος τῷ Πυθίῳ, καταγράφειν καὶ τὸ ὄρκιον ἐς τὰν στάλ[αν],
 τὸ οἱ οἰκιστῆρες ἐποιήσαντο καταπλεύσαντες Λιβύανδε [σὺ]-
 20 μ Βάττωι Θήραθεν Κυράνανδε. τὸ κα ἀνάλομα τὸ δέησι ἐς τὸν λ-
 ἄον ἢ ἐς τὰν καταγραφάν οἱ ἐπιστάντες ἐπὶ τὸς ἀπολόγους [κο]-
 μισάσθων ἀπὸ τῶν Ἀπόλλωνος προσόδων. vacat
 Ὅρκιον τῶν οἰκιστῆρων.
 [ἐ]δοξε ταῖ ἐκκλησίαι· ἐπεὶ Ἀπόλλων αὐτομάτιξεν Β[άτ]-
 25 τωι καὶ Θηραίοις ἀποικίξαι Κυράναν, ὁριστὸν δοκεῖ Θη[ραί]-
 [ο]ις ἀποπέμπεν ἐς τὰν [Λιβύ]αν Βάττωι μὲν ἀρχαγέτα[ν]
 [τ]ε καὶ βασιλῆα, ἑταίρους δὲ τοὺς Θηραῖους πλὴν· ἐπὶ ταῖ ἴσα[ι] κ-
 αὶ ταῖ ὁμοίαι πλὴν κατὰ τὸν ὄρκον, οὐδὲν δὲ ἓνα καταλ[έ]-
 γεσθαι· τὸς δὲ ἐλ[ευθέ]ρος οὐδὲ καὶ τοὺς ἡβῶντας καὶ τῶν [χώ]-
 30 [ρ]ων Θηραίων ἐλευθέρος [ἄνδρας] πλὴν. αἱ μὲν δὲ κα κατέχ[ων]-
 τι τὰν οἰκισίαν οἱ ἄποικοι, τῶν οἰκειῶν τὸν καταπλέον[τα]
 ὕστερον εἰς Λιβύαν καὶ πολιτήϊας καὶ τιμᾶμ πεδέχ[εν]
 καὶ γὰρ τὰς ἀδεσπότω ἀπολαγχάγεν. αἱ δὲ κα μὴ κατ[έχ]-
 ωντι τὰν οἰκισίαν μηδὲ οἱ Θηραῖοί μιν δυνῶνται ἐπικομ[ε]-
 35 ν, ἀλλὰ ἀνάγκαι ἀχθῶντι ἔτη ἐπὶ πέντε, ἐκ τᾶς γὰρ ἀπίμ[εν]
 ἀδιέως Θήρανδε ἐπὶ τὰ αὐτῶν χρήματα καὶ ἡμεῖς πολιάτ-
 ας. ὁ δὲ κα μὴ λῆμι πλὴν ἀποστελλοίσας τὰς πόλιος, θανά[σι]-
 μος τένται καὶ τὰ χρήματα ἔστω αὐτοῦ δαμόσια. ὁ δὲ ἀπ-
 οδεκόμενος ἢ ἀδήϊζων ἢ πατήρ οὐδὲν ἢ ἀδελφεὸς ἀδελ-
 40 φεὸν παισεῖται ἅπερ ὁ μὴ λῆων πλὴν. ἐπὶ τούτοις ὄρκια ἐπ-
 οίησαντο οἱ τε αὐτεῖ μένοντες καὶ οἱ πλέοντες οἰκίξοντε-
 ς καὶ ἀρὰς ἐποιήσαντο τὸς ταῦτα παρβεῶντας καὶ μὴ ἐμ-
 μένοντας ἢ τῶν ἐλ Λιβύαι οἰκόντων ἢ τῶν αὐτεῖ μεν-
 όντων. κηρίνος πλάσαντες κολοσὸς κατέκαιον ἐπα-
 45 ρεύμενοι πάντες συνενθόντες καὶ ἄνδρες καὶ γυναῖκ-
 ες καὶ παῖδες καὶ παιδίσκαι· τῶν μὴ ἐμμένοντα τούτοις
 τοῖς ὄρκίοις, ἀλλὰ παρβεῶντα καταλείβεσθαι νιν καὶ κα-
 ταρρὲν ὥπερ τὸς κολοσὸς, καὶ αὐτὸν καὶ γόνον καὶ χρή-
 50 ματα, τοῖς δὲ ἐμμένουσιν τούτοις τοῖς ὄρκίοις καὶ τοῖς
 πλέοις ἐλ Λιβύαν καὶ τ[οῖς] μένοισι ἐν Θήραι ἡμεῖς πολλ-
 ᾶ καὶ ἀγαθὰ καὶ ἀήτοῖς καὶ γόνοισι·

Перевод:

«Бог! Счастливая судьба!

Дамид, сын Батуклея, предложил: в отношении того, что говорят феряне (пусть будет так, как предложил) ⁶ Клевдамас, сын Евтуклея. Чтобы город (наш) возвысился и народ Кирефы благоденствовал, предоставить ферянам гражданские права согласно отеческим установлениям, которые выработали (наши) предки, как заселившие Кирену с Феры, так и остававшиеся на Фере, поскольку Аполлон определил Батту и ферянам, заселившим Кирену, благоденствие (на все то время, пока) они сохраняют верность клятвам, которые предки дали друг другу в то время, когда они выслали колонию согласно повелению Аполлона Архагета. Счастливой судьбы! Народ постановил, чтобы феряне и в Кирене остались на таких же самых гражданских правах ⁷. Пусть все феряне, поселяющиеся в Кирене, принесут клятву, которой и остальные (феряне) некогда клялись. Распределить их по филам и кланам, а также среди девяти гетерий. Записать это постановление на беломраморной стеле (и) поставить ее в отечественном святилище Аполлона Пифийского. Написать на стеле и клятву, которую дали основатели, приплывшие в ливийскую Кирену вместе с Баттом с Феры. Деньги, необходимые на (приобретение) камня или составление надписи, пусть финансовые магистраты возьмут из средств (храма) Аполлона.

К л я т в а о с н о в а т е л е й.

Народное собрание постановило. Поскольку Аполлон изрек предсказание Батту и ферянам заселить Кирену, феряне вынесли определение — Батту отправляться в Ливию в качестве архагета и царя, а ферянам — отплывать в качестве (его) спутников. На равных и одинаковых основаниях отплывать от каждого дома, причем в число (колонистов) брать по одному сыну; при этом плыть сыновьям свободным и возмужалым, а также свободным мужам из ферских округов. Если колонисты прочно обоснуются на новом месте жительства, то пусть сродственники, приплы-

⁶ В сткк. 2 здесь опущено $\chi\lambda\acute{\alpha}\nu\epsilon\rho$ (ср. № 5. 32—35).

⁷ *Chatoux F.* Cyrène sous la monarchie des Battiiades. P., 1953, p. 105. В сткк. 12—13 дается чтение $\chi[a]t\acute{\alpha} \tau\acute{\alpha} \alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$. Смысл этой фразы заключается в том, что феряне получают в Кирене такие же гражданские права, какие они имели на Фере.

вающие впоследствии в Ливию, получают равные гражданские права, возможность занимать магистратуры и по жребию — (наделы) из незанятой земли. Если же (колонисты) не утвердятся на новом месте и феряне не смогут им помочь, то пусть в силу необходимости они переносят тяготы в течение пяти лет, (после чего могут) вернуться из той страны без страха на Фере к своему достоянию и быть полноправными гражданами. Ежели кто-нибудь, предназначенный городом к отправлению, не захочет отплыть, то пусть он будет предан смерти, а имущество его конфисковано в пользу государства. Укрывающий или не выдающий, будь то отец сына или брат брата, понесет то же наказание, что и не желающий отплыть. На таких условиях остающиеся на Фере и отплывающие колонисты принесли клятвы и призвали погибель на нарушающих оные и не сохраняющих им верность как из тех, кто переселяется в Ливию, так и из числа остающихся на Фере. Сделав восковые изображения, сожгли их, призывая проклятия, все сошедшиеся — и мужчины, и женщины, и дети, и отроковицы⁸. Пусть, словно эти изображения, расплавится и пропадет тот, кто не сохраняет верность этим клятвам, но преступает (их) — и он сам, и потомки, и достояние; сохраняющим же верность этим клятвам — как отплывающим в Ливию, так и остающимся на Фере — пребывать в благе и довольстве им самим и их потомкам».

Первый издатель Ферри, пользовавшийся консультациями Белоха, Виламовица и других исследователей, опубликовал текст с большими лакунами⁹. После него тщательное обследование подлинника провел Оливерิโอ, который видел следы многих букв, впоследствии почти или совсем исчезнувшие. Он заполнил все лакуны текста, и его чтение¹⁰ легло в основу последующих изданий надписи¹¹. Фрэзер, в последнее время обследовавший оригинал, пересмотрел чтение Оливерิโอ в некоторых

⁸ Присутствие ферян всех возрастов при совершении клятв олицетворяет обязательность последних для всех поколений. Волхование при помощи восковых фигурок, восходящее к первобытной магии, дожило вплоть до средневековья. Ср.: Александрия. М.; Л., 1965, с. 8.

⁹ *Ferri S. Op. cit.*, p. 20—22.

¹⁰ *Oliverio G. Op. cit.*, p. 224—225.

¹¹ SEG, IX, 1, N 3; *Chamoux F. Op. cit.*, p. 105—106; *Graham A. J. The Authenticity . . .*, p. 94—95 etc.

строках. Подчеркнутых в приведенном выше тексте слов и букв, которые Оливерิโอ еще мог различить, Фрэзер уже не видел, однако он справедливо отметил, что предложенное Оливерิโอ чтение этих мест — рангом выше, нежели простые дополнения, поскольку тщательность и добросовестность его обследования не вызывают сомнений¹². Таким образом, текст надписи может считаться довольно надежным, хотя полный уверенности в подлинности подчеркнутого текста быть не может.

Наиболее спорным является вопрос о восстановлении лакун в сткк. 29—30. Исследователями были предложены различные дополнения¹³. Однако ни одно из них не может обладать достоверностью по причине несоответствия буквам, которые различил Фрэзер в стк. 29: $\kappa\alpha\tau\alpha\lambda[\acute{\epsilon}]\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\Theta\Omega\Delta\epsilon\epsilon\Delta\Omega$ ..... $\chi\alpha\iota$ $\tau\acute{o}\varsigma$ $\eta\beta\acute{\omega}\nu\tau\alpha\varsigma$ ¹⁴. Основываясь на чтении Фрэзера, предлагаю следующие восстановление сткк. 29—30 и интерпункцию всей фразы: $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\tau\acute{\alpha}\iota$ $\iota\varsigma\alpha[\iota$ $\chi] \alpha\iota$ $\tau\acute{\alpha}\iota$ $\delta\mu\acute{o}\iota\alpha\iota$ $\pi\lambda\acute{\epsilon}\nu$ $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\tau\acute{o}\nu$ $\rho\acute{\iota}\chi\omicron\nu$, $\upsilon\acute{\iota}\acute{o}\nu$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha$ $\kappa\alpha\tau\alpha\lambda[\acute{\epsilon}]\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\tau\acute{o}\varsigma$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\acute{\epsilon}\lambda[\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ $\upsilon\acute{\iota}\acute{o}\varsigma]$ $\chi\alpha\iota$ $\tau\acute{o}\varsigma$ $\eta\beta\acute{\omega}\nu\tau\alpha\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $[\chi\acute{\omega}\rho]\omicron\nu$ $\Theta\eta\rho\alpha\iota\acute{\omega}\nu$ $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ $[\acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\varsigma]$ $\pi\lambda\acute{\epsilon}\nu$. — «На равных и одинаковых основаниях отплывать от каждого дома, причем в число (колонистов) брать по одному сыну; при этом плыть сыновьям свободным и возмужалым, а также свободным мужам из ферских округов». Предлагаемое восстановление может быть аргументировано очевидной смысловой связью слов $\upsilon\acute{\iota}\acute{o}\nu$ и $\eta\beta\acute{\omega}\nu\tau\alpha\varsigma$ в сткк. 28—29. С $\tau\acute{o}\varsigma$ $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ ср. стк. 30, где словом $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ акцентируется свободное состояние прочих ферян, отправлявшихся в колонию. С выражением $\tau\acute{o}\varsigma$ $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ $\upsilon\acute{\iota}\acute{o}\varsigma$, указывающим на обязательность свободного состояния юношей, ср. встречающуюся в сакральных надписях, в том числе и в одном из киренских декретов¹⁵, формулу $\tau\acute{o}\varsigma$ $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ $\pi\alpha\iota\delta\alpha\varsigma$.

¹² Излагаю по комментарию Мейгга и Льюиса (ML, p. 6—7).

¹³ *Oliverio G.* Op. cit., p. 224—225; *Ferrabino A.* Op. cit., p. 250; *Segre A.* — In: SEG, IX, 1, p. 6; *Wilhelm A.* Griechische Inschriften rechtlichen Inhalts, S. 5; *Jeffery L. H.* The Pact of the First Settlers, p. 140; *Oliver J. H.* Herodotus. . . , p. 27. Большинство исследователей подлинника не видело.

¹⁴ Его чтение приняли Мейгга и Льюис.

¹⁵ SEG, IX, 1, № 4. 16—17, конец I в. до н. э. Важно установить, соответствуют ли в восстанавливаемом слове $\acute{\epsilon}\lambda[\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma]$ остатки буквы после лямбды восстанавливаемому эпсилону (где Фрэзер видел следы омикрона). А. Дж. Вудхед в письме ко мне от 19 июня 1972 г. сообщил, что Фрэзер видел на этом месте остатки какой-то круглой буквы. Сам Вудхед полагает, что, может быть,

Восстановление τῶν [χώρ]ων Θηραίων ἐλευθέρος [ἄνδρας] πλέν основано на тексте Геродота: феряне постановили послать в колонию по одному из братьев от города и мужей из семи округов острова: καὶ ἀπὸ τῶν χώρων ἐπτά ἐόντων ἄνδρας (IV, 158, полный текст см. ниже)¹⁶.

§ 2. Характер документа

«Клятва основателей» в текстуальном отношении является чрезвычайно сложным и многослойным памятником¹⁷. Ввиду этого прежде всего необходимо выяснить характер, т. е. происхождение, формирование и историческую достоверность, этого документа.

Как явствует из декрета (сткк. 18—20, ср. 5—7), клятва была дана основателями Кирены, которым их сограждане, остававшиеся на Фере, также принесли клятву со своей стороны. Таким образом, составители надписи претендовали на то, что записанная ими на стеле клятва восходит ко времени отправления колонии с Феры¹⁸. Однако язык «клятвы основателей» целиком не может соответствовать памятнику VII в., поскольку в ней содержатся отдельные элементы, определенно свойственные лишь документам IV—III вв.: ἐδοξε τῇ ἐκκλησίᾳ (стк. 24)¹⁹, ὁριστὸν δοχεῖ Θηραίοις (сткк. 25—26)²⁰ и, вероятно, θανάσιμος²¹. Таким образом, основная задача текстуальной критики надписи заключается в выявлении характера того источника, который киреняне IV в. использовали для записи на стеле «клятвы основателей».

в данном месте следует читать τὸς ᾧ ἐλ[θόντας υἱός] κτλ. Словом, чтение стк. 29 неясно и вплоть до осмотра подлинника предложенное восстановление этой строки остается гипотетическим.

¹⁶ Оливерно восстанавливал лакуну в стк. 29 (а не 30, как у меня) в соответствии с этим указанием Геродота о наборе колонистов из числа жителей ферских округов (Op. cit., p. 224—225).

¹⁷ Предметом дальнейшего исследования является вторая часть надписи, т. е. «клятва основателей».

¹⁸ Это событие имело место около 631 г. (Chamoux F. Op. cit., p. 121).

¹⁹ Экклесия засвидетельствована на Фере в IV в. (IG, XII, 3, № 1289.10). Вводные формулы как первой, так и второй частей стелы синхронны и характерны для документов IV—III вв. (например: IG, IV, N 917; Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900, N 21, 441, 442; Idem. Supplementum. Bruxelles, 1912, N 1453, 1457 и др.).

²⁰ Graham A. J. The Authenticity. . . , p. 107—108.

²¹ Встречается еще один раз в «Диаграмме Птолемея» из Кирены (последняя четверть IV в.). См.: SEG, IX, 1, N 1. 53.

На мой взгляд, фиксируя этот источник, они частично переставили его текст применительно к языку своего времени, сохранив, однако, не только смысл, но и лексику и фразеологию прототипа ²³.

Существуют две основные точки зрения на характер «клятвы основателей». В течение многих лет господствовало мнение об апокрифическом характере этой надписи, т. е. сфабрикованной в качестве основания для предоставления ферянам прав киренского гражданства ²³. По мнению Виламовица, этот документ по своему характеру примыкает к придуманным магнетами надписям об основании Магнезии и об отправлении ими совместно с критянами колонии в Малую Азию ²⁴, составленным в III в., но претепдовавшим на аутентичность времени основания полиса магнетов. В последнее время это мнение поддержал Душанич. В 1960 г. такая точка зрения была подвергнута сомнению: Грэйм и мисс Джеффри одновременно и независимо друг от друга пришли к выводу о том, что «клятва основателей» в отдельных своих частях аутентична действительно существовавшему документу времени отправления колонии в Кирену ²⁵. Оба исследователя высказали мысль о том, что клятва — подлинный документ, переоформленный в редакции IV в.

Мысль об аутентичности памятника поддержали также Мейггз и Льюис. По их мнению, клятва является отражением ферской традиции об основании Кирены, причем внутри этой традиции подлинный архаический документ подвергся долгой и сложной модуляции ²⁶.

Решение вопроса о характере «клятвы основателей», на мой взгляд, может быть достигнуто прежде всего путем сопоставления ее текста с рассказом Геродота об основании Кирены. Геродот излагает две версии — ферскую (IV, 150—153) и киренскую (IV, 154—156), причем последняя отличается лишь следующими моментами: 1. Батт не просто происходит из знатного рода, как утверждает

²³ Случаи переписывания надписей с более древних стел известны в греческой эпиграфике, например: Syll.³, N 1020; ML, N 86.

²³ *Graham A. J. The Authenticity . . .*, p. 95.

²⁴ *Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Macandros*. B., 1900, N 17, 20; *Abh. Ak. Berlin*, 1925, S. 38—40 (примечание Виламовица к статье Ферри).

²⁵ *Jeffery L. H. The Pact of the First Settlers*, p. 141 f.; *Graham A. J. The Authenticity . . .*, p. 95 f.

²⁶ Мейггз констатировал эту мысль еще в 1952 г. в примечаниях к кн.: *Bury J. B. History of Greece*. L., 1952, p. 861—862.

ферская версия, а через свою мать восходит к царскому роду (эта генеалогия, разумеется, продиктована патриотической амбицией). 2. Пифия повелевает самому Батту, а не Гринну, отправиться в колонию в Ливию (что отражено и в надписи, сткк. 24—25). Сохранен опущенный ферянами нелестный для них рассказ о том, как они прогнали своих сограждан, пытавшихся вернуться на родину после безуспешных попыток основать колонию (аналогичный случай произошел и с эритрейцами, основателями Мефоны) ²⁷.

Далее, в гл. 157—158, следует рассказ, совпадающий в обеих версиях.

Если сопоставить изложение Геродота с текстом клятвы, то обнаруживается интересное сходство, сопровождающееся лексико-фразеологическими совпадениями и соответствиями ²⁸. Геродот: *Θηραίοισι δὲ ἕαδε ἀδελφεὸν τε ἀπ' ἀδελφεῶν* ²⁹ *πέμπειν πάλω λαχόντα καὶ ἀπὸ τῶν χώρων ἑπτὰ ἐόντων ἀνδρας, εἶναι δὲ σφεων καὶ ἡγεμόνα καὶ βασιλέα Βάττον* (IV, 153) ³⁰. — Клятва: *ὄριστόν δοκεῖ Θηραίοις ἀποπέμπεν ἐς τὰν Λιβύαν Βάττον μὲν ἀρχαγέταν τε καὶ βασιλῆα. . . πλὲν κατὰ τὸν οἶκον, υἱὸν δὲ ἕνα καταλέγεσθαι. . . καὶ τῶν. . . Θηραίων ἐλευθέρους. . . πλὲν* (сткк. 25—30).

Как видно, помимо аналогичного содержания, в обоих пассажах имеются общие лексические и фразеологические соответствия:

1. Свойственный эпиграфическим документам прескрипт: *Θηραίοισι δὲ ἕαδε. . . πέμπειν* — *ὄριστόν δοκεῖ Θηραίοις ἀποπέμπεν*.

2. Батт назначается предводителем и царем переселенцев: *ἡγεμόνα καὶ βασιλέα Βάττον* — *Βάττον μὲν ἀρχαγέταν τε καὶ βασιλῆα*.

3. Согласно рукописному тексту Геродота, в число колонистов должен уходить каждый из двух братьев, согласно же клятве — от каждой семьи в колонисты должен быть записан один сын. Конъектура Леграна хорошо со-

²⁷ *Plut., Mor.*, 293b.

²⁸ Хотя надпись содержит близкие параллели к рассказу Геродота, она очевидным образом не обнаруживает никаких признаков зависимости от него. См.: *ML*, p. 8; *Graham A. J. The Authenticity. . .* p. 101—102.

²⁹ *ἀδελφεῶν* — конъектура Леграна (вместо рукописного *ἀδελφεοῦ*).

³⁰ «Феряне постановили отправить (в качестве колонистов) по одному из братьев, на которого падет жребий, а также мужей из всех семи округов, причем предводителем и царем быть у них Батту».

гласует текст Геродота с эпиграфическим документом (между прочим, с выражением ἀδελφεὸν τε ἀπ' ἀδελφῶν у Геродота ср. ἀδελφεὸς; ἀδελφεόν клятвы, сткк. 39—40).

4. Помимо рекрутируемой молодежи, из полиса в колонисты могут пойти также добровольцы из остальных ферян.

Приведенные параллели очевидным образом свидетельствуют о том, что оба пассажа могли быть заимствованы Геродотом и составителями киренской надписи из общего источника. Как известно, Геродот многократно пользовался эпиграфическими документами, иногда приводя в несколько модифицированном виде выдержки из них³¹. К числу последних принадлежит также вышеприведенный пассаж, начинающийся с известного архаике прескрипта Θηραίοισι δὲ ἕαδε (ср. закон второй половины VII в. из Дрероса: ἄδ' ἕφαδε πόλι)³². Следовательно, пассажи из Геродота и «клятвы основателей» могут восходить к подлинному документу, составленному ферянами в связи с отправлением колонии в Ливию. К этому же документу следует отнести и сткк. 37—40, в которых говорится о наказании лиц, нарушающих содержащиеся в сткк. 25—30 предписания.

К числу параллельных мест в рассказе Геродота и «клятве основателей» относятся также следующие пассажи. Геродот: χρεωμένῳ δὲ τῷ Γρίνῳ... περὶ ἄλλων χρᾶ ἡ Ποδίη κτίζειν ἐν Λιβύῃ πόλιν (IV, 150, 3); «клятва»: Ἀπόλλων αὐτομάτιξεν Βάττων καὶ Θηραίοις ἀποικίξαι Κυρίαν (сткк. 24—25). Структура и содержание этих фраз очевидным образом восходят к общему источнику. Краткое и емкое Ἀπόλλων αὐτομάτιξεν первоисточника, выражающее внезапность прорицания до вопроса или вне связи с ним, Геродот передает пространным χρεωμένῳ δὲ... περὶ ἄλλων χρᾶ ἡ Ποδίη, имеющим тот же смысл внезапности, несвязанности

³¹ См.: *Graham A. J. The Authenticity...*, p. 110 (с указанием соответствующей литературы).

³² ML, № 2. 1—2. Конструкция ἕαδε с зависящим от него dat. personae свойственна эпиграфическим памятникам самого различного времени. Параллель с законом из Дрероса указывает, таким образом, лишь на возможность наличия этой формулы в архаическом декрете ферян. У Геродота эта конструкция встречается еще четыре раза (I, 151, 3; IV, 145, 5; 201, 2; VI, 106, 3). На мой взгляд, в указанных пассажах следует видеть следы зависимости текста Геродота от использованных им декретов (за исключением, видимо, IV, 145, 5, о чем см. ниже, с. 72—73); ср.: *Graham A. J. The Authenticity...*, p. 110.

с вопросом³³. Остальные соответствия: 1. κτίζειν ἐν Λιβύῃ πόλιν — ἀποικίξει Κυράναν. 2. καὶ Θηραίοις клятвы соответствует ἄλλοι τῶν πολιτῶν предыдущей фразы Геродота. Можно восстановить примерную структуру предложения первоисточника: Аполлон (Пифия) — внезапно прорицает — Грину — и свите — заселить Ливию. Аналогична структура фразы и из киренской версии: ἡ δὲ Πυθίη σφί (ферянам) ἔχρησε συγκτίζουσι Βάττω Κυρήνην τῆς Λιβύης (IV, 156, 2).

Отмеченные соответствия между рассказом Геродота об основании Кирены и «клятвой основателей», как мне представляется, определенно указывают на то, что в основе обоих памятников лежал один общий источник нарративного характера, в который был включен (в какой-то степени, вероятно, уже модифицированный) архаический декрет ферян об отправлении колонии в Ливию³⁴. На нарративный характер этого источника прямо указывает наличие в клятве не свойственной эпиграфическому документу повествовательной части (сткк. 40—46), отличающейся по стилю от остального текста (который зависит от прескрипта ἔδοξε τῇ ἐκκλησίᾳ). Очевидно, что этот фрагмент является вставкой, заимствованной из нарративного источника, которым могло быть ферское предание об основании Кирены — ктисис³⁵. Поскольку этим источником пользовался Геродот, можно заключить, что он был составлен не позже середины V в. С другой стороны, упоминание в клятве Кирены (сткк. 25) может указывать на то, что этот первоисточник был составлен после основания Кирены, когда данное название стало известным греческому миру. Однако в рассказе Геродота об основании Кирены повсеместно употребляется название Ливия, т. е. Кирена могла и не упоминаться в первоисточнике. Тем не менее содержащееся в нарративной вставке выражение τῶν ἐλ Λιβύᾳ οἰκεόντων определенно свидетельствует о том, что этот повествовательный источник был составлен после основания Кирены; феряне VII в. не могли употребить

³³ Этот же оттенок присутствует и в киренской версии (оракул Батту, IV, 155, 3). Поскольку надпись составлялась в Кирене, естественно, что Грин первоисточника в соответствии с местной версией заменен Баттом.

³⁴ *Hdt.*, IV, 153; Клятва, сткк. 25—30, 37—40.

³⁵ Геродот излагает ряд аналогичных местных преданий об основании, в том числе самой Феры (IV, 147—149). По мнению Шаму, впрочем, сказанному им вскользь, общим источником для Геродота и составителей «клятвы основателей» послужила ферская хроника (*Chamoux F. Op. cit.*, p. 111).

это выражение, поскольку еще не было ясно, утвердятся ли колонисты в Ливии. Кроме того, упоминание как в рассказе Геродота, так и в клятве имени царя Батта явно указывает на то, что первоисточник был составлен после основания Кирены, т. е. в VI или первой половине V в.³⁶ Сам Геродот знал, что настоящее имя царя было другим (IV, 155, 1—2), в то время как в обеих переданных им версиях (resp. первоисточнике) царь и вождь колонистов именуется Баттом³⁷. Следовательно, сткк. 24—25 (ἐπεὶ ... Κοράναν) клятвы отражают нарративный источник³⁸, из которого, на мой взгляд, был заимствован также текст сткк. 30—37 (αἱ ... πολιίτας). На это может указывать содержащийся в этих строках фразеологический оборот, характерный для источников V—IV вв.: καὶ πολιτήιας καὶ τιμῶν πεδέχεν καὶ γὰρ τὰς ἀδεσπότῳ ἀπολαγγάνεν (сткк. 32—33). Ср. аналогичный оборот у Геродота (IV, 145, 4): минии хотят поселиться у лакедемонян, μοιρὰν τε τιμῶν μετέχοντες (=эолийско-дорийскому πεδέχοντες) καὶ τῆς γῆς ἀπολαχόντες.

Вопрос об аутентичности этого оборота (и, следовательно, сткк. 30—37 в целом) ферскому декрету VII в. чрезвычайно сложен. В пользу его положительного решения как будто свидетельствует тот факт, что указанный пассаж из труда Геродота (IV, 145, 4—5) может быть определен в качестве реликта древнего устного договора — ретры — минийцев и спартанцев, восходящего к началу I тыс. до н. э. Если это так, то указанный оборот мог быть присущ памятникам архаической эпохи. Кроме того, предусматриваемая в сткк. 33—37 возможность

³⁶ Первоначальное имя царя было Аристотель, которого уже в Кирене прозвали Баттом, что по-ливийски означало «царь» (*Hdt.*, IV, 155, 2). Сведения античных авторов об этом собраны Шаму (*Op. cit.*, p. 97). В одной из киренских надписей позднего времени упоминается «высланный с Феры Батт Аристотель» (*Oliverio G. Op. cit.*, p. 234). По мнению Ю. Покорного, термин *battos* — это средиземноморский субстратный реликт, родственный груз. *baton* — «господин», а также балканскому названию пастухов — *batš*. Производными от этой основы антропонимами могут быть также имя паннонского царя *Bato* и троянское женское имя *Bárteia* (*Pokorny J.* — In: *Mitteilungen der antrop. Gesellschaft in Wien. Sitzungsberichte*, 1917, 47, S. 43).

³⁷ Таким образом, упоминание имени Батт в подлинном документе времени отправления колонии (*Hdt.*, IV, 153; клятва, сткк. 26) является позднейшей вставкой.

³⁸ О неаутентичности этих строк подлинному документу VII в. см. также: *Parke H. A Note on αὐτοματίζω in Connection with Prophecy.* — *JHS*, 1962, 82, p. 146.

возвращения колонистов на родину имеет аналогию в соответствующих предписаниях позднеархаического декрета опунтия об эпойках в Навпакте (№ 3. 6—10). Однако приведенные аргументы довольно спорны. Во-первых, определение двух небольших фраз указанного пассажа как реликтовых остатков предполагаемой древней ретры само по себе проблематично. Ни фон Скала, ни Бенгтсон, ни Грэйам не включили этот пассаж в число договоров, содержащихся в тексте Геродота³⁹. Во-вторых, передавая отрывок из этой ретры, а точнее — из ферской ктисиссаги (гл. 147—149), Геродот мог пользоваться фразеологией своего времени. И в-третьих, отдельные элементы данного фразеологического оборота вряд ли восходят к памятникам архаической поры⁴⁰.

Приведенные данные, как мне представляется, обнаруживают неаутентичность сткк. 30—37 подлинному документу VII в., откуда следует, что клятвенное обязательство предоставлять полные гражданские права «прибывающим впоследствии сродственникам» было сфабриковано ферянами VI—V вв. в связи с возрастанием их интереса к своей богатой падчерице — Кирене⁴¹. Массовое предоставление полных гражданских прав жителям метрополии несвойственно эллинской колонизационной

³⁹ Von Scala R. Die Staatsverträge des Altertums. Leipzig, 1898; Die Verträge der griechisch-römischen Welt/Hrsg. von H. Bengtson. München, 1962; Graham A. J. The Authenticity. ., p. 110.

⁴⁰ См.: LSJ, s. vv. ἀπολαγχάνω, ἀδέσποτος. Эти слова, отсутствующие в гомеровских поэмах и архаической лирике, зафиксированы лишь в источниках V и последующего веков. Ср., впрочем: LSJ, Supplementum, 1968, s. v. ἀδέσποτος. Любопытно сопоставление статей о возвращении колонистов, содержащихся как в «клятве основателей», так и в декрете опунтия о навпактских эпойках, гласящем следующее: «Если гипокнемидские локры будут силой (ἡνὶ ἀνάγκῃς) изгнаны из Навпакта, то им дозволяется вернуться обратно на прежнее место жительства без (внесения) пошлин» (№ 3. 6—10). В «клятве основателей» присутствует та же ἀνάγκη, что и в декрете локров, однако роль ее прямо противоположна: локридских эпойков она может вернуть домой, ферских же колонистов она заставляет в течение пяти лет пребывать вдали от родины. Возможно, однако, и иное понимание этой фразы. См.: Graham A. J. Colony. . ., p. 53, 225.

⁴¹ Этот вывод может быть подтвержден отсутствием каких-либо связей между Ферой и Киреной в течение долгого времени после отправления колонистов. С другой стороны, ср. вымышленный декрет критской койнонии об отправлении колонистов в Магнезию, составленный магнетами ок. 200 г. п. э. в силу их заинтересованности в связях с критскими городами (Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander, N 20).

практике, согласно которой лица, прибывшие после основания города, получали неполные гражданские права и меньшие земельные наделы⁴². Учитывая это обстоятельство, на мой взгляд, в VI в. или первой половине V в. феряне и ввели в «клятву основателей» пункт, предусматривающий получение ими в случае переселения в Кирену одинаковых с колонистами и их потомками гражданских прав: «... пусть сродственники, приплывающие впоследствии в Ливию, получают равные гражданские права, возможность занимать магистратуры и по жребию — (наделы) из незанятой земли» (сткк. 31—33). С другой стороны, поскольку в киренском предании прочно сохранился нелицеприятный для ферян эпизод о том, как их предки прогнали попытавшихся было вернуться домой на Феру утомленных странствиями колонистов, не сумевших основать город⁴³, в целях реабилитации перед киренянами в текст клятвы был введен пункт о возможном возвращении колонистов на родину по прошествии пяти лет (сткк. 33—37; ср. 4—11 и примеч. 7).

Сомнительны в отношении аутентичности документу VII в. также сткк. 46—51, поскольку они продолжают по смыслу предыдущую нарративную вставку (сткк. 40—46). Так как термин *ὄρκιον* содержится именно в этой вставке и ее продолжении (сткк. 40, 47, 49), наличие его в тексте подлинного документа VII в. в свете вышеизложенного представляется довольно проблематичным. Принесение клятвы колонистами и их соотечественниками засвидетельствовано локридским декретом об эпойках, отправленных в Навпакт (№ 3, первая четверть V в.). Однако в отличие от киренской надписи эта клятва содержала лишь один пункт, а именно обязательство колони-

⁴² Это явление имело место на самой Фере, а также в других городах. См.: *Arist., Pol.*, IV, 3, 8, № 4. 9—10, Черная Керкира, III в. Ср.: *Arist., Pol.*, V, 2, 10—11 (вставка, отмеченная Иммишем скобками, поясняет, что причиной раздоров между потомственными жителями городов и вновь прибывающими колонистами была борьба последних за полные гражданские права). Ср. также: IG, IV, № 917, IV в.: эпидаврйцы предоставляют своим колонистам и эвергетам астипалеянам лишь свободу от пошлин и неприкосновенность, но не гражданские права. Только в эллинистическое время некоторые метрополии эпизодически предоставляли отдельным жителям своих колоний гражданские права, т. е. в том числе и земельный участок (IG, IX, 1, № 173, Этоллия, середина III в.), или заключали договоры об исополитии.

⁴³ *Hdt.*, IV, 156, 2—3.

стов не отпадать добровольно от метрополии (§ 1), причем это условие имело силу в течение 30 лет, после чего с согласия обеих сторон клятву можно было возобновить. На основании этой аналогии можно заключить, что если основатели Кирены и принесли клятву ферянам, то в ней вряд ли содержались пункты о предоставлении полных гражданских прав прибывающим в последующее время ферянам, о необходимости пятилетнего пребывания колонистов на чужбине и т. д.

Проведенный текстуальный анализ «клятвы основателей» показывает, что этот памятник состоит из двух разных по времени и характеру пластов ⁴⁴. Основной пласт отражает нарративный источник — сложившееся в VI—первой половине V в. ферское предание об основании Кирены (сткк. 24—25: ἐπεὶ... δοχεῖ; сткк. 30—37: αἱ... πολιᾶτας; сткк. 40—51: ἐπὶ... γόνοις). В основе этого предания лежал подлинный документ VII в. — декрет ферян об отправлении колонии в Ливию, который на протяжении VI—V вв. оброс вставками апокрифического характера, среди которых основное место занимало обязательство предоставлять «прибывающим впоследствии» ферянам полные гражданские права. Составленному таким образом документу был придан вид «клятвы основателей», связывавшей киренян определенными обязательствами по отношению к своей малоимущей метрополии.

Другой пласт составляет текст подлинного декрета ферян, принятого около 631 г. в связи с отправлением колонии в Ливию (сткк. 25—30: Θηραίοις... πλέν, сткк. 37—40: ὁ... πλέν). Данные текстуального анализа, на мой взгляд, позволяют представить текст этого подлинного декрета в следующем (отвлеченном от диалектных особенностей VII в.) реконструированном виде:

Θηραίοις ἕαδε ⁴⁵ ἀποπέμπεν ἐς τὴν Λιβύαν Ἀριστοτέλη ⁴⁶ μὲν ἀρχαγεταν τε καὶ βασιλῆα, ἐταίρους δὲ τοὺς Θηραίους πλέν· ἐπὶ ταῖ ἰσαι καὶ ταῖ ὁμοίαι (?) ⁴⁷ πλέν κατὰ τὸν οἶκον, υἱὸν δὲ ἕνα καταλέγεσθαι· τοὺς δὲ ἐλευθέρους υἱὸς καὶ τοὺς ἡβόντας καὶ τῶν χώρων Θηραίων ἐλευθέρους ἄνδρας πλέν. ὁ δὲ κα μὴ λῆι πλέν ἀπο-

⁴⁴ Прескрипты в сткк. 24—25 были введены составлявшими надпись киренянами и ферянами, очевидно, по типу современных им постановлений народного собрания Феры (см. выше, примеч. 19—20).

⁴⁵ Форма прескрипта сохранена Геродотом (IV, 153).

⁴⁶ См. выше, примеч. 36.

⁴⁷ По поводу этой формулы см. ниже, с. 82.

στελλοίσας τὰς πόλεις, θανάσιμος τένται καὶ τὰ χρήματα ἔστω αὐτοῦ δαμόσια. ὁ δὲ ἀποδεκόμενος τῇ ἀδείζων τῇ πατρὶ υἱὸν ἢ ἀδελφὸν ἀδελφεὸν παισεῖται ἅπερ ὁ μὴ λέων πλέν.

§ 3. Причины и обстоятельства отправления колонии (по данным ферского декрета VII в.)

Согласно ферской традиции причиной выведения колонии послужила семилетняя засуха⁴⁸, повлекшая за собой голод. С этим обстоятельством ферской версии перекликается рассказ Тимея об основании Регия халкидянами, которые «как передают, из-за недорода по повелению оракула посвятили каждого десятого человека из своей среды Аполлону, а впоследствии переселились сюда из Дельф, захватив с собой с родины также других сограждан»⁴⁹. Таким образом, в традиции об основании Регия и Кирены имеются следующие общие моменты: одинаковая причина — недород, голод; определенная часть населения обрекается на выселение; эта акция совершается по повелению оракула; к тем, кого определили на выселение, присоединялись лица, добровольно пожелавшие уйти в колонию. Следовательно, ферская версия — это исторически реальный тип предания об основании, входящий в более широкую группу саг о «священной весне». Статья декрета ферян VII в. о выделении в колонисты по одному возмужалому сыну от каждой семьи (сткк. 28—29) отражает одну из характерных черт этого архаического обычая⁵⁰.

Вместе с тем существовала традиция, согласно которой причиной выведения колонии явилась политическая борьба на Фере. У схолиаста к Пиндару⁵¹ сохранился отрывок из «Ливийских историй» киреянина Менекла (II в. до н. э.). Схолиаст отмечает: «Действительно, то, что Менекл говорит о гражданских раздорах как о причине (обращения Батта к оракулу), кажется в высшей

⁴⁸ *Hdt.*, IV, 151, 1.

⁴⁹ См.: *Stb.*, VI, 257 (пер. Г. Страпановского). Относительно принадлежности этого отрывка Тимею см.: *Stb.*, VI, 260. Об этом же эпизоде сообщает Аристотель (fr. 611, 55 Rose). Ср. также: *Hdt.*, I, 94 — *ver sacrum* у лидийцев; *Plut.*, *Mor.*, 298—299a — у критян.

⁵⁰ Ср.: *Plut.*, *Mor.*, 294 e: из двух братьев локров один отправляется в колонию. См. об этом обычае: *Eisenhut W. Ver sacrum.* — *RE*, VIII, A 1, 1955, Sp. 911 f.

⁵¹ *Pind.*, *Pyth.*, IV, 10.

степени правдоподобным, а то, что (говорят) о недостатках речи, — весьма баснословным. (Менекл) сообщает же, что граждане Феры впали в междуусобные раздоры и разделились на две партии, вождем одной из которых был Батт. Вследствие происшедшей борьбы группировок сторонникам Батта пришлось оставить город и бежать из страны; не имея надежды вернуться на родину, они стали совещаться по поводу (отправления) колонии. Отбыв в Дельфы, Батт стал спрашивать о раздорах: бороться ли им (за возвращение на родину) ⁵² или выслать колонию в какое-либо другое место». Далее следует оракул Пифии, советовавший Батту оставить Феру и основать город на материке.

Традиции о колонистах Феры как о политических изгнанниках, однако, определенно противоречит статья декрета о наборе колонистов от всех ферских семей (сткк. 28—29), т. е. очевидно, что контингент переселенцев формировался вне зависимости от принадлежности к какой-либо политической группировке. Если на Фере около 631 г. и происходили какие-то раздоры, то, как явствует из данного предписания, они закончились не изгнанием одной из группировок, а всеобщим принудительным набором колонистов. Сообщение Менекла о стасисе на Фере VII в., приведшем к отправлению колонии в Кирену, обязано, вероятно, не столько древней киренской традиции, сколько свойственным эллинистической историографии «модернизаторским» тенденциям.

История социально-политического развития архаической Феры освещена в источниках чрезвычайно слабо. Из сообщения Аристотеля нам известно, что на этом острове «меньшинство свободных властвовало над большинством несвободных», поскольку «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляли незначительную часть всего населения» ⁵³. Такое состояние общества архаической Феры само по себе было чре-

⁵² *Meneclae*, fr. 6 Jacoby (FGH, III A, 270. Leiden, 1940, p. 83). Текст последней фразы испорчен: «за возвращение на родину» добавляю по смыслу предыдущей фразы. Ср. также: *Scholias vetera in Pindari carmina*/ Ed. A. B. Drachmann. Leipzig, 1910, 2, ad. l. c., 7.

⁵³ Это сообщение Аристотеля (Pol., IV, 3, 8) относится не только к современному ему ферскому строю, но и к более ранним временам, ибо сохранение власти потомственной аристократией, разумеется, предполагает ее господство в предшествующие времена.

вато потенциальной возможностью возникновения гражданских междоусобиц; видимо, отправление колонии в Кирену сопровождалось какими-то раздорами, которые нашли отражение в киренской ктисис-саге и которые в передаче Менекла трансформировались в междоусобную борьбу двух политических партий. Однако о характере этих раздоров, если только они имели место, можно строить лишь предположения; не исключено, что они могли быть связаны с набором колонистов. Геродот утверждает, что набор колонистов производился при помощи жребия (IV, 153), в то время как декрет ферян предоставляет на усмотрение каждого отдельного дома решение вопроса о том, какому именно из сыновей отправляться в колонию (сткк. 28—29).

Как бы ни решать этот вопрос, данные декрета ферян о наборе колонистов из всех семей определенно свидетельствуют против версии Менекла; колонизация Кирены была вызвана не гражданскими междоусобицами, а голодом, постигшим небольшой остров.

Колонизация Кирены, безусловно, носила аграрный характер. Ферские колонисты, поселившиеся сначала на острове Платее (совр. Бомба), через некоторое время перешли на материк⁵⁴. Однако выбранная ими местность, видимо, не отличалась плодородием и еще через шесть лет колонисты продвинулись к западу вдоль побережья, где и основали город Кирену. Слова ливийцев, приведших их: «Здесь, эллины, вам надлежит поселиться, ибо небо тут отверсто» — являются метафорическим указанием на обилие дождей в этой местности⁵⁵.

В постановлениях об отправлении колонии, древнейшим образцом которых является декрет ферян, обычно содержатся основные принципы социально-политического устройства будущего полиса. Согласно декрету, новый полис должен представлять собой монархию: Батт был назначен царем, а колонисты составляли его окружение. Эти строки (сткк. 26—27: ἀρχαῖεταν... πλέν), безусловно, аутентичны VII в.: они обрисовывают тип государства, близкий удельным раннегреческим базилиейям, а предначертанная Батту роль архажета созвучна образу гомеровского Навсифоя, устроителя города феаков: «Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный в Схерию,

⁵⁴ *Hdt.*, IV, 156, 5; 157, 3.

⁵⁵ *Hdt.*, IV, 158, 3.

вдаль от людей, в труде свою жизнь проводящих. Там он город стенами обвел, построил жилища, Храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан»⁵⁶.

Употребленный в надписи термин «архагет» соответствует архаической поре, в то время как V и последующим векам более свойствен термин «ойкист». Архагеты и ойкисты VIII—IV вв. до н. э. обязательно принадлежали к знатному роду, в чем следует видеть традицию, перешедшую из героической эпохи и корнями своими уходящую в первобытность, когда миграциями племен руководили вожди⁵⁷.

Колонисты, в основном состоявшие из молодежи, именовались «спутниками» архагета и царя⁵⁸. Сам Батт также был довольно молод⁵⁹.

Согласно декрету, в состав колонистов могли быть включены только свободные. Это предписание также можно рассматривать как аутентичное VII в. — понятие «свободный человек», не известное Гомеру, впервые встречается у Алкея: ἄνδρες ἐλεύθεροι ἐσλῶν ἔοντες ἐκ τοκῆων «свободные мужи, происходящие от славных предков»⁶⁰.

Свидетельство декрета об обязательном свободном состоянии колонистов (сткк. 29—30) чрезвычайно важно. Оно помогает вскрыть механизм социальной стратификации населения в колонии. Согласно распространенной практике первые колонисты и их потомки обладали полными гражданскими правами и владели лучшими землями полиса. Переселенцы, прибывавшие впоследствии, получали гражданские права (они не имели доступа к магистратурам) и наделялись участками из незанятой земли⁶¹.

⁵⁶ Od., VI, 7—10. Пер. В. В. Вересаева.

⁵⁷ Сами названия племенных вождей указывают на их функции предводителей: ст.-слав. вождь, лит. vadas — «вождь», лик. х̣ñta-wata — «предводитель», др.-верхненем. herizogo — «ведущий отряд», «герцог». Древнегреческое ἀρχηγέτης в семантическом плане претерпело эволюцию от «вождя племени» до «предводителя колонистов», сохранив оба значения в историческую эпоху.

⁵⁸ Молодежь принимала широкое участие в колонизационном движении. Так, по сообщению Юстина (XVIII, 4, 2), Утика была основана присланной из Тира молодежью. Гринн говорит Пифии, что он уже стар и не может отправиться в колонию, указывая при этом на молодого Батта (*Hdt.*, IV, 150, 3). Ср.: *Hdt.*, IV, 153; *Paus.*, VIII, 3, 5; *Plut.*, Мор. 298 f — 299 a.

⁵⁹ Он царствовал около 40 лет, следовательно, можно думать, что при отправлении в колонию ему было лет 20—30.

⁶⁰ Fr. 45 Snell.

⁶¹ *Arist.*, Pol. IV, 3, 8. *Polyb.*, XII, 5, 6; *Asheri D. Supplementi coloniari*, p. 78 f.

Поскольку это распространенное явление засвидетельствовано на Фере ⁶², можно предполагать, что оно имело место и при основании Кирены. Действительно, события дальнейшей истории колонии подтверждают это предположение.

Геродот сообщает, что в течение более 50 лет, прошедших со времени основания, «населявших страну киренян было столько же, сколько человек с самого начала выселилось в колонию» с Феры (IV, 159, 1). При третьем царе, Батте Счастливом, в Кирену хлынул поток переселенцев из всей Эллады, после чего последовала вспышка гражданских междоусобиц. Эти раздоры в конце концов завершились тем, что по повелению оракула киреняне пригласили к себе умиротворителя из аркадской Мантинеи. Демонакт, исследовав причины неурядиц, разделил население Кирены на три филы: феряне и пернэки составили одну филу, пелопоннесцы и критяне — другую, а все остальные островитяне — третью ⁶³. Это мероприятие Демонакта было наиболее существенным актом государственного строительства: разрозненные до того группы переселенцев из разных уголков Эллады были объединены в триединую полисную систему ⁶⁴. При этом обращает на себя внимание тот факт, что феряне были выделены в особую филу. Общая консолидация киренского населения при сохранении формальной обособленности ферян указывает на то, что смысл борьбы, происходившей в Кирене, заключался в стремлении массы дополнительных переселенцев обрести одинаковые с потомками первых колонистов гражданские права, на что прямо указывает и Аристотель ⁶⁵. В конце концов они достигли своей цели: все политические прерогативы были переданы народному собранию ⁶⁶. Следовательно, фактическая ликвидация монархии, по всей видимости, сопровождалась отменой преимущественных прав потомков первых колонистов.

Означает ли свидетельство декрета ферян о наборе колонистов из числа свободных, что остальное население

⁶² См. выше, примеч. 42.

⁶³ *Идт.*, IV, 161, 3.

⁶⁴ Ср.: *Arist.*, *Pol.* V, 2, 10: разнородность населения вызывает раздоры в среде граждан до тех пор, пока не будет устроено согласное бытие.

⁶⁵ *Pol.*, V, 2., 9; *Diod.*, XIV, 34.

⁶⁶ *Идт.*, IV, 161, 3.

не принимало участия в колонизации Кирены? По-видимому нет, поскольку этот небольшой остров (81 кв. км) был перенаселен, а несвободные, как указывалось, составляли большинство его населения⁶⁷. Переселенцы из этой массы, на мой взгляд, и составили сословие перизков, которых Демонакт объединил в одну филу с феряпами⁶⁸. Очевидно, что распределение киренян по филам осуществлялось в соответствии с территориальным принципом. Поэтому, если бы перизки были переселенцами из различных частей Эллады, то Демонакт включил бы их во вторую или третью филу. Следовательно, сам факт объединения перизков в одну филу с феряпами указывает на их ферское происхождение.

Таким образом, население, принимавшее участие в колонизации Кирены, разделялось на три категории: свободные первые переселенцы, свободные дополнительные колонисты⁶⁹ и всякого рода несвободные переселенцы. Эти категории колонистов составляли соответственно три сословия в киренском обществе: полноправных свободных, неполноправных свободных граждан (эпойки) и зависимых перизков. Социальная стратификация колонии обычно повторяла общественное устройство своей метрополии, однако процесс формирования общества в ней имел свои особенности. Так, уходя в колонию, свободные

⁶⁷ *Arist., Pol.*, IV, 3, 8.

⁶⁸ Бузольт, Ларсен, Джоунз, Шафер считали перизков туземным зависимым населением (см. литературу: *Chamoux F. Op. cit.*, p. 221). Это мнение основано на том, что в другом месте Геродот прямо говорит о ливийцах-перизках (IV, 159, 4). Однако, как мне представляется, этот термин употреблен Геродотом в различном смысле. В одном случае (IV, 159, 4), говоря об обидах, чинимых греками окрестному туземному населению, Геродот употребляет слово *περίοικοι* при *Λίβυες* в его обычном значении — «живущие вокруг» ливийцы. В другом же случае (IV, 161, 3) *περίοικοι* следует рассматривать как *terminus technicus*, поскольку речь идет о государственных учреждениях, введенных Демонактом. Именно из этого вытекает специальное значение этого термина: перизки как социально-политический слой эллинского населения Кирены. Шаму справедливо подверг критике точку зрения вышеупомянутых исследователей, указав, что широкое включение туземного населения в состав греческого полиса само по себе является «невероятным фактом» (*Chamoux F. Op. cit.*, p. 222). Ввиду этого он пришел к выводу о том, что и в Кирене перизки были эллинским зависимым населением хоры.

⁶⁹ Например, в «Линдийской хронике» (стбк. В 109—117, ed. *Blinckenberg*) утверждается, что линдийцы основали Кирену вместе с Баттом.

неполноправные, если они были дополнительными переселенцами, сохраняли свое политическое состояние, но более прочная экономическая база на новом месте жительства, побуждая их к политической борьбе, как в Кирене, могла способствовать изменению их социального статуса. В целом социальная динамика в колониях отличалась большей активностью, нежели в их метрополиях, что и было одним из факторов окончательного оформления нового полиса и его ускоренного экономического подъема.

Наконец, в связи с вопросом о составе переселенческой массы следует затронуть еще один момент. Согласно декрету ферян, колонисты отправлялись в Кирену «на равных и одинаковых основаниях» (сткк. 27—28). Вопрос об аутентичности этой формулы VII в. сложен. Она зафиксирована лишь с середины V в., но в памятнике, отражающем архаическую традицию (гортинские законы)⁷⁰. Таким образом, идея равенства колонистов между собой в общем может восходить к подлиннику VII в.⁷¹ Эта идея могла перейти в общество VII в. из героической эпохи, преломившись сквозь призму полисной идеологии; ср. гомеровское *ἰσὸμόρον καὶ ὁμῇ πεπρωμένον αἶσιν* — «равного с ним и в правах и судьбой одаренного равной»⁷². Раздел имущества производился при помощи жребия, что также указывает на существование в архаическую эпоху идеи равенства, генетически связанной с первобытными представлениями.

Итак, проведенный во втором разделе данной главы текстуальный анализ «клятвы основателей» позволил определить сткк. 25—30 и 37—40 как текст, аутентичный со стороны формы документу VII в. Исторический анализ, проведенный в третьем разделе, показал аутентичность текста сткк. 25—30 документу VII в. также и со стороны содержания⁷³. Поскольку аутентичность и формы и содержания очевидны, указанные строки «клятвы основа-

⁷⁰ Schwyzer, № 175. 2—3. В связи с колонистами эту формулу приводит Фукидид (I, 27, 1; 145).

⁷¹ Ср.: Graham A. J. The Authenticity. . . , p. 108.

⁷² II., XV, 208—209. Ср. также: Od., XI, 304. Об идее равенства в гомеровском эпосе см.: Borecký B. Survivals of some Tribal Ideas in Classical Greek. Pr., 1965, p. 14, 22 f.

⁷³ Сткк. 37—40, развивающие содержание сткк. 25—30, включают репрессивную формулу, известную эпиграфическим документам VI в. Ср., например: № 3. 11—12 сл.

телей» определенно могут рассматриваться как слегка трансформированный текст подлинного декрета VII в., принятого ферянами в связи с отправлением колонии в Ливию.

Глава II

СТАТУС ЛОКРИДСКИХ ЭПОЙКОВ

§ 1. Раздел земли и прием эпойков локридским полисом

(по данным «таблицы Паппадакиса») (№ 2)

Эта надпись, как указывалось во введении, была опубликована Н. Паппадакисом в 1926 г. и сразу привлекла к себе внимание эпиграфистов, историков и лингвистов¹. Точное место находки надписи не вполне ясно: по одним сведениям, она была обнаружена в районе Навпакта, по другим — в этолийском местечке Псориани (ныне находится в афипском Национальном музее). Время составления документа Л. Джеффри отнесла приблизительно к 525—500 гг. Надпись вырезана на обеих сторонах бронзовой пластинки, в трех углах которой имеются круглые отверстия. Шрифт западнолокридский, бустрофедон. На оборотной стороне пластинки содержатся три различных текста: продолжение текста лицевой стороны, предписание в отношении демиургов (текст В) и отрывочная фраза неизвестной принадлежности (текст С). Текст надписи приводится по сборнику Мейгтза и Льюиса (№ 13), за исключением сткк. 2, 6, 15, 16²; текст В, не относящийся к трактуемой теме, опущен.

А

τεθρὸς ὅδε περὶ τὰς γὰς βέβαιος ἔστο καὶ
τὸν ἀνδαιθρὸν πλαχὸς ὀλιᾶς καὶ λιχαρίᾶς καὶ

—→

←—

¹ Полный свод библиографии см.: IG, IX, 1, 3, р. 2. Библиографические сведения об этой надписи см. также выше, с. 52—54.

² По поводу стк. 2 см. ниже, с. 86—89. В стк. 6 ставлю две точки между ΟΙ и ΟΝ, поскольку там есть место еще для двух букв. В дополненном тексте стк. 16 опускаю δέ в соответствии с указанием Клаффенбаха (IG, IX, 1, 3, р. 3). В сткк. 15—16 вслед за Клаффенбахом помещаю πάντεσι, а не παντίεσι, как у Мейгтза и Льюиса.

- τὸν ἀποτόμον καὶ τὸν δαμοσίον. ἐπινομία δ' ἔστο
 γονεῦσιν καὶ παιδί· αἱ δὲ μὲ παῖς εἶε, κόραι· αἱ δὲ μὲ κόρα εἶε,
⁵ ἀδελφεῖ· αἱ δὲ μὲ ἀδελφεός< > εἶε, ἀνχιστέδαν ἐπινεμέσθω καὶ τὸ
 δίκαιον· αἱ δὲ μέ, τῷ ἐπινόμοι ΟΗ..ΟΝ, ἡό τι δέ κα φντεύεται,
 ἄσυλος εἶστο. αἱ μὲ πολέμοι ἀναναζόμενοις δόξαι ἀ-
 νόρασιν ἡενὶ κέκατὸν ἀριστίνδαν τῷ πλέθει· ἄνδρας δια-
 κατίος μεῖστον ἀξξιομάχος ἐπιφοίκος ἐφάγεσθαι, ἡόστ-
¹⁰ ις δὲ δαιθμόν ἐνφέρωι ἔ ψᾶφον διαφέρωι ἐν πρεῖγαι ἔ'ν πόλι· ἔ
 'ν ἀποκλεσθῆαι ἔ στάσιν ποιέοι περὶ γαδαισίας, αὐτός με-
 ν Φερρέτο καὶ γενεὰ ἄματα πάντα, χρέματα δὲ δαμευόσθω
 καὶ φοικία κατασκαπτέσθω κατ τὸν ἀνδρεφονικὸν τετθιμ-
 όν. ὁ δὲ τετθιμός ἱαρός ἔστο τῷ Ἀπόλλωνος τῷ Πυθίῳ καὶ τῶν συγγ-
¹⁵ [άον· ἔμεν δὲ τῷ τα]ῦτα παρβαίνοντι ἐξξόλειαν αὐτῷ καὶ γενεᾷ καὶ
 πάγτεσιγ, τῷ δ' εὐσεβέοντι ἡίλαος ἔστο. ἃ δὲ γ[ᾶ τὸ μὲν ἔμισον]

Verso

- C
 κομίζοιεν, ἀξιοδότας ἔστο τὰν αὐτῷ οἴτινι χρεῖζοι. —→
 vacat
 A(cont.)
 τὸν ὑπαπροσθιδίον ἔστο, τὸ δ' ἔμισον τὸν ἐπιφοίκον ἔσ- —→
 το. vacat ←—
 vacat
²⁰ τὸς δὲ κοίλος μόρος διαδόντο: ἀλλαγὰ δὲ βέβαιο- —→
 ς ἔστο, ἀλαζέσθω δὲ ἀντὶ τῷ ἀρχῷ. ←—

1. Лексический анализ и перевод надписи

Интерпретация текста закона сопряжена с рядом значи-
 тельных трудностей, поскольку смысловое и синтаксиче-
 ское значение отдельных его элементов не вполне ясно.
 В связи с этим я считаю целесообразным предварить пере-
 вод надписи комментарием к наиболее затруднительным
 местам.

τεθμός ὅδε. Это выражение может указывать как на по-
 следующий текст, так и на предыдущий; в подтверждение
 последнего Ватэн ссылается на выражение ὅδε τετθμός
 в стк. 14, где ὅδε «очевидным образом указывает на пред-
 шествующее»³. Однако в стк. 14 лучше читать не ὅδε
 τετθμός («вышеизложенный закон»), а ὁ δὲ τετθμός («этот
 закон»), как приняли Мейггз и Льюис; ср. аналогичное

³ Vatin C. Op. cit., p. 5.

употребление δέ в качестве союза (после артикля), а не энклитической частицы в синхронных локридских надписях⁴. Выражение τετθρός ὅδε стк. 1 следует рассматривать как определенно указывающее на последующее содержание закона, а не предшествующее; ср. ὅδ' ὁ τετθρός дельфийских надписей, стоящее в начале ряда законов⁵. Отсутствие артикля перед τετθρός в нашей надписи обусловлено постановкой ὅδε после существительного (ср. Ἀθηναίων ἡοῖδε ἀπέθανον)⁶. Таким образом, выражение τετθρός ὅδε определенно указывает на последующее содержание закона, что со всей очевидностью свидетельствует против предположения Виламовица и поддержавшего его Ашерри о том, что данный текст является продолжением основной части закона, вырезанной на другой, ныне утраченной табличке.

κατ τὸν ἀνδαιθρόν. В данном сочетании κατ с винительным падежом существительного могут выражаться различные оттенки: отношения, причины, способа действия. В других местах надписи κατ с аккузативом выражает способ действия («согласно обычаю» — стк. 5; «в соответствии с законом» — стк. 13). В данном контексте выражение κατ τὸν ἀνδαιθρόν может передавать оттенки отношения или способа действия, т. е. его следует переводить «в соответствии с разделом» или «в отношении раздела».

Термину ἀνδαιθρός соответствуют также δαιθρός (стк. 10) и γαιθρία (стк. 11, аттич. γῆς δαιθρός). Заключение Ватэна (р. 6) о том, что соотношение терминов δαιθρός и ἀνδαιθρός «совершенно ясно: последнее означает новое распределение», представляется излишне оптимистичным: ἀνδαιθρός (аттич. ἀνδαιθρός) может означать как «передел», так и просто «раздел»⁷. По одному этому термину, к сожалению, нельзя определить характер проведенной полисом земельной реформы — это мог быть как революционный по своей сущности передел, так и обычное периодическое перераспределение угодий среди членов общины. Поэтому и

⁴ Buck, N 57.24; 58.3.

⁵ Schwyzer, № 323. С 19 (около 400—390 гг.), № 324.1 (около 380—365 гг.).

⁶ IG, I², № 943, 2—3, 50—51.

⁷ LSJ, s. v. ἀνδαιθρός; Asheri D. Distribuzione di terre, p. 315. К значению ἀνδαιθρός ср. № 4.11: «пусть власти поклянутся, что ни город, ни хору не подвергнут переделу» (ἀνδαιθρόν κοῖ [ροῦσαι]), а также: Hdt., IV, 159 оракул: «Кто в многожеланную Ливию прибудет впоследствии, после раздела земли (γῆς ἀνδαιθροῦνας), тот, говоря, пожалеет об этом».

в связи с неясностью точного значения перевожу этот термин нейтральным «раздел»⁸.

πλαχὸς ὕλιας καὶ λισκαρίας καὶ τῶν ἀποτόμων καὶ τῶν δαμοσίον. Интерпретация этого пассажа чрезвычайно затруднена. В частности, о значении слов λισκαρίας, ἀποτόμων можно только догадываться. Пезопулос читал πλαχὸς Ὑλίας, Виламовиц — Πλαχὸς ὕλιας, Ашери, Мейггз и Льюис — πλαχὸς Ὑλίας καὶ Λισκαρίας, Клаффенбах — Πλαχὸς Ὑλίας καὶ Λισκαρίας. Ватэн, сближая λισκαρία с λισγάριον — «борона» и λίστρον «заступ», высказал предположение о том, что в ὕλιας и λισκαρίας следует видеть имена, образованные по типу — ιά; в таком случае, заключает он, λισκαριά будет означать «новину», «обработанную целину» в противоположность ὕλιά — «зарослям» (р. 7). Эта гипотеза представляется довольно привлекательной. Сближение λισκαρία исследуемой надписи с позднегреческим λισγάριον — «мотыга», «лопата», засвидетельствованным в схолиях к Феокриту и у Свиды⁹, с фонетической стороны можно поддержать бытующим в некоторых новогреческих говорах Приазовья словом λισκάρ «лопата» (при новогреческом димотическом λισγари — «грабли», «борона»)¹⁰. Итак, λισκαριά можно понимать как

⁸ Заслуживает внимания еще один семантический аспект этого термина. Содержащееся в рассказе Геродота о Кирене выражение γῆς ἀναδασμός, как следует из контекста, специфическим образом означает «наделение земельными участками прибывающих впоследствии колонистов», т. е. в сущности таких же эпойков, о которых идет речь в исследуемой надписи. Ср.: IV, 159: «Посредством оракула Пифия побудила всяких эллинов отплывать для того, чтобы вместе с киренянами заселять Ливию, поскольку киреняне приглашали (колонистов), обещая наделить их земельными участками» (ἐπιχαλέοντο γάρ οἱ Κυρηνάιοι ἐπὶ γῆς ἀναδασμῷ). См. также: IV, 163: Аркесилай, собирая войско для возвращения в Кирену, «побуждал всяких людей, обещая наделить их «земельными участками» (ἐπὶ γῆς ἀναδασμῷ).

⁹ LSJ, s. v. λισγάριον.

¹⁰ Например, в говоре села Македоновка (ныне Октябрьское Володарского р-на Донецкой обл.). У греков Приазовья еще в начале XX в. лискар был непременным атрибутом ежегодно проводившегося среди членов крестьянской общины передела земельных участков (μοίρασμα). Общинная земля была расположена в окрестностях села, земли же богатых собственников, не входивших в общину, были расположены дальше, причем по своим качествам частновладельческие угодья далеко превосходили общинные земли. Каждый из общинников имел несколько участков в различных зонах, на которые делилась общественная земля в зависимости от естественных качеств почвы. Наделение общинников земель проводилось по кварталам, в порядке расположения домов на улице. Общинник, получивший свой надел, забивал в углах колышек, который обкапывался с обеих сторон при помощи лискара.

«обработанная, культивированная земля». С другой стороны, ὀλία — это «земля, покрытая зарослями», ср. упоминаемую в декрете филы Антиохиды от 303/2 г. в области Оропа «лесистую землю» — ἐφύλον («полесье», из ἐπὶ ὄλον)¹¹. В Гераклеийских таблицах упоминаются аналогичные названия видов земли, связанные с характерными естественными свойствами последней: ἐρρηγεῖα «обработанная земля», σκίρος «участок, покрытый зарослями», и др.¹² Таким образом, в локридском полисе, издавшем исследуемый закон, надо полагать, различались такие виды земли, как ὀλία, λισχαρία и, вероятно, κοῖλα (ср. стк. 20 и Ag. Nub., 325). Если эти слова рассматривать как топонимы, очевидно, что они все же отражают реальные свойства обозначаемых ими земель¹³.

В сткк. 2—3 упоминаются ἀπότορα и δημόσια, значение которых не вполне ясно. Δημόσια — это общественные земли, которые состояли из теменов и, возможно, как и в Аттике, включали в себя пастбищные угодья¹⁴. Слово ἀπότορα Вилламовиц переводил как «склоны» (der Abhänge)¹⁵, Бак — как «части, отрезанные (от общественного домена)»¹⁶, Паппадакис и вслед за ним Ашери — как «завоеванные районы»¹⁷. Все эти предположения мало аргументированы, и, на мой взгляд, наименее насильственной является этимологическая интерпретация Бака. Характер этих участков может быть определен весьма приблизительно. По мнению Мейгтза и Льюиса, в них следует видеть священные участки — темены¹⁸. (Замечу, однако, что термин δημόσια может включать в себя понятие темены. Ср., с одной стороны, Ps.-Arist., Оез., В II, 2—1346b 14: византийцы, нуждаясь в деньгах, τὰ τεμένη τὰ δημόσια ἀπέδοντο¹⁹, а с другой — Hdt., V, 29, где τὰ δημόσια обозначает общественные земли, т. е. в том числе и темены.)

¹¹ SEG, III, № 117.15; ὄλη — это «подлесок», «кустарник» (LSJ, s. v. ὄλη).

¹² Buck, N° 79, 1.36—37 и др.

¹³ Ср.: LSJ, s. v. κοῖλος, I, 2.

¹⁴ Ср.: Андреев В. Н. Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э. — ВДИ, 1967, № 2, с. 54, 60.

¹⁵ Wilamowitz U. Ein Siedelungsgesetz aus West-Lokris, S. 8.

¹⁶ Buck, p. 256.

¹⁷ Asheri D. Distribuzione di terre, p. 314.

¹⁸ ML, p. 25.

¹⁹ Далее Аристотель замечает, что среди них были плодородные и неплодородные участки (καρπύμα, ἀκαρπύμα).

На мой взгляд, в ἀπότομα следует видеть понятие, противоположное δαρμόσια, т. е. частновладельческие участки, отрезанные от общественных угодий (ср. аналогичный по образованию русский термин «отрубá»). Глагол τέμνειν (с различными префиксами) широко употребляется в источниках в связи с парцелляцией земельных угодий²⁰. В частности, в медиальной форме ἀποτέμνεσθαι он употребляется для обозначения экспроприации земельных угодий одной общиной у другой²¹ или царем у других народов²². Он же употреблен в аргосском декрете о Кноссе и Тилиссе в связи с индивидуальной, частновладельческой экспроприацией земли: «... жителю Кносса возбраняется приобретать собственность в Тилиссе, однако жителю Тилисса (можно делать это) в Кноссе, если он пожелает. Нельзя также ни отрезать полосы от (какого-либо) участка (μηδὲ χώρας ἀποτέμνεσθαι), ни экспроприировать его целиком»²³. Таким образом, ἀπότομα можно рассматривать как индивидуальные участки²⁴, которые полис выделил своим гражданам из общественного фонда — δαρμόσια, причём последние, видимо, представляли собой в основном неводеланные угодья, в то время как ἀπότομα — культивированные (см. ниже). Такая интерпретация согласуется с фактом раздела земель, о котором идет речь в надписи.

Как бы ни решался вопрос о характере земель, перечисленных в сткк. 2—3 закона, думается, что они не составляли четырех различных сельскохозяйственных округов (distrette), как полагал Ашер²⁵. Мне представляется, что эти земли перечислены попарно: сначала в зависимости от своих естественных свойств (или в качестве топонимов, что дела не меняет), т. е. как «лесистая» и «культивированная» земля, а затем они же упомянуты по признаку собственности как «частные (отрубá)» и «об-

²⁰ Например: II, VI, 194; IX, 580; в Гераклеийских таблицах, I, 11—13: «Мы измерили, начиная от межевой тропы (ἀπὸ τοῦ ἀντόμου), которая... отделяет (τῷ διατάμνοντος) сипищенные земли от частновладельческих участков...».

²¹ *Hdt.*, I, 82; IV, 3; *Dem.*, XIII, 32; *Schwyzler*, N 186.8.

²² *Isocr.*, V, 22; *Theocr.*, XVII, 86.

²³ *Buck*, N 85.23—26.

²⁴ Так полагал и Клаффенбах (IG, IX, 1, 3, p. 3).

²⁵ *Asheri D. Distribuzione di terre*, p. 315; по его мнению, этими четырьмя округами являются две равнины (πλατὸς Ἰλίας καὶ Λισκαρίας), завоеванные воны (ἀπότομα) и общественный домен (δαρμόσια).

пественная земля». Мне думается, что в пространственном отношении это был один массив, одна равнина, частью культивированная и частью покрытая подлеском, которая была поделена на частновладельческие и общественные угодья. В целом сткк. 1—3, на мой взгляд следует понимать таким образом: «Следующий закон о земле пусть имеет силу в соответствии с разделом подлеска и обработанных земель равнины²⁶, как индивидуальных отрубов, так и общественных угодий».

ἐπινομία. Обычное значение этого термина — «право выпаса», которое представлено в многочисленных эпиграфических документах, относящихся, правда, в основном к III—II вв.²⁷ С таким значением как будто согласуется факт поощрения культивации невозделанных земель (сткк. 6—7), а также определенно целинный (пастбищный?) характер ὀλία. Однако из надписи явствует, что разделу подверглись обе упомянутые в ней категории земли — и подлесок, и культивированная земля, которые составляли общественный и частный земельные фонды полиса. Раздел же пастбищ на индивидуальные участки — беспрецедентный факт, практически вряд ли осуществимый. Ввиду этого представляется плодотворной попытка Ватэна²⁸ видеть в термине ἐπινομία эквивалент слова κληρονομία, что подтверждается равнозначностью слов ἐπίνομος и κληρονόμος, относящейся, правда, ко времени не ранее III—II вв. до н. э.²⁹ Более важным, нежели аналогии, указанием на то, что в данной надписи под эпиномией подразумевается «право наследования», являются однокоренные термины ἐπινέμεσθαι и ἐπίνομος (сткк. 5—6), определенно имеющие значение «наследовать» и «наследник». Точка зрения Ватэна в настоящее время получила признание в среде исследователей³⁰.

²⁶ πλακὸς ὀλίᾱς καὶ λισκαρίᾱς.

²⁷ К IV в. принадлежат свидетельства Ксенофонта (Суг., III, 2,23) и, может быть, проксенин из Таламиса (Schwyzer, № 53.7). Остальные параллели см. по индексу в сборнике Швицера (s. v. ἐπινομία). В Локриде эпиномия засвидетельствована еще раз в проксенин II в. — IG, IX, 1, 3, № 750.31. См. также: Никитский А. В. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901, с. 58.

²⁸ Vatin C. Op. cit., p. 7—9.

²⁹ LSJ, s. v. ἐπίνομος, III.

³⁰ Д. Аперн, ранее полагавший, что эпиномия здесь означает «право выпаса», после ряда устных дискуссий с Ватэном, Лепором

γονεῖς καὶ παῖδι. В этой фразе речь идет о принадлежности права наследования, причем, как полагает ряд исследователей, под γονεῖς подразумеваются «главы семьи»³¹. В γονεῖς, как мне представляется, следует видеть не это специфическое значение, а обычное — «родители», поскольку право наследования могло принадлежать и матери. Таким образом, сткк. 3—6 переводятся следующим образом: «Пусть право наследования принадлежит родителям и сыну; если же не будет сына — дочери; если не будет дочери — брату (родителя или родительницы, ср. декрет об эпойках в Навпакте, № 3. 16, 29—31); если не будет брата, пусть наследует ближайший родственник согласно обычаю. Если же (и такового) не окажется, то наследнику. . .».

Установленный здесь порядок наследования близок другим архаическим системам наследования; особенно показательна в этом отношении правоспособность женщины как наследницы, что зафиксировано в законодательстве Спарты, Крита и Аркадии. Критская гортинская система наследования отдает предпочтение прямым потомкам в третьем колене перед ближайшими родственниками. В целом в гортинском законодательстве различается следующая последовательность наследственных групп: 1) родители, дети, внуки; 2) братья (умершего), племянники, дети племянников; 3) сестры (умершего), их дети, их внуки; 4) в случае отсутствия перечисленных лиц наследство переходит к тем, кому надлежит наследовать его в соответствии с происхождением имущества (этот пункт не вполне ясен) и далее — к членам войкии, составляющим клер³².

Аркадская система наследования более компактна и менее детализована; она ближе к локридской: имущество переходит от отца к родным сыновьям, далее — к родным дочерям; в случае отсутствия таковых оно может перейти к незаконнорожденному потомству и далее — к близким родственникам³³.

и другими коллегами, отказался от своего прежнего взгляда и теперь также склоняется к мысли об эпиномии как о «праве наследования» (письмо к автору от 8 января 1972 г.).

³¹ Buck, p. 256; Asheri D. Distribuzione di terre, p. 317 и др. В этих работах говорится о «праве выпаса».

³² Buck, N 117, V. 9—28.

³³ Schwyzer, № 57B, Тегея, V в.

ΟΠ. ΟΝ. Значение этих букв совершенно неясно ³⁴. Клаффенбах отмечает, что текст между словами ἀδεύφει и ἡο τι (сткк. 5—6) находится в разуре ³⁵. Эти буквы меньше по размерам, они как бы втиснуты между сткк. 4—5 и 6—7. Как полагает Клаффенбах, состояние этого текста, вероятно, указывает на то, что резчик, заметив свою ошибку и видя, что должный текст не уместается в оставшемся месте, перенес его остаток на обратную сторону. Таким образом, этот авторитетный исследователь высказался в поддержку мнения Паппадакиса и Джеффери, согласно которым текст С должен быть помещен в разуре, т. е. αἱ δὲ μὲ τοὶ ἐπινόμοι κομίζουσιν ἀξιοδότας ἔστο τὴν αὐτὸ διτινὴ χρεῖζοι — «Если же наследники не станут проявлять должной заботы, то пусть право наследования по достоинству будет дано тому, кто пожелает». Эта гипотеза довольно привлекательна, тем более что оптативные формы текста С имеют аналогию в основном тексте закона (сткк. 10—11). Однако ἀξιοδότας текста С не показывает неукоснительно соблюдаемого в основном тексте закона удвоения ξ (сткк. 7, 9, 15), поэтому в целом вопрос остается открытым.

τοὶ πλέθει. Как указал Ватэн, это выражение можно понимать не только как «большинством голосов», но и как «числом», причем в последнем случае остается неясным, к кому отнесится это слово — к совету 101 или к колонистам ³⁶. Эти соображения, аргументированные эпиграфическим материалом, были учтены мною при переводе, причем τοὶ πλέθει отнесено к совету 101, что дает более связный текст.

τὸς δὲ κοῖλος μῶρος. Словом μῶροι в Митилене обозначались земельные участки ³⁷. По Гесихию, это синоним слова κλῆρος ³⁸. Как можно заключить из одной эпиграфической параллели, κοῖλοι μῶροι — это лощинные, а не долинные участки ³⁹. В целом очевидно, что сткк. 20—21 были добавлены не в качестве дополнения к закону, а во исполнение одного из его пунктов (сткк. 7—9).

³⁴ Предлагавшиеся варианты чтений и дополнений приведены в сборнике Мейггза и Льюнса (р. 23) и у Клаффенбаха (IG, IX, 1, 3, р. 3—4).

³⁵ См.: IG, IX, 1, 3, р. 3—4.

³⁶ Vatin C. Op. cit., р. 11.

³⁷ Schwyzer, № 621B; III в.

³⁸ Lexicon, s. v. μῶροι.

³⁹ Ср.: Schwyzer, № 664, 28; если бы κοῖλα были долинами, то граница между полисами была бы обозначена более точно.

ἀλλαγί. Под этим термином имеется в виду обмен, т. е. продажа участков ⁴⁰, что свидетельствует о невысоком качестве лощинных угодий. Ввиду этого предположение Паппадакиса и Ашерри о том, что с помощью колонистов были завоеваны и разделены новые территории ⁴¹, представляется маловероятным.

П е р е в о д:

«Следующий закон о земле пусть имеет силу в соответствии с разделом подлеска и обработанных земель равнины, как индивидуальных отрубков, так и общественных угодий. Пусть право наследования принадлежит родителям и сыну; если же не будет сына — дочери; если не будет дочери — брату (родителя или родительницы); если не будет брата, пусть наследует ближайший родственник согласно обычаю. Если же (и такового) не окажется, то наследнику. . . , что кто ни высадит для себя, пусть будет неприкосновенен. За исключением случая, когда в силу обстоятельств военного положения совет, (избранный) соответственно доблести в числе ста одного человека, решит ввести по крайней мере двести боеспособных эпойков, всякий, кто станет предлагать раздел земли или голосовать за это либо в совете старейшин, либо в народном собрании, либо в совете апоклетов, или будет поднимать распрю в целях проведения раздела земли, пусть будет изгнан и сам, и род его навеки, имущество конфисковано, а дом скрыт до основания, как и по закону о человекоубийстве. Этот закон пусть будет под покровительством Аполлона Пифийского и сохранных богов. На преступающего эти установления пусть падет гибель — на его самого, на род и все достояние, к чтущему же их пусть (Аполлон) будет благосклонен. Пусть земля наполовину (оборот) принадлежит прежнему населению города и наполовину — эпойкам.

Пусть распределяют лощинные участки. Продажа пусть будет в силе, продавать, однако, в присутствии магистрата».

⁴⁰ LSJ, s. v. ἀλλαγή, II, 1.

⁴¹ Asheri D. Distribuzione di terre, p. 316.

2. Принятие полисом эпойков и раздел земли

Название города, принявшего этот закон о земле, нам неизвестно; вероятно, это был Навпакт или какой-нибудь другой полис Локриды⁴². Согласно данным надписи, в городе функционировали народное собрание, совет старейшин и совет апоклетов (сткк. 10—11); из магистратов упоминаются демиурги и архос (стк. 21 и текст В). Полис имел довольно развитое, хотя и сохраняющее еще архаические черты, законодательство, о чем можно судить не только по его наследственному праву (сткк. 3—6), но и по уголовному, вышедшему за пределы примитивного обычного права (сткк. 11—14). Полис, по всей видимости, имел олигархическое устройство, подтверждение чему можно видеть прежде всего в выборе совета 101 (стк. 8). Моральный аспект, который видели в выражении ἀριστίνδων Эмар и Лера⁴³, вполне уместен в контексте архаической эпохи (ср. декрет об эпойках в Навпакте, стк. 35); вместе с тем совет 101 может соответствовать выборному совету из 100 граждан в Оупте и Навпакте, исполняющему временные функции (там же, стк. 13).

В какой-то момент своей истории полис издал закон о земле. Как уже упоминалось, по мнению Виламовица, исследуемая надпись содержит лишь заключительную часть этого закона, основной текст которого был вырезан на другой, примыкавшей, но утерянной ныне бронзовой табличке⁴⁴. Эту точку зрения развил Ашери, который считал, что дошедший до нас текст открывается заключительной фразой основного содержания декрета, за которой следуют две второстепенные клаузулы (сткк. 3—7),

⁴² Упоминание в надписи храма Аполлона (стк. 14) может указывать на ее связь с Навпактом, где находился Аполлонийон (*Thuc.*, III, 91, 1). Другим вероятным местом происхождения может быть Гиля, один из городов Западной Локриды, упоминаемый Гесихием (см.: *Buck*, p. 256). Остальные локализации менее вероятны: Псо-риани в Этолии, неподалеку от западнолокридской границы (*Lerat L. Les Locriens de l'Ouest*. P., 1952, 2, p. 10). Полис, город, расположенный к востоку от Амфиссы (*Chatzes. 'Αρχαιολογική ἐφημερίς*, 1927—1928, с. 181 сл. Цит. по: *LSAG*, p. 105). Предположение Батэна о связи надписи с италийскими локрами (*Op. cit.*, p. 18—19) представляется довольно фантастичным.

⁴³ *Lerat L. Op. cit.*, 2, p. 123—124. Лера вообще отрицает наличие олигархического устройства в локридских городах, полагая, что там были аристократии.

⁴⁴ *Wilamowitz U. Op. cit.*, S. 9, 11.

составляющие переход к статье об утверждении закона (сткк. 7—16)⁴⁵. По мнению Ватэна, было издано три закона: один из них, не сохранившийся, регулировал систему раздела земель; второй, дошедший до нас (сткк. 1—16), регулировал последствия проведенного раздела земли; третий представляет собой поправки (сткк. 16—21) к первому закону, которые изменили формы раздела земли⁴⁶.

На мой взгляд, эти гипотезы излишне усложняют вопрос о характере документа. Выражение *τεδνός ὁδε*, как было показано выше, определенно имеет в виду последующий текст закона. Этот закон не обязательно должен содержать подробности проведенного раздела земли, отсутствие которых привело Виламовица к указанному заключению. Его цель состоит в ином — в закреплении проведенного раздела земли. Закон включает ряд статей, содержание которых сводится к следующему: 1) утверждается действительность проведенного раздела земли (преамбула, сткк. 1—3); 2) результаты раздела закрепляются на будущее время посредством устанавливаемой системы наследования участков (сткк. 3—6); 3) поощряется культивация «мертвой» земли (сткк. 6—7); 4) устанавливается нерушимость проведенного раздела земли, причем предусматривается случай, при котором вопрос о нем может быть поставлен вновь (сткк. 7—14); 5) закон освящается авторитетом Аполлона Пифийского, являющегося блюстителем незыблемости данных предписаний (сткк. 14—16).

Перечисленные статьи достаточно ясно показывают разнообразие, целенаправленность и логическую последовательность содержания закона, определенно свидетельствующие о его цельности как документа. Однако содержание закона указанными статьями не исчерпывается: предписание о разделе земли поровну между колонистами и исконным населением города (сткк. 16, 18), как мне представляется, также принадлежит к основному содержанию закона, поскольку оно непосредственно продолжает его текст в сткк. 16⁴⁷.

⁴⁵ *Asheri D. Distribuzione di terre*, p. 314f.

⁴⁶ *Vatin C. Op. cit.*, p. 5.

⁴⁷ Текст закона не обязательно заключается формулой проклятия, он может продолжаться и вслед за ней; ср., например, тот же декрет об эпойках в Навпакте, сткк. 38 сл. С другой стороны, следует отметить, что сткк. 20—21, не входящие в текст разбираемого закона, соответственным образом начинаются с новой строки.

На мой взгляд, ход и смысл событий, связанных с изданием закона о земле, таков. Некогда полис в силу каких-то причин провел раздел земли, который был закреплен дошедшим до нас законом. Проведенный раздел, характер которого неясен, был объявлен нерушимым, однако оговаривалось, что он может быть проведен вновь в том случае, если неблагоприятное военное положение заставит полис принять дополнительный контингент эпойков (сткк. 7—14). По прошествии какого-то времени обстоятельства, связанные с военной ситуацией (ср., сткк. 7, 9), привели к приему эпойков в число граждан полиса. В качестве основания для раздела земли, проведение которого было возможно лишь в этом случае, с изданного ранее закона была снята копия; именно таким образом, мне представляется, может быть объяснен тот факт, что и текст закона, и предписание о наделении вновь прибывших эпойков лощинными участками (сткк. 20—21) сделаны одним и тем же резчиком. Следовательно, исследуемая надпись, видимо, представляет собой копию с изданного ранее закона, которая была снята *ad hoc*, по случаю приема эпойков в число граждан города и наделения их землей. Впрочем, эта гипотеза отпадает, если предположить, что издание закона и прием эпойков были проведены на протяжении небольшого отрезка времени (т. е. сткк. 20—21 могли быть добавлены тем же мастером, который вырезал и основной текст).

Смысл проведенного полисом раздела заключался в том, что каждому гражданину выделялся участок (скорее ряд участков) земли, которая представляла собой частью культивированные, частью некультивированные угодья. Пользование этими участками закреплялось на будущее за каждым гражданином посредством наследственного права.

Данные надписи явно свидетельствуют о том, что приятие эпойков не влекло за собой передела всей хоры полиса, как предполагал Паппадакис. Лощинные участки, которые разделялись пополам между горожанами и колонистами (сткк. 16, 18—19), могли быть новой территорией, присоединенной при помощи эпойков, но скорее всего в ней следует видеть свободную часть хоры полиса. Интересно отметить, что закон предусматривал раздел земель, указанных в сткк. 2—3, однако фактически разделу подвергся другой массив земельных угодий. Можно определенно утверждать, что лощинные участки по своим естест-

венным качествам не представляли собой первосортных угодий, в то время как равнинные земли (πλάξ стк. 2), составлявшие основной фонд сельскохозяйственной хоры полиса, были (согласно общему землеведению) наиболее благоприятными для культивации⁴⁸. Видимо, в связи с этим полис разрешил продавать лощинные участки (сткк. 20—21). Это предписание, очевидно, имеет в виду не столько эпойков, сколько население города, которое, помимо лощинных участков, имело наделы на равнине. В олигархических государствах, каким, по всей видимости, был и паш полис, власти принимали все меры к сохранению «основного» земельного надела⁴⁹, в то время как остальные, благоприобретенные участки могли продаваться.

Наделение эпойков участками не из основного земельного фонда полиса свидетельствует о том, что их рассматривали как «второсортных» граждан, и этот факт имеет многочисленные параллели. Так, в Фуриях эпойки получали наделы в дальних районах хоры⁵⁰. На Черной Керкире они получали меньшие наделы из «неподеленной» земли (№ 4. 9—10), при этом они не имели «основного» надела, вследствие чего доступ к высшим магистратурам был для них закрыт⁵¹. Неравноправность положения эпойков была имманентным, довольно широко распространенным явлением эллинской колониационной практики, что следует из многих известных нам фактов⁵². Судя по всем данным, положение эпойков, упоминаемых в исследуемой надписи, не было исключением из общего правила.

Эпойки как категория колонистов впервые в греческих источниках упоминаются в этой надписи. Прежде всего обращает на себя внимание бесспорная связь ввода эпойков с состоянием военных дел полиса: необходимым условием принятия в число новых граждан является боеспособность колонистов (стк. 9). Данные надписи свидетельствуют о том, что эпойки главным образом и прежде всего были необходимы полису как военная сила.

⁴⁸ Ср.: Филиппсон А. Средиземноморье. М., 1911, с. 162. Наглядную разницу между равнинными и лощинными участками в Западной Локриде можно видеть по фотографиям, приложенным к работе Лера: т. 1, табл. 9 (2, 4) ср. с табл. 22 (1).

⁴⁹ Arist., Pol., VI, 2, 5.

⁵⁰ Diod., XII, 41, 1.

⁵¹ См. ниже, с. 132—133.

⁵² Помимо приведенных выше фактов, ср. также: Arist., Pol., V, 2, 10. Подробнее см.: Asheri D. Supplementi coloniari, p. 77 f.

Суммируя результаты проведенного анализа, отмечу следующие основные моменты. Присоединяющиеся эпойки получают наделы на второсортных землях полиса, причем половина массива предоставляется в распоряжение старого населения города, которое имеет возможность продавать эти благоприобретенные участки новым гражданам. Смысл проведенного полисом раздела земли и последующего законодательства заключается в закреплении полученных по разделу земельных угодий за определенным числом граждан. Эти земли включали «мертвые» угодья, и закон поощрял частную инициативу граждан в отношении их культивации. Установленная законом система наследования участков закрепляла результаты раздела земли на будущее. Статус эпойков отличался в ряде существенных пунктов от статуса полноправного исконного гражданства полиса.

§ 2. Декрет опунтских локров о навпактских эпойках (№ 3)

Надпись вырезана на обеих сторонах бронзовой пластинки, найденной в прошлом веке в Галаксиди (ныне находится в Британском музее). Галаксиди сейчас идентифицируется не с Эантеей, как раньше, а с Халейоном, который упоминается в стк. 47 данной надписи⁵³. Шрифт западнолокридский, т. е. этот документ является копией, снятой с декрета опунтян для поселенцев в Халейоне⁵⁴. Время составления надписи может быть приблизительно отнесено к первой трети V в. до н. э.⁵⁵ Л. Джеффри высказала предположение о связи этого декрета с локридским же законом о разделе земли, т. е. это уложение об отправленных в Навпакт колонистах имеет в виду тех самых 200 «боеспособных эпойков», о которых шла речь в предыдущем документе (№ 2. 9)⁵⁶. По времени обе надписи близки друг другу; в частности, если закон о земле написан бустрофедоном, то декрет о навпактских эпойках содержит архаическую *копну*. Оба декрета соблюдают принцип удвоения *кси*.

⁵³ Lerat L. Op. cit., 1, p. 209.

⁵⁴ LSAG, p. 106.

⁵⁵ По поводу датировки ср. также соображения Г. Клаффелбаха (IG, IX, 1, 3, p. 96).

⁵⁶ LSAG, p. 106.

Текст надписи приводится по сборнику Мейггза и Льюиса (№ 20), но без густого придыхания; в стк. 7 принимаю чтение *καταλείποντα*, а в стк. 35 *σπιατες* сняты знаки тонкого придыхания и ударения, но поставлены на *ἐς*; опущена также оригинальная интерпункция документа. При этом следует отметить, что интерпретация отдельных мест текста допускает различные варианты, — несмотря на то, что за столетие с лишком, прошедшее со времени опубликования надписи, вышло большое количество посвященных ей работ, «одни места остаются сомнительными, другие — неясными»⁵⁷. Начальные строки надписи (1—11) составляют преамбулу, далее следует ряд пронумерованных статей уложения (*θέθμιον*, стк. 46)⁵⁸.

ἐν Ναύπακτον κα τῶνδε κα 'πιφοικία. Λοφρὸν τῶν *ὑποκναμιδίων*
 εἰ κα *Ναυπάκτιος* γίνεται, *Ναυπάκτιον* ἑόντα, *ἡπό* ξένον *οἷα*
 εἰν καὶ θύειν ἐξεῖμεν *ἐπιτυχόντα*, αἱ κα *δείλεται* αἱ κα *δείλε-*
ται, θύειν καὶ λ-
 ανχάνειν κε' δάμο κε' φοινάνον αὐτὸν καὶ τὸ γένος κατ' αἱφεῖ-
 τέλος το-
 5 ὅς ἐπιφοίκους Λοφρὸν τῶν *ὑποκναμιδίων* μὲ φάρειν ἐν Λοφροῖς
 τοῖ-
 ς *ὑποκναμιδίοις* φρίν κ' αὖ τις Λοφρὸς γίνεται τῶν *ὑποκναμι-*
δίων αἱ
 δείλετ' ἀνχορεῖν, καταλείποντα ἐν τῇ ἰστίαι παῖδα *ἡεβατὰν* ἐ'
δελφεόν, ἐξ-
 εῖμεν ἄνευ ἐντερῖον, αἱ κα *ὑπ' ἀνάγκας* ἀπελάονται ε' *Ναυ-*
πάκτο Λοφ-
 ροὶ τοῖ *ὑποκναμιδίοι*, ἐξεῖμεν ἀνχορεῖν, *ἡπό* *Ἰέκαστος* ἐν,
 ἄνευ ἐ-
 10 *ντερῖον*. τέλος μὲ φάρειν μεδὲν ἡότι μὲ μετὰ Λοφρὸν τῶν *Ἰεσ-*
παρί-
 ον. Α. ἔνορπον τοῖς ἐπιφοίοις ἐν Ναύπακτον μὲ' ποστᾶμεν ἀπ'
 'Ο<πο>ντίον
 τέκναι καὶ *μαχανᾷ* μεδεμῖαι *Ἰεφόντας*. τὸν *ἡόρχον* ἐξεῖμεν αἱ
 κα *δεί-*
 λονται, ἐπάγεν μετὰ *τριάφοντα* *Ἰέτσα* ἀπὸ τῷ *ἡόρφο* *ἡεκατὸν*
ἄνδρας 'Ο-

⁵⁷ IG, IX, 1, 3, p. 93. Там же см. полную сводку литературы (p. 91) и различные варианты чтения текста (p. 93).

⁵⁸ О форме декрета см.: *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 230—232.

ποντίοις Ναυπακτίον καὶ Ναυπακτίοις Ὀποντίους. Β. ἥσσυτις κα
 λιποτελέε-
 15 ι ἐγ Ναυπάκτο τὸν ἐπιΦοῖφον, ἀπὸ Λοφρὸν εἶμεν ἔντε κ' ἀπο-
 τείσει τὰ νό-
 μια Ναυπακτίοις. Γ. αἱ κα μὲ γένος ἐν τῇ ἰστίαι εἰ ἔ χεπά-
 μον τὸν ἐπι-
 Φοῖφον εἰ ἐν Ναυπάκτοι, Λοφρὸν τὸν ὑποκναμιδίων τὸν ἐπὶ νήσι-
 τον κρατεῖν, Λοφρὸν ἥπο κ' εἰ, αὐτὸν ἰόντα, αἱ κ' ἀνὲρ εἰ ἔ
 παῖς, τριὼν
 μενδὼν αἱ δὲ μέ, τοῖς Ναυπακτίοις νομίοις χρῆσται. Δ. ε' Ναυ-
 πάκτο ἀνχορέ-
 20 οντα ἐν Λοφροῦς τοῖς ὑποκναμιδίου ἐν Ναυπάκτοι καρῆσαι ἐν
 τὰ-
 γορᾷ, κέν Λοφροῖς τοῖς ὑποκναμιδίοις ἐν τῇ πόλι, ἡδ κ' εἰ,
 καρῆσαι ἐν
 τάγορᾷ. Ε. Περφοθαριᾶν καὶ Μυσαχέον ἐπεὶ κα Ναυπάκτικός
 τις γένετα-
 ι, αὐτὸς καὶ τὰ χρέματα τὸν Ναυπάκτοι τοῖς ἐν Ναυπάκτοι χρῆσ-
 ται,
 τὰ δ' ἐν Λοφροῖς τοῖς ὑποκναμιδίοις χρέματα τοῖς ὑποκναμιδί-
 25 οις

Verso

νομίοις χρῆσται, ἥπος ἃ πόλις Φεχάστον νομίζει Λοφρὸν τὸν
 ὑποκν-
 αμιδίων αἱ τις ὑπὸ τὸν νομίον τὸν ἐπιΦοῖφον ἀνχορέει Περφο-
 θარიᾶ-
 ν καὶ Μυσαχέον τοῖς αὐτὸν νομίοις χρῆσται κατὰ πόλιν Φεχάστους.
 Φ. αἱ κ' ἀδελφοὶ ἔοντι τὸν Ναυπακτον Φοικέοντος ἥπος καὶ
 Λοφρῶ-
 30 ν τὸν ὑποκναμιδίων Φεχάστον νόμος ἐστί, αἱ κ' ἀποθάνει τὸν χ-
 ρεμάτον κρατεῖν τὸν ἐπίΦοικον, τὸ κατιφόμενον κρατεῖν. Ι.
 τούς ἐπιΦοίφους ἐν Ναυπακτον τὰν δίκαν πρόδιφον ἡρέσται πὸ
 τούς δ-
 ικαστέρας, ἡρέσται καὶ δόμεν ἐν Ὀπόντι κατὰ Φέος αὐταμαρόν.
 Λοφ-
 ρὸν τὸν ὑποκναμιδίων προστάταν καταστᾶσαι τὸν Λοφρὸν τὸν ἐπιΦ-
 35 οῖφοι καὶ τὸν ἐπιΦοῖφον τῷ Λοφρῷ, ἡοῖτινές κα πιατες ἐντιμοί
 ἔς. Η. ἥσσο-
 τις κ' ἀπολίπει πατᾶρα καὶ τὸ μέρος τὸν χρεμάτον τῷ πατρί,
 ἐπεὶ κ'
 ἀπογένεται, ἐξεῖμεν ἀπολαχεῖν τὸν ἐπίΦοῖφον ἐν Ναυπακτον.
 Θ. ἥσσυτις κα τὰ Φεφαδεφότα διαφθεῖρει τέχνη καὶ μαχανᾷ κα-
 ῖ μιᾷ, ἥτοι κα μὲ ἀνφοτάρους δοκέει, ὑποποντίον τε χιλίον πλῆθ-
 40 αι καὶ Ναυπακτίον τὸν ἐπιΦοῖφον πλῆθαι, ἄτιμον εἶμεν καὶ χρέ-

ματα παματοφαγῆται· τὸν καλειμένοι τὰν δίκαν δόμεν τὸν ἀρχόν, ἐν τριάφοντ' ἀμάραις δόμεν, αἱ κα τριάφοντ' ἀμάραι λείπονται τὰς ἀρχαῖς· αἱ κα μὲ δίδοι τῷ ἐγκαλειμένοι τὰν δίκαν, ἀτιμον εἶμεν καὶ χρέματα παματοφαγῆται, τὸ μέρος μετὰ Φοικιατῶν διομόσαι ἡόρπον τὸν νόμιον· ἐν ὕδριαν τὰν φάφιξιν εἶμεν. καὶ τὸ θέδμιον τοῖς ὑποκναμιδίοις Λοφοῖς ταυτὰ τέλεον εἶμεν Χαλειέοις τοῖς σὺν Ἀντιφάται Φοιφέταις.

Перевод:

«В Навпакт (выводится) колония на следующих основаниях. Локру гипокнемидскому, когда он станет навпактянином, как гражданину Навпакта в случае пребывания (в метрополии), дозволяется в качестве ксена получать свою долю жертвенного мяса и приносить жертвы, если он пожелает. Если пожелает, пусть получает свою долю жертвенного мяса и приносит жертвы при общенародных и групповых священнодействиях, как он сам, так и его род во все времена. Эпойкам из числа локров гипокнемидских не вносить подать в Локры гипокнемидские, пока кто-либо из локров не станет снова гипокнемидянином. Если (колонист) пожелает вернуться назад, быть тому без (внесения) пошлин за принятие в число граждан, но при условии оставления дома взрослого сына или брата. Если гипокнемидские локры будут силой изгнаны из Навпакта, то им дозволяется вернуться обратно, на прежнее место жительства без (внесения) пошлин за принятие в число граждан. Никакой подати не вносить, кроме как вместе с западными локрами. 1. Пусть навпактские эпойки поклянутся никоим образом и никаким путем добровольно не отпадать от опунтян. Если они пожелают, то по прошествии тридцати лет со времени принятия этой клятвы можно возобновить ее (присягой) ста навпактских мужей опунтянам и опунтийских — навпактянам. 2. Всякий из эноек, имеющий задолженность по налогам в Навпакте, пусть будет вне локров до тех пор, пока не уплатит навпактянам положенное по закону. 3. Если (у колониста) не будет семьи в доме или наследника из числа колонистов в Навпакте, то пусть владеет (имуществом) ближайший родственник из гипокнемидских локров, откуда бы из страны локров он ни происходил, явившийся лично, будь то мужчина или мальчик, в течение трех месяцев. В противном случае пользоваться навпактийскими законами. 4. Возвращаю-

и́йший из Навпакта в Локры гипокнемидские пусть объявит об этом на агоре в Навпакте; также и в том городе гипокнемидских локров, откуда он родом, пусть объявит на агоре. 5. Когда кто-либо из перкофариев или мисахеев станет гражданином Навпакта, он сам и его имущество, находящееся в Навпакте, пусть подлежат юрисдикции навпактийских законов, имущество же, находящееся в стране гипокнемидских локров, пусть подлежит юрисдикции гипокнемидских законов, согласно тому, как предписывает соответствующий город гипокнемидских локров. Если кто-либо из перкофариев или мисахеев выйдет из-под юрисдикции законов (навпактийских) колонистов, то пусть они, каждый в своем городе, будут подсудны своим законам. 6. Если у навпактского эпойка есть братья, то в случае смерти (кого-либо из них) пусть колонист получает свою долю имущества, полагающуюся ему согласно законодательству соответствующего города гипокнемидских локров. 7. Пусть навпактские эпойки пользуются правом первоочередного разбирательства дел в суде; разбор их исков и слушание дел против них в Опунте пусть производятся немедленно. В Локрах гипокнемидских пусть назначат простата из числа локров для колониста и для локра — из числа колонистов, в какой бы должности они ни были (?). 8. Всякому навпактскому эпойку, оставившему (дома) отца и (свою) часть имущества у него, в случае смерти (отца) можно получить свою долю. 9. Всякий, кто тем или иным способом или средством станет отменять эти постановления и подвергнет осквернению, будет лишен гражданских прав, а имущество конфисковано, за исключением случая, когда обе стороны сочтут нужным постановить это в собрании тысячи опунтян и собрании навпактийских переселенцев. Пусть архонт предъявит иск обвиняемому и разберет это дело в течение тридцати дней, если ему еще осталось тридцать дней пребывания у власти. Если же не станет предъявлять иска обвиняемому, то пусть он будет лишен гражданских прав, а имущество конфисковано, в том числе клер вместе с войкиатами. Пусть (судьи) принесут клятву по закону. (Производить голосование), опуская камешки в сосуд. Этот устав гипокнемидским локрам пусть имеет силу (и) у халейских поселенцев, возглавляемых Антифатом.»

Надпись, таким образом, касается трех основных проблем: связи эпойков с метрополией, возможности их возвращения на родину, вопросов наследования.

Уложение открывается статьей о возможности участия колониста в религиозной жизни своей метрополии (сткк. 1—4). Текст стк. 2 допускает различные толкования; так, Р. Майстер, читая здесь *Ναυπακτίων ἔοντα*, полагал, что эпойки могли участвовать в тех сакральных действиях в Навпакте, где религиозные предписания это позволяли иностранцам (*ὅπως ἔξον ὄσια*)⁵⁹. Однако такая трактовка, имеющая свои положительные стороны, не вполне удовлетворительна. Прежде всего представляется странным то, что гипокнемидские локры издают такое предписание, как: «Если пожелает, пусть получает свою долю жертвенного мяса и приносит жертвы при общенародных и групповых священнодействиях, как он сам, так и его род во все времена» (сткк. 3—4). Представляется очевидным, что это детализованное предписание, продолжающее предыдущее, может иметь в виду только сакральные дела самих гипокнемидских локров, т. е. в сткк. 1—4 речь идет о пребывании эпойков не в Навпакте, а в метрополии: «Локру гипокнемидскому, когда он станет павпактянином, как гражданину Навпакта в случае пребывания (в метрополии), дозволяется в качестве ксена получать свою долю жертвенного мяса и приносить жертвы, если он пожелает». Предлагаемая интерпретация выражения *ὅπως ἔξον ὄσια λαμβάνειν καὶ θύειν* может быть аргументирована тем, что *ὄσια* при *θύειν* лучше принимать в сакральном смысле, т. е. как *ὄσια* (а не *ὄσια* — «можно», как у Майстера). Далее поскольку речь определено идет о религиозных делах, *ὄσια λαμβάνειν* следует понимать, как указывали Э. Мейер и Ф. Ф. Соколов, в узком сакральном смысле («получать свою долю жертвенного мяса»), а не в таком широком, как полагали Тод, Мейггз, Льюис и другие исследователи («участвовать в общественной жизни» и т. д.)⁶⁰.

Майстер отвергал трактовку выражения *ὅπως ἔξον* как «в качестве ксена» на том основании, что в таком случае эпойки в своей метрополии приравнивались бы к чужеземцам, что, по его мнению, противоречит общему духу декрета, предоставлявшего ряд привилегий эпойкам с целью привлечения гипокнемидских локров к участию в колониальной экспедиции⁶¹. Заключение Майстера не

⁵⁹ *Meister R. Op. cit., S. 274.*

⁶⁰ *Meyer E. Forschungen, 1, S. 297; Соколов Ф. Ф. Клирухии афинские, с. 435.*

⁶¹ *Meister R. Op. cit., S. 282.*

представляется правильным, поскольку эпойки в действительности получили привилегии, которые выражались как раз в этом разрешении доступа к сакральным действиям своей отчизны, в которых обычные ксены не принимали участия; как можно понять из одного хиосского сакрального закона, они обходились своими священнодействиями ⁶². Кроме того, обычные ксены вряд ли могли бы принимать участие в культовых отправлениях обособленных групп — *φοιῖνον* (стк. 4), под которыми обычно понимаются фратрии, куда ксены, как известно, не включались.

Предоставление эпоикам возможности принимать участие в религиозном богослужении на их бывшей родине перекликается с предписанием афинского декрета о колонии, направленной в Брею, которое предусматривало периодическое участие посольств из колоний в общеаттических религиозных празднествах (№ 5. 11—13). Припесение колонистами жертв в Афинах и участие в торжественной общей трапезе символизировали их прежнее пребывание у отеческих святынь и участие в религиозной жизни своей родины ⁶³.

На этих же празднествах афинские колонисты приносили в дар полный набор гоплитского вооружения, что символически отражало их тесную связь с метрополией в военно-политической сфере. Аналогичным образом опунтские локры и их колонисты были связаны друг с другом в этой же сфере, на что указывает клятвенное обязательство эпоиков не отпадать от метрополии (§ 1). Со своей стороны, опунтяне приносили клятвы собственным колонистам. Эти клятвы сохраняли силу в течение 30 лет (т. е. на протяжении жизни одного поколения), по прошествии которых они могли быть возобновлены.

Согласно декрету, колонисты целиком освобождались от выплаты податей в гипокнемидской Локриде (сткк. 4—6). Этот факт указывает на то, что эпойки теряли прежнее гражданство; выражение «когда он (гипоклемидский локр. — В. Я.) станет навпактянином» (сткк. 1—2), собственно, и означает обречение колонистами навпактийских гражданских прав. Переселившиеся в Навпакт эпойки

⁶² *Schwyzler*, № 694, ср. 729. Напротив, декрет скиафейцев и их колонистов (*Buck*, № 53, IV в. до н. э.) предусматривает одинаковые правила для совершения жертвоприношений тех и других в Дельфах.

⁶³ См. ниже, с. 162—163.

вносили подати по новому месту жительства (ср. § 2). Помимо обычных податей, они вносили вместе с остальными навпактянами еще особую союзническую подать. Предписание декрета «Никакой подати не вносить, кроме как вместе с западными локрами» (сткк. 10—11) может означать вписание эпойками этой подати как в общелокридскую казну, так и в казну западнолокридской койнонии. Исследовавший этот вопрос Л. Лера пришел к неожиданному выводу, что это предписание имеет в виду не особую союзную подать, а обычную гражданскую⁶⁴. На мой взгляд, такое заключение противоречит форме, в которой выражена мысль о внесении податей совместно с западными локрами. Если бы Опунт и мог делать предписание в отношении городских обычных поплин, то тогда следовало бы ожидать упоминания не западных локров вообще, а навпактян, к которым присоединялись эпойки. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к выяснению характера взаимоотношений Опунта с другими локридскими городами.

Опунт уже во время Персидских войн рассматривался как метрополия всех городов Локриды, о чем свидетельствует надпись локров, стоявшая в Фермопилах⁶⁵. Следовательно, в эпоху издания исследуемого декрета локридские города, в том числе и Навпакт, считались колониями Опунта, политического и религиозного центра локров. Очевидно, что декрет не предоставляет никаких прямых данных для гипотезы о политической зависимости Навпакта от Опунта⁶⁶, ни тем более для предположения об экспансионистской политике Опунта в отношении городов западной Локриды⁶⁷. Взаимоотношения Опунта с локридскими полисами, на мой взгляд, строились на основе равноправия и были очень деликатны. В декрете нет ни одного предписания, которое хоть как-то нарушало бы интересы навпактян; напротив, опунтяне соблюдают их, ставя вне локров тех своих эпойков, которые не уплатили навпактянам «положенные по закону подати» (§ 2). Далее, в случае отсутствия у колониста наследника из числа гипокнемидских локров, дело о судьбе наследства передается на усмотрение навпактян (стк. 19). Если колонист собирается вернуться на родину, он должен объявить

⁶⁴ *Lerat L. Op. cit.*, 2, p. 31.

⁶⁵ *Stb.*, IX, 425.

⁶⁶ Как думал Э. Мейер (*Meyer E. Forschungen*, 1, S. 293).

⁶⁷ Как думал Олфазер (*RE*, 1927, XIII, Sp. 1239 f.).

об этом властям и жителям Навпакта (сткк. 19—21). Это предписание лишало эпойка возможности ускользнуть от претензий навпактян, если таковые имелись. Наконец, уважительное отношение к законам различных полисов Локриды проявляется также в предписаниях о перкофариях и мисахях (сткк. 26, 28), а также в статье о наследовании (стк. 30).

Эпойки происходили из различных городов гипокнемидской Локриды (стк. 21), однако отправление колонистов не было совместным предприятием нескольких городов — это была акция одного Опунта, объявившего набор колонистов. Отсюда и проистекают правомочия опунтян издавать предписания в отношении всех колонистов, хотя среди последних были не только жители Опунта. Отправление эпойков, судя по всему, было вызвано просьбой Навпакта о помощи⁶⁸. Опунт именно как метрополия отправляет эпойков в поддержку своим колонистам. Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что Опунт был теснее связан с городами гипокнемидской Локриды, нежели с озольскими полисами⁶⁹. В то же время выражение ἀπὸ Λοφρῶν εἴμεν показывает, что Опунт как религиозно-политический центр локридской койнонии был вправе применять санкции в отношении отдельных лиц, нарушающих интересы ее членов. Приведенные факты свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что отношения между Опунтом и западнолокридскими городами строились на основе равноправия и уважения суверенитета каждой общины; говоря словами одного локридского декрета, которые приводил Тимей, это были отношения «между родителями и детьми»⁷⁰.

Что же касается подати, которую эпойки вносили «вместе с западными локрами», то в свете приведенных данных об отношениях озольских полисов с Опунтом представляется, что это были взносы в общелокридскую казну. Если даже предположить, что в VI—V вв. существовала

⁶⁸ *Lerat L. Op. cit.*, 2, p. 30.

⁶⁹ Ср. сткк. 5—6: предписание о внесении податой в отношении всей гипокнемидской Локриды; стк. 17—18: юрисдикция Опунта распространялась на всю гипокнемидскую Локриду в отношении наследственного права; сткк. 33—35: выбор простата из числа всех гипокнемидян. По-видимому, в это время существовала койнония гипокнемидских городов во главе с Опунтом, к которой тяготели не организованные в койнонию города озольской (западной) Локриды.

⁷⁰ *Polyb.*, XII, 9.

койнония западных локров ⁷¹, то сам характер политики опунтян, как мне кажется, не позволяет говорить о возможности издания ими предписаний в отношении союза озолян.

В отношении своих колонистов политика опунтян носила примерно такой же характер, но в ней проявлялась большая твердость. Так, колонисты дают клятву не отпадать добровольно от своей метрополии в течение 30 лет и не прибегать ни к каким хитростям в отношении Опунта (§ 2); далее устанавливается действенность принятых постановлений и предусматриваются суровые меры против нарушителей (сткк. 38—41). Вместе с тем декрет опунтян предусматривает возможность изменения отдельных пунктов уложения с согласия обеих сторон (сткк. 39—40). Тон традиционной формы проклятия отличается от безапелляционной по характеру соответствующей формулы локридского декрета о земле (№ 2.9—14). Меры наказания, налагаемые на ослушника, отличаются большей мягкостью. Если в предыдущем декрете преступивший закон подвергался вечному изгнанию со своим родом, имущество конфисковывалось, а дом сравнивался с землей (№ 2.11—13) ⁷², то декрет опунтян предусматривал только атию и конфискацию имущества лишь в отношении самих нарушителей (сткк. 40—41) ⁷³. Характерно, что к магистрату, не исполнившему свою обязанность, применяются более крутые меры (сткк. 43—45). В целом декрет пронизан духом благожелательности и заботы об эноях, что в первую очередь объяснялось необходимостью привлечения локров к участию в колониальной экспедиции. Колонистам предоставлялись различные привилегии в случае пребывания в метрополии: они могли принимать участие в отправлении культа (сткк. 2—4); из числа гипокнемидян для них выбирались простаты (сткк. 33—35) ⁷⁴; колонисты пользовались пра-

⁷¹ Ее существование засвидетельствовано для IV в. (IG, IX, 1, 3, № 665, 667).

⁷² Ср.: № 5.20—25: нарушивший установления колонист подвергался атии вместе со своими детьми, а имущество конфисковывалось.

⁷³ Не вполне ясно, обвиняемый вызывался на суд архонта или обвинитель, поскольку медиально-пассивная форма причастия *ἐγκαλείμενος* (сткк. 41, 43) допускает оба варианта. См.: LSJ, s. v. *ἐγκαλέω*, II, 1.

⁷⁴ Выражение *κα πιατες ἐντιμοι ες* (стк. 35) довольно неясно. Думаю, что ΕΣ — это форма третьего лица множ. числа импер-

вом первоочередного разбирательства дел на суде (сткк. 32—33).

Кроме указанных привилегий, колонисты имели право возвращения на родину. Оно удерживалось за всем контингентом в случае насильственного изгнания колонистов из Навпакта (сткк. 8—10). Этот пункт статьи свидетельствует о нестабильности положения в Навпакте, который подвергался угрозе с чьей-то стороны. Таким образом, отправленные в Навпакт переселенцы представляли собой такой же контингент «боеспособных эпойков», как и колонисты, упоминаемые в предыдущей локридской надписи (№ 2.9). Также и в мирное время всякий колонист имел право на возвращение, которое, однако, ограничивалось условием оставления в Навпакте взрослого сына или брата (сткк. 6—8). Колонист, пожелавший вернуться на родину, должен был объявить о своем намерении властям и жителям Навпакта (сткк. 19—21), уплатить сполна навпактяпам положенные подати (сткк. 14—16) и, возвратившись на прежнее место жительства, также объявить об этом на агоре (сткк. 21—22). При этом пошлины за предоставление гражданских прав с него не взимались (сткк. 7—8).

Право возвращения колониста на родину, в той или иной мере обусловленное, составляло одну из важнейших черт эллинской колонизационной практики. Так, когда афинские колонисты в Амфиполе, Гестиеэ, Скионе, на Эгине, Мелосе и в других местах были изгнаны спартацами, они возвратились в Афины⁷⁵. В киренской «клятве основателей» также говорится о возможности возвращения колонистов на родину, однако, как указывалось выше, эта статья не представляется гомогенной первоначальному тексту ферян; эта инвенция VI—V вв. тем не менее отражает реально присущее эллинской колонизационной практике право колониста на возвращение⁷⁶.

фекта ἔς — «были» (из *ḡzan; ср. санскр. āsan, аттич.-ион. ḡzan, беот. παρ-εῖαν), вариант к ἐν — «были» (стк. 9). См.: *Buck*, p. 128, 251; *Schwyzler*, № 362, ad. v. 35. Загадочное πιατες, вероятно, по значению сопоставимо с ἐντιμοί и связано с такими словами, как πιαρ (Майстер), πίων. Слово ἐντιμοί может либо относиться к простатам, либо иметь значение «власти», «магистратуры».

⁷⁵ *Thuc.*, IV, 106—107, 1; *Xen.*, *Hell.*, II, 9, 1; *Plut.*, *Lys.* 14, 2—3.

⁷⁶ Это право не носило безусловного характера и не было обязательным во всех случаях, как можно заключить из следующих

Наконец, данные декрета предоставляют в наше распоряжение ряд сведений о статусе колонистов в связи с вопросами наследования. Уложение опунтян рассматривает их в двух аспектах: наследование имущества колониста; правоспособность колониста как наследника. Декрет устанавливает определенную последовательность наследственных прав отдельных лиц. Ближайшие наследники, подразумевающиеся под словом *τένος*, — это сын, далее, вероятно, дочь, затем брат колониста, как и в предшествующем декрете (№ 2.4—5). Интересно, что при отсутствии перечисленных лиц имущество переходит к наследнику из числа колонистов (стк. 16). Таким наследником мог быть, вероятно, какой-нибудь родственник покойного, но не всякий колонист, потому что далее предусматривается наследование имущества ближайшим родственником мужского пола из гипокнемидских локров. В каком бы городе этот родственник ни проживал и в каком бы возрасте ни находился, для получения наследства он обязан был явиться лично в Навпакт в течение трех месяцев. В случае отсутствия претендентов наследство подлежало юрисдикции навпактийских законов (§ 3).

В декрете предусмотрены также случаи, когда колонист выступает в качестве наследника. Фактически за ним закрепляются те же наследственные права, какими он обладал бы, если бы не покидал родину. Как явствует из текста, переселенец, отправляясь в колонию, мог либо забрать с собой полагающуюся ему в отцовском хозяйстве часть имущества, либо оставить ее у отца. Такое заключение вытекает из формулировки начала § 8: «Всякому. . . оставившему (дома) отца и (свою) часть имущества у него». Отсюда можно понять, что часть колонистов выделяла свою долю из отцовского имущества. Колонисты, оставившие такую долю в хозяйстве отца, в случае смерти последнего могли получить ее (§ 8). Эта доля состояла из движимого и недвижимого имущества; последнее, видимо, либо продавалось, либо могло служить поводом

эпизодов греческого колонизационного движения. Когда Херсикрат с коринфянами выбил эритрейских колонистов с Керкиры (около 733 г. до н. э.), последние попытались вернуться в Эритрею, но, будучи заброшены в гавани камнями, были вынуждены удалиться восвояси, после чего основали Мефону (*Plut.*, *Mor.*, 293ab.) Аналогичная история, как мы видели, произошла и с основателями Кирены, пытавшимися после первой неудачной попытки вернуться домой, на Феру.

к возвращению колониста на прежнее место жительства, если он имел взрослого сына или брата, согласного заменить его в колонии (ср. стк. 7).

В случае смерти брата и отсутствия потомства у него колонист мог выступить в качестве сонаследника вместе с остальными братьями (§ 6). Согласно декрету, он получал свою долю, причитающуюся ему по законодательству соответствующего города (в котором проживал покойный).

Таким образом, декрет опунтян предоставляет в наше распоряжение ряд ценных сведений об эпохах, и в первую очередь об их взаимоотношениях с метрополией. Подробность содержания этого документа, предусматривавшего различные аспекты взаимоотношений, свидетельствует о том, что к началу V в. в Локриде юридические вопросы статуса колонистов были довольно хорошо разработаны. Этот факт может быть объяснен активной колонизационной деятельностью локров в предшествующее время.

Глава III

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ КОЛОНИСТАМИ

(по данным декрета иссейцев) (№ 4)

§ 1. Текст надписи и его реконструкция

Декрет иссейцев, трактующий вопросы раздела земли колонистами, к сожалению, дошел до нас в сильно фрагментированном виде. Основные фрагменты стелы, в том числе и фрагмент А, содержащий текст декрета, были найдены в 1877 г. среди развалин средневековой церкви села Лумбарда, находящегося на крайней восточной оконечности о. Корцула (древняя Черная Керкира)¹. Метрополия отправленной сюда колонии — город Исса, народное собрание которой приняло этот документ, — расположена на одноименном острове (ныне о. Вис), лежащем примерно в 80 км к западу. В настоящее время эта надпись хранится в Археологическом музее Загреба. По характеру письма и формам букв декрет относится к III в. до н. э.

¹ Расположен у адриатического побережья Югославии.

В верхней части стелы находится текст декрета, ниже приводятся имена иссейских колонистов, расположенные в три колонки, в соответствии с тремя дорийскими филами. Около трети декрета — на его правой стороне — утрачено. Дополнения текста, сделанные И. Бруншмидом², принял В. Диттенбергер (Syll.², № 933), который вместе с тем внес ряд своих значительных добавлений. Эти дополнения были критически переработаны А. Вильхельмом³; его восстановления почти полностью принял Ф. Хиллер фон Герtringен (Syll.³, № 141). Последующие исследования несколько уточнили отдельные пункты чтения надписи. С учетом этих и наших добавлений, которые обосновываются ниже, текст основной части этого документа гласит⁴:

ἀγαθαὶ τύχαι. ἐφ' ἱερομνάμονος Πραξιδάμου, Μα[χανέος, συν-
 θήκα οἰκισ]-
 τᾶν Ἰσσαιῶν καὶ Πόλλου καὶ τοῦ υἱοῦ Δάζου. τάδε συ[έθεντο
 οἱ οἰκισταὶ]
 καὶ ἔδοξε δάμωι λαβεῖν ἐξαίρετον τοὺς πρώτους [καταλαβόντας τὰν
 χώ]-
 ραν καὶ τειχίζοντας τὰν πόλιν τᾷς πόλιος οἰκόπ[εδον ἐν ἑκάστον
 τᾷς]
⁵ τετει χισμένας ἐξαίρετον σὺν τῷ μέρει, τᾷς δὲ ἔ[ξω ἄλλο οἰ-
 κόπεδον αὐ]-
 τοὺς καὶ τᾷς χώρας ἐξαίρετον τὸν πρῶτον κλᾶρον [λαβεῖν τᾷς
 ἀρίστας]
 πέλεθρα τρία, τᾷς δὲ ἄλλας τὰ μέρη. ἀναγραφῆμεν δὲ [τοὺς
 κλάρους ὅσον τε κ]-
 αὶ] εἰ ἕκαστος ἔλαχε. κατὰμονον δὲ εἴμεν αὐτοῖς καὶ τοῖς
 ἐκγόνοις πέλεθρ-
 ο]ν καὶ ἡμῖς ἐκάστωι. λαβεῖν δὲ τοὺς ἐφέρποντας τᾷς πόλιος
 οἰκόπεδον ἐν

² Brunšmid J. Die Inschriften und Münzen der griechischer Städte Dalmatiens. — Abhandlungen der arch.-epigr. Seminares des Universität Wien, 1898, 13, S. 2 f.

³ Wilhelm A. Neue Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. — Sb. Ak. Wien, 1913, 175, 1, S. 3 f.

⁴ Полный текст надписи с именами колонистов, а также дополнениями И. Бруншмида, В. Диттенбергера и А. Вильхельма см.: Lisičar P. Op. cit., 98—102. Четыре новых фрагмента из списка имен колонистов см.: Rendić-Miočević D. Nekoliko novih ulomaka grčkog natpisa iz Lumbarde. — Vjesnik Arheol. muzeja u Zagrebu, 1970, 4, s. 3 f.; Idem. Isejska naseobina u Lumbardi (Korčula) u svjetlu novih istraživanja. — VAHD, 1966, 68, tabl. 24, 2.

10 καὶ τᾷς ἀδαιρέτου πέλεθρα τέσσαρα καὶ ἡμισυ. τὰς δὲ ἀρχὰς
 ἐποτ]ε τὰν πόλιν μηδὲ τὰν χώραν ἀνδαιτον ποιή[σεσθαι μηδαμῶς.
 εἰ δὲ τί
 κα ἄρχω]ν προθῆ, ἥ ἕτας συναγορήσῃ παρ' τᾷ ἐφαρισμένα,
 αὐτὸς ἄτιμος καὶ
 τὰ ὑπάρ]χοντα δαμός[ια ἔστ]ω, ἀθῶιος [δὲ ὁ ἀποκτείνας αὐτόν- -]

--ΤΟΥ--

--ΠΑΤΙ--

15

[- - εἰ κα τῷ δ]άρμωι δό[ξη- -]

[Ο]ἰδ[ε] κατέλαβον τὰν χώρ[αν καὶ ἐτείχιξ]αν τὰν πόλιν·

[Δυμᾶ]νες [Ἵλληις] Πάμφυλοι.

v. 1: Μα[χανέος, συνθήκα λογισ- — Di⁵; οἰκισ- — Wi⁶. v. 2:
 συ[νέγραψαν οἱ οἰκισταί — Wi.; συγ[έθεντο — Di. v. 3 — suppl. Bru.⁷
 v. 4: οἰκόπ[εδον ἓνα ἕκαστον τᾶς — Di.; ἐν-Wi. v. 5: ἐξω αὐτᾶς
 λαβεῖν τοὺς αὐ]τοὺς — suppl. (Di. et) Wi.; ἐξω ἄλλο μέρος
 λαβεῖν αὐ]τοὺς- Kla.⁸; οἰκόπεδον — supplevi. v. 6 supplevi.
 v. 7/8 in.: [καὶ τᾶς χώρας ὅσον τε | καὶ — Di.; [καὶ τὸν κλᾶρον
 καὶ τὰ μέρη ὅπ]ει — Wi.; τοὺς κλάρους — supplevi. v. 8/9 in.:
 τ[οῖς ἐγγόνοις πέλε | θρο]ν — Bru. По количеству утраченных
 в начале стк. 9 букв следует читать [πέλεθρ]ο]ν. ἐγγόνοις —
 Wi. v. 9/10 in. — suppl. Wi. v. 10 — suppl. Di. v. 10/11
 in.: [μηδ]έποτε — Di. [μηδ]έποτ]ε — Ma.⁹ v. 11/12 in.: ποιή-
 [σεσθαι μηδαμῶς — Bru.; εἰ δὲ τί | κα ἄρχων] — Di. (Syll.,³
 № 141); ἄρχω]ν — Ma. v. 12: προθῆ, συναγορήσῃ — Schw.¹⁰
 v. 12/13: τᾷ ἐψηφισμένα, αὐτὸς ἄτιμος καὶ | τὰ ὑπάρχ]οντα
 δαμός[ια ἔστ]ω — Bru.; ἐφαρισμένα — Di.; ἀθῶος δὲ ὁ ἀποκτεί-
 νας αὐτόν- — Di.; ἀθῶιος — Ma. v. 16: εἰ κα τῷ δ]άρμωι δό-
 [ξη — Di.; δό[ξη — Schw. v. 17/18: Οἰδε] κτλ. — suppl. Bru.;
 [ο]ἰδ[ε] — Ma.

Перевод:

«Счастливой судьбы! При гиеромнемоне Праксидаме, в месяце Маханее, договор ойкистов иссейцев, и Пилла, и его сына Даза. Они составили следующие предписания, и народ постановил: (§ 1.) Первым переселенцам, занявшим местность и обстроившим город стенами, получить

⁵ Dittenberger W. Syll.², N 933.

⁶ Wilhelm A. Op. cit., S. 16.

⁷ Brunšmid J. Op. cit., S. 7.

⁸ Klaffenbach G. Zur Siedlunginschrift von Korkyra Melaina. — В кн.: Исследования в чест на Д. Дечев. София, 1958, S. 219—220.

⁹ Maier F. G. Op. cit., I, S. 205.

¹⁰ Schwyzer, N 147.

в качестве привилегии в городе, внутри уже возведенных стен, каждому по одному ойкопедону, (опять-таки) в качестве привилегии — с приусадебным участком, а вне стен им же получить еще по ойкопедону и в хоре в качестве привилегии — основной надел в три плетра из наилучшей земли, а из прочей — те (же) доли. (§ 2.) Записать о клерах, сколько и где каждый получил по жребии. (§ 3.) Пусть всегда у каждого из них и из их потомков будет по полтора плетра земли. (§ 4.) Присоединяющимся переселенцам получить в городе по одному ойкопедону и из неразделенной земли — по четыре с половиной плетра. (§ 5.) Власти пусть поклянутся, что никогда ни город, ни хору никоим образом не подвергнут переделу. (§ 6.) Если же архонт замыслит что-либо против установленного или гражданин поддержит это, то пусть он будет вне закона, а имущество конфисковано в пользу государства; убивший же его пусть останется безнаказанным. . . (§ 7.) Если народу будет угодно . . . Следующие лица заняли местность и обнесли город стенами:

Диманы

Гиллеи

Памфилы».

Далее следуют имена колонистов, расположенные в три колонки соответственно трем дорийским филам.

Удачное дополнение Бруншмида в стк. 3, основанное на аналогичной формулировке стк. 17, позволяет предполагать с учетом изгиба облома, что в лакуне сткк. 2—8 не хватает примерно по 17 букв, в сткк. 1 и 9 — 18, в сткк. 10 и 11 — 19, в сткк. 12 — 30 букв. Надпись вырезана довольно убористо, поэтому при дополнении строк следует придерживаться указанного расчетного количества букв, соответствующего к тому же очень вероятным дополнениям к сткк. 8—11.

Восстановленное Вильхельмом [οἰκισ]τᾶν и οἰκιστᾶι в сткк. 1—2 более предпочтительно, нежели [λογισ]τᾶν Бруншмида и σω[φρον]εῖντο ποτ' ἄλλ᾽ ἄλλους Диттенбергера, поскольку внутреннее устройство колонии, и прежде всего раздел земли, было основной функцией ойкистов. Так, в близкой по времени иссейскому декрету надписи второй половины III в. до н. э. из Терма об устройстве колонии на Саме упоминаются ἀρχιοικιστᾶι, как будто производившие распределение земли и домов¹¹.

¹¹ IG, IX, p. 1, l. 1, N 2.10. В «Одиссее», отразившей раннюю пору греческой колонизации, архагет Навсифой возводит дома

Сохранившееся в стк. 2 οὐκ[—] указывает на коллегиальный характер действий ойкистов иссейцев, Пилла и Даза, которые, стало быть, совместно выработали условия распределения земли¹². Можно с уверенностью полагать вместе с первыми исследователями иссейского декрета (ср. Syll.³, № 141, коммент. 3), что Пилл и Даз были местными далматскими династами, в сфере влияния которых находилась Черная Керкира (или часть ее)¹³. Дополнение οἱ οἰκισταὶ в стк. 2 предполагает, по интересной мысли Л. Маргетича, что Пилл и Даз входили в число ойкистов¹⁴. Иллирийцы в данном случае, видимо, были заинтересованы в основании на их земле греческой колонии, с которой они могли бы установить соответствующие экономические связи. Ввиду этого далматские царьки предоставили иссейцам часть своих владений для поселения. Более того, иллирийцы имели право присоединиться к жителям нового города, получить в нем участок под дом и надел в хоре — именно такой смысл, как кажется, содержит § 4 декрета, открывавший колонию как для эллинов, так и для местного населения.

При таком толковании этой статьи декрета становится понятным участие туземных вождей в составлении закона, цель которого состояла в определении прав двух категорий колонистов — первых и присоединившихся. Далматские вожди, предоставив грекам землю для поселения в своих владениях, очевидно, выговорили за это для своих подданных право присоединиться к колонистам (видимо, при этом прежде всего подразумевались интересы населения той местности, где основывался греческий город); именно поэтому Пилл и Даз участвовали в выработке закона о разделе земли между колонистами, представляя интересы туземного населения, составлявшего часть вто-

городскую стену и разделяет землю между колонистами (VI, 7—10). Ойкисту выведенной около 445 г. до н. э. афинской колонии Бреи Демоклиду предписывается «в качестве автократора устроить колонию как можно лучшим способом», что подразумевало внутреннюю организацию поселения (№ 5.8—9). Ср. также: *Plat., Epist., 11*. О роли ойкиста см.: *Graham A. J. Colony and Mother City, Ch. III*.

¹² На сколе стк. 2 сохранилась левая вертикальная гаста от *ιιο*. Здесь можно вместе с Вильхельмом восстанавливать οὐκ[ἐγγραφῶν] или οὐκ[ἐδεντο] Диттенбергера.

¹³ Имена династов — иллирийские. См.: *Russu I. I. Illirii. Bucur., 1969, p. 203—204, 240*.

¹⁴ *Margetić L. Psefizma o osnivanju grčke kolonije na otoku Korčuli. — Živa antika, 1971, 1, s. 191—192*.

рого контингента колонистов. Такое понимание § 4 подтверждается фактом постепенного увеличения в дальнейшем иллирийского населения в греческих полисах Адриатики¹⁵. Таким образом, одним из каналов проникновения иллирийских элементов в греческие города могло быть включение местного населения, на земле которого основывалась колония, в число ее граждан^{15а}.

Декрет четко определяет права и преимущества первых колонистов, основателей города. Предикативное определение ἐξαιρέτων, встречающееся в § 1 три раза, указывает, что именно первые колонисты получают в качестве преимущества: ойкопедон внутри городских стен (стк. 4), дополнительный участок при нем (μέρος — стк. 5), наконец, «основной» надел в 3 плетра в хоре плюс еще некие «доли» там же (сткк. 6—7). Это ἐξαιρέτων (сткк. 3 и 5) определяет восстановление формы единственного числа (стк. 4) — οἰκόπ[εδον], т. е. первые колонисты получали по ойкопедону с приусадебным участком внутри городских стен (τὰς τετελιχισμένας).

С другой стороны, как указал Г. Клаффенбах, выражение τὰς δὲ в стк. 5 подразумевает не τὰς πόλιος, т. е. территорию вне города, как полагали Диттенбергер и Вильхельм, а τὰς τετελιχισμένας. Таким образом, § 1 предписывал получить, во-первых, ойкопедон с приусадебным участком внутри стен и, во-вторых, ойкопедон или участок вне стен (на разделительный характер предписания указывает союз δέ)¹⁶. В связи с этим Клаффенбах восстанавливал в стк. 5 τὰς δὲ ἐ[ξω ἄλλο μέρος λαβεῖν αὐ]τοῖς «вне стен им же получить другой участок под сад», полагая, что о двух ойкопедонах речь вряд ли могла идти¹⁷.

Нам представляется, однако, что наделение двумя садовыми участками более проблематично, нежели выделение двух ойкопедонов. В гипотезе Клаффенбаха, во-первых, вызывает сомнение «целевое» назначение только

¹⁵ Сошлюсь, к примеру, на ономастический материал надписей с Хвара. Д. Рендич-Мпочевич также отмечает тенденцию к расширению иллирийского ономастикона в греческих надписях, с одной стороны, а с другой — указывает на его постепенную эллинизацию (*Rendić-Miočenić D. Iliri u natpisoma grčkih kolonija u Dalmaciji*. — VAND, 1950—1951, 53, s. 43, 56—57).

^{15а} Ср.: *Diod.*, XII, 9, 2; *Etym. Magn.*, s. v. Ἀστυκάλαια.

¹⁶ *Klaffenbach G. Op. cit.*, S. 219—220.

¹⁷ Μέρος — это приусадебный участок под сад и огород. Подробнее об этом см. ниже.

распределяемых, еще не культивированных земельных угодий среди граждан основанной колонии под сад (или виноградник, как полагал Вильхельм, дополняя стк. 6). «Целевая» культивация, в частности насаждение садовых культур, широко практиковалась в отношении полисной земельной собственности; что же касается частновладельческих угодий, тем более в только что основанной колонии, то подобная регламентация, подавляющая хозяйственную инициативу индивидуума, вряд ли вероятна¹⁸. Во-вторых, подобное дополнение оставляет совершенно необъяснимым следующее обстоятельство, почему-то ускользавшее от внимания исследователей. Согласно декрету, первым колонистам ойкопедон дается в качестве преимущества перед присоединяющимися колонистами, на что указывает в стк. 3 предикативное определение ἐξαιρέτων — «особо», «как привилегия перед дополнительными переселенцами». [Дело отнюдь не в том, что этот ойкопедон на городской территории выделялся с приусадебным участком — это особо оговорено и отмечено другим ἐξαιρέτων — при выражении (λαβεῖν) σὺν τῷ μέρει в стк. 5.] Но если первые колонисты получали ойкопедон в городе в качестве преимущества, то дополнительные колонисты либо получали его вне города, либо в пределах городских стен, но меньших размеров, т. е. сткк. 9—10 следовало бы дополнять чем-то вроде τὰ οἰκόπεδα ἔξω πόλιος καὶ τὰς ἀδιαίρετους κτλ. или τὰν ἡμίσεων οἰκοπέδου καὶ τὰς κτλ.

Однако предоставление ойкопедонов присоединявшимся колонистам как за пределами городской стены¹⁹, так и меньших размеров²⁰ пока что остается в сфере проблематичных предположений, поэтому более вероятным представляется заключение о том, что дополнительные колонисты получали по ойкопедону в городе, а первые переселенцы — по два ойкопедона, один из которых был расположен в пределах городской стены, а другой — вне ее. Исходя из этого, в стк. 5 можно дополнить: τὰς δὲ ἐξω ἄλλο οἰκόπεδον αὐ||τοῖς.

¹⁸ Ср. предписание локридского декрета о разделе земли, поощряющее всякую индивидуальную культивацию вообще: ἡ ὅτι δὲ κα φυτεύεται, ἄσυλος εἶστο (№ 3.6—7).

¹⁹ Некоторые данные по этому интересному вопросу как будто имеются в отношении Олинфа и других городов, но вопрос этот требует специальной разработки.

²⁰ Ср.: τὸ οἰκόπεδον τὸ ἡμίσειον — IG, XII, 5, № 272. 63 (здесь под ойкопедоном подразумевается двор с его хозяйственными постройками).

Наделение первых колонистов двумя ойкопедонами имеет свой *raison d'être*; во всяком случае, наличие ойкопедонов на клерах в хоре засвидетельствовано как археологическими, так и письменными источниками. Ойкопедон как строительный участок при выделяемом наделе может быть усмотрен в проксении из Гортипы: проксену предоставляются *Γοικίαν ἐν Αἴῳ ἐνδὸς πύργου καὶ Γοικόπεδον ἐκκοῖ, γᾶν, κτλ.*, т. е. дом в укрепленной части Авлона, а вне ее — ойкопедон, земельный участок и пр.²¹ В декрете из Додоны неизвестной корпорации (?) предоставляются *[οἶκον καὶ τὰ ἐπίπολα ἄπαντα, ἀρουραν ἀγ Κόσσων, λειμῶνα ἐπ' Ἀθεριῶν, ἀμπέλους παρ Κότται καὶ] οἰκόπεδον*, т. е. дом со всей движимостью, пашня, луг и виноградники в разных местах хоры, а также ойкопедон, видимо, при винограднике²². В данном случае, как и в ряде других надписей, текст не позволяет определенно установить, что подразумевается под ойкопедоном — строительный участок или возведенные постройки, но сам факт наличия ойкопедонов при земельных участках независимо от значения слова является терминологическим свидетельством наличия некогда строительного участка при наделе в хоре: слово, обозначавшее строительный участок, стало обозначением возведенных на нем построек²³. Данный вывод находит подтверждение в «Законах»: Платон прямо рекомендует наделять колонистов двумя ойкопедонами²⁴.

Усадьба на сельскохозяйственном наделе является практической необходимостью. Например, при размежевании хоры Херсонеса Таврического, проведенном на Гераклеяском полуострове в III в. до н. э. и носившем единовременный характер, было образовано около

²¹ *Schwyzler*, N 176 (бустрофедон).

²² *SGDI*, 1899, 2, N 1365.

²³ Ср.: *IG*, II—III², № 1594 B.52: *[οἶκός]πεδα τὸ χωρίο*; № 1598 A. 12: *χωρίον καὶ οἰκόπεδον*; *Syll.*³, № 302: *οἰκός*πεδα при невозделанной земле, отданной для культивации. В «Аттических стенах» упоминаются земельный и строительный участки около святилища Аполлона: *χωρίον παρὰ τὸ Πύθιον* — — *vac.* *[οἶκός]πεδον* *[ἐ]λὸς* *[καὶ] χέρ[ρον]* *παρὰ τὸ Πύθιον* (*ML*, № 79.99—101). Большой материал об ойкопедонах в хоре содержат папирусные документы; обсуждение его и литературу см.: *Pritchett W. K. The Attic Stelai*, II. — *Hesperia*, 1956, 25, p. 265.

²⁴ *Plat.*, *Legg.*, 745c, 775c; ср.: *Arist.*, *Pol.*, II, 3, 8. По-видимому, Платон имеет в виду не только городскую территорию, но и хору: *τὴν* (sc. *οἰκησιν*) *τῶν ἐσχάτων* — *Legg.*, 745c ср. с окраинными участками хоры — *Legg.*, 745c.

380 клеров площадью по 26,4 га, каждый из которых имел усадьбу²⁵. Усадьбы состояли из нескольких хозяйственных и жилых помещений, двора и ограды общей площадью от 500 до 700 кв. м; встречаются и более крупные усадьбы площадью до 2000 кв. м²⁶. В данном случае факт единовременного возникновения усадеб при клерах в результате размежевания земельных угодий полиса сам по себе может свидетельствовать о выделении клеров вместе с ойкопедонами. Во всяком случае, выделение клера с ойкопедоном безусловно имело место на Маячном полуострове, составлявшем хору так называемого «Страбонова» Херсонеса, который располагался тут же, на перешейке, отделявшем Маячный полуостров от Гераклеяского. Вся площадь Маячного полуострова (около 360 га) была размежевана в IV в. до н. э. примерно на 80 клеров по 4,5 га каждый²⁷. При всех клерах имелись усадьбы, часть которых служила капитальным жилищем. Паличие жилищно-хозяйственных комплексов при клерах, в данном случае не являвшихся необходимостью, поскольку городские жилища были расположены тут же, в непосредственной близости, определенно свидетельствует о практике выделения клеров вместе с ойкопедонами при размежевании.

Паделы иссейских колонистов были очень маленькими (в сравнении хотя бы с теми же херсонесскими), и это обстоятельство могло быть причиной льготного наделения первых колонистов дополнительным участком под усадьбу при клере.

Выражение τῆς δὲ ἄλλας стк. 7 предполагает противопоставление другому виду земли, упоминавшемуся в лакуне стк. 7. Дополнение Вильгельма [τῆς μὲν ἀμπέλιδος], как указывалось, представляется маловероятным, поскольку предполагает «целевой» или специфический вид земельных угодий. В лакуне стк. 6, на мой взгляд, следует искать обозначение вида земли более общего характера. Аналогичное выражение, соответствующее τῆς ἀρίστας нашей подписи, содержится в рассказе Диодора о разделе земли в Сиракузах при Дионисии Старшем, когда

²⁵ Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического. — Херсонесский сборник. Симферополь, 1961, вып. 4, с. 51—52.

²⁶ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 117—123; Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 87 сл.

²⁷ Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 29—32.

ближайшие сподвижники тирана в качестве привилегии получили лучшие земельные угодья — ἡ ἀρίστη (sc. γῆ) ²⁸. В § 1 декрета также устанавливаются преимущества первых колонистов при разделе земли, поэтому в лакуне стк. 6 можно ожидать аналогичное определение земли, противопоставляемое τὰ ἄλλα следующей стк. 7. Следовательно, в стк. 6 возможно восстановление [λαβεῖν τὰς ἀρίστας].

Земельные угодья античного полиса оценивались в зависимости от качества почвы, характера окружающего рельефа (равнинности, близости источников) и по степени близости к городу. Такое заключение можно сделать из 14-й главы пятой книги «Законов» (745c—d), где Платон трактует вопросы, связанные с основанием города. Он отмечает, что сначала следует выбрать соответствующую местность; определив место акрополя, его следует окружить стеной. Начиная отсюда делят на 12 частей и самый город, и всю страну. «Эти двенадцать частей должны быть разными; те участки, где почва хорошая, будут меньше, а где плохая, — больше. . . Каждый из них (наделов — В. Я.) опять-таки делится пополам на два участка: ближний и дальний; из этих двух половин и составляется каждый надел. Участок, ближайший к городу, надо соединить в один надел с участком, расположенным на окраине; участок, который поближе к городу, — с таким, который не на самом краю, и так далее. При этом разделении на две части надо обращать внимание, как мы сейчас указали, на плохое или хорошее качество почвы, соответственно увеличивая или уменьшая участки» (пер. А. Н. Егунова).

Естественно думать, что под основной надел отводились лучшие земельные угодья. Поэтому, имея в виду выражение Платона ἀγαθῆς γῆς, возможно и другое восстановление лакуны стк. 6: [λαβεῖν τὰς ἀγαθὰς γᾶς]. Вариант [λαβεῖν τὰς ἀρίστας γᾶς] представляется более вероятным, поскольку в таком случае получается аналогичная пара противопоставлений: τῆς δὲ χώρας τὴν ἀρίστην — τὴν

²⁸ Diod., XIV, 7, 4: Дионисий в 404 г., «отобрав лучшую землю, одарил друзей и ближайших сторонников, а прочую распределил поровну среди наемников и граждан» (τῆς δὲ χώρας τὴν ἀρίστην ἐξελέγμενος ἐδωρήσατο τοῖς τε φίλοις καὶ τοῖς ἐφ' ἡγεμονίας τεταγμένοις, τὴν δ' ἄλλην ἐμέρισεν ἐπ' ἰσῆς ξένῳ τε καὶ πολίτῃ). Данную параллель впервые привел Вильхельм.

δ' ἄλλην у Диодора и τῆς χώρας... [τῆς ἀρίστης γῆς] — τῆς δὲ ἄλλας в декрете. Вместе с тем очевидно, что Диодор обходился без слова «земля» в указанном противопоставлении: оно подразумевается само собой при τῆς χώρας. Следовательно, в декрете могло и не быть τῆς γῆς в одной строке с τῆς χώρας.

Таким образом, § 1 декрета гласит: «Первым переселенцам, занявшим местность и обстроившим город стенами, получить в качестве привилегии в городе, внутри уже возведенных стен, каждому по одному ойкопедону, (опять-таки) в качестве привилегии — с приусадебным участком, а вне стен им же получить еще по ойкопедону и в хоре в качестве привилегии — основной надел в три плетра из наилучшей земли, а из прочей — те же доли» (о значении выражения τὰ μέρη см. ниже).

Дополнения Вильгельма [τὸν κλᾶρον καὶ τὰ μέρη ῥῶπει и Диттенбергера [καὶ τῆς χώρας ὅσον τε καὶ] εἰ в лакуне сткк. 7—8 имеют свои сильные и слабые стороны. Восстановление Диттенбергера не содержит объекта, требуемого инфинитивом ἀναγραφῆμεν²⁹, но хорошо объясняет сохранившиеся в начале стк. 8 буквы EI в соответствии со смыслом фразы. Дополнение Вильгельма содержит этот объект, но ὅπει самому Вильгельму казалось сомнительным (перед первым ε стк. 8 скол проходит таким образом, что при наличии там π правый верхний край этой буквы был бы виден). Поэтому более предпочтительной представляется контаминация обоих добавлений, учитывающая их сильные стороны: [τοὺς κλάρους ὅσον τε καὶ] εἰ — «Записать о клерах, сколько и где каждый получил по жребию».

Дополнение Бруншмида в лакуне начала стк. 9 нуждается в небольшом уточнении, поскольку в ней вместе с сохранившимся неполностью конечным υ слова πέλεθρον может уместиться не более трех букв; это определяет перенос [- - πέλεθ]ρο]ν.

В лакуне начала стк. 10 есть место от силы для четырех букв, оптимально — для трех, поэтому первую букву слова καὶ лучше оставить в предыдущей строке.

Прежде чем перейти к интерпретации содержания надписи, кратко охарактеризую ее язык. Иссейская надпись

²⁹ По той же причине малопривлекательно восстановление Л. Маргетича [ὅσον τε καὶ οὖν τῶι μέ]ρει (*Margeticé L. Op. cit.*, s. 203).

составлена на южнодорийском диалекте, свойственном также метрополии Иссy — Сиракузам³⁰. Язык надписи представляет собой контаминацию ранних форм с фонетическими инновациями. В числе довольно архаичных черт можно отметить употребление τοῦ стк. 2 в значении притяжательного местоимения, как у Гомера; сохранение первоначального β (без йоты *адскрипtum*) в 3 л. ед. числа конъюнктивного аориста — προῖδῃ, συναγορήσῃ (стк. 12). Интересен аористный инфинитив на -ειν (λαβεῖν), зафиксированный для дорикι лишь в коринфском, родосском и мегарском говорах³¹; следовательно, колония сохранила характерный элемент языка метрополии Сиракуз — Коринфа. Наряду с этим некоторые формы свойственны как раннему, так и последующему времени: отсутствие ι в ὁοῖ (встречается с VI в.); δαμόνια может быть рассмотрено как раннее дорийское явление (ассибиляция τ перед ι), но не исключено также, что это результат влияния ионийско-аттической формы, т. е. один из элементов койне. Наконец, встречаются формы, обусловленные определенным влиянием койне: ἔτας, οἰχόμενον с элидированной дигаммой³², которая сохранялась в дорике еще в эллинистическую эпоху наряду с ионийско-аттическими πρώτος (вместо дор. πρώτος) и τέσσαρα (вместо дор. τέτορες). Таким образом, проявляющиеся в языке иссейской надписи следы влияния койне, сказавшегося прежде всего в формах числительных и других отдельных широкоупотребительных лексем, вполне согласуются с датировкой надписи III в. до н. э. по палеографическим признакам³³.

³⁰ Исса была основана Дионисием Старшим в 390—380 гг. (Novak G. Hvar. Zagreb, 1960, s. 28; RE, Hbhd. 25, Sp. 733).

³¹ Buck, p. 122.

³² Аналогичное явление наблюдается также в Гераклеϊских таблицах, где тема Ποιx — утратила дигамму при почти полном сохранении ее в языке этого памятника. Ср.: Uguzzoni A., Ghinatti F. Le tavole greche di Eraclea. Roma, 1968, p. 38.

³³ Сначала В. Диттенбергер вслед за Э. Мейером относил надпись ко времени около 385 г. (Syll.³, N 141). И. Бруншмид, Ф. Майер и Д. Рендич-Мичевич также датировали ее началом IV в. Г. Новак и А. Грэйм осторожно датировали ее IV в. (Novak G. Hvar, s. 30; Graham A. J. Colony and Mother City, p. 43), а П. Лисичар — второй половиной IV в. (Op. cit., s. 108). Однако в последнее время Д. Рендич-Мичевич и Дж. Вудхед понизили датировку надписи до III в., что действительно соответствует прифту надписи (Rendić-Miočević D. Iscjska naseobina. . ., s. 135; Woodhead A. G. The «Adriatic Empire», p. 509).

§ 2. Раздел земли колонистами

Исследуемый документ, трактуя вопросы раздела земли между колонистами, относится к одному из последних звеньев в цепи событий, связанных с основанием колонии на Черной Керкире. Употребленные авторами декрета аористные и перфектная формы *κατέλαβον* — стк. 17, *τεταχίσαντας* — стк. 4, *τεταχισμένους* — стк. 5) ясно показывают, что до принятия закона о разделе земли колония уже была основана, местность занята, стены возведены. Аналогичным образом *λαβεῖν* стк. 9 показывает, что в колонии были уже и дополнительные колонисты. Следовательно, в ходе распределения строительных и земельных участков, очевидно, произошли какие-то трения, которые привели в конце концов к выработке народным собранием метрополии закона, регулировавшего раздел земли между колонистами. Анализ надписи и данные общегреческой колонизационной практики позволяют дать следующую реконструкцию общего хода событий, связанных с основанием колонии и изданием декрета.

Народное собрание граждан города Иссы принимает решение об основании колонии на Черной Керкире и определяет примерный контингент переселенцев³⁴. Специально назначенные ойкисты еще до принятия этого постановления находят наиболее удобное место для основания города³⁵. Выбор пал на Черную Керкиру, возможно, на ту ее часть, где в VI—V вв. была расположена колония киндяи³⁶. Ойкисты договариваются с далматскими владетелями острова и выводят туда около 250 (судя по числу сохранившихся имен и патронимиков) иссейских колонистов.

Завершив нелегкий труд по возведению оборонительных стен, колонисты приступили к разделу строительных и земельных участков. Однако в это же время стали прибывать новые переселенцы, которые претендовали на

³⁴ Ср. постановление ферия о выводе колонии в Кирену и афинские декреты об отправлении колоний в Брею и Адриатику (№ 1, 5, 14).

³⁵ Ср.: *Hdt.*, IV, 151 сл. — о предварительной разведке перед основанием Кирены и известие схолиаста к Аристофану (Nub. 332) — о комиссии из 10 чех., посланных на разведку перед основанием Фурий (*Tod.*, I, p. 89).

³⁶ *Stb.*, VI, 315. Подробнее см.: *Gitti A. Sulla colonizzazione greca nell'alto e medio Adriatico.* — PP, 1952, 7, p. 183—185.

одинаковые с первыми строителями города права — ср. временную разницу причастий: οἱ πρῶτοι [καταλαμβάνοντες] сткк. 317 — первые колонисты, уже занявшие местность (аорист), и οἱ ἐφέρχοντες стк. 9 — прибывающие переселенцы (презенс). На этой почве могли возникнуть трения между двумя группами колонистов, так как первые строители города, естественно, считали себя имеющими право на более привилегированное положение³⁷. В категорию присоединившихся колонистов могли входить жители Иссы и, видимо, других городов, а также местное далматское население, которое, согласно договору между ойкистами и туземными вождями, в качестве компенсации за уступленную грекам землю, очевидно, имело право присоединяться к жителям нового города³⁸. Именно при такой интерпретации становится понятным участие Пилла и Даза как отдельной договаривающейся стороны в коллегии ойкистов при выработке закона о разделе земли³⁹. Ввиду создавшейся ситуации колонисты апеллировали к народному собранию метрополии, которое поручило представителям обеих сторон — ойкистам и местным вождям, включенным в число ойкистов, — выработать постановление о регулировании раздела земли. Закон был выработан на умеренно-олигархической основе и после утверждения его народным собранием в форме декрета обнародован в колонии. При этом были точно определены лица, имевшие привилегии в качестве первых колонистов: их имена были вырезаны под текстом декрета.

³⁷ Ср.: *Diod.*, XII, 11, 1 — о стасисе в Фургиях между сибаритами, считавшими себя коренными жителями, и прибывавшими позднее переселенцами. См. также: *Arist.*, *Pol.* V, 2, 9—10; *Hdt.*, IV, 159—161 — о стасисе в Кирене по аналогичному поводу.

³⁸ В списке колонистов представлено несколько иллирийских имен — *Σαλλας*, *Τυρος*, *Σιβαλις* (*Russu I. I. Op. cit.*, p. 242, 247, 259), что может указывать на только начавшийся процесс конвергенции греческого и иллирийского общества в Адриатике. Остальные имена, рассматривавшиеся П. Лисичаром как иллирийские (*Op. cit.*, p. 110—111), распространены во всем северобалканском ареале, в том числе и в греческой антропонимической номенклатуре (*Ζώπυρος*, *Σιτάλης*, *Σέστος* и др.). На основании нескольких иллирийских имен нельзя, однако, подобно Лисичару, делать заключение об иллирийском характере колонии, выведенной Иссой на Черную Керкиру.

³⁹ Не был ли Даз, сын Пилла, главой иллирийских переселенцев? Не исключено также, что именно в его честь был издан оропский проксенический декрет III в. до н. э. (*SEG*, 1958, 15, № 272; ср. № 273).

Раздел участков между колонистами производился после постройки городских оборонительных стен, на что определенно указывает перфектное время причастия: τῆς πόλιος [τῆς] τετειχιωμένος (сткк. 4—5). Известно, что возведение оборонительных стен — это первое, с чего колонисты обычно начинали свою деятельность на новом месте жительства. Так, лакедемонские колонисты, основавшие Гераклею неподалеку от Фермопил и Эвбеи, καταστάντες δὲ ἐτειχίζαν τὴν πόλιν ἐκ καὶνῆς — «прибыв, обвели город новыми стенами»⁴⁰. У Витрувия есть рассказ об основании города Сальфия и разделе земельных участков, но из текста неясно, происходил раздел после возведения оборонительных стен или одновременно с этим⁴¹.

Декрет же иссейцев, как и другие источники⁴², ясно показывает, что лишь после сооружения оборонительной стены колонисты приступали к устройству своих частных дел — распределению участков: τῆς πόλιος οἰκόπεδον ἐν ἑκαστοῦ τῆς τετειχιωμένος ἐξαίρετον οὖν τῷ μέρει — «получить в качестве привилегии в городе, внутри уже возведенных стен, каждому по одному ойкопедону, (опять-таки) в качестве привилегии — с приусадебным участком».

Выражение οἰκόπεδον οὖν τῷ μέρει нуждается в разъяснении. Слово «ойкопедон» в литературных источниках имеет следующие значения: 1) участок под дом, место, на котором строится или построен дом; строительный участок; место города; 2) собственно дом, строение⁴³. Анализ эпиграфических документов уточняет значения этого термина: 1) комплекс хозяйственных и жилых помещений⁴⁴; 2) хозяйственный комплекс с двором и утилитарными постройками при жилище⁴⁵; 3) строительный

⁴⁰ *Thuc.*, III, 92, 6.

⁴¹ Марк Гостилий, получив разрешение сената основать город на новом месте, constituitque moenia et areas divisit nummoque sestertio singulis municipibus mancipio dedit — «возвел стены, разбил землю на участки и отдал их за бесценно каждому гражданину по отдельности» (I, 4, 12. *Пер. Ф. Петровского*).

⁴² Ср. рассказ Диодора об основании Фурий (XII, 10 сл.) и Павсания — о закладке города Мессены (IV, 27, 3—4). По Диодору, Эпаминонду понадобилось 85 дней на основание Мегалополя.

⁴³ *LSJ*, s. v.

⁴⁴ *Syll.*³, № 302: οἰκόπεδα при пахотном поле или саде.

⁴⁵ Τὴν οἰκίαν καὶ τὸ οἰκόπεδον τὸ πρὸς — «дом и прилегающий ойкопедон» в актах о купле-продаже земли из Амфиополя (BCII, 1961, 85, р. 429—430) и в списках проданной недвижимости на Теносе (IG, XII, 5, № 872, v. 44, 63). Более развернуто строительная терминология, связанная с основанием города, была

участок под дом с двором и хозяйственные постройки при нем — ср. распоряжение Антигона о синоикизме Теоса и Лебедоса, в котором теосцам предписывается выделить каждому из переселяющихся лебедосцев по ойкопедону, равному тому, который он имел в Лебедосе; пока же они будут строиться, предоставить лебедосцам дома для жительства бесплатно⁴⁶. По характеру это письмо Антигона близко декрету иссейцев в том смысле, что в обоих документах имеется в виду городское строительство, поэтому термин «ойкопедон» употреблен в них в одинаковом значении. Таким образом, здесь «ойкопедон» — это отвлеченный технический термин из строительного лексикона, обозначающий площадь, отведенную под строящийся дом, двор и хозяйственные постройки при нем.

Μέρος при ойкопедоне не засвидетельствован нигде, но так как в декрете иссейцев он встречается еще раз в значении «земельный участок» (стк. 7), выражение οἰκοπέδον σὺν τῷ μέρει следует понимать как «площадь, отведенная под жилищно-хозяйственный комплекс с приусадебным участком». Резонно полагать, что этот приусадебный участок отводился под сад и (или) огород⁴⁷. Μέρος здесь фактически эквивалентен слову γήπεδον; ср. дефиницию последнего в лексиконе Фриниха: «гепедоны, — это участки в городах, прилегающие (к домам), как садики»⁴⁸.

представлена в законе о колонии из этолийского Терма: сначала упоминаются частновладельческие площадки под жилищно-хозяйственный комплекс — ἐν τοῖς ἰδίοις οἰκοπέδοις (стк. 4), затем говорится о доме и его части — τὸ τῆς οἰκίας [μ]έρος (стк. 20). К сожалению, от этой очень важной надписи (IG, IX, p. 1, f. 1, N 2) сохранилась лишь треть. В надписи V в. из Гортины упоминаются предоставляемые проксену Φοικίαν ἐν Ἀγλῶνι ἐνδὸς πύργου καὶ Φοικόπεδον ἐκκοῖ γῆν — «Дом в Авлоне внутри башни и вне (ее) — ойкопедон из земель» (Schwyzer, № 176). Ойкопедон здесь, несомненно, выделяется под хозяйственные постройки.

⁴⁶ Syll.³, № 344. Интерпретацию надписи и частичный перевод см. в кн.: Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950, с. 100—101.

⁴⁷ Если обратиться к этнографическим параллелям, то в приазовских греческих селах выражение οἰκοπέδον σὺν τῷ μέρει могло бы обозначать площадь, ограниченную невысоким забором, сложенным насухо из рваного камня, который у древних греков назывался θύρατ, а у приазовских — ташхура. Эта площадь состоит из дома (спит), двора (авли), хозяйственных построек — хлева (мандри, аран), птичника (жуму), свиноварника, погреба, летней печи, сарая, а также сада (кипос, бахча) и огорода (ливада).

⁴⁸ Bekker I. Anecdota Graeca. В., 1814, 1, p. 32. Подробней о гепедоне см.: Pritchett W. K. Op. cit., p. 263—264.

В иссейской падиши *μέρος* — участок определенных размеров, представляющий собой минимальную отсчетную единицу, лежавшую в основе исчисления размеров каждого надела. Можно попытаться установить абсолютную величину этого модуля. Упоминаемые в декрете площади (1,5; 3; 4,5 кв. плетра) кратны некоему участку в 1,5 или 0,5 плетра. Если принять, что в основу исчисления величины надела положен участок в 1,5 кв. плетра (т. е. одна доля = 1,5 кв. плетра), то размеры города окажутся слишком большими. Остается допустить, что одна доля приравнивалась к половине кв. плетра, и это будет более правильным, так как в абсолютном отношении наделы иссейских колонистов довольно незначительны (например, присоединяющиеся колонисты получали по 4,5 кв. плетра, что составляет 0,427 га). Интересно отметить, что в «Законах» Платона (741 с) *гэпедон*, как и наш *μέρος*, относится к городскому наделу (*ойкопедону*) колониста; он должен быть унаследован сыном владельца, причем надел этот должен оставаться неотчуждаемым. Имея в виду § 3 папского декрета [«всегда быть у них (т. е. первых колонистов — В. Я.) и у потомков у каждого по полтора плетра земли»], можно предположить, что *μέρος* при *ойкопедоне* входил в число 1,5 кв. плетра, постоянно остающегося у каждого из первых иссейских колонистов и его потомков в качестве земельного надела. Отсюда следует, что модульной единицей действительно были 0,5 кв. плетра (как минимальная кратная величина при площади в 1,5 кв. плетра постоянно остающейся у первого колониста земли) и что из основного надела надо было постоянно оставлять в качестве обязательного цензового участка 1 кв. плетр из 3, полученных при первоначальной размежевке среди основателей города (*πρωτον κληρον*).

Исходя из модульного участка в 0,5 кв. плетра, можно получить следующие предположительные цифры. Первые колонисты, которых было около 250⁴⁹, получали *ойкопедон* с приусадебным участком, равным одной доле, т. е.

⁴⁹ В той или иной степени сохранились имена или патронимы примерно 170 колонистов. По длине наибольшего столбца насчитывается около 250 чел. Г. Новак считает, что их было около 200 чел. (*Novák G. Vis. Zagreb*, 1961, с. 25). Ср.: *Идт.*, IV, 148: лакедемонянин Фера отправился в колонию с тремя триаконтерами, т. е. примерно со 150 колонистами; IV, 153: Батт отправился заселять Кирену на двух пятидесятивесельных судах, т. е. опять-таки колонистов было около 150 чел.

в городе на каждого из них приходилось примерно по 700 м² (доля — 475 м² + примерно 225 м² под ойкопедон)⁵⁰, всего на них приходится 14 га городской территории. Присоединявшиеся колонисты в городе получали только по ойкопедону; если предположить, что их было также около 200, то на их долю приходится около 4—5 га на городской территории. Добавив 1—2 га под улицы и площади, получим общую территорию города, равную примерно 20 га.

Как видим, первым колонистам было представлено значительное преимущество при разделе городской территории, ибо присоединяющиеся колонисты получали в три раза меньшую площадь. Во всяком случае, если и не принимать эти цифры, привилегированное положение первой группы колонистов очевидно — согласно декрету, они получают ойкопедон с приусадебным участком, в то время как присоединяющиеся — только ойкопедон (стк. 4—5, 9).

Более сложная картина вырисовывается при анализе системы раздела земли за пределами города. Согласно декрету, каждый колонист первой категории получает в качестве привилегии основной надел в 3 плетра и какие-то определенные доли из остальной земли (τὰ μέρη стк. 7). На первый взгляд кажется, что определить точную величину всего надела, получаемого колонистом первой группы, невозможно, так как число долей (τὰ μέρη) неизвестно. Более того, такая точка зрения как будто поддерживается и «Законами»: Платон полагает, что способ правильного распределения земли (т. е. в основном величина участков) может быть установлен после определения необходимого для защиты от окрестных жителей числа граждан, которое, однако, можно выяснить лишь на месте, в соответствии с количеством и качеством земли (πρὸς τὴν γῆν), а также близлежащими полисами. «Когда мы увидим и местность, и соседей, мы определим все это не только на словах, но и на самом деле» (Legg., 737b—d). Отсюда как будто ясно, почему декретом иссейцев не определены размеры обычных наделов (τὰ μέρη) первых переселенцев: это можно было сделать только на месте, в соответствии с окружающими условиями.

⁵⁰ К примеру, размер среднего ойкопедона в Олинфе — около 300 м².

Однако, как указывалось выше, город уже был основан и, естественно, все эти условия известны.

Если полагать, что τὰ μέρη означает «доли» вообще, то это предоставляло бы каждому первому колонисту возможность неограниченного присвоения земли. Однако земельные угодья иссейской колонии были ограничены, что обуславливалось как ее островным положением, так и лесистостью острова⁵¹. Далее, земля для колонии была выделена местными царьками, конечно, считавшимися с тем, что остров заселен их подданными. Следовательно, τὰ μέρη означает какую-то определенную меру земли и это выражение надо понимать как «те (же) доли» (τὰ — не артикль, а указательное местоимение множественного числа среднего рода, как и в стк. 2 τοῖ — не артикль, а притяжательное местоимение. Оба случая — архаистические черты языка нашей надписи.

Таким образом, § 1 предписывает «получить из наилучшей земли основной надел в три плетра, а из прочей — те (же) доли», т. е. еще 6 долей, составляющих другой участок в 3 кв. плетра на «остальной земле» (3 плетра — это 6 долей по 0,5 плетра). Отсюда следует, что надел первого колониста состоял из двух участков по 3 кв. плетра каждый — один на земле хорошего качества, другой — на земле обычного качества («остальная земля»); в целом он равнялся 6 кв. плетрам (0,57 га)⁵². Всего земельный фонд 250 первых колонистов составлял около 150 га. Присоединявшиеся колонисты получали участки в 4,5 кв. плетра (0,427 га); если их тоже было примерно 250 чел., то на их долю приходилось около 100 га земли. В целом земельный фонд иссейской колонии на Черной Керкире насчитывал примерно 300 га; очевидно, что цифра эта относительно невелика.

Сопоставим проведенные приблизительные расчеты с данными о другой дорийской колонии — достаточно хорошо исследованным Херсонесом Таврическим. В освоении его хоры и истории собственно города четко наме

⁵¹ Ср.: *Apoll. Rod., Arg., IV, 570—571* — о лесистости острова. На соседнем острове Хваре сохранились следы римского агера площадью до 80 га. Он был поделен на прямоугольные участки, размеры которых в основном невелики, но были и наделы в 5 га. См.: *Duboković-Nadalini N. Ager Pharensis. — VAND, 1961—1962, 63—64, s. 91 f.*

⁵² Без учета предложенного выше второго ойкопедона или предложенного Г. Клаффенбахом второго садового участка,

чаются два периода: от времени основания в конце V в. до середины IV в., когда происходило становление города, а также освоение Маячного полуострова, и с конца IV в., когда город вступил в полосу расцвета. Площадь Херсонеса, заключенная в пределах оборонительной стены середины IV в., составляла около 15 га. В конце этого века оборонительные сооружения были расширены и территория города увеличилась примерно до 25 га. Земледельческая территория раннего Херсонеса была расположена в 12 км к западу — на Маячном полуострове, отделенном оборонительной стеной⁵³. На его территории, составляющей примерно 380 га, были зафиксированы остатки приблизительно ста зданий, т. е. земельные владения раннего Херсонеса были разделены примерно на 100 наделов, видимо, по 3,5 га в каждом⁵⁴.

Приведенные данные о раннем Херсонесе показывают вероятность цифр, полученных для иссейской колонии; разница в величине земельного фонда обоих городов, естественно, предопределена различными природными условиями, которые обусловили ограниченность земельных угодий иссейской колонии.

Земельные наделы как первых колонистов, так и присоединявшихся, которые получали по 4,5 плетра, как показывают имеющиеся в нашем распоряжении данные, были минимальными⁵⁵.

Разница между наделами первых и присоединившихся колонистов на первый взгляд невелика — 1,5 кв. плетра,

⁵³ Блаватский В. Д. Земледелие... , с. 26—27; Кац В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклеяском полуострове. — В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1972, вып. 1, с. 28 сл.

⁵⁴ Блаватский В. Д. Земледелие... , с. 40.

⁵⁵ Например, в одной керкирской проксии из 12 перечисленных виноградинок половина — размером в 4 плетра, два участка по 2 плетра даны одному лицу, остальные — в 6 (пустопь), 10, 20 и 22 плетра (IG, IX, p. 1, N 693). В Аттике около 4500 землевладельцев имели участки величиной примерно в 1 га, другие 4500 — в 3,5 га и еще 4500 — в 7,5 га (Андреев В. И. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1959, № 2, с. 142; цифры эти, разумеется, очень приблизительны). В надписи из малоазийского Иаса (Syll.³, N 169) указаны цены проданных земельных участков, колеблющиеся от 4 до 50 статеров. С учетом средних цен на один кв. плетр земли в 50—70 драхм (Андреев В. И. Цена земли в Аттике IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 2, с. 48) это показывает, что жители маленького Иаса владели небольшими наделами, аналогичными тем, которыми наделялись колонисты иссейцев.

однако с учетом приусадебного участка и второго такого же участка (или ойкопедона) в хоре она возрастает примерно до 2,5 кв. плетра, т. е. составляет около половины надела колониста второй категории. Не меньшую, если не большую, роль играло то обстоятельство, что наделы присоединявшихся отрезались от так называемой «неразделенной» земли, т. е. заведомо худшей по качеству, так как хорошая земля, естественно, отводилась под основные наделы первых колонистов.

Итак, в целом декрет различает три категории земли в хоре: 1) земля под основные наделы (стк. 6); 2) «остальная» земля — *τὰ ἄλλα* (стк. 7)⁵⁶; 3) фонд неразделенной земли — *ἡ ἀδιαίρετος* (стк. 10).

Наделы первых колонистов нарезались из хоры первой и второй категории, т. е. каждый из них получал по два участка, в то время как присоединявшиеся получали один участок из земли третьей категории. Думается, что система наделения колонистов двумя участками сыграла не последнюю роль в образовании так называемых *ἐσχατιαί* — окраинных участков, известных в разных областях Греции. Например, в актах о купле земли с Теноса наряду с обычными земельными участками (*τὰ χωρία*) в некоторых случаях упоминаются участки, проданные вместе с окраинными землями⁵⁷. Эти окраинные участки составляли территориально отдаленные части наделов: *τὰ [χωρία] ἐν Ἐ]λαιούντι καὶ τὰς ἐσχα]τίας ὅσαι [εἰ]σὶν τῶν χωρίων τοῦ[των]* (стк. 18, аналогичная формулировка и в сткк. 87—88)⁵⁸. Следовательно, на Теносе некогда существовала та же система наделения земель (колонистов?), что и на Черной Керкире: одну группу наделов составляли отдельные участки, другую — двойные. У этих «двойных» наделов и на Теносе и на Керкире один участок нарезался из хоры первой категории (*τὸ χωρίον*), а другой — из хоры второй категории (керкирским *τὰς ἄλλας τὰ μέρη* соответствуют теносские *αἱ ἐσχατιαί*).

⁵⁶ Земля этой категории упоминается и в афинском декрете о выводе неизвестной колонии (№ 6). Здесь среди колонистов также были как новоприбывшие, так и старые колонисты (*πρέσβεις ἀποικοί*, (сткк. 24, 29).

⁵⁷ *αἱ ἐσχατιαί* — IG, XII, f. 5, N 872, v. 18, 34, 55, 87—88, 89.

⁵⁸ Ср. характеристику «окраинных» участков в лексиконе Гарпократона (s. v. *ἐσχατία*): «Участки при границах земельных наделов называли «окраинными», с ними расположена по соседству гористая местность или море».

Наделение колонистов двумя участками, выявляющееся из иссейского декрета, подтверждает реальную основу рекомендаций Платона⁵⁹ и Аристотеля⁶⁰ о наделении каждого колописта двумя участками — ближним и дальним. Из упомянутого места «Политики» явствует, что такая система наделения применялась в действительности (см. VII, 9, 8), по как широко — неясно. Наличие *ἐσχατιαί* в различных областях Греции может свидетельствовать о том, что практика наделения граждан (в том числе и в основываемых колониях) двумя участками — ближним и дальним (из хорошей земли и из менее качественной) носила общеэллинский характер. Возникла она в процессе периодических переделов земли в полисах архаической Греции (ср. стк. 11: *μηδὲ τὰν χώραν ἄνδαντον ποτ[εσθαι]*) и была усвоена колонизационной практикой.

Контингент первых колонистов не был достаточно велик для нормального функционирования полиса, поэтому декрет предусматривает привлечение дополнительной группы переселенцев. Аналогичным образом и декрет ферян о колонистах, отправлявшихся в Кирену, предполагал дополнительный приток поселенцев, которым предоставлялся участок из свободной земли: *γὰρ τὰς ἀδεσπότην ἀπολαγχάνειν* (№ 1.29—33). В богатой Кирене после раздела земли между колонистами осталось еще много неосвоенных угодий: *τὰ ἀδέσποτα* — земля, не имеющая хозяев⁶¹. На Керкире же земли было мало, поэтому специальный массив резервировался для присоединявшихся колонистов: *ἡ ἀδιαίρετος* — земля, не подлежащая разделу между первыми колонистами. В число присоединявшихся колонистов входили прежде всего жители метрополии, что было обычным в общегреческой колонизационной практике. Видимо, к иссейцам могли присоединяться и другие эллины (аналогичное явление имело место и в Кирене)⁶². Вместе с тем, как указывалось выше, среди присоединявшихся колонистов, несомненно, могли быть и иллирийцы, в первую очередь жители Черной Керкиры. Соображения филологического характера, заставляющие прийти к такому выводу, к сожалению, не могут быть подкреплены археологическими данными, так как

⁵⁹ *Plat.*, *Legg.*, 745c—d.

⁶⁰ *Arist.*, *Pol.*, VII, 9, 7.

⁶¹ Ср.: *Hdt.*, IV, 159.

⁶² *Ibid.*

ни сама колония иссейцев, ни ее некрополь еще не известны. Однако археологические параллели из других городов свидетельствуют о возможности такой интерпретации.

Именно такая картина наблюдается в Херсонесе Таврическом, основанном дорийскими колонистами из Гераклеи. Как показали раскопки северного некрополя конца V—IV в. (времени основания города и последующего столетия), почти 50% погребений были скорченными, т. е. принадлежали местному населению⁶³. Следовательно, гераклейские поселенцы, которых, судя по количеству усадеб на Маячном полуострове, было около 100, включали в число жителей основанной колонии какую-то часть местного населения. Думается, исследование некрополя иссейской колонии на Черной Керкире разъяснит этот вопрос. Во всяком случае, среди первых колонистов некоторые носили иллирийские имена.

Как уже говорилось, декрет имел своей целью четко определить права двух категорий колонистов, и прежде всего закрепить привилегированное положение группы первых переселенцев. Этот обычай засвидетельствован для ряда греческих колоний⁶⁴. Например, сибариты считали себя основателями Фурий, они заняли высшие магистратуры и разделили между собой ближайшие к городу земли, а более дальние — отдали другим переселенцам из Греции⁶⁵. Следует отметить, что составители документа стояли на довольно демократических позициях, определяя контингент пользующихся привилегиями колонистов не по происхождению или имущественному достатку, а по степени участия в трудном деле основания города. Предоставление льгот первым колонистам было, конечно, справедливо, так как они вынесли на своих плечах все тяготы по возведению оборонительных стен. Вместе с тем эта справедливость распределения с течением времени становилась одной из основных причин социальной дифференциации и связанной с ней сословной борьбы. Не случайно поэтому декретом предусмотрена обязательная запись участка (§ 2). Чтобы это справедливое распределение не нарушалось, предусматривались соответствующие

⁶³ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 31—33; Демографическая ситуация . . . , с. 191 сл.

⁶⁴ *Arist.*, Pol., IV, 3, 8.

⁶⁵ *Diod.*, XII, 11, 1.

щие меры: «Власти пусть поклянутся, что никогда ни город, ни хору никоим образом не подвергнут переделу. Если же архонт замыслит что-либо против установленного или гражданин поддержит это, то пусть он будет вне закона, а имущество конфисковано в пользу государства; убивший же его пусть останется безнаказанным» (§ 5—6) ⁶⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что присоединявшиеся колонисты не имели основного надела, который предоставлялся первым переселенцам в качестве привилегии (предикативное определение ἐξ᾿ ἁρχῆς относится к τὸν πρῶτον κλῆρον стк. 6, как и в предыдущей строке, где оно выражает преимущественность получения приусадебного участка при ойкопедоне). Третий параграф декрета предусматривает обязательное сохранение половины основного надела как первыми колонистами, так и их потомками. Эти полтора плетра составляли земельный ценз, открывавший гражданам доступ к государственным должностям ⁶⁷. К присоединяющимся колонистам § 3 декрета не относится: о них впервые говорится только в следующей статье. Таким образом, присоединяющиеся колонисты и их потомки, будучи гражданами полиса, но не обладая основным наделом, а следовательно, и необходимым земельным цензом, не имели права участвовать в государственном управлении. Они-то и составляли ту массу земледельческого населения, не имевшую доступа к должностям, о которой говорил Аристотель ⁶⁸.

Предписываемое декретом обязательное сохранение каждым первым колонистом и его потомками половины своего основного надела — не что иное, как гарантия его полных гражданских прав. Следовательно, закрепляемая декретом система экономических преимуществ сопровождалась отчетливо выраженным политическим пе-

⁶⁶ Ср. подобную формулировку в афинском декрете о колонии в Брее (№ 5. 20—26). Не исключено, что превентивные меры против возможных нарушений установленной декретом системы земле- владения вызваны наряду с другими причинами существовавшим у далматов обычаем передела земли каждые 7 лет (*Stb.*, VI, 315). Хорошие параллели к восстановленной И. Бруншмид в сткк. 12—13 охранительной формуле см.: *Usteri P. Achtung und Verbannung im griechischen Recht. B.*, 1903, S. 58—59. Об ἀτιμος как *Vogelfrei*, что определяется словом ἄδωμος, см.: *Ibid.*, S. 14, 35.

⁶⁷ Ср.: *Arist.*, *Pol.*, IV, 5, 3: «обладающий этим цензом имеет право участвовать в государственном управлении».

⁶⁸ *Ibid.*

равноправием двух групп колонистов, в чем проявляется умеренно-олигархическая направленность этого документа. Закрепляемая им исполития корпоративна, она с самого начала определяла сословную стратификацию общества в новом полисе. Предоставляемая декретом исомайрия также корпоративна: распределение по жребию (λατχήω, стк. 8) и равенство наделов соблюдаются внутри двух групп колонистов, но не между ними. Установление земельного ценза, гарантирующего полные гражданские права, довольно противоречиво: оно олигархически корпоративно, ибо охватывает не всех граждан, но демократично в отношении первых колонистов, что определялось мелкоземлевладельческим характером колонии исейцев. В самом деле, составители документа реально предвидели возможность продажи (в силу тех или иных причин) полноправными гражданами своих основных наделов. Для того чтобы сохранить их как таковых, они установили довольно низкий земельный ценз. Близкое по духу становление можно обнаружить и в политике афтейцев, согласно которой небольшая хора их многолюдного государства была поделена на участки настолько мелкие, что все население имело возможность заниматься земледелием, в том числе и бедняки ⁶⁹.

Корпоративно-демократический характер устанавливаемого земельного ценза проявляется также в самом факте возможности продажи половины основного надела, тогда как ранее в олигархических полисах постоянно предпринимались меры для сохранения таких наделов ⁷⁰. Платон тоже предписывал гражданам своего идеального государства сохранять первоначальный надел и не бесчестить его куплей-продажей ⁷¹. Аристотель, упоминая о существовавшем во многих греческих государствах законе сохранения основных земельных наделов (τοῦς παλαιοὺς κλήρους), добавляет: «Нарушение подобного закона на Левкаде повело к тому, что ее государственный строй стал слишком демократическим: требовавшийся ранее определенный ценз для замещения магистратур с того времени утратил свою силу» ⁷². Как видно, во многих

⁶⁹ Этой мерой афтейцы сохраняли многолюдность своего полиса. Ср.: *Arist., Pol.*, VI, 2, 6.

⁷⁰ *Ibid.*, VI, 2, 5.

⁷¹ *Plat., Leges*, 741b.

⁷² *Arist., Pol.*, II, 4, 4 (пер. С. А. Жебелева).

государствах размером необходимого имущественного ценза являлась стоимость первоначального надела; иссейцы же приравняли имущественный ценз к половине стоимости основного надела, в чем определенно проявляется тенденция к демократизму.

Закладываемые декретом основы государственного устройства иссейской колонии можно в целом охарактеризовать как преобладающие умеренно-олигархические, смешанные с отдельными демократическими чертами. Этот тип политики включает черты классифицированных Аристотелем олигархического устройства первого вида и демократической политики второго вида. Олигархическому устройству первого вида свойственна умеренная недвижимая собственность, владельцы которой в силу обладания необходимым имущественным цензом имеют возможность принимать участие в государственном управлении ⁷³. Однако вместо свойственного этой умеренно-олигархической политике высокого ценза ⁷⁴ составители декрета ввели довольно небольшой земельный ценз, характерный для демократического устройства второго вида ⁷⁵.

Закрепляемая иссейским декретом сословная корпоративность подсказывает один из путей возникновения сословной стратификации общества в ряде колоний. Так, на Фере и в Аполлонии на Ионийском море «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляли незначительную часть всего населения» ⁷⁶. Выделение сословия гаморов из массы сиракузского демоса в VI—V вв. до н. э. также определялось привилегированным положением первых основателей Сиракуз, что было обусловлено олигархическим характером государственного устройства Коринфа времен Бакхиадов. Отдаленной во времени реминисценцией этой социальной системы Коринфа и является социальное устройство иссейской колонии на Черной Керкире (напомню, что Сиракузы — колония Коринфа, а Исса — колония Сиракуз) ⁷⁷.

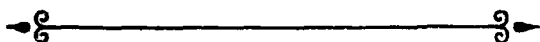
⁷³ Ibid., IV, 5, 6.

⁷⁴ Ibid., IV, 5, 1.

⁷⁵ Ibid., IV, 4, 3.

⁷⁶ Ibid., IV, 3, 8.

⁷⁷ О сходных чертах устройства иссейской колонии и платоновского государства см.: Яйленко В. П. Платоновская теория основания полиса и эллинская колонизационная практика. — В кн.: Платон и его эпоха. М., 1979.

АФИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава IV

АФИНСКИЕ КОЛОНИИ И ИХ ТИПОЛОГИЯ *

Колонизационная деятельность Афин началась сравнительно поздно, и ее первый этап смыкается с концом эпохи Великой греческой колонизации. Только в конце VII в. Афины выслали первую колонию. К этому времени Средиземноморье, Эгеида и Понт были поделены на сферы влияния, вследствие чего Афинам пришлось вторгнуться на уже освоенную территорию: колонисты были отправлены в Сигей, основанный эолийцами с Лесбоса, которые играли большую роль в заселении Троады¹. Захват Сигея повлек за собой войну между Афинами и Митиле-ной². Поскольку ни одна из сторон не добилась решающего перевеса, было условлено обратиться к посредничеству Перияндра, по третейскому суду которого Сигей остался за афинскими колонистами.

Отправление колоний афинянами было обусловлено двумя причинами. Первая и основная, как можно полагать, состояла в том, что, говоря словами Фукидида, «Аттики уже не хватало» для всех (I, 2, 6). Ее естественные земельные ресурсы были полностью освоены, так что под

* Афинский материал интенсивно исследовался в литературе, и сразу оговорюсь, что по многим вопросам, в той или иной мере затронутым, но не имеющим прямого отношения к исследуемой теме «Афинская колонизация», исчерпывающей информации читатель здесь не найдет, — я могу лишь вскользь коснуться их.

¹ *Stb.*, XIII, 599.

² Подробности см.: *Hdt.*, V, 94—95; *Stb.*, 599—600 (ссылки на Страбона даются по казобоновской пагинации); *Diog. Laert.*, I, 74; *Лурье С. Я.* Новое папирусное свидетельство о борьбе за Сигей. — ВДИ, 1938, № 3, с. 88—91.

пахотные участки приходилось сводить лесные массивы ³. С другой стороны, концентрация земли в руках новых богачей сопровождалась обезземеливанием и закабалением населения, что привело в конце концов к депопуляции Аттики ⁴. Исходя из этого можно полагать, что выведение первых колоний, в том числе и в Сигей, прежде всего преследовало аграрные цели ⁵. Вместе с тем, принимая во внимание важное стратегическое положение Сигея, являвшегося ключом к Геллеспонту, можно считать, что Афины начали войну за этот город с целью обеспечить себе беспрепятственное поступление понтийского хлеба ⁶.

Первая попытка Афинского государства основать колонию окончилась неудачей: около 590 г. Сигей на полвека перешел в руки лесбосцев ⁷.

Вторая афинская колония была выведена Мильтиадом Старшим на Херсонес во время первой тирании Писистрата, т. е. около 560 г. ⁸ Колонизация Херсонеса, бесспорно, также имела в виду аграрные цели ⁹. Характер этой колонии, точнее группы херсонесских колоний, не вполне ясен; по всей вероятности, это были апойкии, а не клерухии ¹⁰.

Около 542 г. Писистрат после вторичного изгнания из Афин основал в районе Термейского залива небольшое поселение Рекел, откуда спустя немного времени освоил со своими людьми окрестности Пангея ¹¹.

Все это убедило Писистрата в выгодах колонизационной деятельности, и, прочно утвердившись в Афинах, он приступил к установлению гегемонии в северной Эгеиде. Он захватил потерянный ранее Сигей и посадил в нем

³ Sol., fr. 1, 47—48 Diehl.; Plut., Sol., 22, 1, 3.

⁴ Arist., Ath. pol., 2, 2; Sol., fr. 24, 8—11; cp. 3, 23—25; Plut., Sol., 13, 2; 22, 1.

⁵ Cp.: Isocr., IV, 107; Schol. Arph., Nub., 203.

⁶ The Cambridge Ancient History, IV⁵, p. 32. Уже в это время Атика испытывала недостаток продовольствия, что явствует из установленного Сомоном запрета на экспорт продовольственных товаров (Plut., Sol., 24, 1).

⁷ О других аспектах колонизации Сигея см.: Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World, p. 117—119.

⁸ Hdt., VI, 34—37.

⁹ Cp.: Isocr., V, 6; Schol. Arph., Equit., 262: «Херсонес у Фракии — это местность... благоприятная для возделывания зерновых, откуда афиняне доставляли хлеб».

¹⁰ Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World, p. 119—128.

¹¹ Arist., Ath. pol., 15, 2; Cole J. W. Peisistratos on the Strymon. — Greece and Rome, 1975, 22, p. 42—44.

правителем своего незаконнорожденного сына Гегесистрата¹². Захват Сигея, видимо, сопровождался выведением эпойков из числа афинян: город стал доменом Писистратидов¹³.

Колонизационная деятельность Афинского государства имела одной из своих целей также освоение близлежащих территорий — Саламина и Эвбеи. Саламин был завоеван в упорной борьбе с мегарцами¹⁴; хронология этих событий довольно неясна, однако, судя по шрифту декрета о Саламине, остров окончательно перешел к Афинам и был заселен клерухами, вероятно, в конце VI в. (см. № 15)¹⁵.

Около того же времени, в 506 г., разбив беотийско-халкидскую коалицию, афиняне оставили на земле гиппоботов 4000 клерухов из числа воинов афинской армии, вторгшейся на Эвбею¹⁶. Эта клерухия просуществовала до 490 г., когда афинские колонисты вернулись в Аттику ввиду угрозы персидского нашествия и измены эретриян¹⁷.

На рубеже VI—V вв. в сферу афинских интересов попадают Лемнос и Имброс. В последнее десятилетие VI в. на Лемнос была выведена афинская колония¹⁸, что находит подтверждение в двух эпиграфических памятниках: посвящении колонистов из Олимпии и найденной на острове надписи (около 500 г.) со списком имен, распределенных по клисфеновским филам¹⁹. Впрочем, не исключено, что последняя связана с афинянами, вновь захватившими остров через несколько лет после Марафонской битвы²⁰. В дальнейшем Лемнос входил в состав Афинского морского союза и, согласно податному списку 452/1 г., его города — Гефестия и Мирина — сообщая вносили 9 талантов форо-

¹² *Hdt.*, V, 94.

¹³ Сюда бежал Гиппий после низложения тирании в Афинах (*Hdt.*, V, 94; *Thuc.*, VI, 59, 4).

¹⁴ *Plut.*, Sol., 8—10.

¹⁵ Ср.: *Aratowsky B.* Notes on Salamis. — In: Studies presented to D. M. Robinson. Saint Louis, 1953, 2, p. 789—796.

¹⁶ *Hdt.*, V, 77.

¹⁷ *Ibid.*, VI, 100—101.

¹⁸ *Ibid.*, VI, 136.

¹⁹ По поводу датировки см.: *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972, p. 424; *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. Oxford, 1945, 1, p. 375, п. 1; *Graham A. J.* The Fifth Century Cleruchy on Lemnos, p. 127—128. Надпись с Лемноса см.: ATL, 3, p. 291.

²⁰ *Hdt.*, VI, 137—140.

са ²¹. Этот факт говорит о том, что афинские колонисты на острове по своему статусу являлись апойками, а не клерухами, поскольку последние, как афинские граждане, форосом не облагались.

В списке 450/49 г. Гефестия и Мирина фигурируют уже порознь и вносят соответственно 3 и 1,5 таланта. Это понижение фороса еще Кирхгоф связывал с выведением на остров афинской клерухии в 450 г. ²² Его точка зрения получила всеобщее признание. Приняли ее и авторы ATL, которые вместе с тем указали на трудности, возникающие в связи с определением статуса новых афинских поселенцев как клерухов ²³.

Афинская колония на Имбросе, по всей вероятности, была выведена в то же время, что и на Лемнос, т. е. на рубеже VI—V вв. Как автономное союзное государство Имброс платил подать в размере 1 тал. Имбриане вместе с лемносцами принимали активное участие в действиях афинской армии ²⁴.

Занимая стратегически важные пункты Эгеиды, афиняне продолжали осваивать и близлежащие территории. На севере Эвбеи ими была основана колония, называвшаяся Афины Диады. Поскольку эту колонию упоминал Эсхил в «Главке Понтийском» ²⁵, ее основание следует относить ко времени до 470-х годов. Афины Диады входили в морскую конфедерацию и выплачивали форос ²⁶.

В первые годы существования Афинского морского союза афиняне поработили долопов со Скироса и заселили остров своими колонистами ²⁷.

Еще со времен Писистрата афиняне испытывали постоянный интерес к прифракийскому региону, богатому корабельным лесом. В результате фракийской кампании Кимона афиняне прочно обосновались тут; в частности, известно, что колонисты были посланы в покоренный Эйон на Стримоне и Девять Путей (Амфиполь) ²⁸. Афинские колонисты были вытеснены фракийцами из Девяти Путей,

²¹ ATL, 2, список 3, 1.2.

²² Kirchhoff A. Ueber die Tributpflichtigkeit der attischen Kle-ruchen. — Abh. Ak. Berlin, 1873, S. 34.

²³ ATL, 3, p. 290—292.

²⁴ Thuc., III, 5, 1; IV, 28, 4; V, 8, 2; VII, 57, 2.

²⁵ Fr. 31 Nauk.

²⁶ Tod., 1, N 46, V. 26 (443/2 г.); Stb., V, 446.

²⁷ Thuc., I, 98, 2; Plut., Cim., 8, 5.

²⁸ Thuc., I, 98, 1; Plut., Cim., 7, 3; 8, 2.

но осенью 465 г. сюда было послано 10 000 эпойков из состава афинской и союзнической армий²⁹. Колонисты выбили местное население из этого городка и основали свое поселение. Однако уже зимой 465/4 г. они были разбиты местными фракийскими племенами и колония прекратила свое существование³⁰.

Резкое усиление афинской колонизационной деятельности приходится на время расцвета Афинского государства при Перикле. В 450 г. было выведено 250 колонистов на Андрос³¹. Возможно, около этого же времени афиняне выслали колонистов в Эрифры и в район Колофона³².

Около 447 г. Перикл, совершив поход на Херсонес Фракийский, укрепил тысячей колонистов тамошние греческие города³³. Эта акция нашла отражение в значительном снижении форо́са херсонеситов (с 18 до 1 тал.).

В 447 или самом начале 446 г. Толмид вывел две клерухии: на Эвбею и Наксос³⁴.

Последовавшее в 446 г. восстание эвбейских городов привело к установлению афинской клерухии (?) в Халкиде, Эретрии³⁵ и заселению афинскими колонистами Гестиэи³⁶.

²⁹ Видимо, это были воины, подавлявшие восстание на Фасосе. Ср.: *Thuc.*, I, 100, 2—3. Столь же большое число колонистов было набрано Гиероном для основания города Этны (*Diod.*, XI, 49, 1—4).

³⁰ *Thuc.*, I, 100, 3; IV, 102, 2; *Diod.*, XI, 70, 5; XII, 68, 2; *Paus.*, I, 29, 4.

³¹ *Thuc.*, VIII, 69, 3; *Plut.*, *Per.*, 11, 5.

³² *ATL*, 3, p. 252 sq., 282—284; *ML*, N 47 (ср. стк. 41).

³³ *Diod.*, XI, 88, 3 (под 453/2 г.) Плутарх называет этих солдат-колонистов то эпойками (*Per.*, 19, 1), то клерухами (*Per.*, 11, 5); Анкидид (III, 9) и Эсхин (II, 175) имеют в виду апойкию.

³⁴ *Diod.*, XI, 88, 3; *Plut.*, *Per.*, 11, 5; *Paus.*, I, 27, 5. Эвбейские клерухи, видимо, поселились в Каристе. Ср.: IG, XII, 9, p. 149.

³⁵ *ATL*, 3, p. 294—297. Сообщения Элпана (*Var. hist.*, VI, 1) и Филохора (у схолиаста к Аристофану, *Nub.*, 213), видимо, относятся к этому событию. Исследование аттической керамики из Эретрии привело Грина и Синклера к заключению, что здесь было расположено афинское поселение (*Green J. R., Sinclair R. K. Athenians in Eretria.* — *Historia*, 1970, 19, p. 515—527). На мой взгляд, ксены, упоминаемые в известном афинском постановлении о Халкиде (*ML*, № 52.52—57), были афинскими колонистами; ср. уложение о навпактских колонистах, которые по отношению к своей метрополии являлись ксенами (№ 3.2). Еще одна параллель состоит в следующем. Афинские эпойки в Халкиде должны были вносить подати даже в том случае, если кому-либо из них была предоставлена ате́лия в Афинах (т. е. на Халкиду эта ате́лия не распространяется, сткк. 54—57); аналогичным образом гипокнемидские эпойки вносят подати по повому месту жительства, т. е. в Навпакт (№ 3. 10—11, 14—16). Из новой литературы об этом пассаже см.: *Whitehead D.* . .

Между 446 и 438 гг. афиняне, по всей вероятности, выслали колонию в Брею на Халкидике.

В те же 440-е годы по инициативе Перикла было отправлено 600 воинов-колонистов для помощи демократам Синопы³⁷; колонисты были посланы также в Амие каппадокийский³⁸ и в Неаполь на Пропонтиде³⁹.

В 437 г. были высланы колонисты в Амфиполь⁴⁰, около 435/4 г. — в Астак⁴¹; в 434/3 г. афиняне приняли участие в основании Фурий⁴².

В 431 г. ввиду начавшейся Пелопоннесской войны афиняне изгнали жителей Эгины и вывели туда своих военных поселенцев — эпойков⁴³. С этого времени Эгина уже не фигурирует в податных списках, хотя раньше эгинеты вносили форос. Территория острова была поделена на участки, часть которых была посвящена богам⁴⁴.

Тысяча эпойков была послана также в Потидею, откуда афиняне в 430/29 г. изгнали местных жителей⁴⁵.

В 428/7 г. афиняне послали ойкистов к колофонцам и устроили Нотий «согласно с собственными законами»⁴⁶.

После восстания на Лесбосе в 427 г. из числа афинских граждан туда было отправлено 2700 клерухов. Лесбияне снимали в аренду земельные участки клерухов за 2 мины в год⁴⁷.

В 421/0 г. афиняне взяли Скиону и заселили ее вместе с платейцами⁴⁸. В 416/5 г. 500 колонистов было отправ-

IG, I² 39: «Aliens» in Chalcis and Athenian Imperialism. — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1976, 21, p. 251—258.

³⁶ *Thuc.*, I, 114, 3; VII, 57, 2; *Diod.*, XII, 7, 22; 22, 2.

³⁷ *Plut.*, *Per.*, 20, 2. Точное время похода Перикла в Понт неизвестно.

³⁸ *Stb.*, 547 (*Theopomp.*, fr. 389); *Plut.*, *Luc.*, 19, 7.

³⁹ *ATL*, 1, p. 525.

⁴⁰ *Thuc.*, IV, 102, 3—4; *Polyaen.*, VI, 53; *Diod.*, XII, 32, 3.

⁴¹ *Stb.*, 563; *Memnon.*, fr. 12, 2. О датировке см.: *ATL*, 3, p. 282, п. 68.

⁴² *Diod.*, XII, 10, 3—7; *Stb.*, 263; *Plut.*, *Per.*, 11, 5. Из новой литературы по этому вопросу см.: *Castagnoli F. Sull' urbanistica di Thurii*. — *PP*, 1971, 26, p. 301—307; *Rutter N. K. Diodorus and the Foundation of Thurii*, p. 155—176.

⁴³ *Thuc.*, II, 27, 1; VIII, 69, 3; *Xen.*, *Hell.*, II, 2, 3; *Plut.*, *Per.*, 34, 2.

⁴⁴ *Hill.*, B96 (b).

⁴⁵ *Thuc.*, II, 70, 3—4; *Diod.*, XII, 46, 7.

⁴⁶ *Thuc.*, III, 34, 4. Ср. афинский договор с Колофоном примерно 447/6 г., в котором упоминаются ойкисты (*ML*, N 47, 41).

⁴⁷ *Thuc.*, III, 50, 2.

⁴⁸ *Thuc.*, V, 32, 1; *Plut.*, *Lys.*, 14, 3.

лено на Мелос ⁴⁹. Это была последняя колония афинян, выведенная в V в. ⁵⁰ В Пелопоннесской войне могущество Афин было настолько подорвано, что этим по существу и завершается их колонизационная активность. В IV в. афиняне еще высылали эпойков в Адриатику, клерухов — на Лемнос, Имброс, Скирос, Симос и в Потидею, однако это был уже закат их колонизационной деятельности.

Афинская колонизация в своем развитии прошла несколько этапов. До конца VI в. Афины лишь эпизодически участвовали в колонизационном движении. Первым этапом явилось выведение колоний в Сигей и на Херсонес, преследовавшее аграрные цели. Контингент колонистов, как можно предполагать, в основном состоял из обезземеленных жителей Аттики. Обстоятельства и цели основания первых афинских колоний чрезвычайно характерны для эпохи Великой греческой колонизации в целом, с последней фазой которой они хронологически совпадают.

Основание первых афинских колоний приняло традиционную форму выведения апойкий, однако с самого начала их отличительной чертой стала чрезвычайно тесная связь с метрополией в военно-политической и экономической сферах, которая выражалась прежде всего в обеспечении афинских интересов на Геллеспонте и в снабжении Аттики хлебом. С другой стороны, основание этих колоний подготовило почву для дальнейшей экспансии афинян в северную Эгеиду. Таким образом, несмотря на то что жители этих колоний утрачивали права афинского гражданства ⁵¹, они по-прежнему состояли на службе интересов своей метрополии и в этом смысле оставались афинянами. Можно полагать, что первые афинские колонии устраивались по образцу метрополии; известно, что в Сигее функционировал пританей ⁵².

По-видимому, уже первым колониям были свойственны те характерные черты, благодаря которым в дальнейшем афинская колонизационная практика стала значительно отличаться от традиционной. Второй этап, с которого, собственно, и началась активная колонизационная дея-

⁴⁹ *Thuc.*, V, 116, 4.

⁵⁰ Согласно Эсхину (III, 175), между 421—416 гг. афиняне вывели значительное число колоний.

⁵¹ Ср. этникон Σιγαίης — «сигейцы» — в *Syll.* ³, N 2.

⁵² *Syll.* ³, N 2, начало или середина VI в.

тельность Афинского государства, приходится на конец VI—первую треть V в. и заключается в освоении как ближайших территорий, так и северной Эгеиды, куда были выведены клерухии (Саламин, Эвбея) и регулярные апойкии (Афины Диады на Эвбее, Лемнос, Имброс). Основной причиной освоения этих колоний была нехватка земли в Аттике — ср. слова Фукидида о том, что эллины, особенно те из них, кто не имел достаточно собственной земли, стали в морских походах покорять острова (I, 15, 1). Фукидид прежде всего имел здесь в виду афинян, на что может указывать сохраненный Плутархом⁵³ отрывок из неизвестной комедии: народ афинский «стал кусать Эвбею и кидаться на острова». Основание этих колоний во многом обязано активной внутренней и внешней политике Клисфена.

Третий этап приходится на 470—460 гг. Персидские войны и образование Афинского морского союза вызвали интенсивную милитаризацию афинского общества, которая повлекла за собой расширение колонизационной деятельности⁵⁴. Центральным объектом экспансии Афин стала северная Эгеида, о чем свидетельствуют фракийская кампания Кимона и захват Эйона в 476—475 гг.⁵⁵ и Скироса⁵⁶, его же херсонесская кампания и усиление колоний на Лемносе и Имбросе⁵⁷. Несмотря на отдельные неудачи (например, разгром 10 тыс. колонистов при Драбеске⁵⁸), афиняне прочно утвердились в богатом золотом и лесом прифракийском регионе и установили свой контроль над Геллеспонтом.

Четвертый этап падает на 450—431 гг. и, знаменуя собой высший подъем афинской колонизационной деятельности, является непосредственным результатом всестороннего расцвета Афин при Перикле. При этом внутри данного этапа четко выделяются две вспышки колонизационной активности, приходящиеся на 450 [Андрос, Эрифры (?), район Колофона] и 445/4 гг. [эпойки (?) на Херсонесе, клерухии в Халкиде, Эретрии, колонисты в Гестиэе]. Непосредственным поводом для выведения большинства этих колоний явилось подавление афин-

⁵³ *Plut.*, *Per.*, 7, 8.

⁵⁴ Ср.: *Arist.*, *Ath. pol.*, 24, 1—3.

⁵⁵ *Hdt.*, VII, 107; *Plut.*, *Cim.*, 7—8.

⁵⁶ *Thuc.*, I, 98, 2; *Plut.*, *Cim.*, 8, 3.

⁵⁷ 465 г. — *Hdt.*, VI, 136—140; *Plut.*, *Cim.*, 14, 1—2.

⁵⁸ *Thuc.*, I, 100, 3; IV, 102, 2.

скими силами восстаний союзников. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно в эти годы в Афинах была дважды проведена проверка гражданских списков, в результате которой значительное число жителей было лишено гражданских прав⁵⁹.

Второй этап афинской колонизационной деятельности также совпадает по времени с проверкой гражданских прав, имевшей место после низвержения тирании, т. е. вскоре после 510 г.⁶⁰ Если предположение о связи афинской колонизационной деятельности с пересмотром гражданских списков правильно, придется заключить, что контингент колонистов в определенной мере формировался из тех, кто потерял право афинского гражданства. По словам Плутарха, в 445/4 г. незаконных граждан (*ιλόγους*) оказалось чуть менее 5 тыс.⁶¹ Лишение гражданских прав свыше одной четверти населения серьезно подорвало бы военные силы Афин, и, по всей вероятности, они были сохранены благодаря отправлению в колонии. Эти колонии представляли собой надежные форпосты военно-политической и территориальной экспансии Афин. Многочисленные колонии, в особенности клерухии, представляли собой продолжение Афинского государства, с которым они были связаны множеством нитей в экономической, политической и военной сферах. Связь была настолько тесна и действенна, что можно с уверенностью говорить об образовании афинской колониальной архэ, явившейся основой и важнейшей составной частью афинской державы в целом.

Пятый этап афинской колонизации приходится на период Пелопоннесской войны. Колонии обычно устраивались на стратегически важных пунктах, откуда изгонялось враждебное афинянам местное население. Этот период характеризуется упадком колонизационной активности, так как уже Архидамова война серьезно подорвала экономическую и военную мощь Афин. В результате поражения Афин были ликвидированы все клерухии и часть апоекхий. Афинские апоекхии утрачивают зависимость от

⁵⁹ При архонте Антидоте (451 г. — *Arist., Ath. pol.*, 26, 4) и в 445/4 г. (*Plut., Per.*, 37, 3—4). Восстание эвбейских городов было подавлено поздним летом 446 г. Устройство колоний приходится, таким образом, на 445—444 гг.

⁶⁰ *Arist., Ath. pol.*, 13, 5.

⁶¹ *Plut., Per.* 37, 4. Законных граждан оказалось около 14 240.

своей метрополии; их дальнейшие судьбы выпадают из общафинской орбиты и приобретают локальный характер.

Последний, шестой этап, приходящийся на IV в., характеризуется в основном возобновлением клерухий в ряде тех пунктов, где они были в V в. С образованием второго Афинского морского союза многие афинские колонии вступают в него, однако узы, связывавшие их с Афинами, были уже значительно слабее, чем прежде. С развалом второго союза колонии оставляют его, и афинская колониальная архэ окончательно распадается.

Намеченные этапы афинской колониационной деятельности имеют свои особенности, однако генетически они однородны, поскольку основаны на одной и той же базе — экспансионистских устремлениях Афинского государства.

Выводимые афинянами колонии имели различный статус. Афинские официальные документы четко различают два типа колоний — апойкию и клерухию⁶² — и три категории колонистов — апойков⁶³, эпойков⁶⁴, клерухов⁶⁵. В целом вследствие скудости источников вопрос о типологии афинских колоний и соответствующих статусах колонистов довольно неясен. Даже содержание традиционного термина «апойкия» в применении к V в. не вполне очевидно. Лучшее освещение вопрос о клерухии, однако и здесь остается немало спорных моментов. Так, Берве вообще отрицал существование клерухии в раннее время⁶⁶. Близкую позицию занимал и Нессельхауф⁶⁷.

Мейер полагал, что существовало два типа афинских клерухий: первый, именуемый в источниках апойкией, характеризуется наличием собственных вооруженных отрядов, в то время как военные силы клерухий второго типа являются составной частью афинской армии⁶⁸. Шультесс полагал, что общего статуса у клерухий в дей-

⁶² Например: IG, I², N 140.9.

⁶³ Например: ML, N 49, *passim*.

⁶⁴ ATL, 2, D 27.9. *Tod.*, 1, № 60. Термин «эпойкия», употреблявшийся в Локриде, неизвестен афинским источникам.

⁶⁵ *Tod.*, 1, N 63. 146; IG, II², N 30.

⁶⁶ Berve H. *Miltiades*. — *Hermes. Einzelschriften*, II. B., 1937, S. 49.

⁶⁷ Nesselhauf H. *Untersuchungen zur Geschichte der Delisch-Attischen Symmachie*, S. 133 f.

⁶⁸ Meyer E. *Forschungen*, 2. Halle, 1899, S. 182—183.

ствительности не было: в каждом отдельном случае выработывались специальные установления⁶⁹.

Влизка к точке зрения Мейера гипотеза А. Е. Паршикова, согласно которой в V в. содержание терминов «апойкия», «апойки» изменилось и афиняне понимали под ними не только колонии обычного типа, но и поселения типа клерухий IV в.⁷⁰ По мнению А. Е. Паршикова, афинские колонии V в. могут быть разделены на следующие четыре типа: 1. Апойкии традиционного типа, образующие независимый полис. 2. Апойкии нового типа, близкие к афинским клерухиям IV в. 3. Эпойкии, основываемые на территории уже существующего полиса, гражданами которого становятся колонисты, но составляющие в нем тем не менее обособленную общину. 4. Клерухии, высылаемые на территории покоренных городов.

Эренберг отрицал существование каких-либо строгих различий между апойкиями и клерухиями, считая, что между чистой апойкией и чистой клерухией было несколько переходных типов⁷¹. Одним из них, на его взгляд, была так называемая «муниципальная клерухия», отличавшаяся от клерухий, основанных в военных целях. Жители независимых муниципальных клерухий, по мнению Эренберга, формально оставались афинскими гражданами, но фактически правами афинского гражданства они не пользовались. В целом он различает четыре типа афинских колоний: 1. Клерухии как гарнизонные контингенты. 2. Клерухии как независимые муниципальные общины. 3. Апойкии как зависимые колонии, входящие в состав афинской державы. 4. Апойкии обычного типа.

Основной материал по афинской «колониальной» терминологии предоставляет «История» Фукидида, сведения которого дополняются и контролируются данными эпиграфических источников. Вопрос о достоверности, или, точнее, характере, «колониационной» терминологии Фукидида стал предметом острой дискуссии. В уже упоминавшейся работе Эренберг высказал мысль о том, что терми-

⁶⁹ *Schultess O.* — In: RE, 1921, Hbhd. 21, Sp. 828.

⁷⁰ *Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний V в. до н. э. — ВДИ, 1969, № 2, с. 11. Эта мысль ранее была высказана также Ф. Готье (*Gauthier Ph. Les clérouques de Lesbos et la colonisation athénienne au Ve siècle.* — REG, 1966, 79, p. 70—71).

⁷¹ *Ehrenberg V.* Aspects of the Ancient World, p. 133—134.

нология Фукидида лишена узкого техницизма, поскольку термины, обозначающие колонистов, у него, как и у других писателей, иногда смешиваются⁷². Точка зрения Эренберга была подвергнута критике авторами ATL, которые отстаивали точность и системную ясность терминологии Фукидида. Вместе с тем они выдвинули предположение о том, что термины «апойки» и «эпойки» практически обозначали одну и ту же категорию колонистов, различаясь по смыслу так же, как и современные термины «эмигрант» и «иммигрант», т. е. как выселившиеся люди колонисты являются апоиками, а как поселенцы — эпоиками⁷³.

Эту идею авторов ATL в интересной статье развил и, пожалуй, довел до абсурда Брант, по мнению которого всякий колонист может быть одновременно назван и апоиком, и эпоиком, и клерухом. Как отправляющийся из метрополии он был апоиком, как поселяющийся в новом городе — эпоиком, а в качестве держателя земельного надела он был клерухом⁷⁴.

Эренберг ответил на возражения авторов ATL специальной статьей, в которой, в частности, показал несостоятельность их взглядов в вопросе о соотношении терминов «апойки» и «эпойки»⁷⁵. Далее он привел примеры, свидетельствующие о терминологическом разнообразии языка Фукидида, употребляющего различные слова того же смысла, что и *ἀποικος*, *ἀποικία*, *ἀποικίσειν*. Эренберг указал, что колонисты на Эгине, которых Фукидид называл эпоиками, на самом деле являлись клерухами и этот факт поддерживается традицией. Приведя ряд подобных примеров, Эренберг пришел к тому же заключению, что и раньше, правда, выраженному в более мягкой форме: Фукидид использовал термины для обозначения колонистов не только в их узком техническом значении; вместе с тем нет нужды говорить о смешении терминов — он, как и большинство греков, использовал их как в узком техническом значении, так иногда и в более широком смысле⁷⁶.

⁷² Ibid., p. 131.

⁷³ ATL, 3, p. 285.

⁷⁴ Brunt P. A. Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B. C., p. 73.

⁷⁵ Thucydides on Athenian Colonisation. — In: Ehrenberg V. Polis und Imperium, p. 245—246.

⁷⁶ Ibid., p. 252.

Точку зрения Эренберга поддержал и дополнил Грейэм⁷⁷. На мой взгляд, мнение Эренберга о характере терминологии Фукидида лишено твердых оснований. Один из центральных моментов его аргументации связан с определением статуса афинских колонистов на Эгине. Эренберг утверждает, что они были клерухами, и ссылается на Плутарха (Рег., 34, 2) и традицию, засвидетельствованную схолиастом к Аристофану (Ach., 654), согласно которой Аристофан был в числе эгинских клерухов⁷⁸. Однако, во-первых, терминология Плутарха довольно неточна и ни в коей мере не может служить аргументом⁷⁹; во-вторых, привлеченная Эренбергом версия отражает лишь одну из сторон дошедшей до нас традиции. Согласно «Биографии Аристофапа», поэт был родом с Эгины (или Родоса) и Клеон, высмеянный в «Вавилонянах», привлек его к суду как иностранца за клевету на афинские власти (т. е. на самого Клеона)⁸⁰. Это известие косвенным образом поддерживается ст. 377—382, 502—503, 630—631 «Ахарнян». Аристофан действительно каким-то образом был связан с Эгиной⁸¹, однако характер этой связи совершенно неясен. Возможно, что в соответствии с утверждением схолиаста он имел земельный участок на Эгине, но более вероятными представляются данные его биографии о том, что он был по происхождению эгинетом⁸².

⁷⁷ *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 170—191. К сожалению, мне недоступна статья: *Vartsos J. A. "Ἀποικὸς, ἐποίκος, κληρούχος"*. — *Athens*, 1972—1973, α. 583—593.

⁷⁸ *Ehrenberg V. Op. cit.*, p. 248.

⁷⁹ Так, афинских колонистов, оставленных Периклом на Херсонесе, Плутарх называет то эпойками (Рег., 19.1), то клерухами (Рег., 11, 5). Терминология Плутарха, надо думать, целиком зависела от того источника, которым он в данном месте пользовался.

⁸⁰ *Aristophanis comoediae/ Rec. F. H. Bothe. Lipsiae*, 1845, v. 1, p. XIII. Ср.: *Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München*, 1890, S. 248.

⁸¹ В «Ахарнянах» (ст. 617—619) он говорит: «Лакедемоняне предлагают вам мир и ставят условием его заключения возврат Эгины, помышляя при этом не столько об острове, сколько о том, чтобы лишить афинян этого поэта» (т. е. самого Аристофана).

⁸² Если принять, что Аристофан родился около 450 г., то он мог бы быть в числе колонистов, отправленных на Эгину в 431 г. Однако ст. 530—532 «Облаков» подразумевают более позднюю дату рождения поэта — около 445 г., что делает невозможным его участие в этой колонии. Ср.: *Соболевский С. Аристофан и его время. М.*, 1957, с. 79 сл.; *История греческой литературы. М.; Л.*, 1946, т. 1, с. 440.

Аргументы Эренберга построены в основном на усматриваемом им противоречии между терминологией Фукидида и действительным статусом колоний. Доводов, так сказать, внутреннего, текстуального характера, только два. Первый связан с интерпретацией одного из пассажей Фукидида (VII, 57, 2). Однако структура этого пассажа может быть понята различным образом. Другой (в сущности единственный) текстуальный пример «свободного» обращения Фукидида с терминами состоит в том, что критские и родосские колонисты в Геле названы то апойками (VII, 57, 6, 9), то эпойками (VI, 4, 3). Однако в последнем случае дело заключается в порче текста переписчиком; некоторые рукописи дают правильное чтение *ἄποικοις* в этом месте, что отмечено и в лексиконе Бетана⁸³. Странно, но Эренберг этого факта не замечает.

Обратимся к терминологии Фукидида. Прежде всего надо отметить: она соответствует официальной терминологии, что подтверждается документальными данными: 1. В захваченную Потидею посланы эпойки (II, 70). Так же эти колонисты называют себя в посвянительной надписи, найденной на Акрополе⁸⁴, и в договоре с афигейцами⁸⁵. 2. На Лесбос посланы клерухи (III, 50, 2). В декрете о митилениах также упоминаются клерухи (№ 16, 17). 3. Перифрастическое обозначение колонистов, посланных в Гестию (VII, 57, 2), соответствует перифрастическому же обозначению их в декретах о Гестии (№ 12, 3, 11—12, 21—22).

Говоря об афинских колониях, Фукидид обращается также к различным словам и выражениям, не определяющим статуса колоний (*οἰκίζεῖν*, *κτίζεῖν*, *κατοικίζεῖν*, *αὐτοὶ φέουσιν* и т. д.). Наряду с этим он широко пользуется терминами «апойкия», «апойки» (в том числе три раза — в отношении афинских колоний или колонистов)⁸⁶; четыре раза упоминаются эпойки и один раз — клерухи.

Употребление различных терминов было обусловлено реальной разницей в статусе колоний.

Апойкия в традиционном смысле этого слова образовывала самостоятельный полис с собственным граждан-

⁸³ *Bélang E. Lexicon Thucydideum. Hildesheim, 1961, 1, p. 393.*

⁸⁴ *ML, N 66.*

⁸⁵ *ATL, 2, D 21.9.*

⁸⁶ Амфиполь (IV, 102, 1), Мелос (V, 116, 4), Гестия (VII, 57, 2).

ством, общественными учреждениями и своим *jus soli* ⁸⁷. Афинские апойкии, сохраняя эти традиционные черты, отличались более тесной связью с метрополией в различных сферах взаимоотношений. Старые апойкии, основанные афинянами до образования морской конфедерации, уплачивали фдорос (Лемнос, Имброс, Афины Диады). Колонии, основанные после этого времени, податей не вносили. Этот факт объясняется тем, что после Персидских войн характер афинской колонизации существенно изменился. Колонии стали неотъемлемой составной частью афинской морской державы, представляя собой ее форпосты в различных районах эллинского и варварского мира. Будучи номинально независимыми полисами, как новые, так и усиленные после персидских войн старые колонии фактически превратились в придатки афинской державы, почти целиком устроенные по образцу метрополии. Обладая формально своим *jus soli, civitatis*, без чего, кстати, понятие «апойкия» лишено всякого смысла, афинские колонии тысячу нитей были связаны со своей метрополией ⁸⁸. Они были обязаны оказывать (и получать) действительную военную помощь с ее стороны ⁸⁹. Военные узы, связывавшие их, символически выражались в установленном Афинским государством обычае отправления колонией на Великие Панафины полного гоплитского вооружения (№ 5.11—12).

В V в. внешняя и внутренняя политика апойкий определялась интересами Афин, которые устраивали колонии «в соответствии со своими законами» (*κατὰ τοὺς ἐαυτῶν νόμους*) ⁹⁰. Таким образом, афинские апойкии V в. характеризуются большей, нежели традиционная, связью с метрополией в самых различных сферах. В этом, на мой

⁸⁷ ATL, 3, p. 285.

⁸⁸ По этой причине, признавая правильной идею Мейера, Готье и Паршикова об изменении содержания термина «апойкия» в афинской колонизационной практике (замечу — послеперсидского времени), нельзя согласиться с их мнением о том, что афинские апойкии V в. представляли собой колонии типа клерухий IV в. Действительно, территория колонии фактически была продолжением Аттики, но формально она рассматривалась как территория независимого полиса, который иначе не был бы апойкией. Апойкии утрачивали афинские гражданские права (см. раздел о колонии в Брее) и получали наделы в собственность, а не во владение.

⁸⁹ N 13, фр. C; ср. N 5.13—15; *Thuc.*, VII, 57.2—4.

⁹⁰ *Thuc.*, III, 34, 4. Это хорошо прослеживается на примере устройства апойкии в Гестнае, о чем см. ниже.

взгляд, и заключается изменение содержания термина «эпойкия» в период существования Первого морского союза, что было обусловлено особенностями афинской колонизационной практики.

Термин «эпойки» употреблен Фукидидом в четырех случаях ⁹¹.

1. Изгнав эгинетов, афиняне выслали на остров своих эпойков, имея в виду начинавшуюся войну со Спартой (II, 27, 1). Это были воины, поселенные в стратегически важном пункте; в дальнейшем они участвовали в сицилийском походе (VII, 57, 2). Во время смуты 411 г. отряд эгинских эпойков явился в полном вооружении в Афины и содействовал установлению режима четырехсот (VIII, 69, 3). Фукидид строго следует своей терминологии: упоминая афинских эгинетов, он оба раза называет их эпойками.

2. В 430/29 г. афиняне изгнали из Потидеи местное население и выслали в нее эпойков из своей среды (II, 70, 4). Потидея стала базой военных операций афинян на Халкидике. Интересно, что колонисты и в дальнейшем именовались эпойками ⁹². В псефизме о Мефоне упоминаются потидейские солдаты, которыми, видимо, и являлись недавние афинские колонисты ⁹³.

3. В 465 г. к устью Стримона были посланы 10 тыс. эпойков из воинов афинской и союзнической армий, видимо, подавлявших восстание на Фасосе (I, 100, 2—3). Колонисты вытеснили местное фракийское население и заняли их городок (на месте будущего Амфиполя). Вскоре, однако, они были разбиты объединившимися фракийскими племенами, которые считали враждебной эту колонию (I, 100, 3).

4. Во время происходивших в Мессане (Занкле) междоусобиц одна из партий обратилась за помощью в Локры Эпизефирские, которые выслали эпойков. Естественно полагать, что это были воины-переселенцы, а не просто так называемые дополнительные переселенцы, поскольку в течение некоторого времени они удерживали Мессану за собой (V, 5, 1).

⁹¹ Появление этого термина в пассаже VI, 4, 3, как указывалось, обязано порче текста.

⁹² См. договор афитейцев с ними: ATL, 2, D 21.9; ML, N 66.

⁹³ ML, № 65.27—28. Ср.: *Thuc.*, IV, 120, 3: «афиняне, занимающие Потидею» в операциях против спартанских союзников.

Как видно, во всех случаях отправление эпойков связано с военными действиями, причем афинские колонисты направлялись в города, прежнес население которых изгонялось. Глагол ἐποιεῖν употреблен дважды и в обоих случаях в связи с военной ситуацией ⁹⁴. Данные Фукидида позволяют сделать заключение о том, что эпойки представляли собой контингент воинов-переселенцев. Этот вывод согласуется со свидетельствами ряда надписей VI—IV вв. об эпойках. Так, в декрете о колонии в Брсе предусмотрено присоединение к контингенту колонистов эпойков — солдат афинской армии (№ 5.26—30). Солдаты, отправленные в 325 г. Афинским государством в Адриатику для несения сторожевой службы, также названы эпойками (№ 14.224). В древнейшем свидетельстве об эпойках — локридском законе конца VI в. — в случае войны предусмотрено приятие в число граждан 200 эпойков-солдат: ἀξιωμαῖχος ἐπιβοῖχος (№ 2.8—10).

Таким образом, Фукидид использует термин «эпойки» в его специфическом значении. С другой стороны, для обозначения обычных переселенцев, несолдат, присоединяющихся к жителям какого-либо полиса, он употребляет термин ἐβουχοι ⁹⁵.

Колонии эпойков можно рассматривать как военные поселения, расположенные на стратегических узлах. Интересно, что в двух почти одинаковых ситуациях афиняне высылают на Эгину эпойков, а на Мелос, население которого также было изгнано, — апойков ⁹⁶, причем сведений об участии мелосских колонистов в военных действиях у Фукидида нет. Таким образом, разница в терминологии Фукидида обусловлена различным характером обеих колоний. Аналогично обстоит дело с афинской колонией в устье Стримона: в 465 г. сюда были посланы эпойки, которые вели военные действия против местного населения. Спустя 32 года на то же место были посланы апойки, основавшие Амфиполь ⁹⁷, обычную, так сказать, «гражданскую» колонию. Разница между апойками и эпойками заключа-

⁹⁴ Декелею занимали (ἐπωχεῖτο) гарнизоны солдат, совершавших набеги на Аттику (VII, 27, 3); спиракузяне, обитающие (ἐποικουῦτες) не в лагере, а в большом городе, злоумышляют против соседних государств (VI, 86, 3).

⁹⁵ *Thuc.*, II, 68, 5; ср. IV, 64, 3. Эти термины не эквивалентны, ср.: *Arist.*, *Pol.*, 1303a 28.

⁹⁶ *Thuc.*, V, 116, 4.

⁹⁷ *Ibid.*, IV, 102, 1; V, 11.

ется, как будет показано ниже, между прочим, и в источнике формирования контингентов колонистов.

Вопрос о гражданстве эпойков довольно сложен. Об эпойках — простых дополнительных переселенцах — есть известия у Аристотеля, который сообщает, что им предоставлялись неполные гражданские права ⁹⁸. Об эпойках-воинах свидетельствуют надписи, из которых явствует, что им предоставлялись гражданские права того полиса, в который они включались. Естественно полагать, что эпойки, присоединявшиеся к апоикам в Брее, как и последние, теряли права афинского гражданства. Фукидид называет эгинских колонистов, принявших участие в сицилийской экспедиции, «эгинетами, которые тогда занимали Эгину» (VII, 57, 2), и этот этникон служит определенным доказательством их неафинского подданства. Еще более определенные сведения имеются в отношении афинских колонистов на Херсонесе Фракийском, образовавших там несколько полисов. Эти колонисты в источниках именуется и апоиками, и эпойками, и клерухами, что вызвало в историографии нового времени противоречивые суждения. Однако свидетельство Лисия (XIV, 38) о том, что Алкивиад был гражданином одного из городов Херсонеса Фракийского определенно говорит о том, что тамошние афинские колонисты, в том числе и эпойки 447 г., обретали новые гражданские права (Алкивиад в данном случае рассматривался как эпойк — дополнительный поселенец). По словам Фукидида ⁹⁹, афиняне в Амфиполе обладали амфипольскими гражданскими правами.

Таким образом, эпойки наряду с апоиками обретали гражданские права нового полиса ¹⁰⁰. Это отличает их от клерухов, которые сохраняли права афинского гражданства. Кроме того, земельные участки, которые эпойкам предоставлялись в собственность (№ 2.16, 18—19), клерухам передавались во владение, т. е. во временное

⁹⁸ *Arist., Pol.*, V, 2, 10—11.

⁹⁹ *Thuc.*, IV, 107, 1; ср.: IV, 106, 1.

¹⁰⁰ Вообще, создается впечатление, что афиняне модифицировали слегка общегреческий обычай, предоставлявший эпойкам обусловленное право на возвращение (см. выше, с. 107), ввиду чего каждый эпойк потенциально мог стать гражданином метрополии. Афинские же эпойки имели как бы двойное гражданство — и в колонии и в метрополии — главным образом потому, что в условиях Пелопоннесской войны население колоний было подвижным.

пользование. Как и эпойки, клерухи совмещали земледелие с эпизодической военной службой (№ 15.1—3).

Подытоживая анализ терминологии Фукидида, следует отметить, что приведенные данные не подтверждают мнения Эренберга и его последователей о том, что она произвольна и лишена узкого техницизма. Фукидид строго проводит различие между апойками, эпойками и клерухами, которое существовало в действительности. Его словоупотребление ограничено рамками стройной, строго им соблюдавшейся системы официальной афинской терминологии.

Как указывалось выше, в литературе принято мнение, что колонисты, посланные в 450 г. на Лемнос, были клерухами. Авторы АТЛ указали на трудности, возникающие в связи с такой трактовкой¹⁰¹. На мой взгляд, эти колонисты были эпойками, которых отправили для усиления двух местных общин, состоявших из потомков афинских апойков доперсидского времени. Это были воины, сами или вместе со своими сыновьями принимавшие активное участие в Пелопоннесской войне на стороне своей метрополии.

Лемносцы упоминаются в двух афинских надписях со списками воинов, павших в начале войны. В одном списке их имена перечислены под общим заголовком «Лемносцы из Мирины», в другом они составляют часть перечня убитых членов одной филы¹⁰². Эти надписи, по мнению ряда исследователей, указывают на то, что лемносцы сохраняли свое афинское гражданство и были, таким образом, клерухами. Однако в такой же мере можно утверждать, что они были эпойками, которые, как известно, наряду с апойками принадлежали в новом полисе к той же филе, что и прежде в Афинах¹⁰³. Принадлежность к афинской филе отнюдь не означает обязательное афинское подданство. Во второй надписи лемносцы перечислены вместе с афинянами. Этот факт может быть объяснен тем, что они постоянно сражались в рядах собственно афинского войска, располагаясь иногда на афинских квартирах¹⁰⁴. Кроме того, тип этника «Лемносцы в Мирине» свидетельствует о том, что эти колонисты не были афинскими

¹⁰¹ Например, при взимании фороса: АТЛ, 3, р. 290—292.

¹⁰² IG, I², № 947, 948.

¹⁰³ Это явствует, например, из декрета о колонистах в Брее (№ 5.7; ср. 26—29).

¹⁰⁴ *Thuc.*, III, 5, 1; IV, 28, 4; V, 8, 2.

гражданами, т. е. клерухами, которые в IV в. обозначались этниконом типа «Афиняне, обитающие в Мирине». Отмечу в связи с этим, что Фукидид также именует их лемносцами (VII, 57, 2) ¹⁰⁵.

В этом смысле интересна терминология локридского декрета об апойках в Навпакте. Эти колонисты, отправленные из Локр гипокнемидских, именуются то по месту жительства навпактийцами, то по происхождению — локрами гипокнемидскими. При этом нужно заметить, что они теряли права гражданства на своей прежней родине и обретали новое гражданское состояние в Навпакте.

Форос, взимавшийся с Гефестиэи и Мирины, шел на оплату лемносских отрядов, находившихся в рядах действующей афинской армии. На это указывает графа в податном списке 421 г. «Города, выдавшие плату войску», в которой перечислены гефестиоты и миринейцы (вместе с имбриями) ¹⁰⁶. Этот факт еще раз указывает, что афинские апойки были солдатами.

Таким образом, приведенные данные, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что афинской колонизационной практике были свойственны два типа колоний — апойкия и клерухия — и три категории колонистов — апойки, клерухи и апойки, причем последние образовывали апойкию, если основывали самостоятельное поселение (№ 14. 177). Только эти типы афинских колоний упоминаются в источниках, и поиски каких-либо иных типов не представляются оправданными реальным положением вещей. Изменение содержания термина «апойкия» в V в. заключа-

¹⁰⁵ Приведенные Грэйзом аргументы в пользу того, что этникон не может служить критерием подданства (*Graham A. Colony and Mother City*, p. 103—105), верны лишь для обратного случая, а именно: если бы лемносцы называли себя афинянами, то это указывало бы на их афинское происхождение. Что же касается афинского стратега IV в. Афинодора (p. 168), то имбриями его называет Плутарх, а не современные свидетельства. Ср.: *Thuc.*, III, 32, 2: самосские изгнанники, утвердившиеся в карийской Анесе, именуются анейцами. Как известно, община, принявшая изгнанников, могла предоставить им или их потомкам права гражданства (ср.: *Plut.*, *Sol.*, 24, 2; *IG*, I², N 68a; *Hesperia*, 1945, 14, p. 106). Ср. также: *Stb.*, 445: жители Гестиеи, приняв оритов, стали пазываться оритами; *Thuc.*, VIII, 69, 3: афинские колонисты на Андросе, Теносе, Эгине и в Каристе названы соответственно андросцами, теносцами, эгинетами и каристянами.

¹⁰⁶ *Tod.*, 1, № 71.83—87.

лась не в образовании каких-либо промежуточных типов колоний, а лишь в более тесной, чем обычно, связи с метрополией при сохранении общих для всей страны формальных признаков апойкии (*jus soli, civitatis etc.*).

Глава V АПОЙКИЯ

До нас дошли в различной степени сохранности шесть афинских документов об отправлении и устройстве апойкии: 1. Декрет о колонии в Брею. 2. Декрет о неизвестной колонии (оба эти декрета по форме довольно близки друг к другу). 3. Три декрета о Гестиэе. Надписи о Гестиэе в формальном отношении близки к группе афинских декретов об устройстве союзных городов. Сюда же формально относится декрет 325 г. об отправлении в Адриатику экспедиции апойков, поскольку последние образовывали апойкию.

§ 1. Декрет об отправлении колонии в Брею (№ 5)

Местонахождение Бреи и время ее основания точно не установлены. Помимо исследуемой надписи, Брею упоминают Феопомп и лексикографы¹. Судя по сообщению Гесихия, основание Бреи приходилось на десятилетие между 446 и 438 гг.² Подразумеваемое в декрете нахождение афинской армии в поле (сткк. 26—28) связывали с подавлением восстания на Эвбее, что позволяло уточнить датировку надписи 446/5 г. Местонахождение Бреи увязывали с Бисальтней, основываясь на сообщении Плутарха (Рег., 11, 5) о тысяче колонистов, отправленных Периклом в эту область.

¹ *Tod*, 1, p. 88—89; *Theopomp.*, fr. 145 (см. : *Steph. Byz.*, s. v. *Bréa*).

² *Hesych.*, s. v. *Bréa*: «Брея. Кратип упоминает о колонии, выведенной в Брею. Это фракийский город, в который афиняне послали колонию». Деятельность Кратипа относится ко времени между 455 и 423 гг. Брея могла упоминаться либо во «Фракиянах», поставленных между 446—439 гг., либо в «Богатствах», написанных примерно в то время, когда был основан Амфиполь (437 г.).

Эти данные вошли в научную литературу, хотя еще в прошлом веке Бергк и Бузольт подвергли их сомнению. Бергк, исправляя довольно испорченную фразу в тексте Фукидида (I, 61, 4), заменил рукописное Βέρσαν на Βρέαν, что предполагало перемещение местонахождения колонии в Термейский залив³. С другой стороны, Бузольт указал на то, что афинская армия могла находиться в поле и в 440—438 гг., подавляя восстание на Самосе⁴.

В последнее тридцатилетие споры по этому вопросу разгорелись с новой силой. Идеи Бергка и Бузольта развил Вудхэд⁵. Он указал, что около 438 г. в районе Термейского залива создались благоприятные условия для основания афинской колонии, которая противостояла бы агрессивным устремлениям Пердикки. Шрифт надписи не противоречит этой дате. Отсутствие дальнейших известий о колонии, по мнению Вудхэда, объясняется тем, что ее жители перешли во вновь заселенную афинянами Потидею (430/29 г.).

Эту точку зрения в дальнейшем поддержали Александер и Ашер⁶, однако еще раньше Эдсон привел ряд аргументов против эмендации Бергка⁷. Локализацию Бреи в Термейском заливе принял также Маттингли⁸, однако предложенная им слишком заниженная дата основания колонии (426/5 г.) не встретила сочувствия⁹.

Авторы ATL полагали, что Брея была основана в 447/6 г.

³ Эта эмендация, принятая рядом издателей, вряд ли оправдана, поскольку во Фракии известно два укрепленных городка, называвшихся Беройя. См.: *Procop.*, *De aed.*, IV, 11, 19.

⁴ *Busolt G. Griechische Geschichte*. Gotha, 1897, 3, S. 417—418, Anm. 1.

⁵ *Woodhead A. G. The Site of Brea: Thucydides, I, 61, 4.* — CQ, 1952, 2, p. 57—62.

⁶ *Alexander A. Thucydides and the Expedition of Callias.* — AJPh, 1962, 83, p. 265—287; *Asheri D. The Site of Brea.* — AJPh, 1969, 90, p. 337—340.

⁷ *Edson Ch. Strepsa (Thuc., I, 61, 4).* — CPh, 1955, 1, p. 169—190.

⁸ *Mattingly H. The Growth of Athenian Imperialism.* — Historia, 1963, 12, p. 257—273; *Idem. Athenian Imperialism and the Foundation of Brea.* — CQ, 1966, 16, p. 172—192.

⁹ Употребленная в декрете форма ρ не встречается в датированных надписях после 438/7 г. (*Meiggs R. The Dating of Fifth Century Attic Inscriptions.* — JHS, 1966, 86, p. 92). Предположение Маттингли о том, что шрифт декрета намеренно архаизирован, представляется малоубедительным, поскольку это явление имело место в надписях частного свойства.

около Аргила (район Амфиполя), связывая эту дату с понижением налога Аргила около этого времени ¹⁰.

В ходе дискуссии было предложено немало более или менее убедительных аргументов pro et contra. На мой взгляд, пока решающая роль в вопросе о локализации Бреи принадлежит свидетельству декрета о взаимосвязи выводимой колонии с городами, расположенными у Фракии — τῶν ἐπὶ Θράκης (сткк. 15—17). Поскольку Фукидид, хорошо знавший эту местность, при описании событий, связанных с Потидеей, неоднократно употребляет выражение ἐπὶ τῆς Θράκης (чего не наблюдается в связи с Амфиполем) ¹¹, мне представляется предпочтительной локализация Бреи в одном из районов западной Халкидики. Время основания колонии, по всей вероятности, приходится на промежуток между 446 и 438 гг.

Текст декрета сохранился на двух фрагментах мраморной стелы (А и В), найденных в 1838 и 1847 гг. в Эрефееоне (ныне находится в Эпиграфическом музее Афин). В византийское время стела была разбита на половинки, которые использовались в качестве баз для двух колонн. Текст В вырезан на правой боковой стороне верхней части стелы, лицевая сторона которой полностью сглажена; она содержала около 35 строк. Фрагмент А вырезан на нижней части стелы и является, таким образом, продолжением утраченного текста верхней части стелы. Фрагмент В, как сказано, сохранил только вырезанную на боковой стороне поправку к декрету ¹².

Текст надписи приводится по сборнику Мейгга — Льюиса (№ 49), за исключением лакун в сткк. 1—5, восстановленных мною.

¹⁰ ATL, 3, p. 286; п. 49. С ними полностью солидаризировался: Vartsos J. A. The Foundation of Brea. Archaiia Macedonia. Thessalon., 1977, 2, p. 14—15.

¹¹ Thuc., I, 56, 2; 57, 5; 59, 1; 60, 3. Это выражение Фукидид употребляет как эквивалент названия Халкидики, причем на район Амфиполя — Бисальтия оно не распространяется. Только в одном случае (IV, 104, 4; ср. V, 7, 4) оно употреблено в рассказе об амфипольских событиях, но лишь в связи с самим Фукидидом, который был στρατῆρς τῶν ἐπὶ Θράκης. Присутствие Фукидида около Фассоса, естественно, не свидетельствует о том, что это выражение охватывало и район Амфиполя.

¹² Найденный на агоре третий фрагмент, содержащий 11 букв в четырех строках, удовлетворительно не соединяется с фрагментом А; вследствие незначительности текста Мейгга и Льюис опустили его.

[. . . . . (?) βολίε, πρὸς ἕν ἂν φαίνει ἔ
γράφεται, ἐσαγέτο. εἰάν δὲ ἐσάγει, ἐνέχ[υρα ἀπ-
οδιδότη] ἡ οὐ φένας ἔ ἡ γραφόμενος. πόριος δ-
ἔ σφίσι]ν αὐτοῖς παρασχόντων ἡοι ἀποικιοκ-
⁵ αἱ καλλιερῆσαι ἡνὲρ τῆς ἀποικίας, [ἡοπόσα
ἂν αὐτοῖς δοκεῖ. γεονόμος δὲ ἡελέσθ[αι δέκα
ἄνδρας,]ένα ἐχ φυλῆς· ἡοῦτοι δὲ νεμάντ[ον τὴν
γῆν. Δεμοκλείδην δὲ καταστῆσαι τὴν ἀποικί-
αν αὐτοκράτορα, καθότι ἂν δύναται ἀ[ριστα. τ-
¹⁰ ἂ δὲ τεμῖνε τὰ ἐχσειρεμένα εἰν καθίπερ ἐστ-
ί, καὶ ἄλλα μὲ τεμενίζεν. βοῦν δὲ καὶ π[αν]ηοπλ-
ίαν ἀπά]γεν ἐς Παναθῆναια τὰ μεγάλ[α καὶ ἐς Δ-
ιονύσι]α φαλλόν. εἰάν δὲ τις ἐπιστρα[τεύει ἐπ-
ί τὴν γῆ]ν τὴν τῶν ἀποίκων, βοεθῆν τὰς πόλεις ἡ-
¹⁵ ος ὀχού]τατα κατὰ τὰς χυγγραφὰς ἡα]ι ἐπὶ. .
. . . . .] τῷ γραμματεύοντος ἐγένον]το περὶ τ-
ὼν πόλεον τῶν ἐπὶ Θράικας. γράφσαι δ[ὲ ταῦτα
ἐν στέλ]λει καὶ καταθῆναι ἐμ πόλει· πα[ρα]σχόν-
των δὲ τ]ὴν στέλεν ἡοι ἀποικοι σφῶν ἀ]ρτῶν τέ-
²⁰ λειν. εἰάν δὲ τις ἐπιφροφίζει παρὰ τῆ]ν στέλ-
εν ἔ ρρέ]τορ ἀγορεύει ἔ προσκαλῆσθ[αι ἐγγερ-
εἰ ἀφαι]ρῆσθαι ἔ λύεν τι τῶν ἡεφροφισμένων,
ἄτιμον] ἔναι αὐτὸν καὶ παῖδας τὸς ἐχς [ἐκένο
καὶ τὰ χ]ρέματα δερμόσια ἔναι καὶ τῆς [θεῷ τὸ ἐ-
²⁵ πιδέκα]τον, εἰμ μέ τι αὐτοῖ ἡοι ἀποικιοι. . . .
. . . . . δέ]ονται: : ἡόσοι δ' ἂν γράφονται] ἐποικ-
έσεν τῶ]ν στρατιωτῶν, ἐπειδὴν ἡέκοσ]ι Ἐθῆνα-
ζε, τριάκοντα ἡμερῶν ἐμ Βρέα]ι ἔναι ἐπ[οικ]έσ-
οντας. ἐ]χσάγεν δὲ τὴν ἀποικίαν τριάκ]οντα ἐ-
³⁰ μερῶν. Α]ίσχινεν δὲ ἀκολουθῶντα ἀπο]ιδιδόνα-
ι τὰ χρέ]ματα. vacat

Β

ΣΤΟΙΧ. 17

[Φ]αντοκλῆς εἶπε· περὶ
μ]ὲν τῆς ἐς Βρέαν ἀποι-
κ]ίας καθάπερ Δεμοκλ-
³⁵ ε]ίδες εἶπε· Φαντοκλέ-
α] δὲ προσαγαγῆν τὴν Ἐ-
ρ]εχθεῖδα πρυτανεία-
ν] πρὸς τὴν βολὴν ἐν τῆ-
ι] πρότει ἡέδραι· ἐς δὲ

⁴⁰ Β|ρέαν ἐχ θετῶν καὶ ζε-
υ|γῖτων ἰέναι τὸς ἀπο-
ί|κος.

Реконструкции текста (дополнения текста надписи в целом принадлежат главным образом Беку и Зауппе):

v. 1: [hε δὲ ἀρχ]έ — Wi.¹³; [. . . (?) βολ]έ — *supplevi*;
v. 2—3 in.: ἐνεχ[υραζέ]το αὐτόν] — IG, I², N 45; ἐνέχ[υρα
ἀχ]σια (?) θέτο] — Wi.¹⁴; ἐνέχ[υρα ἀπ|οδιδότο] — *supplevi*.;
v. 3—4 in.: πο[ίμνια | δὲ αἰγῶ]ν — IG, I², N 45; πό[ρον δὲ
ἀργύριο]ν — Bœe¹⁵; π<ρ>ό[βαρα ἐς θυσία]ν — Wi.¹⁶; πό[ρον δ' ἐς
θυσία]ν — Меритт¹⁷, скомбинировавший добавления Бека
и Вильхельма; πό[ριας δ' ἐ σφίσι]ν *supplevi*.; v. 4—5 in.:
ἀπο[δόμην|οι] — Bœe¹⁸; ἀπ[οικιστ|αί] — IG, I, N 45; ἀπ[οικοι·
κ|αί] — *supplevi*. К восстанавливаемому в стк. 26 [. . . δέ]-
ονται ср.: ML, № 65.56.

П е р е в о д:

А.

«. . . Совет (?), в который (желающий отправиться в ко-
лонию) явится или запишется (в число колонистов), пусть
включает (в число колонистов). Если же включит, то
пусть вносит залог явившийся или записавшийся. Пусть
колонисты обеспечат себе телок; совершить жертвопри-
ношение для получения благоприятных предзнаменований
по поводу (отправления) колонии в таких размерах, какие
они сочтут нужным. Избрать геонотов в количестве де-
сяти человек, по одному от филы; пусть они распределят
землю. Демоклиду в качестве автократора устроить ко-
лонию как можно более лучшим образом. Обусловленное
(количество) священных участков оставить как есть и дру-
гих не посвящать. Посылать на Великие Панафинеи корову
и паноплию, а на Дионисии — фаллос. Если кто-либо

¹³ Wilhelm A. Attische Urkunden. — Abh. Ak. Wien, 1939, 217, 5, S. 15. Ср. реконструкцию Мерита с добавлением третьего фрагмента (*Meritt B. D. Attic Inscriptions of the Fifth Century. — Hesperia, 1945, 14, p. 86—87.*)

¹⁴ Wilhelm A. Op. cit., S. 16—17.

¹⁵ Böckh A. Gesammelte kleine Schriften. Leipzig, 1872, 6, S. 175 ff. Ср. соображения Вильхельма по поводу этих восстановлений (Op. cit., S. 16—17).

¹⁶ Wilhelm A. Op. cit., S. 13.

¹⁷ Meritt B. D. Notes on Attic Decrees, p. 317—319.

¹⁸ Böckh A. Op. cit., S. 175.

пойдет войной на землю колонистов, пусть города помогают друг другу как можно быстрее согласно договорам, которые были составлены в секретарство такого-то относительно городов прифракийского региона. Написать это на стеле и поставить в городе; колонистам изготовить стелу за свой счет. Если же кто-нибудь поставит на голосование что-либо противоречащее записанному на стеле или какой-нибудь оратор станет публично выступать (против этого) или начнет призывать к отмене или нарушению какого-либо пункта этих постановлений, то пусть будут лишены гражданских прав и он сам, и его дети, а имущество конфисковано и десятая часть (посвящена) богине, если только сами колонисты не . . . возымеют нужду. Тем воипам, которые запишутся в число дополнительных переселенцев, по прибытии в Афины в течение тридцати дней поселиться в Брее. Вывести колонию в течение тридцати дней; Эсхину, сопровождающему (колонистов), выдать соответствующие средства.

В (боковая сторона).

Фантокл предложил: пусть в отношении колонии в Брее будет так, как предложил Демоклид. Фантоклу изложить (этот вопрос) на буле в пританию филы Эрехтеиды в первое заседание. Отправить в Брее колонистов из числа фетов и зевгитов».

Содержание первых трех строк надписи не совсем ясно из-за плохой сохранности текста. Обычно полагают, что здесь имеется в виду предоставление залога при возбуждении судебного процесса¹⁹. Однако на мой взгляд, контекст свидетельствует, что сткк. 1—3 лучше понимать как изложение условий приема в число колонистов; ср. стк. 26, где γραφεῖσθαι означает запись в число переселенцев. Кроме того, за этим предписанием следует пункт о жертвоприношениях, совершаемых по случаю отправления колонии, т. е. в начале сохранившегося текста можно усматривать последовательно развивающуюся процедуру: набор колонистов, затем жертвоприношения, совершаемые ими за благополучное отправление в колонию. Если же рассматривать сткк. 1—3 в качестве юридических предписаний, логика всей процедуры нарушается.

Афиняне в связи с отправлением колонии в Адриатику избрали комиссию из 10 чел., которая вместе с буле и при-

¹⁹ ML, p. 130.

танами занималась вопросами снаряжения колониальной экспедиции (№ 14.242—269). Таким образом, под словом $\eta\epsilon\nu$ стк. 1 можно подразумевать эту комиссию или буле; в связи с этим возможно восстановление слова [. . . (?) $\beta\omicron\lambda\lambda\epsilon$ в начале сохранившегося текста. Реконструкция первых исследователей надписи лакуны в конце стк. 1 — начале стк. 2 ($\phi\alpha\lambda\iota\nu\epsilon\iota\ \epsilon\ \gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon\tau\alpha\iota$, $\epsilon\varsigma\lambda\alpha\gamma\acute{\epsilon}\tau\alpha$) бесспорна, поскольку ей соответствуют субстантивированные причастия $\eta\omicron\ \phi\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ и $\eta\omicron\ \gamma\rho\alpha\phi\tau\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ в стк. 3. Далее, на мой взгляд, речь идет о залоге, вносимом колонистами. Фукидид, рассказывая о повторном основании Эпидамна коринфянами, сообщает, что многие из тех, кто пожелал принять участие в этом предприятии, но не решился отплыть тотчас, внести залог ($\chi\alpha\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\nu\epsilon\tau\alpha$) в 50 драхм, остались в Корнифе (I, 27, 1). Основываясь на этой аналогии, текст сткк. 1—3 надписи о Брее можно понять следующим образом: речь идет о занесении в списки колонистов тех, кто изъявил желание отправиться в колонию и явился²⁰ для этого в буле (комиссию), но по какой-либо причине не имел возможности отправиться тотчас ($\eta\omicron\ \phi\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$), а также о тех, кто уже записался в число колонистов ($\eta\omicron\ \gamma\rho\alpha\phi\tau\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$). И те и другие должны были внести залог в знак подтверждения своего участия в этом предприятии. В связи с этим предлагаю восстановление $\epsilon\nu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\rho\alpha\ \alpha\pi\omicron\delta\iota\delta\omicron\tau\omicron\varsigma$ в сткк. 2—3²¹. Таким образом, сткк. 1—3 могут быть поняты следующим образом: «. . . совет (?), в который (желающий отправиться в колонию) явится или запишется, пусть включает в число (колонистов). Если же включит, то пусть вносит залог явившийся или записавшийся». Запись в число переселенцев могла производить комиссия, вождь колонистов Демоклид или буле.

Далее следует предписание обеспечить совершение жертвоприношений за благополучный исход предприятия (сткк. 3—6)²². Структура фразы в сткк. 3—4 довольно ясна, и необходимость восстановления в лакуне грамматического субъекта и объекта к $\pi\alpha\rho\alpha\tau\chi\acute{o}\nu\tau\omicron\upsilon$ очевидна. В сткк. 4—5 в качестве субъекта все издатели помещают старое восстановление $\alpha\pi\omicron\kappa\iota\sigma\tau\alpha\iota$. Между тем это слово

²⁰ По поводу такого значения $\gamma\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\nu$ См.: *Plat.*, *Prot.*, 309a; *Xen.*, *Mem.*, II, 8, 1; *LSJ*, s. v. $\gamma\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$, B I, 2.

²¹ Ср.: *Andoc.*, III, 39; $\epsilon\nu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\rho\alpha\ \alpha\pi\omicron\delta\iota\delta\omicron\tau\omicron\varsigma$.

²² Подобная клаузула содержится и в декрете об отправлении сицилийской экспедиции 415 г. (*ML*, N 78, fr. C. 14—15).

чрезвычайно редкое и зафиксировано лишь в лексиконе Гесиχия. Вместо апокрифических апоикистов в качестве субъекта действия, на мой взгляд, выступают сами колонисты: [. . . . . σφίσι]ν αὐτοῖς παρασχοῦντον ἡοι ἀπ[ο]ικοι·χ[α]ὶ χαλ- λ[ι]ερῶσαι. . . ²³.

Теперь остается определить объект действия, содержащийся в лакуне сткк. 3—4. Паличие здесь частицы δέ безусловно. Объектом может служить слово πορίс — «телка»: π[ο]ρίας δ[έ] σφίσι]ν αὐτοῖς и т. д., т. е.: «Пусть колонисты обеспечат себе телок; совершить жертвоприношение для получения благоприятных предзнаменований по поводу (отправления) колонии в таких размерах, какие они сочтут нужными» ²⁴.

Из предлагаемых дополнений явствует, что отправление в колонию было сопряжено для переселенца с определенными расходами по внесению залога и затратам на совершение жертвоприношений. С такой интерпретацией согласуются слова Панафии о том, что самые бедные мессенцы не ушли в колонии с большинством своих соплеменников (IV, 23, 3). Однако в отличие от мессенцев афинские колонисты получали определенные субсидии в связи с переселением (сткк. 30—31). Афинское государство, целиком подчинив дело вывода колоний своим интересам, несло, видимо, значительную часть расходов по устройству колонистов на новом месте жительства.

Принесение колонистами в жертву телок можно поставить в связь со следующим далее предписанием «Посылать на Великие Панафинеи корову ²⁵ и панополию» (сткк. 11—12), в чем можно видеть продолжение символической обрядности, сопровождавшей отправление колонии. В приношении этих даров выражается символика последующих отношений колоний с метрополией. Панафинеи отмечались как праздник единения всего афинского народа, как торжество в память проведенного Тесеем синойкизма, положившего начало блестящей истории Афин ²⁶. Поэтому раз в четыре года из всех афинских

²³ К восстановлению ср. стк. 19: ἡοι ἀπ[ο]ικοι σφῶν α[ὐ]τοῖν]. Бек (Op. cit., S. 176) указывал, что αὐτοῖς надписи употреблено вместо σφίσιν αὐτοῖς.

²⁴ По поводу принесения в жертву телок см.: Ap. Rod., Arg., 1185—1190 (где πόρις = πόρις).

²⁵ Βοῦν — это корова; ср.: ML, № 69, 57, IG, II², № 334, 19—20.

²⁶ См.: Thuc., II, 15, 2—4.

колоний на Великие Панафиней прибывали посольства с дарами, символически выражавшими связь колоний со своей метрополией²⁷. Коровы предназначались для гекатомбы и торжественной общей трапезы, символизировавшей прежнее пребывание колонистов у отеческих святынь, под сенью родного крова²⁸. Принесение в дар панаплии олицетворяло военно-политические узы, связывавшие колонию с метрополией, и в первую очередь обязательство военной помощи.

Клаузула о принесении панаплии и коров содержится в ряде афинских документов V в.²⁹ Впервые это предписание встречается в декрете об усилении сбора форося³⁰, а также в постановлении о Брее и сначала, видимо, распространялось только на колонии афинян³¹, но очень скоро ввиду усиления экспансионистских тенденций Афины стали требовать этого и от всех союзников (декрет Тудиппа 425/4 г. прямо предписывал всем городам, внесшим форося, присылать на Великие Панафиней корову и панаплию, «как это делают алойки»)³². Этот акт имел своей целью продемонстрировать единение и сплоченность членов Делосской симмахии вокруг Афин как их метрополии и гегемона.

Отправление афинской колонии в Брею происходило в сложной военно-политической обстановке, в период усиления противоречий между сильнейшими греческими государствами, приведших к Пелопоннесской войне. Об этом свидетельствует предоставление вождю колонии Демоклиду неограниченных полномочий (сткк. 8—9). Подобно ряду афинских стратегов он был наделен званием автократора³³. Напротив, Мальтиад, лидер большого

²⁷ Schol. Arph., Nub., 386. Ср. предписание «согласно отеческим заветам доставлять на Панафиней корову и панаплию, а на Дионисии — корову и фаллос, поскольку (паросцы) являются колонистами афинского народа» (Meritt B. D., Wade-Gery H. T. The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century. — JHS, 1962, 82, p. 70; надпись относится к 372/1 г., текст несколько разрушен).

²⁸ Ср. афинское постановление об Эрифрахе: ML, № 40.3 (середина V в.), а также: IG II², № 334.19—20 (IV в.).

²⁹ Meritt B. D., Wade-Gery H. T. Op. cit., p. 69.

³⁰ ML, № 46.41—43, около 447 г.

³¹ Ср.: Schol. Arph., Nub., 386: «На Панафиней аттические города присылали коров...».

³² ML, N 69, 56—58.

³³ Ср.: Plut., Arist., 8, 1; 11, 4; Thuc., VI, 8, 2; Xen., Hell., I, 4, 20: в чрезвычайных обстоятельствах стратеги назначаются автократорами. То же — ML, № 58. А. 9. Ср. также: Thuc., VIII, 67,

отряда воинов-переселенцев, отправленных в 325 г. афинянами в Адриатику для сторожевой службы по охране от пиратов, был назначен не автократом, а ойкистом, в соответствии с обычной колонизационной практикой (№ 14.161, 224).

О потенциально беспокойной обстановке в районе основания колонии свидетельствуют также сткк. 13—17 декрета: «Если кто-либо пойдет войной на землю колонистов, пусть города помогают друг другу как можно быстрее, согласно договорам, которые были составлены в секретарство такого-то относительно городов прифракийского региона». Здесь имеются в виду союзные Афинам города Халкидики ³⁴.

Вождю колонистов Демоклиду предписано «устроить колонию как можно более лучшим образом» (сткк. 8—9). Интересно, что это предписание вставлено между двумя клаузулами декрета, трактующими вопрос о разделе земельных угодий нового полиса, однако это все же не указывает на роль Демоклида в качестве лишь «землеустроителя»: *κατασκευάζει* — емкое слово, подразумевающее руководство строительством города, устройством хоры, социальной организацией полиса и т. д.

Контингент колонистов распределялся по 10 фил (сткк. 6—7), т. е. старые генетические и социальные связи переселенцев, существовавшие в Афинах, сохранялись и на новом месте жительства. Каждая фила имела представительство в коллегии геонотов, производившей раздел земли (сткк. 6—8). Распределение земли производилось сначала по филам ³⁵, после чего каждый колонист получал участок в том районе, который достался по жребью его филе ³⁶.

Согласно обычаю, соблюдавшемуся при основании города, в Брее часть земли отводилась под священные участки — темены: «Обусловленное (количество) священных участков оставить как есть и других не посвящать» (сткк. 10—11) ³⁷. Тод указал, что эту не совсем ясную

1 — о компетенции законодателей, наделенных неограниченными полномочиями.

³⁴ Ср.: *Thuc.*, I, 56, 2: τοὺς τε ἄλλους ἐπὶ Θρηάκης... συμμάχους, где речь идет о потидаецах.

³⁵ *Hyper.*, IV, 16—17.

³⁶ Ср.: *Prun.*, Праер. soph., 57: «Геонот распределяет в колонии каждому надел, а геометр отмеряет границы надела» (Тод, I, р. 89).

³⁷ Ср.: *Xen.*, *Cyr.*, VIII, 3.1.

кляузулу можно понимать двояким образом: либо сохраняется то же число священных участков, какое было у прежнего населения Бреи, либо подтверждается определенное ранее количество этих участков ³⁸. На мой взгляд, второе предположение следует исключить. По сообщению Фукидида (III, 50, 2), из 3 тыс. участков, образованных афинянами на усмирленном Лесбосе, 300 было посвящено богам. Отсюда явствует, что под священные участки отводилась одна десятая всех земельных угодий, что соответствует общегреческому обычаю посвящать десятину богам ³⁹. Поскольку количество священных участков определялось обычаем, сткк. 10—11 следует понимать как предписание сохранить то число теменов, какое уже было в Брее ⁴⁰. Видимо, прежнее население этого фракийского городка в какой-то мере составляли эллины ⁴¹. Отсюда как будто следует, что прежнее население Бреи, в которую направлялись афинские апойки, было вытеснено ⁴².

Декрет сообщает ценные сведения о социальном составе афинских переселенцев: «Отправить в Брею колонистов из числа фетов и зевгитов» (сткк. 39—42). Надо полагать, что цель этого добавления к декрету, внесенного Фантоком, заключалась в том, чтобы дать возможность гражданам зевгитского состояния также принять участие в основании колонии. Основная масса афинских

³⁸ *Тод*, 1, р. 89.

³⁹ Ср. сткк. 24—25 рассматриваемого декрета. Эти участки составляли государственную собственность и на определенных условиях сдавались в аренду: IG, I², № 93.147 — арендная плата с темена на Кифноссе; № 94 — подробный документ о сдаче темена в аренду. Ср. также: *Ael.*, Var. hist., VI, 1: афиняне разделили землю побежденных халкидян на 2000 наделов, причем лелантские угодья отделив святилищу Афины.

⁴⁰ Кроме того, заранее не было известно, от какого количества наделов выделять одну десятую часть, поскольку контингент колонистов еще окончательно не сформировался и ожидалось присоединение воинов афинской армии (сткк. 26—29).

⁴¹ Ср.: *Thuc.*, IV, 109, 3—4 — о смешанном населении ряда городков на фракийском побережье северной Эгеиды, которые, кстати, были зависимы от Афин и вносили форос. Брея, по всей видимости, и была одним из таких городков. Название Брея — фракийского происхождения, означающее «крепость»; ср. названия крепостей во Фракии, Иллирии и Эгире с корнем *Вре-*: *Вре́ззета*, *Вре́ззатъ*, *Вре́*, *Вре́дас* (*Procop.*, De aed., IV, 4; 11). Видимо, чередованием (как и *Врз-*) связано с фрак. *βρεα* — «города» (*Stb.*, 319). См.: *Перошак В. II*. Палеобалканские языки. М., 1978, с. 43.

⁴² Ср.: *Thuc.*, V, 116, 4: афинские апойки поселяются на земле изгнанных мелосцев.

колонистов, по всей вероятности, состояла из фетов ⁴³. Не случайно бóльшую, по-видимому, часть расходов по выведению колонии государство берет на себя (сткк. 30—31). Надо думать, что наделы, получаемые фетами в колониях, позволяли им перейти в зевгитское сословие. Плутарх верно отметил, что одной из причин колонизационной деятельности афинян было стремление поддерживать бедные слои гражданства (Рег., 11, 6). С другой стороны, зевгиты, уходя в колонию, предохранялись от перехода на фетский статут ⁴⁴.

Декретом предусмотрено присоединение к контингенту колонистов группы эпойков — солдат афинской армии, находившейся в походе: «Тем воипам, которые запишутся в число дополнительных переселенцев, по прибытии в Афины в течение тридцати дней поселиться в Брее» (сткк. 26—30) ⁴⁵. По мысли автора декрета, каковым был Демоклид (сткк. 34—35), предполагалось, что воины-эпойки должны были присоединиться к уже обосновавшимся в Брее апойкам ⁴⁶. Присоединение отряда воинов к числу колонистов Бреи, пожалуй, свидетельствует об ее определенном стратегическом значении.

Поскольку контингент колонистов состоял из апойков и эпойков, естественно, встает вопрос, чем различались между собой эти группы переселенцев. Единственное указание декрета на этот счет заключается в том, что эпойки формировались из солдат. Однако эпойки как граждане полиса также являлись потенциальными воинами. Следовательно, в данном случае различие между двумя группами заключается лишь в источнике формирования контингента колонистов: эпойки набирались из воинов действующей армии, в то время как апойки — из общей массы афинских граждан. В сущности эти солдаты были эпойками потому, что они присоединялись позже к основной массе колонистов.

Согласно терминологии декрета, колония в Брее мыслится как апойкия, т. е. номинально независимый полис

⁴³ Так же полагал и Джонс (*Jones A. H. M. Athenian Democracy*, p. 168).

⁴⁴ *Ibid.*, p. 7, 168—169.

⁴⁵ Несмотря на то что лакуна сткк. 28—29 восстановлена по одной-двум буквам, надежность дополнения еще не вызывала сомнений.

⁴⁶ Апойки должны были в течение 30 дней отбыть из Афин (стк. 29), куда армия еще не вернулась из похода (стк. 27).

(сткк. 29, 33 и др.). Этот вывод подтверждается обязательством колонистов Бреи приносить дары своей метрополии на Великие Панафинеи (сткк. 11—13), которое сначала распространялось только на афинские апойкии, а позднее и на все союзные города ⁴⁷. Вместе с тем очевидно, что колония в Брее мыслится как автономный полис чисто номинально. Вся ее внутренняя и внешняя политика была подчинена афинским интересам. Государственное устройство колонии, раздел ее земельных угодий, наконец ее социальная структура были заранее определены афинскими властями, и их установления ни в коей мере не подлежали изменению: «Если же кто-нибудь поставит на голосование что-либо противоречащее записанному на стеле или какой-нибудь оратор станет публично выступать (против этого) или начнет призывать к отмене или нарушению какого-либо пункта этих постановлений, то пусть будут лишены гражданских прав и он сам, и его дети, а имущество конфисковано и десятая часть (посвящена) богине, если только сами колонисты не. . . возымеют нужду» (сткк. 20—24). Последняя оговорка, однако, свидетельствует о формальной возможности колонистов принимать те или иные поправки к установлениям декрета, что говорит об определенной самостоятельности полиса колонистов ⁴⁸.

Судьба колонии, отправлявшейся в Брее, неизвестна. Вождь колонистов Демоклид, очевидно, выполнив свои функции, как и основатель Амфиполя Гаггон, вернулся в Афины ⁴⁹. Вероятнее всего, что население Бреи, как полагал Вудхэд, перешло в основанную в 430/29 г. Потидею.

⁴⁷ На клерухов это требование не распространялось, поскольку они сохраняли афинское гражданство и не образовывали независимого полиса. Символика приношения даров в отношении клерухов, таким образом, не имела смысла.

⁴⁸ По указанным причинам нельзя согласиться с Эренбергом (*Polis und Imperium*, p. 254 sq.), который относил колонию в Брее к числу «муниципальных общин» являвшихся поселениями афинских граждан.

⁴⁹ Он, вероятно, был автором одного из афинских постановлений (IG, I², № 152).

§ 2. Декрет о неизвестной колонии (№ 6)

Фрагмент мраморной стелы, найденный на Акрополе (ныне находится в Эпиграфическом музее). Название колонии неизвестно; не исключено, что этот декрет, датированный временем около 440 г., также связан с выводом колонии в Брею. Текст приводится по IG, I², № 46 с учетом возможных, по мнению Ф. Хиллера, дополнений в стк. 4 [τριάκυ]γτα, а в стк. 5—6 ἀ[ποίκος].

A

	23	
— —		ας . . .
	22	
— —		σουτ . .
	20	
— —		ες ἐπεὶ δ' ἄ-
	13	
ν — —		τριάκυ]γτα ἐμερῶ]ν
	17	
5 — —		. φα λαβὲν τὸς ἀ-
	10	
ποίκος(?) — —		. ἄλλαι γὰρ ἐφ' ἐν
	9	
— —		(?) χρῆσθαι δὲ τοῖς ἐμπορί-
	12	
οἰς — —		δὲ μὲ ἐ ἡὰ Ἀθηναῖοι π-
	12	
— —		ν μὲ παρακαθιστάνα-
	10	
10 — —		. ἔχῃ τοῖς ἀποικοῖς εἰκοσι
— —		ἡνὲρ ἡ ἐκίστο καὶ τὸς κοπέας το-
	7	
— —		αι μύριος καὶ τῶν τελευτῶν χρ-
	5	
ατ — —		περὶ δὲ τὸ χρόνο ἡε νέα βολῆς δικασ ά-
το — — π ερ χσνέβαλον ἐ διέθε ν]το ε-		
	8	
15 — — ἡ ο ἀποίκος πρὸς τ όν.		.

B

	5	
. . . . .		ο — —
	5	
. . . . .		δεοι — —
. . . . .		ἀν εύθυνοι ἔσ ον — —
πλ έόντας, ἐπ ει θάν τὰς εἰ θ όνας δο — —		
20 . ερι ἐ δε μ υσίαι τὸν γρα φ τά μενον — — ? τριά-		
κ όντα ἡμερῶν οἰκέζοντας ε — —		

γ γράφονται ἔχοντες .ρ — —
 [ά]κοντα ἡμερῶν [έπ] ειδῶν — —
 τὸς πρέσβες τὸς ἔχοντας — —
²⁵ ἀρχύριον ἡμέρας ἀρχα — —
 . . τις βόλεται Ἀθηναίο — —
 . . . . εἴτο αὐτοὶ προ — —
 . . α τοῦτος δὲ προς — —
 [πρ] έσβες ἀποίκος — —
³⁰ [γρ]άφονται με — —
 . . . τον χσενον — —
 . . . ται δίχεν — —

Перевод:

А.

«... в течение тридцати дней... колонистам получить... на прочей земле по (11 или 21 и т. д. плетров)... пользоваться рынками... нет, или что афиняне... не устанавливать наряду... колонисты двадцать... за каждый и весла... десять тысяч и налогов... определенного времени новое буле. Пусть разберет дело... добавили или учредили... колонист...»

В.

...понадобится... пусть не подлежат ответственности... больших когда финансовые отчеты... или предписанное по постановлению народа... (по прошествии трид-?)цати дней тем, которые поселятся... прибывшие были занесены в списки... в течение -дцати дней после того, как... старым (колонистам), прибывшим... в течение дня деньги... если кто-либо из афинян пожелает... пусть ему (?). . . этим... старым колонистам... внесут в списки не... иностранца (иностранцев ?). . . суд...»

Сохранившиеся части декрета обнаруживают явственное сходство с постановлением о колонии в Брею. Оба документа, трактуя различные вопросы, связанные с выводом колонии, взаимно дополняют друг друга.

Текст А.

§ 1 (стк. 4). Колония должна быть отправлена в течение (трид-?) цати дней (? Ср. № 5.29—30: «Вывести колонию в течение тридцати дней»).

§ 2 (сткк. 5—6). Трактуются вопросы, связанные с наделением прибывших колонистов земель. Переселенцы

Получают участок на определенной категории земли, помимо чего «на прочей земле» (ἄλλῃ γῇ, стк. 6) еще один участок, видимо, в 11 или 21 и т. д. плетров (ἐν|δεκα| или ἐν|χιεῖς| и т. д.). В данном случае налицо разделение земли на те же категории, которое представлено и в декрете иссейцев о разделе земли колонистами (№ 4.6—7), которые получали «в хоре. . . три плетра и из прочей земли» (τὰς δὲ ἄλλας) — соответствующие доли. В декрете иссейцев различаются три категории земли в хоре: 1. Земля под основные наделы. 2. Остальная земля. 3. Неделимый фонд для дополнительных поселенцев.

Можно полагать, что эти категории земли были известны и афинской колонизационной практике. Основной земельный фонд подразумевается сам собой. «Остальная» земля зафиксирована в стк. 6 данной надписи. Безусловно необходим и «неделимый» фонд для прибывающих позднее колонистов (в декрете о колонии в Брею предусмотрено прибытие таких дополнительных колонистов, № 5.26—29). Естественно, что лучшие земли занимали ранее прибывшие колонисты; недаром Аристотель утверждал, что присоединение эпойков, как правило, вызывает гражданские междоусобицы (Pol., V, 2,10—11).

§ 3 (сткк. 7—8²). Далее следует статья, трактующая торговые вопросы; ср. предписания декрета об отправлении колонии в Адриатику в отношении рынков и продажи хлеба (№ 14.217—232).

§ 4 (8²—10). Надо думать, что здесь содержатся указания о системе землепользования в колонии: εἰς|χρησιν| в стк. 10 соответствует аналогичной цифре в одном из документов, касающихся статуса критских поселенцев в Миунте⁵⁰: μὴ εἶναι δὲ αὐτοῖς τῇ|ν| δεδομένην χώραν ἀποδοῦναι μηδὲν ἕως ἐτῶν εἰς|χρησιν|, т. е. земля, предоставляемая критским переселенцам, в течение 20 лет должна была оставаться не отчуждаемой. По-видимому, такое же предписание делалось и в отношении афинских колонистов. Впрочем, не исключено, что речь идет о пошлине в $\frac{1}{20}$, если в сткк. 10—11 можно читать εἰς|χρησιν|⁵¹.

§ 5 (сткк. 11—12). Речь идет о пошлинах на товары (упоминаются весла). Ср. афинский декрет о пошлинах

⁵⁰ Milet, III (B., 1914), № 33e, сткк. 6 сл. См. обсуждение этого документа: Asheri D. Supplementi coloniari, p. 83—85.

⁵¹ Ср.: Thuc., VII, 28, 4.

(№ 18), с которым сткк. 11—12 рассматриваемого декрета имеют сходство.

§ 6 (сткк. 13—15). Тяжбы по делам определенного свойства, возникающие в среде колонистов, должно разбирать буле колонии; ср. аналогичное предписание в декрете о Гестиэе (№ 11.7—12).

Текст В.

§ 7 (сткк. 17—20). Речь, очевидно, идет о мероприятиях, которые могут провести власти нового полиса и за которые они несут ответственность (?). В какой-то связи с этим упоминаются их финансовые отчеты и предписание народного собрания.

§ 8 (сткк. 20—23). Далее следуют предписания об устройстве колонистов. По прошествии тридцати (?) дней, установленных государством на вывод колонии (ср. № 5.29—30), переселенцам надлежит занести свои имена в списки.

§ 9 (сткк. 24—30). Возможно, речь идет о поселении дополнительных колонистов. Выражениями τὸς πρέσβεις τὸς ἡεξιόντας и [πρ]έσβεις ἀποίκοι обозначены первые колонисты, к которым имеет право присоединиться в качестве дополнительного переселенца всякий желающий уйти в эту колонию афинянин. В стк. 25, очевидно, имеются в виду деньги, выделяемые государством на основание колонии⁵².

§ 10 (сткк. 31—32). Речь идет об иностранцах. Впрочем, не исключено, что слово χεῖνοι относится к афинским колонистам, подобно тому как в декрете о навпактских эпойках тем же словом обозначены переселенцы в случае их пребывания в метрополии (№ 3.2).

Предлагаемая интерпретация сохранившегося текста этого декрета, разумеется в известной мере условна. Вместе с тем реконструкция содержания некоторых параграфов, как мне представляется, имеет право на существование.

Данные декрета тем более ценны, что они охватывают круг вопросов, не содержащихся в сохранившейся части постановления об устройстве колонии в Брее.

§ 3. Декреты о Гестиэе (№ 11—13)

В 446/5 г. эвбейские города сделали попытку выйти из Делосской симмахии, однако афинская армия во главе с Периклом вторглась на остров и подавила восстание.

⁵² Ср.: N 5.30—31; *Liban.*, Arg. Dem., VIII.

При этом «вся Эвбея была устроена на основании договора⁵³, за исключением Гестиэи, жителей которой афиняне выселили и сами заняли ее территорию» (καὶ τὴν μὲν ἄλλην ὁμολογία κατεστήσαντο, Ἑστιαῖς, δὲ ἐξοικήσαντες αὐτοὶ τὴν γῆν ἔσχον)⁵⁴. Более подробно о заселении Гестиэи сообщает Диодор (XII, 22, 2): «Вернув себе Эвбею, афиняне изгнали гестиэйцев из их города и под руководством Перикла выслали свою апоикию на его территорию, отправив тысячу колонистов (οἰκίτορας), которых они по жребию наделили жилищами и землей» (τὴν τε πόλιν καὶ τὴν χώραν κατηχλήρουσαν). По сообщению Феопомпа, после падения Эвбеи гестиэйцы по соглашению выселились в Македонию, а две тысячи афинян поселились в Орее (с последующего времени Гестиэя называлась также Ореем)⁵⁵.

Фукидид, как и Диодор, называет колонию афинян в Гестиэе апоикией, однако ввиду структурной сложности этого важного пассажа такая интерпретация требует подробного обоснования.

Перечисляя афинских союзников, принявших участие в сицилийской экспедиции, Фукидид пишет: Ἀθηναῖοι μὲν αὐτοὶ Ἴωνες ἐπὶ Δωριᾶς Συρακοσίων ἐκόντες ἦλθον, καὶ αὐτοῖς τῇ αὐτῇ φωνῇ καὶ νομίμοις ἔτι χρόμενοι Λήμνιοι καὶ Ἰμβριοι καὶ Αἰγινῆται, οἱ τότε Αἰγίναν εἶχον, καὶ ἐπὶ Ἑστιαῖς οἱ ἐν Εὐβοίᾳ [Ἑστίαϊν οἰκοῦντες]⁵⁶, ἄποικοι ὄντες, ξυνοστράτευσαν⁵⁷.

Издатели ATL, связывая ξυνοστράτευσαν с Ἑστιαῖς и заключая отсюда, что определение ἀποικοὶ ὄντες относится единственно к гестиэйцам, понимали этот пассаж следующим образом: «Сами афиняне в качестве ионян выступили по собственному побуждению против сиракузян, дорян,

⁵³ Сохранились договоры с Халкидой и Дретрией. Об эвбейских делах см.: Mattingly II. B. Athens and Euboea. — JHS, 1961, 81, p. 124—132.

⁵⁴ Thuc., I, 114, 3. Это было возмездие за убийство экипажа афинского корабля.

⁵⁵ Stb., 445.

⁵⁶ Квадратными скобками выделена позднейшая глосса. — См.: Thucydides historiae / Rec. C. Hude. Lipsiae, 1901, I. с. Ср. перевод Мищенко: «Сами афиняне, как ионяне, пошли на сиракузян, дорян по собственному побуждению; участие в походе их приняли как колонисты, говорящие тем же языком и имеющие одинаковые с ними учреждения: лемнийяне, имбриане, эгиняне, занимавшие в то время Эгину, а также гестиэйяне, населяющие Гестиэю на Эвбее».

⁵⁷ Thuc., VII, 57, 2.

как и (as did also) пользующиеся еще одинаковыми с ними языком и законами лемносцы, имбриане и эгинеты; кроме того, и гестиэицы, населявшие Гестиэю на Эвбее, являвшиеся колонистами, присоединились к походу»⁵⁸.

Согласно такой интерпретации, лемносцы, имбриане и эгинеты выступили в поход как пользующиеся одинаковыми с афинянами языком и законами, а гестиэицы — как апойки. Авторы АТЛ отмечают, что выражение «пользующиеся еще одинаковыми с ними (афинянами) языком и законами», строго говоря, «не следовало бы относить к эгинетам, поскольку они ушли в колонию совсем недавно (в 431 г.) и ἐτι по отношению к ним в еще большей степени не требовало доказательств, нежели в применении к гестиэицам»⁵⁹. По их мнению, Фукидид делит участников похода на две группы: 1. Афиняне и общины, близко связанные с ними законами и языком. 2. Остальные. Первую группу составляли апойки и эпойки (гестиэицы и эгинеты), а также лемносцы и имбриане, частично происходившие от колонистов раннего времени (рубежа VI—V вв.) и частично — от клерухов, выселившихся в 450 г. Фукидиду не было необходимости называть лемносцев и имбриан клерухами; другие клерухи также не упомянуты, но они должны быть подразумеваемы в разбираемом пассаже под их собственной классификацией как афиняне — Ἀθηναῖοι⁶⁰.

Изложенная точка зрения авторов АТЛ подверглась критике со стороны Эренберга, который считал, что выражение ἀποικοὶ ὄντες следует относить ко всем четырем общинам, а αἰτοῖς — к ἐκστράτευσαν. Он предложил следующую интерпретацию структуры пассажа:

καὶ αἰτοῖς
τῇ. . . Ἱμβριοι,
καὶ Λίγυϊται . . . εἰχον,
καὶ ἐτι . . . Ἐοτῖαιαν οἰκοῦντες,
ἀποικοὶ ὄντες,
ἐκστράτευσαν,

т. е: «... и вместе с ними как колонисты выступили пользующиеся тем же самым языком и законами лемносцы и имбриане, а также эгинеты, занимавшие в то время Эгину, и еще гестиэицы с Эвбеи, населявшие Гестиэю»⁶¹.

⁵⁸ ATL, 3, p. 291.

⁵⁹ Ibid., p. 292.

⁶⁰ Ibid., p. 293—294.

⁶¹ Ehrenberg V. Polis und Imperium, p. 250—251. Раньше Эренберг считал, что определение ἀποικοὶ ὄντες относится только к ге-

При таком толковании структуры пассажа эгинеты оказывались в числе анойков, и Эренберг видел в этом еще одно доказательство своего тезиса о том, что терминология Фукидида лишена узкого техницизма (в других местах своего труда Фукидид называет эгинетов эпойками).

По мнению Эренберга, Фукидид разделил всех участников сицилийского похода на две группы: 1. Колонисты. 2. Подданные и независимые союзники.

На мой взгляд, Эренберг не совсем правильно определил характерную сущность выделенной Фукидидом первой группы союзников Афин. Фукидид выделяет лемносцев, имбриан, эгинетов и гестиэцев не просто как колонистов, а как более узкую группу сродственников афинян, говоривших на одинаковом с ними диалекте и пользовавшихся одними и теми же законами. Именно в этом заключается суть выделения их Фукидидом из общей массы афинских колонистов, каковыми также были, как он сам указывает, помещенные им во второй группе милетиане, андросцы и другие: "Ἰωνες οὖντες οὗτοι πάντες καὶ ἀπ' Ἀθηναίων (VII, 57, 4).

Таким образом, авторы АТЛ, как мне кажется, более правильно определяли те основания, которыми руководствовался Фукидид, выделяя первую группу общин из всей массы участников сицилийского похода. Вместе с тем нельзя согласиться с их мнением о том, что определение «еще пользующиеся одинаковыми с ними языком и законами» нужно связывать только с лемносцами и имбрианами. Выражение τῇ αὐτῇ φωνῇ καὶ νόμοις ἐστὶ χροόμενοι следует рассматривать как относящееся ко времени отправления сицилийской экспедиции, на что указывает паречие ἐστὶ. С другой стороны, ко времени написания данного пассажа с момента отправления колонистов на Эгину прошло около 30 лет, а в Гестиэю — около 45 лет⁶². В то же время утрата родного диалекта афинянами, оказавшимися вне родной среды, происходила очень бы-

стиэцам и, возможно, эгинетам (Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World, p. 134. См. также: Graham A. J. Colony and Mother City, p. 182—184.

⁶² Способ выражения Фукидида: «эгинеты, которые тогда (τότε) занимали Эгину» — указывает на то, что он писал этот пассаж после 405 г., когда Лисандр возвратил на остров его прежних жителей (Xen., Hell., II, 2, 9; Plut., Lys., 14, 3).

стро⁶³. На мой взгляд, рассматриваемый пассаж Фукидида имеет следующую структуру:

Ἀθηναῖοι . . . ἦλθον,
καὶ αὐτοῖς . . . χρώμενοι
Λήμνιοι καὶ Ἰμβριοί
καὶ Διγινῆται . . . εἶχον,
καὶ ἐτι Ἑστιάϊδες αἱ ἐν Λύβοῖα, ἀποικοὶ ὄντες,
ξυνοστράτευσαν,

т. е.: «Сами афиняне как ионийцы пошли на сиракузян, дорийцев, по собственному побуждению и вместе с ними участие в походе приняли (ξυνοστράτευσαν) как пользовавшиеся одинаковыми с ними языком и законами лемносцы, имбриане, эгинеты, в то время занимавшие Эгину, а также гестиэицы с Эвбеи, являвшиеся апоиками».

Согласно с авторами АТЛ полагаю, что определение ἀποικοὶ ὄντες относится только к гестиэицам. Именно в этом состояла их отличительная черта, поскольку едва ли можно было подвести под ту же категорию лемносцев, контингент которых состоял из потомков старых афинских апоиков, а также выведенных в 450 г. эпойков (или, как некоторые думают, клерухов). Это же, видимо, относится и к имбрианам, о статусе которых можно сказать лишь то, что он, возможно, был таким же, как и у лемносцев. Эгинеты бесспорно были эпойками, на что Фукидид указывал дважды. Ввиду этой разницы в статусе перечисленных контингентов колонистов определение ἀποικοὶ ὄντες следует относить только к гестиэицам.

Таким образом, данные декретов о Гестиэе рисуют нам черты статуса афинской апоикии⁶⁴. К сожалению, эти декреты сохранились в очень плохом состоянии. Ни в одном из фрагментов нет целой строки, так что в общем восстановления являются довольно проблематичными. Ввиду этого для анализа привлекается только сохранившийся текст. К счастью, в нашем распоряжении имеется группа аналогичных памятников, с помощью которых можно с определенной степенью надежности восстановить содер-

⁶³ Ср.: *Sol.*, fr. 24, 11—12; Diehl: афиняне, принужденные выселиться с родины, уже не говорят по-аттически. Следовательно, это выражение можно относить не только к лемносцам и имбрианам, но также к эгинетам и гестиэицам.

⁶⁴ В таком случае становится понятным, почему Андокид (III, 9) и Эсхил (II, 175) употребляют слово «апоикия» по отношению к Эвбее.

жание декретов о Гестиэе. Сюда относятся близкие по времени и характеру афинские декреты о фаселитах, милетянах и эретрийцах, а также фрагменты постановления из Эрифр, по всей видимости, также обязанные своим происхождением афинянам. Ввиду этого прежде всего следует обратиться к выяснению содержания перечисленных памятников, также в той или иной степени фрагментированных⁶⁵. Центральное место в них, как и в декретах о Гестиэе, занимают вопросы судопроизводства.

Декрет о фаселитах, середина V в. (№ 7)⁶⁶

Предписания этого декрета могут быть сформулированы в следующем виде.

§ 1 (сттк. 6—11). Какое бы дело об иске ни слушалось в Афинах, в котором в качестве одной из сторон выступает кто-либо из фаселитов, его разбор должен происходить в ведомстве полемарха. Передача судебных дел фаселитов об исках ведомству полемарха указывает на преимущественность их положения, поскольку этим правом пользовались лишь наиболее привилегированные союзники Афин. Обычно разбор дел о контрактах, в том числе и об исках по ним, происходил в ведомстве фесмофетов или навтодиков⁶⁷. Разбор дел об исках в ведомстве полемарха предоставлял фаселитам шансы на более благоприятный исход тяжбы или на ее скорейшее разрешение. В связи с этим интересно отметить, что в постановлении об эритрейцах разбор ряда судебных дел также передан ведомству полемарха (№ 10, § 2), в то время как решение тяжбы между гестиэйцами и афи́пянами предоставляется в соответствии с обычной практикой навтодикам (№ 12 § 2).

§ 2 (11—14). Дела иного рода по контрактам разбираются в соответствии с существующими соглашениями между афинянами и фаселитами, т. е., видимо, в соответствии с существующей юридической практикой⁶⁸.

⁶⁵ Декреты о милетянах и эритрейцах сохранились в довольно разрушенном виде; два других документа находятся в удовлетворительном состоянии.

⁶⁶ ML, № 31. По поводу датировки ср. также: *Tod*, 1, p. 59; *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History*. Oxford, 1958, p. 184 sq.

⁶⁷ *Lys.*, XVII, 3, 5.

⁶⁸ См.: *Greenidge A. A Handbook of Greek Constitutional History*. L., 1896, p. 54. О судебной практике во взаимоотношениях афи́пян с союзниками см.: *Лурье С. Я. Эксплуатация афинских союзников*. — ВДИ, 1947, № 2, с. 19 сл.

§ 3 (15—19). Судебные приговоры в отношении фаселитов, вынесенные другими государственными инстанциями, не действительны.

Декреты из Эрифр (№ 8) ⁶⁹.

Найденные в Эрифрах три фрагмента декретов о порядке судопроизводства, по всей вероятности, были инспирированы афинянами. Они могли быть составлены после подавления восстания Эрифр и Милета в 450 г., когда афиняне поставили в этих городах свои гарнизоны и ввели демократическое устройство ⁷⁰. Эти фрагменты вполне соответствуют тексту афинских декретов об Эрифрах, которые, в частности, трактуют вопросы юридических взаимоотношений между солдатами афинского гарнизона и жителями Эрифр ⁷¹.

Фрагмент А.

§ 1 (1—5). Если кто-либо из магистратов (ср. фр. В, 26—33) совершил должностное преступление (определенного свойства), он должен внести штраф в 10 статеров.

§ 2 (5—9). Устанавливается (известная и аттической юриспруденции) правоспособность всякого гражданина Эрифр возбуждать судебное дело. Ср. аналогичное предписание в отношении жителей Гестиэи (№ 11.13). По всей вероятности, имеется в виду фасис, обвинение в преступлении против государства, за что обвинитель получал половину от назначенного судом штрафа или конфискованного имущества, а другая половина шла в пользу государства.

§ 3 (9—13). В том случае, если обвинитель отказывался от обвинения, он, во-первых, обязан уплатить столько же, сколько получил бы в случае выигрыша процесса, и, во-вторых, должен сам подвергнуться судебному преследованию.

⁶⁹ Hill, В 116. См. об этом декрете: *Francesconi F.* Per la storia di Eritre nel V sec. A. C. — SCO, 1967, 16, p. 359—365; *Meiggs R.* Athenian Empire, p. 421—422; *Die Inschriften von Erythra und Klazomenai.* Bonn, 1972, 1, N 2.

⁷⁰ ATL, 3, p. 252 sq., 284. Авторы ATL исходя из факта понижения фороса Эрифр в 450 г. полагали, что афиняне вывели сюда колонию. Однако равным образом понижение фороса в данном случае могло быть вызвано установлением афинского гарнизона.

⁷¹ ML, № 40 с указанием других фрагментов на с. 94.

В аттическом праве отказ от обвинения влек за собой прекращение дела; если оно касалось преступления против государства, то истец подвергался штрафу в тысячу драхм и лишался права вносить в дальнейшем жалобы подобного рода.

§ 4 (13—25). Судебная палата должна состоять не менее чем из 61 члена; от каждой филы избиралось по 9 чел. Юрисдикции этой палаты подлежат дела, оцениваемые не менее чем в 30 статов (60 драхм). В Милете дела оценивались до и свыше 100 драхм (№ 9, § 4). В Гестиэе дела до 10 драхм рассматривала палата областных судей, а свыше 10 драхм — другая палата (№ 12, § 6, 9).

§ 5 (25—32). Устанавливается процедура судопроизводства.

Фрагмент В.

§ 6 (1—14). Предусматривается запись псефизмы на двух стелах, одна из которых устанавливается на площади, для народных собраний, а другая — в пританее.

§ 7 (14—24). Предписывается возбуждение судебного преследования против детей лиц негражданского состояния, если они ведут несовместимый с законами города образ жизни.

Фрагмент С (продолжение фр. В).

§ 8 (1—2). За вышеуказанными молодыми людьми должен осуществляться надзор.

§ 9 (2—9). Если же подобное (?) обвинение предъявляется сыну незаконнорожденного, то следует не только надзирать за ним, но и заковать его в цепи.

§ 10 (9—19). Устанавливается штраф в полстатера, налагаемый на законнорожденного гражданина, не явившегося по вызову пританов.

§ 11 (20—27). Решение дел о заборах, установленных горожанами без особой на то нужды, передается на усмотрение пританов.

Декрет о Милете, 450/49 г. (№ 9).

После подавления восстания Милета афиняне приняли большой декрет, трактующий различные вопросы взаимоотношений с ним ⁷². Здесь рассматриваются только сткк.

⁷² *Hill*, В 30., SEG, X, N 14; ATL, 2, p. 57—60 (библиография и текст). См. о взаимоотношениях Милета и Афин в середине V в.

30—68, содержащие предписания о налоговом обложении милетян и порядке разбора их тяжб с афинянами.

§ 1 (30—35). Речь идет о тяжбах между милетянами и афинянами. В стк. 32 говорится о деньгах, удерживаемых в виде десятины, пока контракт не будет выполнен ⁷³. Эти контракты касались морской торговли (ср. № 12.5). В подтверждение обвинения истец должен внести залог навтодикам или полемарху. Разбор дела должен происходить в Афинах в месяцах Анфестерионе и Элафеболионе. Аналогичные предписания содержатся и в декрете о Гестиэе (№ 12. 1—5).

§ 2 (36—40). Устанавливается порядок образования в Афинах судебной палаты по жребию из присяжных народных судей (дикастов) и оплата их работы. Навтодики обязаны обеспечить разбор дел в указанные месяцы. В случае невыполнения этого они будут општрафованы (то же и в отношении гестиэйцев — № 12.5—6).

§ 3 (41—47). По ряду судебных дел иного свойства милетяне также должны обращаться к архонтам в Афинах (то же в отношении эритрейцев — № 10, § 3). Прибывшие из Милета (ср. стк. 46) находятся под опекой эпимелетов. Для разбора этих дел учреждается судебная палата.

§ 4 (48). Разбираемые дела делятся на две категории: до 100 драхм и свыше; устанавливается соответствующий характер судопроизводства (ср. № 8. 16—18).

§ 5 (49—54). Эти предписания афинян должны быть записаны на стеле и жители Милета обязаны руководствоваться ими. Не допускается разрушать стелу и злоумышлять против этих предписаний. Нарушивший их должен быть предан суду или општрафован на определенную сумму денег. Характер наказания (телесное или денежное) определяет судебная палата. Если кто-либо будет призывать к отмене этих афинских установлений, то имущество его будет конфисковано. . . (ср. № 5. 20—25).

§ 6 (55—61). Далее следуют предписания об имущественном обложении. Впредь нельзя проводить опись имущества в целях введения чрезвычайного военного налога — эйсфоры. Милетяне сами должны произвести оценку иму-

⁷³ В данном декрете: *Earp A. J. Athens and Miletus*, с. 450. — Phoenix, 1954, 8, p. 42—47; *Herrmann P. Zu den Beziehungen zwischen Athen und Milet im 5. Jahrhundert*. — Klio, 1970, 52, S. 163—173.

⁷³ Ср.: *Tod*, № 169 и комментарий — т. 2, p. 203.

щества друг друга. Тот, кто дал заниженную оценку, осуждается на вечное изгнание из города. По поводу эйсфоры с имущества см. далее, № 13.

Декрет об Эретрии (№ 10) ⁷⁴.

Этот документ входит в серию афинских постановлений, принятых в связи с подавлением восстания эвбейских городов 446 г. ⁷⁵.

§ 1 (1—4). Предписание об изготовлении стелы.

§ 2 (4—10). Поданная в суд жалоба должна быть рассмотрена в течение 30 дней со дня подачи, т. е. тяжбы эретрийцев с афинянами рассматривались как *δίκαι ἑταίρων*. Разбор дела подлежал юрисдикции полемарха, который не позднее чем через 20 дней обязан обеспечить созыв судебной палаты. В случае невыполнения этого он уплачивает штраф в тысячу драхм. Таким образом, судебные дела, в которых в качестве одной из сторон выступал эретриец, приравнивались к делам об иностранцах, проживавших в Афинах и находившихся в ведении полемарха (ср. № 7, § 1).

§ 3 (10—12). Всякий эретриец имеет право возбудить судебное дело, для чего ему следует как можно быстрее отбыть в Афины.

§ 4 (13—14). В керики может быть избран всякий, кого сочтут подходящим.

Далее следует неясный текст. Поскольку декреты о Милете и Эретрии, как указывалось, сильно фрагментированы, предложенная реконструкция не может не обладать известной долей гипотетичности, которая, однако, не настолько велика, чтобы эти документы не могли бы служить базой для восстановления содержания декретов о Гестиэе.

Декрет о Гестиэе (№ 11 = IG, I², № 40).

Этот декрет содержит ряд предписаний об устройстве колонии. До сткк. 4—5 сохранившегося текста следовали установления общего характера; сткк. 6—19 содержат предписания по судопроизводству в Гестиэе; в сткк. 20—27 устанавливаются тарифы на проезд в Гестиэю и Халкиду.

⁷⁴ IG, I², N 49; SEG, X, N 49.

⁷⁵ В декрете о Халкиде упоминается постановление об Эретрии (ML, N 52. 42—43).

Текст приводится по IG, I², № 40 с включением лишь наиболее вероятных дополнений ⁷⁶. В сткк. 19—24 полностью включены дополнения авторов ATL (3, p. 301, note 4). Сюда же относится обломок IG, I², № 43, но текст его слишком незначителен и здесь не приводится. Хранится в Британском музее.

ΣΤΟΙΧ.36 (?)

11 . . . . . | Λ 23 . . . . .
5 . . . . . τος ho ἐλ 24 . . . . .
. . . . . 22 . . . . .
. . . . . σι δόχας τας . . . . .
. . . . . 19 . . . . .
. . . . . οσι δοκεῖ ἐπὶ ἴσε |ι. . . . .]
5 . . . . . 19 . . . . .
. . . . . 16 . . . . .
. . . . . φρεται ἐπὶ τέσι δίκαισι. . . . .]
. . . . . 16 . . . . .
. . . . . ho ἐχς ηεστιαίας ἐς τι. . . . . ἐν
. . . . . 17 . . . . .
. . . . . η|εστιαίαι, hόταμπερ τα. . . . .
. . . . . 17 . . . . .
. . . . . ['Ε|στια|ι|ες| πρὸς ἀλλέλο|ς. . . . .]
. . . . . 18 . . . . .
10 . . . . . με παρ|α| τέσι βολέξ εήρ. . . . .
. . . . . 18 . . . . .
. . . . . ας ε̄ τόν ἐλ|χόνοντα με. . . . .
. . . . . 17 . . . . .
. . . . . ε̄ hίπ|ποις| ε̄ ὄνοις ε̄ οἰσ|ί. . . . .
. . . . . 6 . . . . .
. . . . . γ|ρα|φείδο ὁ|ε̄ ho βολόμε|νος. . . . . ho ἐχς ηεστ-
. . . . . ι|αίας [κα|ι| λαμβανέτο τι. . . . . το-
. . . . . 6 . . . . .
15 . . . . . ὅ|το τὸ |χα|ν|τῷ μέρος τε|λέτο. . . . . ἐς τὸ βολευ-
. . . . . 13 . . . . .
. . . . . τι|έριον, hόταμπερ τὰς δι|ίκας. . . . . h-
. . . . . 17 . . . . .
. . . . . ο|δῆμος ε̄ ho ἄρχον ζε|μιο. . . . .]

⁷⁶ Ср.: Hill, p. 302—303. •

.hoi 'Aθένειν γραφε. . . . .
 [π]ερ τὰς ἄλλας δίκας. ἐ[ὰν δέ τις πορθμεύει ἐκ Χ-
 20 α]λκίδος ἐς 'Οροπὸν πρ[αττέσθω δ]ὴ οὐβολό·ἐὰν δ]-
 ἐ τις ἐχς 'Οροπὸ ἐ[ς] ηεσ[τίαιαν ἔ] ἐχς 'Εστιαίας ἐ]-
 ς 'Οροπὸν πορθμεύει πρ[αττέσθω δραχμὲν· ἐὰν δ]-
 ἐ τις ἐκ Χαλκίδος ἐς ηεσ[τίαιαν πέμπει πραττ-

19

ἐ]ρθω τέτταρας οὐβολός. . . . .

15

25 .μεν hoι πομπεύοντε]ς. . . . . πομ-

15

π]εῖεται τελέτο τὸ h[έμισθ]. . . . .]

22

.θέλει ἄγεν τὸν π. . . . .
 . . μμενα- -

Перевод:

«. . .мнениям. . . будет угодно, на равных основаниях. . .
 (5) будет угодно им. . .-тся (буд. вр.) на тяжбах. . . жи-
 тель Гестиэи в. . . в Гестиэе, когда. . . гестиэйцы (вершат
 суды) по другим делам. . . (10) от буле получает. . . или
 угнавшего не. . . или коням, или ослам, или овцам. . .
 пусть подаст в суд желающий. . . из гестиэйцев и полу-
 чит. . . (15) эту же самую часть уплатит в булевтерий по
 рассмотрении дела. . . народ, или архонт выносит опре-
 деление так же (?), как это делают архонты в Афинах
 при (?) рассмотрении прочих дел. . . Если кто (20) будет
 переправляться из Халкиды в Ороп, пусть уплачивает
 два обола. Если же переправляется из Оропа в Гестиэю
 или из Гестиэи в Ороп, пусть уплачивает драхму. Если же
 кто-либо направляется из Халкиды в Гестиэю, пусть
 уплачивает 4 обола. . . (25) шествующие в торжественной
 процессии. . . шествует, пусть уплачивает половину. . .
 пожелает везти. . .».

Реконструкция содержания декрета может быть пред-
 ставлена в следующем виде.

§ 1 (1—5). Колонисты по своему усмотрению решают
 вопросы; они участвуют в колонии (?) на равных правах.
 Это, видимо, конец общих предписаний об устройстве
 колонии.

§ 2 (5—9). При возбуждении тяжб гестиэец обращается
 в судебную инстанцию, находящуюся в Гестиэе, в любое

время, когда юридические органы гестиэцев вершат суды по делам других истцов ⁷⁷.

§ 3 (9—12). Суд по делам определенного свойства вершит буле (упоминается угон скота или нанесение ему вреда (?) ⁷⁸.

§ 4 (12—15). Всякий гестиэец может подать в суд жалобу (на указанные выше злодеяния ⁷⁹).

§ 5 (15—16). По рассмотрении тяжбы штраф следует уплачивать в булевтерий (ср. № 12, § 5).

§ 6 (17—19). Архонт в Гестиэе при вынесении определений руководствуется теми же установлениями, что и архонты в Афинах при рассмотрении прочих дел. Эта интерпретация целиком предположительна. Возможно, что речь на самом деле идет о том, что часть дел, одной из сторон в которых выступает афинянин, подлежит разбору афинских органов. Единственный положительный факт, который можно извлечь из этих строк, заключается в том, что в Гестиэе имелось свое народное собрание, архонт (а также буле — стк. 10).

§ 7 (19—24). Устанавливаются тарифы на проезд между Оропом, Гестиэей и Халкидой.

Декрет о Гестиэе (№ 12 = IG, I², № 41).

Хранится в Британском музее. Продолжение предыдущего декрета (?) Текст приводится по IG, I² № 41 (сткк. 1—3, 19—24), включая лишь наиболее вероятные дополнения, и сборнику Хилла (B 54, сткк. 4—18) с некоторыми изменениями: v. 5: [τ]ῷ. v. 9: [πρ]οθεσμία. v. 11: [τριάχον]τα. v. 14—15: τρ[ιάχοντα]. v. 16—17: δι[καστέριον]. v. 17: [Ἐ]λλόπιοι. v. 5, 9, 11, 14—17 — suppl. IG, I², № 41. suppl. v. 3 [h]ο. v. 12: [δ]ιδόναι. v. 23—24: [δραχμῶν].

ΣΤΟΙΧ.

[— — μ]ενὶ [h]ο heγ[ερμόν. .]

— — ἐς τὸ δικαστέριον. . . .

[— — h]ο ἐχς Ἑστιαίας ἐσάγει τὰς δ-
ίκας — — ἐ]ν τῷ αὐτῷ μὲν hoι ναυτοδ[ί-

⁷⁷ Ср.: *Arist.*, *Ath. pol.*, 52, 2.

⁷⁸ Ср.: *Ibid.*; а также синхронные гортинские законы (*Schwyzler*, N 181, I—III).

⁷⁹ Ср.: *Arist.*, *Ath. pol.*, 52, 2; а также: N 8, § 2; N 10, § 3.

- 6 και — — τ]ό δικαστέριον παρεχόντων πλ-
 [— — ε]ϋνέσθο, ηαι δὲ πράχσες ὄντων
 [— — καθάπε]ρ Ἀθένεσι ηαι παρὰ τον δικαστ-
 [— — βι]αίον καὶ ἀδικεμάτων τὰς δίκ[α-
 ς — — πρ]οθεσμία ἐχσέκει· ἐὰν δέ τι. .
 10 — — ho χαλὸς ηεστιαίας ηέος π. .
 [— — τρι]άκον]τα ἄνδρας ἐκ τῶν οἰκόντων ἐ[ν]
 — — δ]ιδόναι τὰς εὐθύνας ἐν ηεστ[ι-
 αῖαι — —] τῇ ἐν ηεστ[ι]αῖαι διδον. . . .
 — — α δῆμος ἐν [η]εστιαῖαι τρι]άκο-
 15 ντα — —] δε τὸς αὐτὸς καὶ ἐν Δί[ο]ι. . . .]
 — — Ἐλλοπί[α]ι η]έτερον δι[καστέρ-
 ιον — — Ἐ]λλόπιοι. . . ἐν Ἐλλοπί[α]ι. . .
 — — ho ἄρχον ho Ἀθένεσι δοι. . .
 [— — ἐν ηεστ]ι]αῖαι κυαμευσάντων. . . .
 20 [— — ἐν ηεστ]ι]αῖαι καθότι ἂν τῷ δ[έ]μο-
 ι δοκεῖ — — ἐ]κ τῶν οἰκόντων ἐ[ν. . .]

6

— — εν δὲ τούτος τα. . . . .
 [— — τ]ὰ δὲ ηυπέρ δέ[κα δραχμ-

9

δν — —] πολει. . χο. . . . .
 [— —]

Перевод:

«. . . месяце председательствующий. . . в судебную палату. . . гестизец представит на судебное рассмотрение. . . в том же самом месяце навтодики. . . (5) пусть обеспечат разбор дела. . . пусть привлекает к ответственности, внимание же штрафов пусть. . . как в Афинах постановления (?) судей. . . дела о насилиях и обидах. . . установленный законом срок прошел. Если же. . . (10) осужденный из Гестиэи, пока. . . перед тридцатью гражданами из числа жителей Гестиэи. . . предоставлять отчет в гестиэ. . . находящемся в Гестиэе давать. . . демос в Гестиэе (выделит) тридцать человек. . . (15) им же и в Дионе. . . в Эллопии вторая судебная палата. . . эллопейцы. . . в Эллопии. . . архонт в Афинах даст. . . в Гестиэе пусть выберут посредством бобов. . . (20) в Гестиэе, как будет народу угодно. . . из обитающих в. . . их. . . (судебные дела) свыше десяти драхм. . .»

В сткк. 1—7 сохранившегося текста трактуются вопросы разбора судебных дел по транспортно-торговым

контрактам между гестиэйцами и афинянами. Далее следуют предписания по судопроизводству в Гестиэе и ее области.

§ 1 (сттк. 1—2). Председательствующий вносит дело на рассмотрение в судебную палату. Ср. выражение из аттического юридического лексикона: ἡγεμονία τοῦ δίκου — «управление ходом судопроизводства» (ср. также № 8. А, 27—31).

§ 2 (3—5). Если кто-либо из гестиэйцев в установленное время подаст в суд жалобу на афинянина по делу о транспортно-торговом договоре, то навтодики должны в том же месяце обеспечить разбор дела в судебной палате.

Судебные дела такого рода (δίκαι ἐμπορικά) разбирались в зимнее время и относились к разряду ἐρινουί, т. е. решались в течение месяца. Аналогичное установление содержалось и в декрете о милетянах (№ 9, § 1, 2). В противоположность привилегированным фаселитам, дела которых подлежали ведомству полемарха, тяжбы гестиэйцев разбираются в обычном порядке афинскими навтодиками (ср. № 7, § 1).

§ 3 (6—7). Виповный привлекается к ответственности; назначенный судьями штраф взыскивается в Афинах. Содержание этих строк довольно неясно.

§ 4 (8—9). Судебные дела о насилиях и преступлениях, если установленный законом срок для возбуждения процессов по ним прошел, не разбираются гестиэйским судом. Эта интерпретация хотя и предположительна, однако, по-видимому, близка к реальному положению.

§ 5 (9—10). Признанный по суду виновным содержится в гестиэйской тюрьме (?) до тех пор, пока не уплатит причитающийся с него штраф. Уплата штрафа производилась в булевтерий (ср. № 11, § 5) или в какое-либо другое административное учреждение города.

§ 6 (11—15). Из числа граждан Гестиэи выбирается коллегия областных судей в количестве 30 чел. Эта коллегия аналогична афинской «палате тридцати»⁸⁰. В компетенцию этих судей входил разбор дел, оцениваемых до 10 драхм, в том числе и дела о незначительных оскорблениях (δίκαι βιαιών). Коллегия должна отчитываться о своей деятельности перед каким-то гестиэйским органом.

⁸⁰ *Arist., Ath. pol.*, 26, 3; 53, 1.

§ 7 (15). Юрисдикция этой коллегии распространяется и на Дион, небольшой, но древний городок гестиэйской области ⁸¹.

§ 8 (16). В Эллоии, другом небольшом городке Гестиэотиды ⁸², имеется другая «палата тридцати».

§ 9 (17—18). Содержание неясно. Упоминаются жители Эллоии и афинский архонт.

§ 10 (19—23). Посредством бобов в Гестиэе выбирается также другая судебная палата, в ведении которой находятся дела, оцениваемые выше 10 драхм. Как указывалось, в Эрифрах и Милете оценочный критерий для определения инстанции, разбирающей дело, равнялся соответственно 60 и 100 драхмам (№ 8, § 4; № 9, § 4).

Д е к р е т о Г е с т и э е (№ 13 = IG, I², № 42).

Три фрагмента, хранятся в Эпиграфическом музее Афин. Текст приводится по SEG, X, № 37 (сткк. 1—17), сборнику Хилла (B, 54, сткк. 18—24) и IG, I², № 42 (сткк. 25—29) с незначительными изменениями: в стк. 18 читаю: τὸν Ἀθε|ναίων, в сткк. 18—19: ἀμφι|σβετῆι, в стк. 20: |χρ|έματτ и в сткк. 23—24: ἐπιφω|φίζεν, как в IG, I², № 42.

C

— — βε. . . — — σοντ. . . — — σθα. . . — — |Ἀ|θε|ναί|
(5) . . | — — |ἐλμ|μὲ|βοε|θ.| — — ι|χι|λι|ο.| — — σαι|μερ. — —
αφερων. — — |hesτ|ι|αίαι : ho. | — — α και τα. — — τογα.
(10)
— — τοδ. — — μα. — — !δ. | — — μρ. — — |χ|ι|λι|
(15)

B + A

— — Ἀθε|νε|σιν· τὰς δὲ πρ|ῆ|χας ἔ-
|ναι — — |ι τὸν Ἀθε|ναίων·| ἔαν τις ἀμφι-
|σβετῆι — — | τὰς ἄλλας ὀ|ί|κας| τὰς ἐχς hesτ-
20 |ιαί|ας — — χρ|έ|ματτ ἔαι ἐπ|ι|δῶν|ναι : δορε|ι|αν δ-
— — ἰτελεῖ ἔναι με|δὲ| ἡ|έ|να χρεμ|ά|τον
— — τει κυρίαι ἐκ|κλη|σία|ι μὲ ἐλαττ.-
— — χρεμ|ά|τον ἐσφο|ρ|ας μὲ ἔ|ναι ἐπιφω-

⁸¹ Il., II, 538; Stb., 446.

⁸² Stb., 445—446.

вычайного денежного налога — эйсфоры — допускается лишь в случае сбора средств на борьбу с пиратством. Эйсфора с имущества взималась также с милетян (№ 9, § 6). О пиратских набегах локров на Эвбею сообщает Фукидид (II, 32) ⁸⁶.

Помимо этих декретов о Гестиэе, сохранилось еще несколько мелких фрагментов ⁸⁷.

Декреты о Гестиэе проливают определенный свет на решение вопроса о статусе колонии, которую большинство исследователей считало клерухией ⁸⁸ и немногие, в соответствии с Фукидидом, — апойкией ⁸⁹.

Сторонники первой точки зрения приводят следующие аргументы.

1. Описательное обозначение гестиэйцев (*οἱ οἰκοῦντες ἐν Ἑστιάει*, № 12. 11, 21) напоминает обозначение клерухов в документах IV в. (типа *Ἀθηναίων οἱ ἐν Ποτειδαίαι κατοικοῦντες*)⁹⁰. Однако описательный этникон — это один из обычных приемов перефразировки и его употребление ни в коей мере не служит показателем статуса ⁹¹.

2. Упоминаемая в одном из декретов *κρία ἐκκλησία*, по мнению Кэри, является народным собранием афинян ⁹². Однако, как указывалось, в равной, если не в большей, степени можно полагать, что речь идет о народном собрании Гестиэи, воспринявшей афинское государственное устройство.

3. Число колонистов, отправленных в Гестиэю (2 тыс., по Феономпу, и тысяча, по Диодору), более характерно для поселений клерухов, нежели апойков ⁹³. Это утвержде-

⁸⁶ Ср. также: *Xen., Hell.*, VI, 2, 1 (об эйсфоре и эгинских пиратах).

⁸⁷ IG, I², № 43, 48. По мнению Меррита и Раубичека, № 11 и № 12, возможно, составляют одно целое; к № 11 принадлежит и фрагмент IG, I², № 43 (реверс). К № 13 принадлежит другой фрагмент IG, I², № 43, и, возможно, № 48 (*Hill*, p. 303).

⁸⁸ *Cary M. Op. cit.*, p. 248; *Ehrenberg V. Polis und Imperium*, p. 250 sq.; *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 171—172; *Brunt P. A. Op. cit.*, p. 77.

⁸⁹ *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde*, 2, S. 1274; *Anm.* 1; *ATL*, 3, p. 288; *Jones A. H. M. Op. cit.*, p. 169.

⁹⁰ *Cary M. Op. cit.*, p. 248; *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 171.

⁹¹ Ср. аналогичное обозначение потидейских эпойков у Фукидиды (IV, 120, 3, а также VII, 57, 2 — гестиэйцы).

⁹² *Cary M. Op. cit.*, p. 245.

⁹³ *Ehrenberg V. Polis und Imperium*, p. 249.

ние отнюдь не безусловно: в Потидею, например, ~~оттуда~~ послала тысяча эпойков ⁹⁴; с другой стороны, клерухии могли насчитывать до 4 тыс. чел. ⁹⁵

4. В 411 г. отпала вся Эвбея, за исключением Орея, «который занимали сами афиняне» ⁹⁶. Отсюда некоторые исследователи заключали, что Фукидид называет гестиэ-ских колонистов афинянами, поскольку-де названия Орей и Гестиэа эквивалентны. Однако это утверждение не совсем правильно, так как примерно до середины IV в. указанные названия относились к разным городам ⁹⁷. По сообщению Демосфена, Филипп поставил в Орее тираном некоего Филистида ⁹⁸, что имело место до 341 г., когда была написана III Филиппика. Страбон (445—446), приводя это сообщение Демосфена, добавляет, что Филистид переселил в Гестиэю эллойцев, после чего, судя по запутанному рассказу географа, последовало и переселение ористов в Гестиэю. Таким образом, Гестиэа получила дополнительное название Орей лишь со второй половины IV в. В предшествующее же время то были разные поселения, и не случайно ни Фукидид, ни Ксенофонт, одинаково упоминавшие как гестиэйцев, так и ористов, ни разу не обмолвились, что они — жители одного и того же пункта. Феопомп и другие писатели ошибочно относили к V в. до н. э. тождественность этих названий, которая имела место в их время ⁹⁹.

5. Наконец, последний аргумент заключается в том, что один из декретов упоминает эйсфору (№ 13, 23). Поскольку эйсфора являлась чрезвычайным военным налогом, взимавшимся с афинян, упоминание его в декрете о Гестиэе, по мнению Кэри и других ученых, говорит об афинском гражданстве гестиэйцев ¹⁰⁰. Однако парадоксальным образом этот аргумент может свидетельствовать о том, что колония в Гестиэе, напротив, была апойкией. Как указывалось выше, эйсфора упоминается и в декрете

⁹⁴ *Diod.*, XII, 46, 7.

⁹⁵ *Ibid.*, V, 77.

⁹⁶ *Thuc.*, VIII, 95, 7.

⁹⁷ См.: *Geyer. Histolaia*. — In: *RE*, Supplbd. 4 (1924). Sp. 749 sq. Орей — это деревня около Гестиэа, где поселились афинские колонисты.

⁹⁸ *Dem.*, *Phil.*, III, 33.

⁹⁹ См.: *Stb.*, 445—446.

¹⁰⁰ *Cary M. Op. cit.*, p. 244; *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 171—172.

о милетянах: ἐπιγραφὰς μὲ ποιεῖν — — | | ἡ περὶ τῶν χρημάτων τῆς ἐσφορᾶς — —] (№ 9.57—58). Как бы ни трактовать содержание этих строк, очевидно, что эйсфора упоминается в связи с милетянами. Эйсфора, таким образом, в 450—440 гг. эпизодически взималась с жителей союзных городов, откуда следует, что к ним относилась и Гестиэя¹⁰¹. Подобно другим афинским апойкиям (как, например, соседним Афинам Дриадам), Гестиэя была номинально независимым полисом. Такое заключение может быть подкреплено рядом других аргументов. Как указывалось, в одном из фрагментов (№ 13.С) в двух смежных строках упоминаются Афины и боэтейя. Как известно, обязательство оказания помощи непременно фигурирует в договорах о союзе. В частности, такой пункт содержится и в декрете о колонии в Брее (№ 5.14). Если высказанное предположение верно, то Гестиэю в силу этого обстоятельства следует считать апойкией, а не клерухией, в отношении которой договор о взаимопомощи, естественно, являлся бы нонсенсом.

Существенным является также типологическое сходство афинских постановлений о колонии в Гестиэе с декретами о союзных городах — Милете, Эрифрах, Эретрии и др. Все эти документы были приняты на протяжении примерно одного пятилетия и в сходной ситуации, вызванной подавлением антиафинских мятежей. Но сходство названных декретов выглядело бы весьма странным, если бы постановления о Гестиэе имели в виду клерухов, т. е. афинян, и наоборот, данные постановления вполне естественны, если они касались апойков, составивших союзную по отношению к своей метрополии общину. Приведенные аргументы в сочетании с авторитетным свидетельством Фукидида позволяют, следовательно, сделать вывод, что в Гестиэю была выслана апойкия.

Итак, декреты о Гестиэе предоставляют в наше распоряжение ценные, хотя и отрывочные, данные о внутреннем устройстве афинской апойкии, дополняя скудные известия других документов о колониях этого типа (№ 5, 6). Наиболее примечательная черта декретов заключается в том, что они свидетельствуют об очень большом сходстве между метрополией и колониями. Социально-правовые нормы,

¹⁰¹ Известный пассаж Фукидида (III, 19, 1) указывает, что в первый раз сами афиняне внесли эйсфору во время осады Потидеи.

как и государственное устройство Афин, в уже сложившемся виде почти целиком воспроизводились в колонии. Это и находит отражение в словах Фукидида о том, что афиняне давали колониям государственное устройство «согласно с их собственными учреждениями» (III, 34, 4 — речь идет о Потии). С этим, собственно, и связано то, что иной раз невозможно точно определить статус афинской колонии, будь то апойкия или клерухия.

В Гестиэе функционировали те же органы народной власти, что и в Афинах: народное собрание (№ 11.18; № 12.14), архонтат (№ 11.18) буле (№ 11.10; № 6.13) ¹⁰², — причем если в Афинах буле рассматривало только уголовные дела, то в колонии — и гражданские (№ 11, § 3). Социальная жизнь в колонии также организовывалась по афинскому образцу: колонисты имели право передачи и дарения своего имущества ¹⁰³. Налоги взимались в соответствии с размерами имущества (№ 13, § 3; 5). Эта статья предполагает деление граждан апойкий, как и клерухий (№ 17, 12), на те же четыре имущественных разряда, которые были и в Афинах. В чрезвычайных случаях колонисты, как и союзные полисы (как и афиняне с 428 г.), должны были вносить эйсфору в зависимости от размеров имущества (№ 13, § 5; № 9, § 6).

Часть земельных владений колонии отводилась под составлявшие государственное достояние священные участки, которые сдавались в аренду ¹⁰⁴.

Судопроизводство в колонии осуществлялось в соответствии с афинскими правовыми нормами. Для разбора незначительных дел, оцениваемых до 10 драхм, в Гестиэе и соседней Эллонии предусматривалось создание областной палаты из 30 судей, аналогичной афинской коллегии «судей по демам» ¹⁰⁵. Интересно, что юрисдикция гестиэйской «палаты тридцати», судя по выражению τὸς αὐτός, распространяется и на соседний союзный городок Дион, который самостоятельно вносил форос и до 446 г., и после (№ 12, § 7). Отсюда можно заключить, что небольшие городки гестиэйской области образовывали нечто вроде федерации союзных Афинам полисов (ср. № 12, § 9). В Гестиэе

¹⁰² То же и в клерухиях: № 17.10 — буле; *Arist., Ath. pol.*, 54, 8 — архонтат.

¹⁰³ № 13, § 2; ср.: *Plut., Sol.*, 21.

¹⁰⁴ № 5.10; *Hill.*, 96b, A 6—8 — Гестиэя.

¹⁰⁵ № 12, § 6; *Arist., Ath. pol.*, 53, 1.

создавалась и другая судебная палата, разбиравшая дела, оцениваемые свыше 10 драхм (№ 12, § 10). Юридической правоспособностью обладал всякий гестиэец (№ 11, § 4). Тяжбы частного свойства решались местным судом (№ 11, § 2, 3; то же — в декрете о Халкиде)¹⁰⁶. Если установленный афинским правом срок возбуждения дела о насилии или преступлении прошел, то оно не рассматривалось в гестиэйском суде (№ 12, § 4). Тяжбы гестиэйцев, как и жителей других союзных полисов, с афинянами по торгово-транспортным контрактам разбирались в Афинах коллегией навтодиков (№ 12, § 2, 3; № 13, § 1; № 9, § 2; дела фаселитов и эритрейцев слушались в ведомстве полемарха: № 7, § 1; № 10, § 2).

Внутренние дела решались колонистами самостоятельно в соответствии с принципами равноправия (? № 11, § 1; ср. № 5. 25—26).

Дальнейшая судьба гестиэйской колонии известна очень плохо. Ее жители приняли участие в сицилийском походе¹⁰⁷. Отпадение Эвбеи от Афин в 411 г. не обязательно означало ликвидацию гестиэйской колонии. Например, в соседних Афинах Диадах по-прежнему обитали потомки афинских колонистов, которые в дальнейшем сразу же примкнули к образовавшемуся Второму морскому союзу¹⁰⁸. Все же, видимо, около 405 г. колонистов вытеснили из Гестиэи спартанцы¹⁰⁹, которые выдворяли афинских поселенцев и возвращали прежнее население ряда городов, изгнанное афинянами (Эгины, Мелоса, Скионы и др.)¹¹⁰. Сообщение Диодора (XV, 30, 1) о вновь вспыхнувшей войне между Афинами и Гестиэей подразумевает изгнание афинских колонистов и возвращение прежнего населения города на родину.

Однако афиняне были чрезвычайно заинтересованы в установлении своей гегемонии над этим районом. В 377 г. Хабрия осадил Гестиэю, не вступившую во Второй морской союз. Взять город афиняне не смогли и вынуждены были довольствоваться опустошением Гестиеотиды и установлением гарнизона в Метрополисе¹¹¹. Около 373 г.

¹⁰⁶ ML, № 52.71—72.

¹⁰⁷ *Thuc.*, VII, 57.2.

¹⁰⁸ Около 377/6 г. (*Tod*, № 123.90 и комм., т. 2, р. 66, 160).

¹⁰⁹ Так полагал и Цибарт (IG, XII, 9, р. 150).

¹¹⁰ *Xen.*, *Hell.*, II, 2. 9; *Plut.*, *Lys.*, 14, 2—3.

¹¹¹ *Diod.*, XV, 30, 5.

однако, Гестиэя была снова вовлечена в сферу афинской гегемонии и вступила в афинскую лигу. Этот факт, видимо, следует связывать с демократическим переворотом, совершенным Гераклеодором¹¹². В противоположность другим эвбейским городам, отпавшим от Афин в 371 г. и перешедшим на сторону победоносных Фив, демократическая Гестиэя осталась афипским союзником. В 363/2 г. Гестиэя все же вышла из Второго морского союза¹¹³. В 357/6 г. афинянам снова удалось привлечь к себе эвбейские города, в том числе и Гестиэю; туда были отправлены послы, очевидно, для заключения договора¹¹⁴.

Господство афинян над Гестиэей, по всей вероятности, не осталось бесследным. Его наследием можно считать (взятые в совокупности) такие черты государственного устройства Гестиэи IV—III вв., как буле, архонтат, стратегия, распределение населения по демам¹¹⁵.

§ 4. Отправление эпойков в Адриатику, 325/4 г. (№ 14)

Обратимся теперь к декрету об отправке колониальной экспедиции в Адриатику. Несмотря на свои внушительные размеры, надпись, к сожалению, содержит очень немного сведений об афинских эпойках. В сущности здесь трактуются лишь вопросы, связанные со снаряжением флотилии. Этот документ аналогичен декретам об отправлении военных экспедиций на Мелос¹¹⁶ и к Македонии¹¹⁷.

Надпись представляет собой отчетный документ (*gratitio*) эпимелетов афинских гаваней, в который включено постановление народного собрания об ускорении снаряжения военно-морской экспедиции в Адриатику (сткк. 165—271). В предыдущих строках надписи следует стереотипное перечисление кораблей и их снаряжения, подготовленных триерархами для экспедиции. Каждый параграф заканчивается фразой о том, что ойкист Мильтиад получил тот корабль, о котором идет речь.

¹¹² *Arist.*, *Pol.*, V, 2, 9.

¹¹³ *Tod*, 2, p. 125.

¹¹⁴ *Ibid.*, N 153, 15—16.

¹¹⁵ Договор Гестиэи с Кеосом, около 364 г. (*Tod*, № 141). См. также декрет гестиэйцев последней трети III в. до н. э. (*IG*, XI, 4, № 1055.1—6).

¹¹⁶ 416 г. (*Tod*, № 76).

¹¹⁷ *IG*, I², N 105.

Надпись состоит из одиннадцати фрагментов большой стелы, найденных в Пирее (ныне — в Эпиграфическом музее). Восстановления текста сделаны в основном Беком и Келером.

Текст приводится по сборнику Тода (№ 200 сткк. 217—232, переведены же сткк. 158—271)¹¹⁸.

"Ὅπως δ' ἂν ὑπάρχηι
 | τῶι δῆμῳ εἰς τὸν ἅπαντα
 | χρὸνον ἐμπορία οἰκεία καὶ
 220 | σιττοπομπία, καὶ, ναυστάθμου
 | οἰκείου κατασκευασθέν-
 | τοις, ὑπάρχει φυλακὴ ἐπὶ
 | τυρρηνοῦς, καὶ Μιλτιά-
 | δης] ὁ οἰκιστὴς καὶ οἱ ἔποι-
 225 | και ἔχουσιν χρῆσθαι οἰκεί-
 | ωι ναυ] τικῶι, καὶ τῶν Ἑλ-
 | λήνων] καὶ βαρβάρων οἱ
 | πλέοντες] τὴν θάλατταν
 | καὶ αὐτοὶ ἐπισπλέωσιν εἰ-
 230 | [ς τὸ ναύσταθμον τὸ Ἀθηναίων,
 | πλοῖά τε ἔξον]τες καὶ τὰ ἄλ-
 | λα ἐμ βεβαίωι, εἰδό]τες ὅτι [— —]

Перевод:

«. . .Эту триаконтеру и снаряжение принял Мильтиад из дема Лакиады, ойкист, согласно постановлению народа, которое предложил Кефисофонт холаргеец.

Псефизма, согласно которой Мильтиад принял триеры, тетреры, триаконтеры и снаряжение. Кефисофонт, сын Люсифонта, холаргеец, предложил. Доброй судьбы афинскому народу. Для того, чтобы самым быстрым образом выполнить решение народного собрания о колонии в Адриатику, народ предписал начальникам верфей передать триерархам корабли и снаряжение согласно своему постановлению. Лицам, назначенным триерархами, подводить корабли к молу до последнего дня первой декады месяца Мунихиона и держать (их) готовыми к отплытию. Того, кто первым подготовит (корабль), пусть народ увенчает

¹¹⁸ Об этой надписи см. обстоятельную статью: Жебелев С. А. Афинская колония на Адриатике, с. 59—65. В ней освещен ряд описанных здесь моментов.

золотым венком достоинством в 500 драхм, второго — в 300 и третьего — в 200 драхм, и пусть вестник буде объявит на празднике Таргелий имена увенчанных, а аподекты выдадут деньги на венки. (Сделать это) для того, чтобы очевидным было честолюбивое рвение триерархов перед народом. Далее, для разбора споров пусть фесмофеты изберут двести одного присяжного заседателя под начало стратега, ведающего симмориями, избранного во второй и пятый дни месяца Мунихиона. Оплату им пусть выдают казначеи Афины согласно закону. Для того, чтобы народ во всякое время контролировал собственную торговлю и доставку хлеба, а также после устройства собственного порта осуществлял сторожевой надзор над тирренцами, чтобы ойкист Мильтиад и эпойки имели возможность пользоваться собственной флотилией, а плывущие по морю эллины и варвары сами врывались в афинский порт, и свои корабли и все прочее имея в надежном укрытии, зная, что. . . ¹¹⁹

Если же кто-либо, будь то архонт или частное лицо, не исполнит того, что каждому из них предписано настоящим постановлением, пусть будет оштрафован на десять тысяч драхм, отчисляемых в сокровищницу Афины. Евтин и его помощники в случае необходимости пусть предъявляют им обвинение; в противном случае они сами будут оштрафованы. Совет пятисот пусть позаботится об отправлении флотилии, наказывая по закону триерахов, не выполняющих свои обязанности. Пританам постоянно проводить у мола заседание совета насчет отправления флотилии до тех пор, пока не отправится. Пусть народ выберет из всех афинян десять уполномоченных, ответственных за отправление флота. Избранным лицам заботиться об отправке флотилии таким образом, как предписано советом. Пусть буде и пританы, осуществляющие попечение о флотилии, будут увенчаны от имени народа золотым венком достоинством в тысячу драхм. Если же у лиц, ведающих отправлением флотилии, возникнет необходимость принять дополнительные к этой псефизме предписания, пусть буде будет правомочно вынести соответствующие решения, не отменяя ничего из принятых народом постановлений. Быть всему этому в целях охраны страны».

¹¹⁹ Далее следует лакуна неопределенных размеров.

Отправление военно-морской экспедиции в Адриатику имело своей целью обеспечение охраны торгового пути, по которому оттуда доставлялся хлеб в Афины (сткк. 219—223). В связи с этим предполагалось устройство колонии (апойки — сткк. 176—177) с прилегающим к ней портом (сткк. 220—222), где могли бы останавливаться корабли греков и варваров (сткк. 226—232). Колонисты должны были охранять торговые корабли от набегов тирренских пиратов (сткк. 220—226).

Выражение ἐμπορία οἰκεία (сткк. 219) нуждается в разъяснении. Большое значение имеет правильная постановка ударений, поскольку возможны варианты: ἐμπορία οἰκεία — «торговля» (Диттенбергер) или ἐμπόρια οἰκεία — «фактории» (Бек)¹²⁰. Трактовка Диттенбергера предпочтительней, поскольку далее упоминается только один порт (стк. 220). Широкое по значению οἰκεία при ἐμπόρια определению может означать лишь «собственную торговлю»¹²¹. Сооружаемый при колонии порт также рассматривался афинянами как «собственный» (сткк. 220—222). Он должен был служить интересам афинской торговли в Адриатике, и в первую очередь обеспечивать доставку хлеба в Афины (стк. 220). Этот факт явственно обнаруживает чрезвычайно тесную связь Афин с колонией, которая, собственно, и основывалась как промежуточный торговый пункт. Колония эпойков в Адриатике в сущности мыслилась как придаток афинской державы.

Вопрос о локализации отправляемой колонии, на мой взгляд, следует связывать с данными районирования находок предметов афинского производства в Адриатике. Как показывает распространение этих изделий, афинская торговля концентрировалась в районе Адрии и Спины — торговых центров хлебодарной долины реки По. Импорт предметов аттического производства здесь весьма интенсивен и приходится на VI—IV вв.¹²² Устройство «собственной гавани» (сткк. 220—221) давало возможность афинским купцам интенсифицировать свою деятельность. Учитывая эти обстоятельства, можно думать, что предполагаемое

¹²⁰ *Tod*, 2, p. 285. Соответственно также σιτοπομπία и σιτοπομπία.

¹²¹ LSJ, s. v. οἰκείος, III. Так же переводил это выражение и С. А. Жебелев.

¹²² *Vallet G. Athènes et l'Adriatique. — Mélanges d'Ecole française de Rome*, 1950, 62, p. 33 sq.

место поселения эпойков находилось где-то в районе устья реки По¹²³.

Отправлявшиеся сюда колонисты не присоединялись к населению какого-либо уже существовавшего полиса, как полагал Тод, имея в виду обычное значение термина *ἐποίκοι* («присоединяющиеся колонисты»)¹²⁴. Эти эпойки основывали собственное поселение — апойкию (стк. 177)¹²⁵. Аналогичным образом в 431 г. афиняне выслали эпойков на лишенную своего прежнего населения Эгипу¹²⁶. Эти факты еще раз показывают, что в афинской официальной терминологии эпойки рассматривались не только как «дополнительные переселенцы», но и как контингент колонистов, сформированный из состава воинов действующей армии (Брея) или гражданского населения (Девять Путей¹²⁷, Эгина¹²⁸), которые поселялись на стратегически важных для Афинского государства пунктах и обязывались нести военную службу. Сторожевые функции, предписанные эпойкам, отправлявшимся в Адриатику, свидетельствуют о том, что они являлись солдатами. Заключительная фаза псефизмы (сткк. 270—271) также говорит о том, что эпойки были солдатами¹²⁹.

К сожалению, эта надпись не предоставляет каких-либо определенных данных для решения вопроса о гражданстве эпойков. Дело объясняется тем, что это не декрет об отправлении эпойков, а постановление об ускорении выполнения принятого раньше решения народного собрания (сткк. 173—177). Поскольку образовываемая этими воинами колония была апойкией, можно лишь предполагать, что они обретали права нового гражданства. Во всяком случае, основываемое эпойками поселение мыслится как постоянное (сткк. 218—219; ср. 226—232). Думать же,

¹²³ Так предполагал и Келер; иначе — Бек (см.: *Tod*, 2, p. 288). Предложенная С. А. Жебелевым (Афинская колония на Адриатике, с. 63—64) локализация колонии на Далматинском побережье маловероятна, поскольку этот район отнюдь не обилел хлебом.

¹²⁴ *Tod*, 2, p. 287.

¹²⁵ Это единственно возможное восстановление сохранившихся букв *-κίας*, поскольку термин *ἐποίκία* афинским источникам не свойствен.

¹²⁶ *Thuc.*, II, 27, 1.

¹²⁷ *Ibid.*, IV, 102, 2; I, 100, 3.

¹²⁸ *Ibid.*, II, 27, 1.

¹²⁹ Ср. аналогичное *τῆς χάρας φυλάκην* в декрете Фемистокла (ML, № 23.43—44) и *Хеп.*, *Hell.*, III, 1, 32, также имеющие в виду войско.

что предполагалась смена состава этого контингента солдат по типу гарнизонов, никаких оснований нет.

Отправляемая колония как апойкия имела своего ойкиста — Мильтиада, происходившего из знатного рода Филаидов, к которому принадлежали основатель Херсопеса Мильтиад Старший и его знаменитый племянник, победитель при Марафоне и завоеватель Лемноса. Интересно, что в IV в. афиняне высылали ойкистов к клерухам на Херсонесе ¹³⁰. Этот факт, видимо, не только свидетельствует о некотором стирании различий между апойкиями и клерухиями в IV в., но и подчеркивает роль ойкистов как устроителей поселений, каковые были необходимы и при образовании клерухий.

Афиняне придавали большое значение отправляемой экспедиции. Около этого времени доставка хлеба в Афины была сопряжена с большими затруднениями: македонский флот блокировал доставку понтийского хлеба ¹³¹; недоступен был и египетский рынок. Хлеб шел в Афины главным образом из Кирены ¹³², Сицилии и Италии. Принятый народным собранием декрет определил точный срок завершения подготовки к экспедиции. Для ускорения работ был принят ряд мер, стимулировавших быстрейшее снаряжение флотилии (сткк. 190—204, 258—263). Совет должен был постоянно заседать около мола, решая на месте вопросы, связанные со снаряжением экспедиции (сткк. 247—251).

Судьба колонии нам неизвестна. Либо она была недолговечна, поскольку после IV в. торговая активность афинян в Адриатике идет на убыль, либо, как полагал А. Джитти, она вообще не была выведена вследствие неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств ¹³³.

¹³⁰ Jones A. H. M. Op. cit., p. 170; Bleckmann F. Griechische Inschriften zur griechischen Staatenkunde. Bonn, 1913, N 23, 133.

¹³¹ Dem., XVII, 20.

¹³² SEG, IX, 1, № 2: из Кирены отправлено в Аттику в общей сложности 100 тыс. медимнов хлеба (330—326 гр.).

¹³³ Gitti A. La colonia ateniese in Adriatico del 325/4 A. C. — PP, 1954, 9, p. 16—24.

Глава VI

КЛЕРУХИЯ

Эпиграфические источники VI—IV вв., относящиеся к этому типу афинских колоний, немногочисленны и отрывочны. К ним относятся декреты о Саламине (конец VI в.?), Митилене (после 427 г.), Лемносе (387/6 г.) и ряд эпиграфических мелочей, в том числе перекликающийся с постановлением о лемноских клерухах декрет о поплинах.

§ 1. Декрет о Саламине (№ 15)

Саламин был завоеван афинянами в результате длительной и упорной борьбы с Мегарами. Время установления афинской клерухии на острове точно неизвестно. Согласно традиции, отрядив пятьсот воинов-добровольцев для захвата Саламина, афиняне постановили, что в случае успеха эти воины будут принимать участие в управлении островом¹. Если связывать издание декрета с этим событием, то его следует датировать временем Писистрата. Вероятней, однако, относить его ко времени Клизфена².

Декрет о Саламине состоит из семи фрагментов (ныне находятся в Эпиграфическом музее). Текст декрета приводится по сборнику Мейгтза — Льюиса (№ 14), за исключением сткк. 3 (конец) и 4 (середина), дополненных автором, и стк. 6, где дано представляющееся мне предпочтительным восстановление Уэйд-Гери.

ΣΤΟΙΧ. 35 (v. 1—6)

ἔδοχεν τοῖς δέμοι· τῆς ἐ' Σαλαμῖνι κλερόχος]

οἰκὲν ἐὰ⁵ Σαλαμῖνι [. . . .]λεν [. . . . .]Ἀθῆνε]-

σι τελεῖν καὶ στρατ[εύου]σαι : τῆς δὲ σφετέρᾳ γ]-

ἑ' μι[σθ]όν, ἐὰ⁶ μὲ οἰκ[έσει νε]σθ[ο]ι ho κλερόχος : ἐὰ]-

⁵ v δὲ μισθῶι, ἀποτί[γεν] τὸ μισθόμενον καὶ τὸ μ]-
ισθόντα ἑκάτερον δεκάτην τῷ μισθώματι]

¹ *Plut.*, Sol.,¹ 9, 2.

² По поводу датировки см. комментарий Мейгтза и Льюиса, р. 27; *Aratowsky B.* Op. cit., р. 792—793. Библиографию об этой надписи см. выше, с. 55—57.

ἐς δεμόσιο[ν : ἐσπράτεν δὲ τὸν ἄ]-
ρχο[ν]τα, ἐὰν[δὲ μὲ, εὐθ]ύ[νεσθαι : τ]-
ᾷ δὲ [h]όπλα π[αρέχεσ]θα[ι αὐτὸς : τ]-
¹⁰ ριά[κ]οντα : ὀρ[αχμὸν :]ho[πλισμένο]-
ν δὲ [τ]ὸν ἀρχοντ[α τὰ hόπλα κρίν]-

с. 11

εν : [ἐπ]ι τέξ β[ο]λῆ[ς . . . . .]

Перевод:

«Народ постановил. Клерухам на Саламине дозволяется жить на Саламине. . . пусть вносят подати в Афинах и несут военную службу. Пусть клерух сдает свою землю в аренду, если не поселится на острове. Если же будет сдавать в аренду, то пусть уплачивают оба — и арендатор, и сдавший в аренду — десятину от арендной платы в государственную казну. (Десятину) пусть взимает архонт, если же он не (сделает этого), быть ему оштрафованным. Пусть клерухи обеспечат себе вооружение стоимостью в тридцать драхм, а архонт решит, (достаточно ли) вооружившийся снаряжен. При совете. . .»

Принятый народным собранием декрет определяет основные положения статуса афинских клерухов на Саламине. Им позволено пребывать на острове при условии внесения податей в Афины (?) ³ и выполнения военной службы. Как обычно полагали исследователи, клерухи не должны были сдавать свою землю в аренду, если они не проживали на Саламине. Не отрицая правомочности такой интерпретации, хочу указать на возможность иного понимания этого текста (сткк. 3—4). Обычно исследователи исходят из той презумпции, что клерухи, посылаемые на покоренные земли в целях охраны афипских интересов, непременно должны жить в клерухии. Однако этот тезис остается и по сей день не более как предположением, поскольку контр-идея Фукара, поддержанная Гольмом, Бузольтом и в последнее время Джоунзом, в принципе еще никем, начиная с Г. Свободы, не была опровергнута вескими аргументами ⁴. Эта идея заключается в том, что

³ Весьма вероятным представляется дополнение М. Гвардуччи [κατάπερ 'Αθήναι]σι, т. е. клерухам предписывалось вносить подати, «как и в Афинах» (*Guarducci M. L'origine e le vicende del γένος attico dei Salamanii*, p. 240).

⁴ Foucart P. *Mémoire sur les colonies athéniennes*, p. 347; Swoboda H. *Zur Geschichte der attischen Kleruchien*, S. 28—32. Jones A. H. M. *Op. cit.*, p. 174—177.

часть клерухов могла оставаться в Афинах, уплачивая подать государству за владение участком и сдавая его в аренду. Имея это в виду, полагаю возможным в порядке дискуссии предложить следующее дополнение: τὴν δὲ σφετέρᾳ γῇ μισθῶν, ἐὰν μὲ οἴκ[ε]ται νόσ[φ]ι το κλέρουχος — «пусть клерух сдает свою землю в аренду, если не поселится на острове»⁵. Согласно Фукидиду, афинские клерухи на Лесбосе сдавали свои наделы в аренду местному населению (III, 50, 2). Однако, как правило, клерухи сами обрабатывали свои участки⁶. Поэтому государство за сдачу в аренду земли, данной прежде клеруху в пользование, взимает десятину от арендной платы как с клеруха, так и с арендатора: «Если же будет сдавать в аренду, то пусть уплачивают оба — и арендатор, и сдающий в аренду — десятину от арендной платы в государственную казну» (сткк. 4—7). Обычно эти строки понимались исследователями как предписание взимать штраф с клеруха и арендатора за нарушение запрещения сдавать землю в аренду (в том случае, если клерух не проживает на острове). Изложенная здесь интерпретация сткк. 4—7 основывается на дополнении лакуны стк. 6, предложенном Уэйд-Гери: δεκάτην τῷ μισθώματος⁷, согласно которому за сдачу земли в аренду владелец должен уплатить государству десятую часть от арендной платы⁸.

Управление внутренней жизнью афинских поселенцев на Саламине осуществлялось архонтом, особо назначавшимся афинским народным собранием⁹. В его функции, в частности, входило взимание десятины от арендной платы с клерухов и арендаторов в государственную казну (сткк. 7—8), если восстановление В. Юдайха — Ф. Хиллера правильно; ср. дополнение Уэйд-Гери¹⁰. Помимо

⁵ Конечное γ в $\sigma\phi\epsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\gamma$, подвергшись ассимиляции перед гортанным (ср.: *Meisterhans K., Schwyzler E. Grammatik der attischen Inschriften*. В., 1900, S. 110), эллидировалось, поскольку декрет в целом избегает удвоения согласных. По поводу сочетания $\sigma\iota\chi\epsilon\upsilon\nu$ с dat. loci см. стк. 2: $\sigma\iota\chi\epsilon\upsilon\nu \dot{\epsilon}\chi'$ Σαλαμίνι.

⁶ *Isocr.*, VIII, 92.

⁷ *Wade-Gery H. T. The Sixth Century Athenian Decree about Salamis*, p. 103.

⁸ Вопросы, связанные с арендой земли, стоят в центре внимания декрета о лемноских клерухах (№ 17), которые арендуют землю у государства.

⁹ *Arist.*, *Ath. pol.*, 54, 6; §2, 2.

¹⁰ *Wade-Gery H. T. The Sixth Century Athenian Decree about Salamis*, p. 102.

этого, он также осуществлял надзор за вооружением клерухов (сткк. 10—12). Из этой статьи следует, что клерухи, получив надел, обязаны были за свой счет приобрести гоплитское (?) вооружение, т. е. этот момент, по-видимому, обуславливался их переходом в более высокий имущественный разряд. Поскольку первые три сословия и без того были обязаны иметь гоплитское вооружение, можно заключить, что контингент клерухов состоял первоначально из фетов. Отсюда предписание декрета «пусть вносят подати (как?) в Афинах и несут военную службу» (сткк. 2—3) следует понимать как включение клерухов в государственные податные списки, так как до этого они в качестве фетов податей не вносили.

Саламин был государственным доменом, т. е. высшим собственником земли являлось государство. Оно распределяло земельные участки среди граждан, имея в виду в первую очередь малосостоятельные слои граждан. Распределение земли, как и набор клерухов, происходило при помощи жребия¹¹. В отдельных случаях земельный надел на Саламине или на территории какой-либо другой клерухии мог быть предоставлен иностранцу, оказавшему важные услуги Афинскому государству¹².

По всей вероятности, отмеченные черты афинского поселения на Саламине были свойственны и клерухии на Эвбее, выведенной в 506 г. Клисфеном¹³. Эти первые афинские колонии носили своеобразный характер. Поскольку колонизационная деятельность Афин во многом преследовала освоение близлежащих территорий, она приняла специфическую форму выведения клерухий. Система клерухий была выгодна во всех отношениях. За счет близлежащих государств увеличивался земельный фонд Афин, что позволяло решать пасущие социальные проблемы при помощи отправления в клерухию бедных слоев гражданства. Клерухи сохраняли афинские гражданские права, и государство, таким образом, увеличивало свои воинские ресурсы. Клерухи практически содержались за счет местного населения; они образовывали надежные форпосты афинской державы в Эгее, играя своеобразную роль «сдерживающей силы».

¹¹ *Thuc.*, III, 50, 2.

¹² *Hdt.*, VIII, 11.

¹³ *Ibid.*, V, 77.

§ 2. Декрет о митилениях, после 427 г.
(№ 16)

Семь фрагментов стелы, найденные на Акрополе или на его склонах. Один из них находится в Лувре, остальные — в Эпиграфическом музее. Текст чрезвычайно разрушен, поэтому предполагавшиеся восстановления далеко не безусловны и не могут быть привлечены для анализа документа. Текст приводится по сборнику Тода (№ 63), однако с включением лишь наиболее вероятных дополнений и без транслитерации долгих гласных¹⁴

ΣΤΟΙΧ. 38

Μυτιλη[ναίων.
— — ἐγραμμάτ]ευε.

[Θεο]ί.

[Ἐδοχ]εν τέτ[τα]ρι βολεῖ καὶ τῷ δέμοι, Ἀχαμ]αντὶς ἐπρ-
⁵ [ο]τάνευε — — ἐγραμμάτευε, — — [θος ἐπε-
[στί]τε, — — εἶπε — — [χει

35

.....
..... ιτο

31

[.....
..... ἐ]αν δόχο-
[ε], ...] τ[ο]ῖς [Μυτιλε]ναίοις
..... hότ-

14

¹⁰ [ι. .... ho δ] ἔμος ho Ἀθηναίων καὶ ἀπο

18

..... ν καὶ αὐτο[νό]μος δοκ[εῖ]. .

21

..... τὰ] σφ[έτε]ρα] αὐτῷ
[ν. ....

7

9

17

..... ντας. .... ε. ....
.....

¹⁴ Литературу об этом декрете см.: *Davis Ph. II. Two Attic Decrees of the Fifth Century*, p. 177—179; *ATL*, 2, p. 76 (текст и библиография до 1949 г.); *Gomme A. W. IG*, 1², 60 and *Thuc.*, III, 50, 2. — *Studies presented to D. M. Robinson*, 2, p. 334—339; *Meritt B. D. Athenian Convent with Mytilene*, p. 359—368; *Gauthier Ph. Les cléroutiques de Lesbos et la colonisation athénienne*, p. 64—88; *Erxleben K. Die Kleruchien auf Euböia und Lesbos*, S. 92—100.

- 15 . . . . . αι 'Αθεν[αῖο]ι κελεύουσ[ι]. . . . .
- 15 . δίδ[ι]κας διδόν[τας] πρὸς 'Αθεν[αίους καὶ δεχομένο-
 ις κα]τὰ τὰς χσ[υ]μβολάς, ἡαὶ ἔσαν. 15
- . . αι τοῖς κλε[ρό]χοις ἡόσα ἔπο. 10
- . . ρον πρίν ἀ[πο] δοθῆναι αὐτοῖς. 13
- [στ]ρατ εἰδὼν καὶ τῶν στρατιωτῶν. 14
- 20 . . αἰον τὸς ἔχοντας. καὶ ἀναγράφ[σαι ταῦτα τὸν γ-
 ρα]μματα τῆς βολῆς ἐστέλει λιθ[ῖναι καὶ καταθ]-
 ῆναι ἐμ πόλει τέλεσι τοῖς<ς> [Μυτιλεναῖον ναρ. ταῦ]-
 τα μὲν ἀναγράφσαι καὶ κ[αλέσαι τὸν πρεσβεῖαν τ]-
 ὦν Μυτιλεναῖον ἐπὶ χ[σένια ἐς τὸ πρυτανεῖον ἐς]
- 25 αὔριον. τοῖς δὲ κλ[ερό]χοις. 17
- γῆς ἀνταποδο. 27
- [— —]

Перевод:

«(Стела) митилений. (Такой-то) был секретарем. Боги! Постановлено советом и народом в пританию филы Акамантиды, в секретарство (такого-то), председательство (такого-то), (имярек) предложил. . . Если будет угодно. . . митилениям, что. . . (10) афинский народ и. . . и предоставляется пользоваться своими законами. . . все их (их земля ?). . . афиняне предписывают. . . (15) суды с афинянами возбуждать и получать право суда согласно договорам, которые были. . . клерухам столько, сколько. . . прежде чем будет отдано им. . . стратегов и солдат. . . (20) имеющим. И записать это секретарю совета на каменной стеле и поставить в городе за счет митилений. Все это записать и позвать на завтра послов митилений на угощение в пританей. Клерухам же. . . земли отдать. . .»

В 427 г. города Лесбоса, за исключением Мефимны, сделали попытку выйти из Афинского морского союза. Однако это восстание было подавлено, в результате чего, как сообщает Фукидид, свыше тысячи человек было казнено, а зачинщики мятежа — митилениане — лишились флота и оборонительных стен (III, 50,1—2). «Впослед-

ствии, — продолжает Фукидид, — афиняне не взимали флороса с лесбосцев, но образовали из их земли, кроме мегимнейской, три тысячи наделов, триста из которых выделили и посвятили богам, а на остальные выслали клерухов, набранных по жребию из среды своих граждан. Лесбосцы сами обрабатывали свою землю, обязавшись выплачивать клерухам ежегодно по две мины серебра за каждый участок»¹⁵.

Судя по формальным признакам, этот документ стоит в ряду аналогичных декретов о Мефоне, Псаполе фракийском и других общинах¹⁶. Сткк. 1 и 22 указывают, что стела поставлена митилениями.

Содержание декрета может быть определено в общих чертах. В Афины прибыло посольство от митилениан (сткк. 23—25). Афиняне приняли решение предоставить им автономию (стк. 11), однако оставили за собой право в известных случаях издавать для них соответствующие предписания (стк. 14). Судебные дела между лесбосцами и афинянами следует разрешать на основе заключенных ранее соглашений (сткк. 15—16). Две статьи трактуют вопрос о клерухах, однако содержание их довольно неясно. В обеих статьях клерухи представляются принимающей стороной (дат. пад. — κλέρυχοις, сткк. 17, 25). Исходя из этого и привлекая данные Фукидида о клерухах на Лесбосе, сткк. 25—26 можно понимать следующим образом: клерухам, сдающим землю в аренду, митилениане в свою очередь должны отдавать по две мины за каждый участок (τοῖς δὲ κλέρυχοις . . . γὰρ ἀνταποδο. . .). Впрочем, общая идея декрета может заключаться и в возвращении афинскими клерухами земель и имущества их прежним владельцам — лесбосцам¹⁷.

О дальнейшей судьбе этой клерухии почти ничего не известно. Судя по сообщениям Диодора (XII, 72, 4) и Антифонта (V, 77), афинские клерухи оставались на Лесбосе в качестве гарнизона еще в 414 г. В числе участников сицилийской экспедиции митилениане не упоминаются. В 412 г. они снова отпали от Афин, но их восстание при-

¹⁵ Ср. также: *Antiph.*, V, 75: афиняне позволили митиленианам жить каждому на своей земле, т. е. на прежнем месте жительства. Интересно, что Герод, бывший клерухом, платил подати как в Афины, так и в Митилену.

¹⁶ ML, N 65, 89.

¹⁷ Ср. комментарий Тода (1, р. 135—136).

10 — — βολῆς εἴτε τρεῖς κατὰ τὸ δ[. . . . .]

9 — —

— — παρὰ τῷ Ἀθηναίῳ ἐν ἡμίτινι ἂν ἡμέραι — — |

— — ι πεντακοσιομεδίμων του — —

— — αι τοῖς κληρόχοις τά τε ἐκτείσματα — — |

[— — ? τρεῖς τῶν οἰκῶν τῶν δεδημευμένων — —

15 — — ἐγ Λήμνο εἰσάγουσιν ὁπόσοι ἂν — —

[— — τῶν δημοσίων ὁπόσοι ἂν μὴ ἐκτείσωσι — —]

— — ὠν ὁπόσῃν δ' αὐτοὶ ἡργάζοντο — —

— — τὰ ὄρη καὶ τὰ ἀφορίσματα ἐς — —

— — τῆς αὐτῆς ἢ μισθώσις πέπραται — —

20 — — κληρόχοις ἢ ἐνοφάλευσθαί τις κ — —

[— — ? ὀφείλοντες τῷ δημοσίῳ εἶχον ἐπ — —

[— — τῶν κληρόχων τὰ μὲν ἄλλα — —

— — ἀμφισβητῶν τῆς γῆς ἢ τῆς — —

— — δίκαις, εἰάν δὲ μὴ λάχῃ δις — —

25 — — ἢ δίκη τήν τε ἀνάκρισιν π — —

— — ὠν ἐς τὸ δικαστήριον παρὰ — —

[— — ἀμφισβητῶν ἓνα λόγον παρὰ — —

B

— — Ἰν — —

[— — στησ] ἄνω ἐν ἀκροπόλει — —]

30 — — ὁλων καὶ μὴ ἐξένα[ι — —

— — μήτε — — ἵναι μήτε μισθῶσαι πλὴν — —

[— — ὦνος μηνὸς τὸ μετὰ Θεόδοτον ἄρχοντα — —]

— — γῆν τὸς κληρόχος καὶ — —

[— — καθάπερ τοῖς ἐς Σαλαμίνα — —

35 — — ἀφί] κνομένων ε — —

ca. 8

— — . . . . . — —

C

— — . . . Σ — —

— — γται ὁ ἀ — —

[— — τὸ ὄνομα πατρόθεν — —

40 — — α ἐγ Λήμνο ἐς — —

— — ἰλὴν μηδενὶ μὴ — —

— — ἡ τῶν κληρ[όχων — —]

— — ἰον ὅπο — —

— — σι καὶ τ — —

— — ιτ — —

— — ιε . . . ια — —
 [— — ἀ]ποδόσθαι τὸς κληρ[όχος — — vel ος — —]
 — — ν οἰκίῃων ἐς Λῆμ[νον — —]
 — — ἐ]άν μὴ ἔλθῃ ὁ α — —
 50 — — ν οἰκίσι ἐν Λῆμ[ναι — —]
 — — ν τοῖς ἐν Λῆμ[ναι — —]
 [— — στα]σιάσαντες — —
 — — σῃ ο — —

Перевод:

A+D: «... в пританию фило... (такой-то) был секретарем... и двенадцати богам... если будет в пору (афинянам)... устроить жертвоприношение, как будет народу угодно... молить об этом, когда же... Народ постановил в отношении клерухов, проживавших на Лемносе... (5) при (таком-то) архонте на Лемносе было... донесет об этом или привлечет к судебной ответственности... заявление о взыскании в пользу казны... будет конфисковано из составленной теперь описи имущества... на Лемносе... уплатят к девятой притании... наступающий год... (10) совета или (комиссия) трех относительно (?)... около Тесейона в какой бы то ни было день... граждан первого класса... клерухам и штрафы... (комиссия) трех (?) из конфискованных хозяйств... (15) (если дела таких-то лиц) с Лемноса представляют в суд, сколько бы человек ни... в тюрьме (? государственной казне), сколько бы человек ни выплатили... сколько же (земли) они сами обрабатывали... холмы и отграниченные (? священные)²¹ участки сама аренда продана... (20) клерухам или кто-либо является должным... владели задолжавшие (?) государственной казне... клерухов все остальное (имущество)... имеющих претензии по поводу земли или... тяжбами, если же ему не достанется по жребию... (25) тяжба и разбирательство дела... в судилище... (из числа) имеющих претензии по одному выступлению (?).

В: «... пусть поставит на акрополе... и нельзя ни... ни сдать в аренду, кроме... — она месяца после

²¹ Возможно, имеются в виду темены. См.: Stroud R. Op. cit., p. 172. Ср.: SEG, III, № 117 (темен на Лемносе с определением *αφορισθέντος*).

архонства Теодота . . . землю клерухам . . . как и в отношении клерухов на Саламине . . . явившихся . . .»

С: « . . . имя по отцу . . . с Лемноса . . . никому (? ничему) не . . . клерухов . . .»

Е: « . . . отдать клерухам (?) . . . соберется селиться на Лемносе . . . если не явится . . . проживают на Лемносе . . . которые на Лемносе . . . взбунтовавшиеся . . .»

Декрет о лемносских клерухах имеет большое значение, поскольку предоставляет в наше распоряжение некоторые, хотя и отрывочные, данные о земельном статусе клерухий. В сткк. 1—4 заключалась преамбула, содержание которой легко восстанавливается с помощью двух афинских декретов ²².

В 432 г. афиняне осадили Потидею, коринфскую колонию в Халкидике, что явилось поводом к началу Пелопоннесской войны ²³. После двух с половиной лет осады Потидея капитулировала на условии выхода всех ее жителей из города ²⁴. После этого афиняне «послали в Потидею эпойков из своей среды и заселили ее» ²⁵. Перед отправлением колонисты поставили на Акрополе статую от своего имени; на ее базе сохранилось посвящение ²⁶:

ἐποῖκον

ἐς Ποτειδαῖαν. —

«от эпойков, (направляющихся) в Потидею».

После победы при Эгоспотамах Лисандр стал возвращать на родину жителей тех городов, которые были изгнаны афинянами ²⁷. Стоявшим в городах афинским гарнизонам Лисандр давал возможность уйти в Афины ²⁸. Этой же участи, но всей вероятности, подверглись и афинские эпойки в Потидее, которая, видимо, также была возвращена ее прежним жителям. После заключения Анталкидова мира олинфяне установили свой протекторат над Потидеей, однако вскоре лакедемоняне снова захватили ее ²⁹. Около 363 г. Потидея вместе с другими халкидскими городами была захвачена Тимофеем ³⁰. В 361 г.

²² *Tod*, N 146; N 144. 1—17.

²³ *Thuc.*, I, 56 sq.

²⁴ *Ibid.*, II, 70.

²⁵ *Ibid.*, II, 70, 4.

²⁶ *ML*, N 66.

²⁷ *Xen.*, *Hell.*, II, 2, 9.

²⁸ *Ibid.*, II, 2, 1—2.

²⁹ *Ibid.*, II, 2, 15; 24.

³⁰ *Isocr.*, XV, 108, 113.

проафинскио элементы населения Потидеи (ср. формулировку οἱ ἐ[κ] Ποτειδαίας)³¹ отправили послов в Афины с предложением ввести в город афинских клерухов. Отправление клерухов было декретировано специальным постановлением³², от которого сохранилась только вводная преамбула: «В архонство Молона, в девятую пританию филы Эрехтеиды. Совет и народ постановили во время председательствования филы Эрехтеиды, в секретарство Агатарха, сына Агатарха. . . когда эпистатом был (имярек) из Керамейка. Филипп предложил: «В отношении того, что предлагают прибывшие от лица жителей Потидеи (послы), пусть народ постановит следующее. Пусть священнослужитель принесет жертвы двенадцати богам, высокочтимым богиням и Гераклу, если будет угодно афинянам послать клерухов в Потидею, сообразно тому, что объявили прибывшие (послы). . .».

Основываясь на указанной аналогии, текст преамбулы декрета о лемносских клерухах может быть восстановлен следующим образом: При архонте Теодоте³³. . . совет и народ постановили. В пританию филы такой-то, при грамматисте и эпистате таких-то, имярек предложил. Пусть священнослужитель обратится с мольбой к. . . (перечисляются главные божества) и двенадцати богам, если. . . будет впору афинскому народу. . . и устроить жертвоприношение так, как будет угодно народу. Молить об этом, когда же. . . Народ постановил в отношении клерухов. . .» (сткк. 1—4).

Судя по объему текста, который должен содержаться в преамбуле, строки декрета были довольно длинные, так что от него сохранилась примерно третья часть³⁴. По этой причине реконструкция содержания чрезвычайно затруднена.

В декрете рассматриваются главным образом вопросы, связанные с проведением описи имущества задолжавших казне клерухов, в том числе и вопросы аренды земли. Как мы видим, они трактуются также в декретах о Сала-

³¹ *Tod*, N 146, откк. 5—6.

³² *Ibid.*, N 146.

³³ Ломнос был отдан афинянам по царскому миру, который был заключен зимой 387/6 г. при архонте Теодоте (*Diod.*, XIV, 110, 1), упоминаемом и в данном декрете (стк. 32).

³⁴ Ср. восстановления С. Я. Лурье [*Luria S. Die lemnische ἀπογραφή*, 130 сл. (=SEG, III, № 73)] и соображения Страуда (*Op. cit.*, p. 169).

мине и, возможно, о Митиледе, а также в декрете о пошлинах ³⁵, в котором упоминаются апойкии и клерухии. Таким образом, дошедшие до нас декреты о клерухах в основном посвящены вопросам аренды. Как отмечалось выше, верховным собственником земли в клерухии являлось Афинское государство, что следует, например, из факта предоставления им надела на Саламине лемноскому вождю Антидору ³⁶. По свидетельству одного из источников Элиана, клерухи на Эвбее получали землю в аренду ³⁷. Этот факт наводит на мысль о том, что клерухи в целом были арендаторами земель, принадлежавших Афинскому государству, но расположенных за пределами Атики.

Клерухи на Лесбосе и, видимо, на Саламине могли сдавать свои наделы в аренду ³⁸. В данной надписи речь идет о клерухах, арендовавших у государства земельные участки и, вероятно, темены: взносы за их аренду делались в девятую пританию ³⁹, которая упоминается в стк. 8. Во фрагменте В (сткк. 30—31) содержится неожиданная статья «... и пельзя... ни сдавать в аренду, кроме...», хотя во фрагменте А речь идет в основном об аренде. Отсюда можно заключить, что в данном декрете речь идет о должниках, не внесших положенную арендную плату. При этом следует также учитывать, что выражение «сколько же (земли) они сами обрабатывали» (стк. 17) соответствует утверждению Исократ о том, что клерухи сами занимались земледелием (VIII, 92), т. е. должниками были они сами, а не какие-либо арендаторы их земель. Установив, что речь в декрете идет о клерухах, арендовавших обычные участки и (или) темены у государства, перейдем к исследованию его содержания ⁴⁰.

³⁵ IG, I², N 140.

³⁶ *Idt.*, VIII, 11.

³⁷ *Elia.*, Var. hist., VI, 1. Авторы ATL (3, p. 296) предложили читать вместо τῆν δὲ λοιπὴν более соответствующее, по их мнению, контексту τὸ δὲ λοιπὸν («на будущее»), полагая вместе с Пессельхауфом, что государство не могло в одно и то же время сдавать землю в аренду и ею же наделять клерухов.

³⁸ *Thuc.*, III, 50, 2; N 15.4—7.

³⁹ *Arist.*, *Ath.*, pol., 47, 4.

⁴⁰ В одной из афинских надписей середины V в. перечисляются участки, расположенные главным образом на Херсонесе, куда были выведены апойкии или (по распространенному мнению) клерухи (IG, I², № 375). Эти участки и озеро сдавались в аренду (ср.: IG, I², № 376, 377).

Клерухия на Лемносе существовала уже много лет. Видимо, вследствие напряженной обстановки, вызванной участием Афин в Коринфской войне, часть клеруков не полностью выплачивала арендную плату и задолжала государству определенную сумму денег ⁴¹. Поэтому по заключении мира афинские власти занялись наведением финансовой дисциплины в отношении выплаты арендной платы клерухами. Прежде всего была проведена опись имущества задолжников (сткк. 6—7) ⁴², затем данным постановлением под угрозой конфискации их достояния (или части его — стк. 7) предписывалось уплатить долги государству к девятой притании текущего года (сткк. 8—9).

Далее упоминаются буле и коллегия трех (стк. 10), которая, скорее всего, занималась разбором дел о клерухах-должниках; видимо, она заседала около Тесейона (который был прибежищем обижаемых) ⁴³. Сюда можно было обращаться (?) в любой дозволенный обычаями день (сткк. 10—11).

Как показывает стк. 12, в которой упоминаются пентакосиомедимны, клерухи на Лемносе, как афинские граждане, делились на имущественные разряды. По-видимому, это свидетельствует о неодинаковых возможностях клеруков: естественно полагать, что упоминаемые в надписи пентакосиомедимны не переселились сюда из Аттики, а перешли в это высшее сословие благодаря своим наделам, полученным на Лемносе. В любом случае очевидно, что контингент клеруков в социальном отношении не был монолитным. В связи с этим не лишне будет снова обратиться к рассказу Фукидида об отправлении клерухии на Лесбос (III, 50, 2), из которого вытекает следующее.

Во-первых, когда в Афинах была объявлена запись желающих отправиться в клерухию, предложение превысило спрос, так что пришлось прибегнуть к метанию жребия (σφῶν αὐτῶν κληροῦχος τοὺς λαχόντας). Значит, отправление в клерухию считалось выгодным предприятием и в Афинах еще оставалась масса потенциальных колонистов.

Во-вторых, ежегодная рента в 200 драхм могла привлекать только фетов и зевгитов, по не граждан более

⁴¹ Темны сдавались в аренду сроком на 10 лет (*Arist., Ath., pol.* 47, 4).

⁴² Ср.: *Ps.-Arist., Oec.*, II, 1, 5—1347a (об описи имущества у потидейских клеруков).

⁴³ Ср.: *Plut., Thes.*, 36, 2.

высоких разрядов. Дело в том, что две мины — это примерная стоимость трех-четырех илэтров земли⁴⁴. В Аттике же, как установил В. Андреев, около 4500 земледельцев имели участки в 1 га, другие 4500—в 3,5 га, и еще 4500—в 7,5 га⁴⁵. Хотя приведенные цифры весьма приблизительны, все же в целом они отражают основные моменты и тенденции аттического землевладения в V—IV вв. Поэтому рента в две мины могла привлечь лишь лиц фетского или зевгитского состояния (ср. предписание декрета о колонии в Брею набирать переселенцев именно из этих двух разрядов — № 5. 40—41). Таким образом, появление пентакосиомедимнов в лемносской клерухии, по всей видимости, обязано росту имущественного состояния отдельных клерухов, наделы которых здесь, очевидно, были довольно обширны⁴⁶.

Далее, в сткк. 13—14 декрета о лемносской клерухии, упоминаются сами клерухи, выплата долга (? штрафа), затем, видимо, комиссия трех, если предложенное мною восстановление верно, и конфискованные хозяйства. Эти отрывки текста вполне соответствуют предположению об общей ситуации, подразумеваемой в данном документе: государство предпринимает ряд мер по ликвидации задолженности среди лемносских клерухов. Ср. также постановление гераклеотов⁴⁷ об уплате штрафа или конфискации имущества, налагаемых на арендатора в случае несоблюдения договорных условий (речь идет в том числе и о задержке внесения арендной платы в установленное время).

Терминологическое значение глагола *εἰσάγειν*, упоминаемого в стк. 15, не вполне ясно. Он может означать как вызов в суд, возбуждение процесса, так и внесение денег. Второе значение предпочтительней, поскольку в соседних строках говорится о выплате долга или штрафа (сткк. 13, 16). Значение слова *δουλόσιον* в стк. 16 в точности также неясно — это может быть и государственная казна, и тюрьма. В целом в стк. 16, видимо, речь шла о том, что

⁴⁴ Андреев В. И. Цена земли в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 2, с. 47 сл. Как показывает купчая из Амфиополя, виноградник в 6 илэтров оценивался в 320 драхм (ВСН, 1961, 85, р. 431).

⁴⁵ Андреев В. И. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1959, № 2, с. 142.

⁴⁶ Ср.: *Arist., Ath. pol.*, 7, 4 (о переходе из фетского состояния во всадническое).

⁴⁷ *Schwyzler*, N 62.108—112.

должники, не уплатившие к установленному сроку долги сполпа, заключаются в тюрьму независимо от того, сколько они выплатили из причитающейся с них суммы.

Как уже указывалось выше, из стк. 17 явствует, что клерухи сами обрабатывают свои земли на Лесбосе. Впрочем, их личный труд мог прилагаться и не ко всей земле, находившейся в их распоряжении. Степень приложения личного труда могла быть различной, и ясно, что клерухи переходили в более высокий имущественный разряд благодаря не столько земле, сколько размерам продуктов, получаемых с условно удерживаемой ими земли.

Далее упоминаются участки клерухов и продажа права на аренду земельных участков (сткк. 18—19). Из этих строк можно заключить, что урожай должников продается властями с торгов, как и само право аренды, т. е. из вырученных денег возмещается задолженность по арендной плате⁴⁸. В следующей стк. 20 прямо упоминаются клерухи и задолженность. Содержащееся в стк. 21 слово *δημόσιον* в данном контексте определенно означает «государственную казну», поскольку при нем отсутствует предлог *ἐν*, с которым оно обычно употребляется в значении «тюрьма» и которое мы бы ожидали здесь, как, например, в договоре афинян и спартанцев, также являющемся эпиграфическим памятником⁴⁹.

Содержащееся в стк. 21 выражение *κλῆρόνων τὰ μὲν ἄλλα*, надо думать, означает «остальное достояние клерухов»; в таком случае глагол *εἶχον* можно связывать с их земельными наделами. Видимо, эти наделы конфисковывались государством у тех клерухов, которые не сумели погасить свою задолженность к назначенному сроку⁵⁰. В прямой связи с таким пониманием данного текста может стоять упоминание в следующей строке лиц, имевших претензии по поводу земли. Далее речь идет о судебной процедуре. Клерухи, таким образом, могли внести апелляцию по поводу наказания, наложенного на них, видимо, буле или коллегией трех (ср. стк. 10).

⁴⁸ Ср. упоминаемую в «Аттических стелах» в связи с конфискацией имущества гермокошидов продажу урожая осужденных и их арендных прав (ML, № 79 A. 20—24, B. 110—115).

⁴⁹ *Thuc.*, V, 18, 7.

⁵⁰ Сохранилась сильно фрагментированная надпись с перечнем конфискованных хозяйств клерухов на Лемносе, относящаяся к 370/69 г. (*Meritt B. D. Greek Inscriptions. — Hesperia, 1960, 29, p. 25—26*).

Как можно понять из текста фрагмента В, установления, принятые в отношении клерухов на Лемносе, в какой-то своей части были аналогичны предписаниям афинских властей саламинским клерухам (стк. 34). Объединение этих клерухий в одну пару не случайно. Условия, в которых существовали, например, клерухии на Эвбее и Лесбосе, отличались тем, что здесь клерухи занимали земли местных, формально свободных хотя и покоренных афинянами, граждан. Таким образом ряд моментов внутреннего устройства клерухий определялся внешними условиями их существования, т. е. местными конкретными условиями.

В тексте Е упоминается передача конфискованных земельных участков клерухам (ср. декрет о митилениах, сткк. 25—26) или, что менее вероятно, сдача их должниками (стк. 47). Впрочем, возможно, здесь следует дополнять κλήρ[ος — —] и это уточняет предложенное понимание текста в том смысле, что либо должники были обязаны отдать свои наделы, либо речь идет о простом акте передачи клеров новым владельцам. В прямой связи с этим, может быть, стоит следующее затем упоминание о проживании на Лемносе. Содержащееся в стк. 49 выражение «если не явится» может указывать на то, что в данном месте декрета речь шла об обязательном проживании новых владельцев (возможно, новых клерухов), получивших конфискованные участки, на острове. Не исключено также, что в стк. 53 говорится о [— — στα]τάσαντες—взбунтовавшихся клерухах⁵¹.

Во фрагменте С речь шла о записи вновь прибывших, вероятно, клерухов. Здесь в стк. 39 безусловно восстанавливается [— — τὸ ὄνομα] πατρὸς⁵²

В заключение еще раз отмечу, что было два типа афинских клерухий: 1) обычный тип — клерухи отправляются в клерухию и занимаются там сельским хозяйством, как на Лемносе или Саламине; 2) более редкий тип, возникавший от случая к случаю: при покорении союзников афинские клерухи получали ренту от арендаторов — бывших владельцев земли, как на Лесбосе. Эта рента шла на поддержание гарнизона из клерухов.

Само собой разумеется, что предложенная выше интерпретация декрета о лемноской клерухии в известной

⁵¹ Ср.: IG, II², N 1052.14.

⁵² Ср.: Ibid., N 841b.

мере предположительна и ее данные могут быть приняты, строго говоря, лишь в качестве рабочей гипотезы, за исключением тех моментов, которые безусловно зафиксированы текстом надписи и имеющимися аналогиями.

§ 4. Декрет о пошлинах (№ 18)

Надпись найдена на Акрополе (ныне находится в Эпиграфическом музее). Часть стелы справа отбита. Текст приводится по IG, I², № 140, за исключением большей части дополнений⁵³.

ΣΤΟΙΧ. 35

11

. . . . . — — ε. λ [— — οἶνο (nominatio generis) — —

. ημιοβέλιον ὑπὲρ ἡεκάστο ἀμφορέος· τὸ οἶνο τῷ καρπῷ δὲ ἡοπότος ἄν με πραθεῖ ὀβολόν ὑπὲρ ἑκάστο, καὶ τῷ γλεῦκος ὑπὲρ ἡεκάστο ἀμφορέος ὀβολόν, καὶ μέλιτος οἶνο· καὶ ὑπὲρ μισθόσεος γῆς καὶ οἰκίων καὶ κέπον τόσον τ' (?) ἀργ] —
⁵ υρίο ἡὸς ἂν μισθοῖ ἀποτελῆν, καὶ ἐὰν ἐνεχυράῃ καὶ ἀπολαμβάνει τὸ [μισθομα. ἐν μὲν ταῖς ἀποικίαις καὶ κληροχίαις τὸς ὀφλόντας ἐ-
¹⁰ λθευθέρως κατὰ ταῦτά ποῖν πάντας τὰς ἡεσυχαῖοντας καὶ ἡομονοῶντας, καὶ τὰς πράχσες ἐ-

12

πὶ] τῆς δευτέρας πρυτανείας. . . . .
 . . π]ρὶν τῆς βολῆς τ[εῖ] κυρίαι ἐκκλησίαι γίγ-

16

νεσθαι, τὰ δὲ τέλε εἴελεν . . . . .]

¹⁵ . . . . κυρ[ι — —]

В приведенном тексте из дополнений IG, I², № 140 сохранены следующие: v. 2: ἡεκάστο]. v. 3 ἄ[ν]; v. 4: το- taliter; v. 6—7: κα[ί] — — ἀργ]υρίο; v. 7—8: [ἐνεχυρά]ῃ; v. 10—11: [ἡεσυχ]αῖοντας; v. 11—12 [ἐ]π[ί]; v. 13: τ[εῖ] κυ- [ρίαι ἐκκλησίαι]; v. 14: εἴελεν]. Остальные дополнения сде- ланы мною.

⁵³ Литература об этой надписи практически отсутствует. См., впрочем: SEG, X, N 100; Behrend D. Attische Pachturkunden. München, 1970, S. 99.

Рис. 1а.

Рис. 1р.

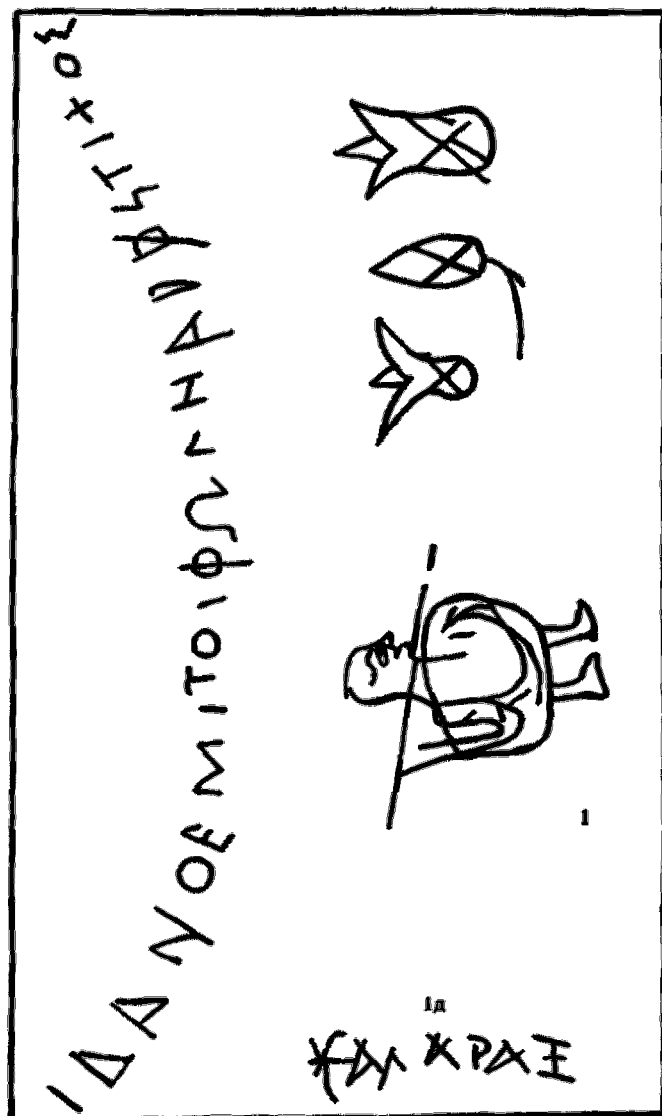

Рис. 1, 1д.

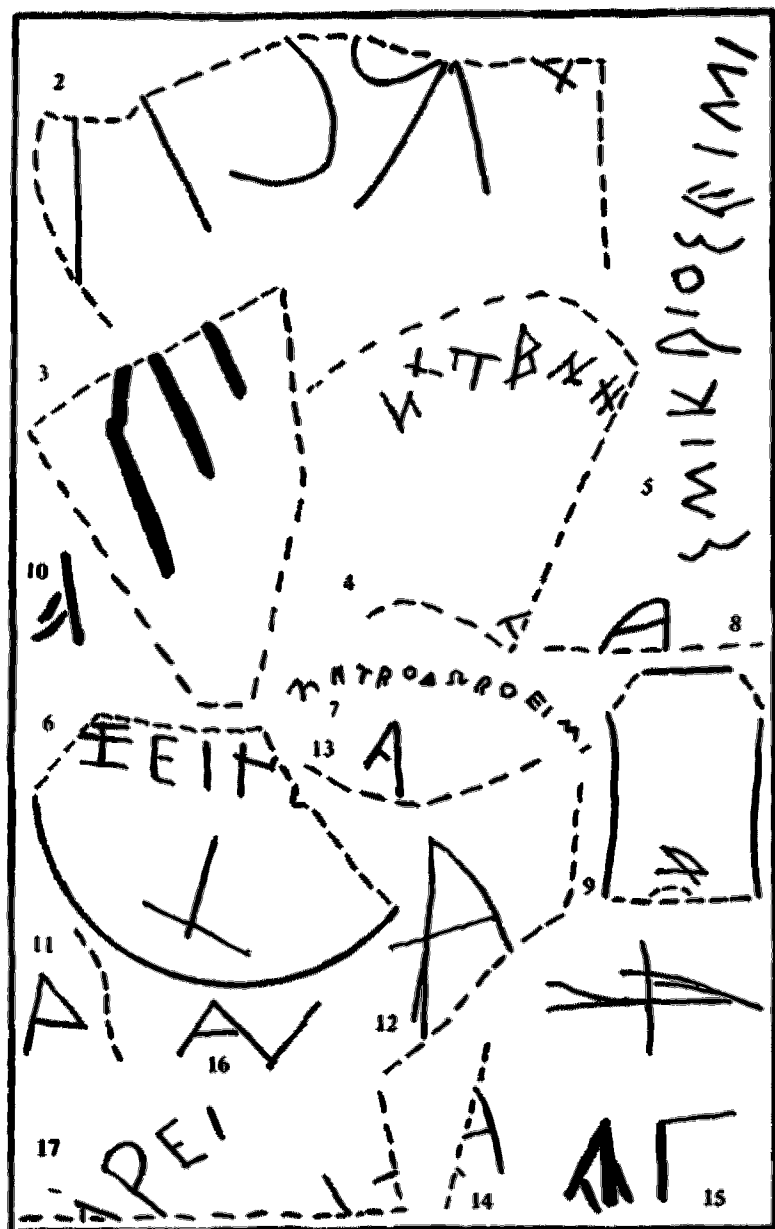

Рис. 2—17.

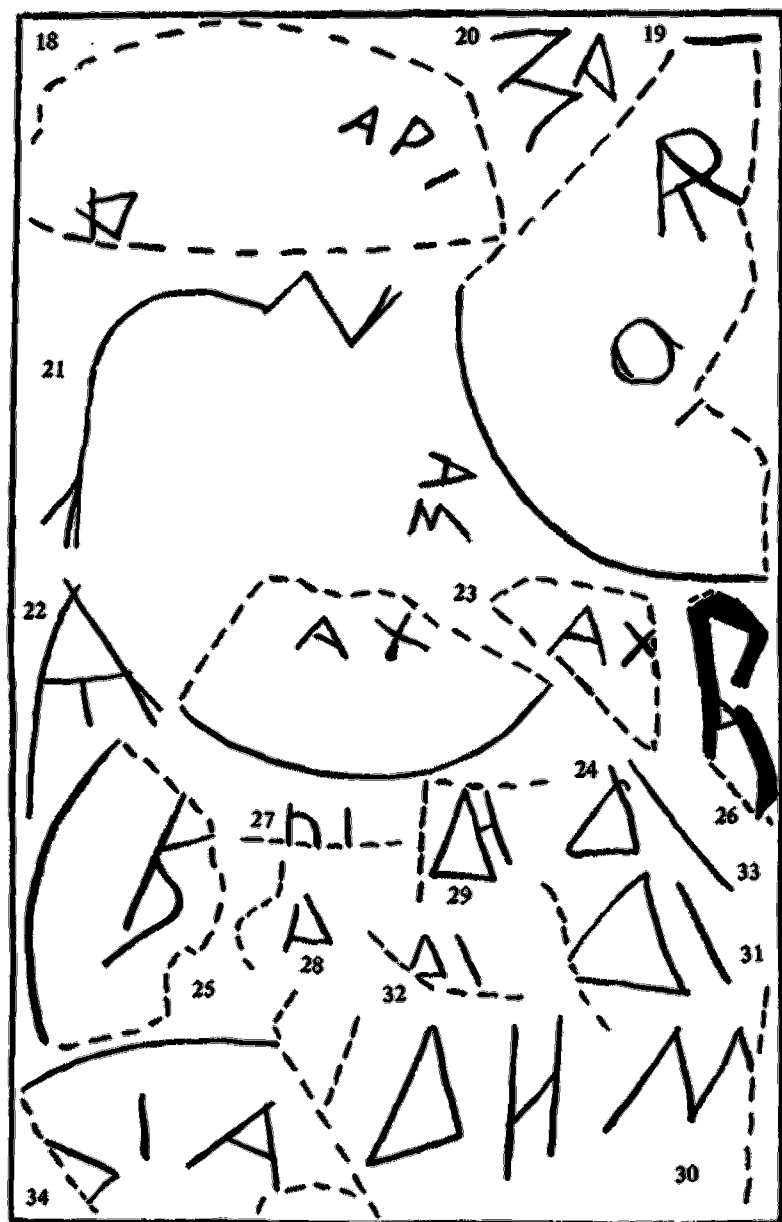

Рис. 18—34.

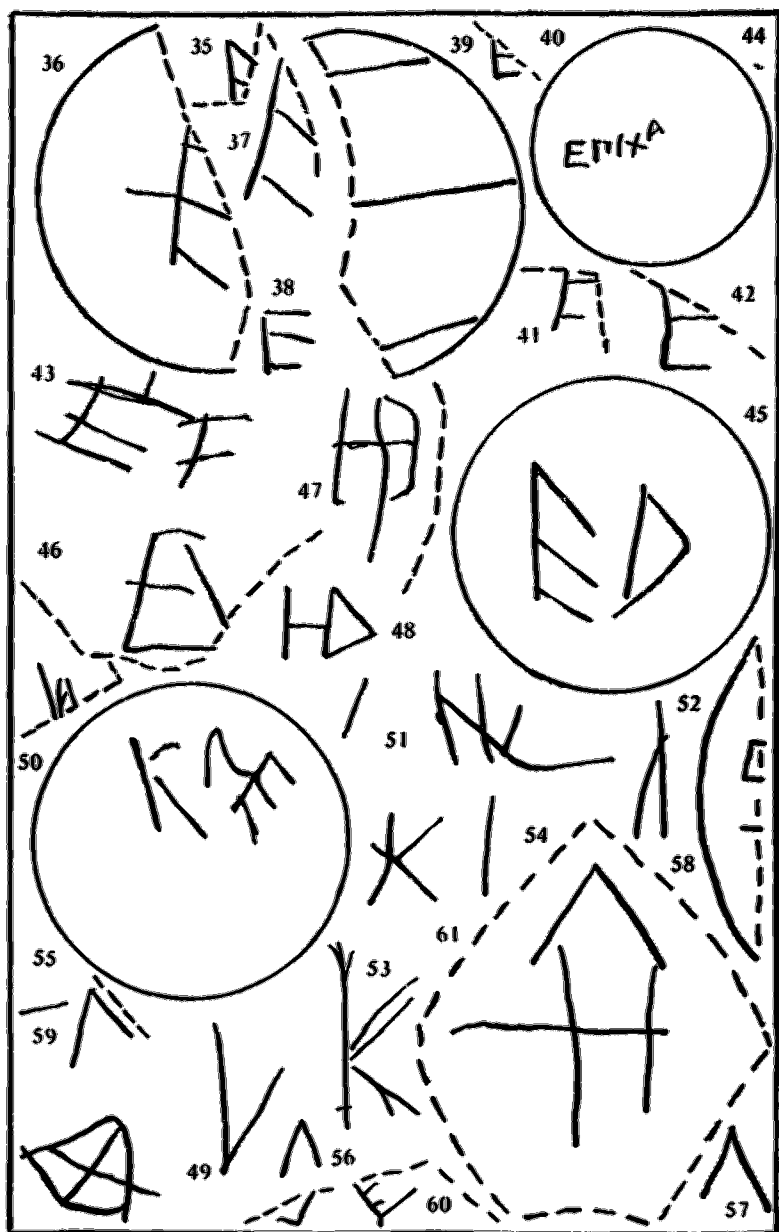

Рис. 35—61.

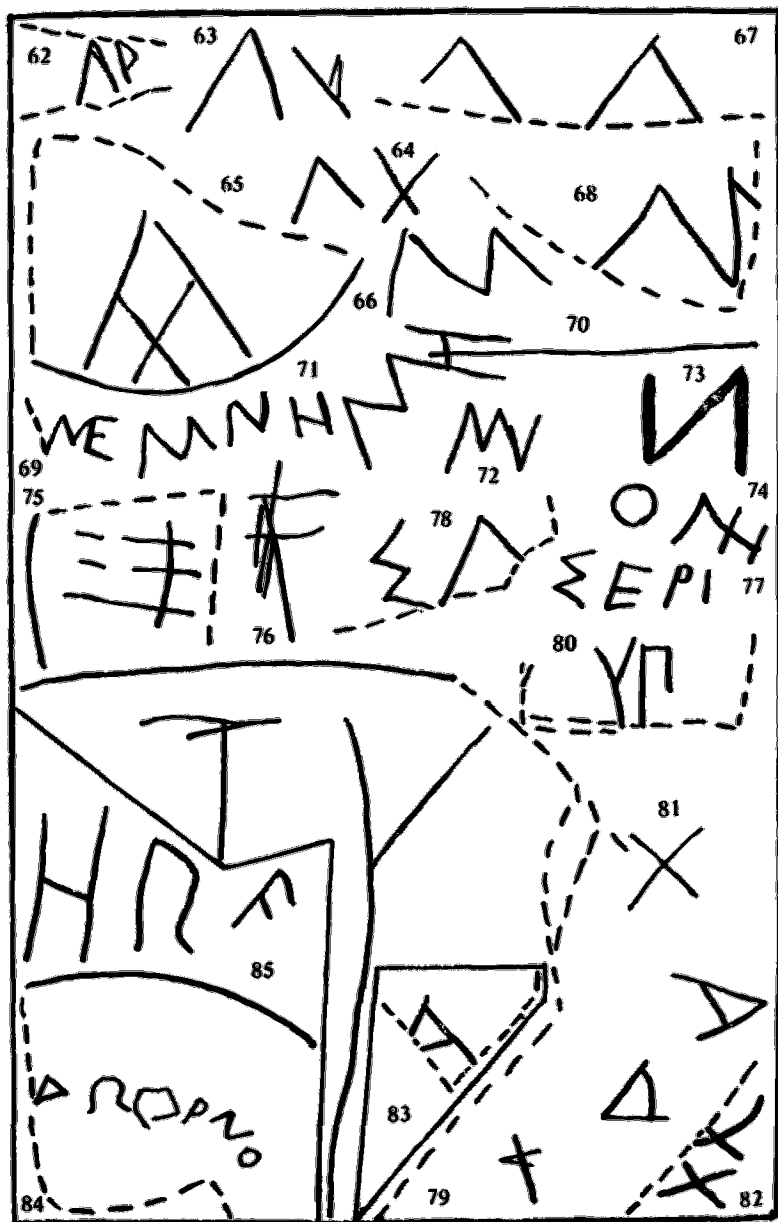

Рис. 62—85.

Рис. 100—115.

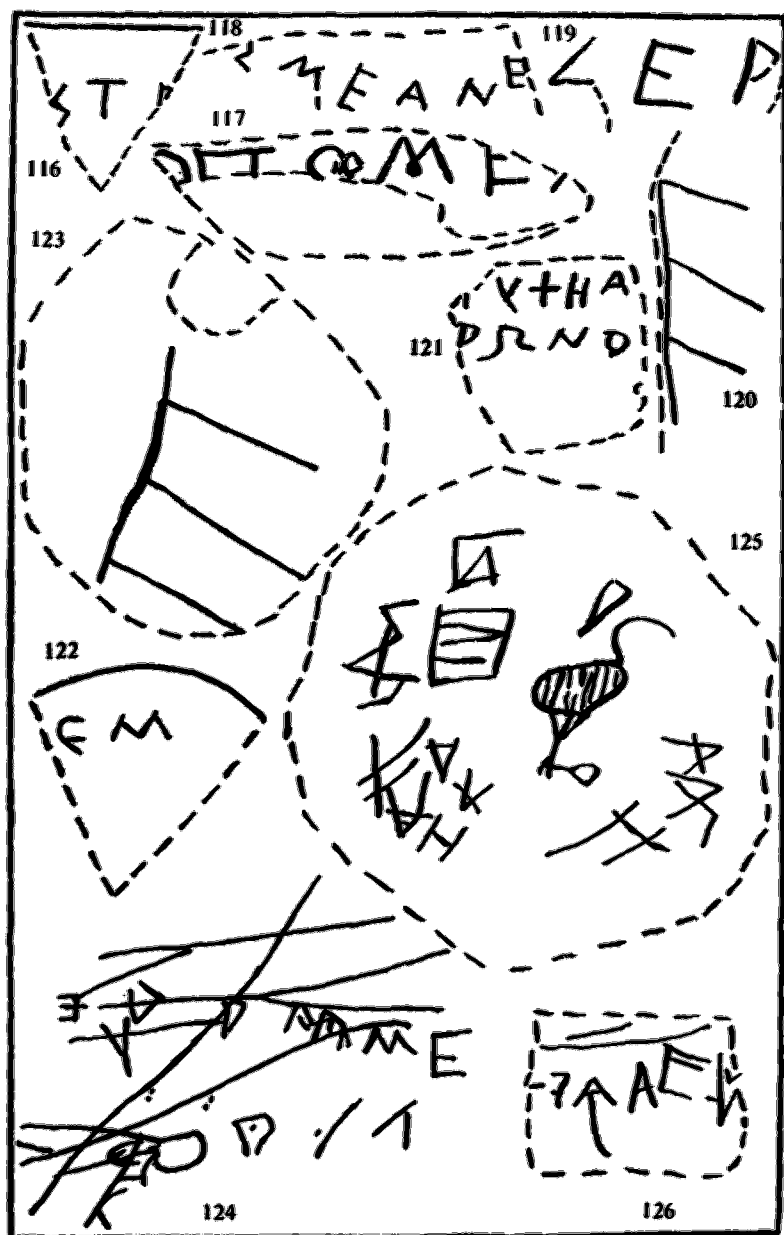

Рис. 116—126.

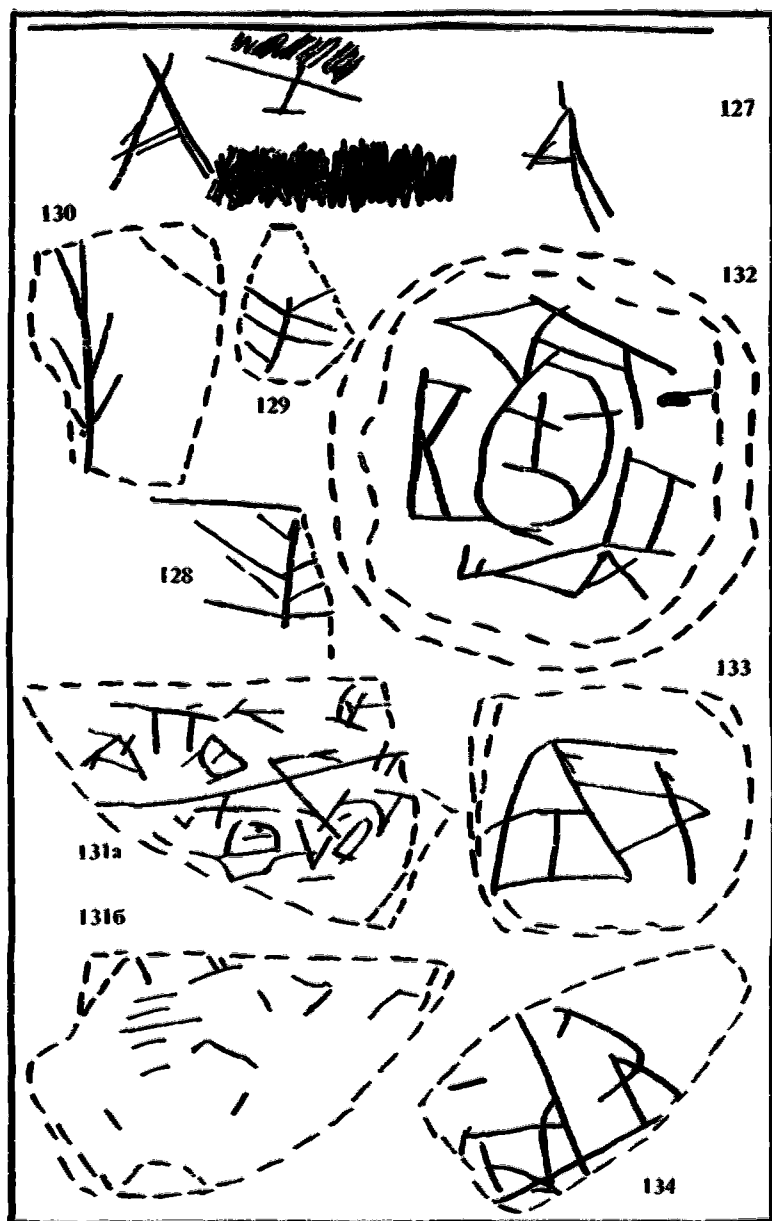
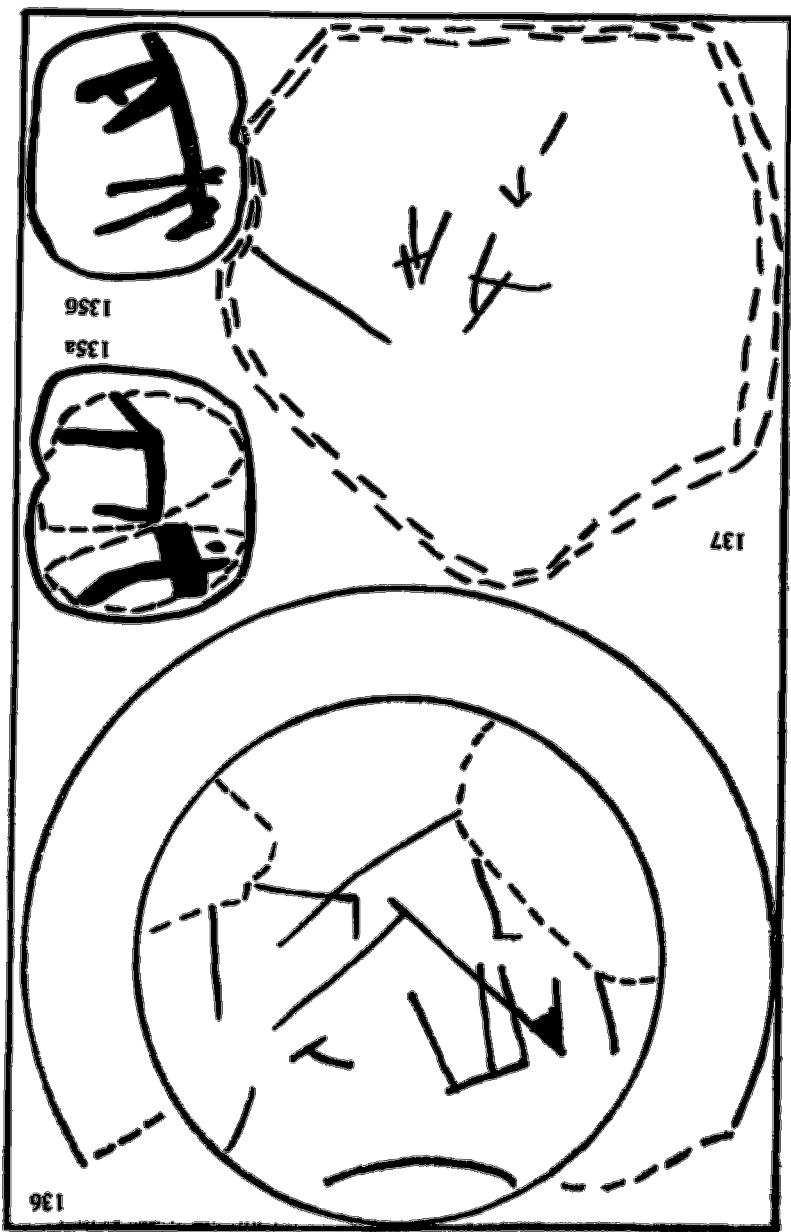

Рис. 127—134.

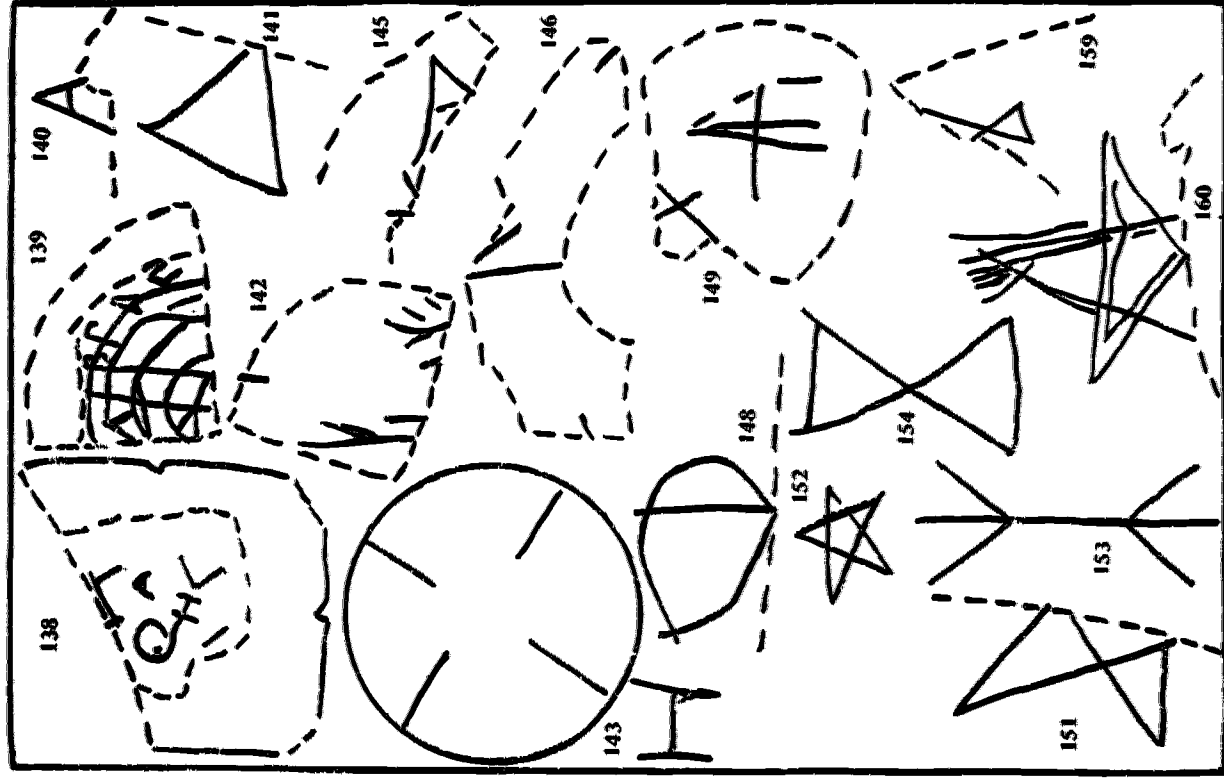

FIG. 138-160.

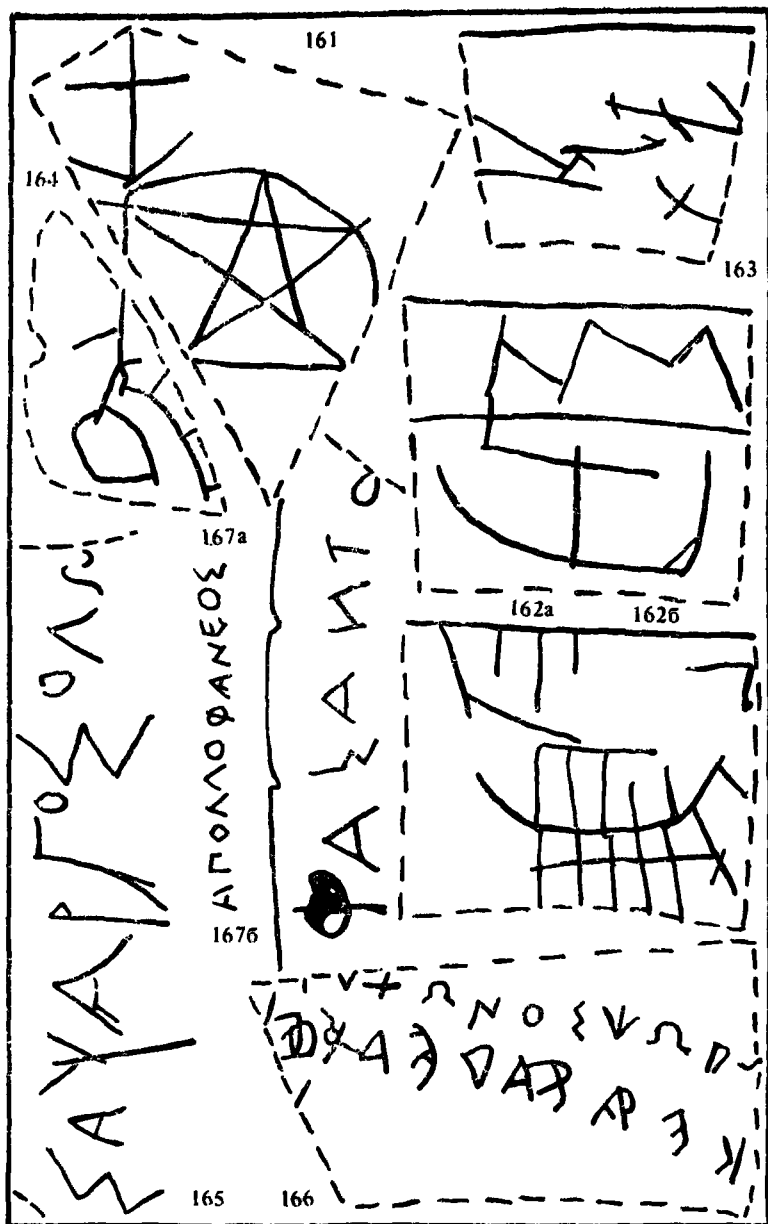

Рис. 161—167.

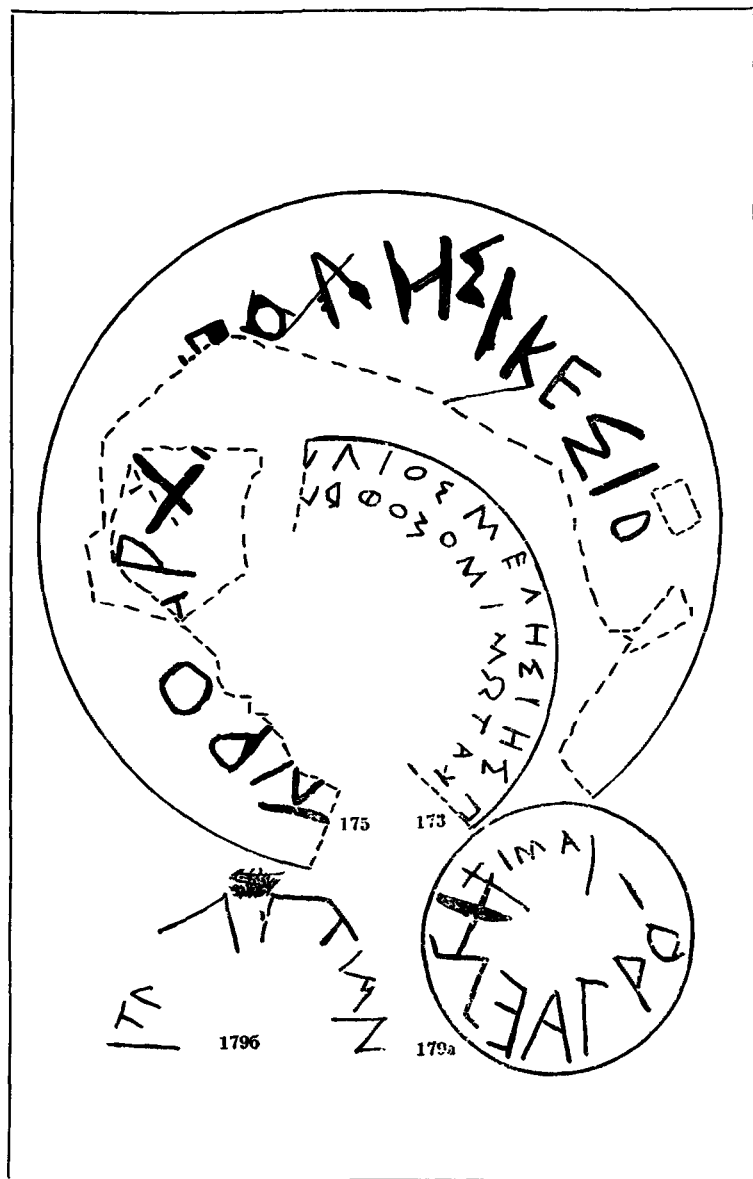

Рис. 173, 175, 179 ($\frac{2}{3}$ натуральной величины).

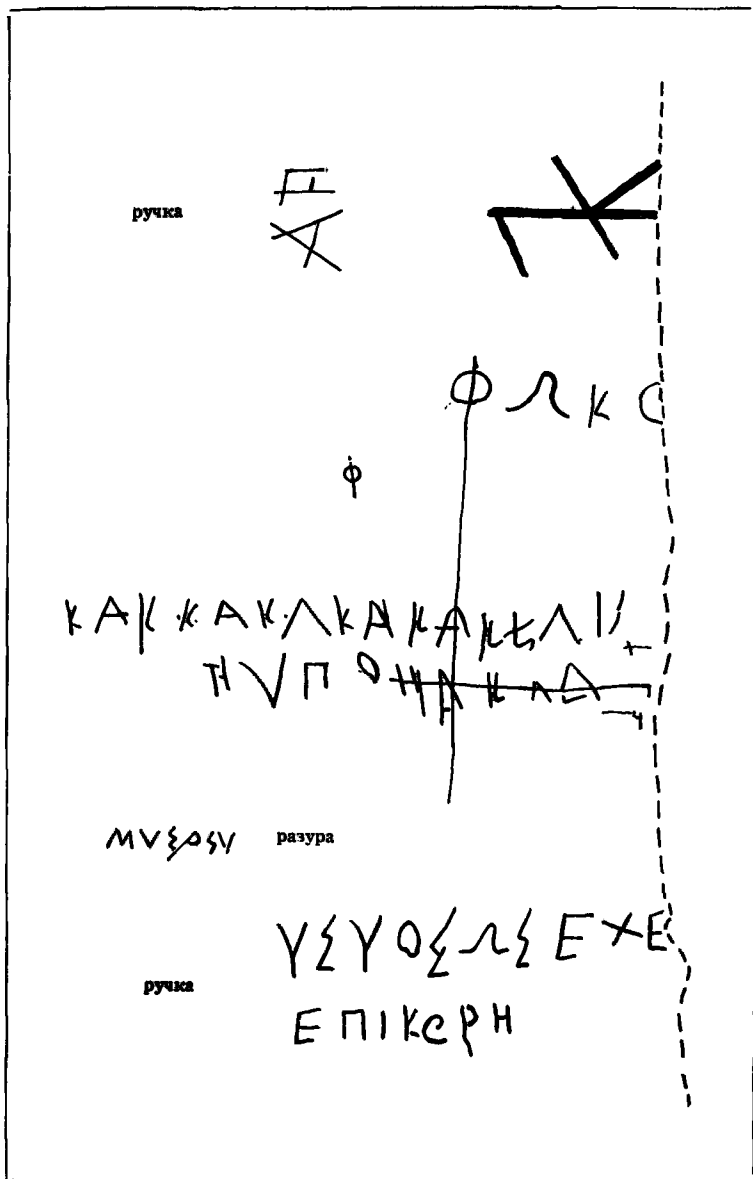

Рис. 182 ($\frac{2}{3}$ натуральной величины).

Перевод:

«... (с продажи такого-то сорта вина уплачивать) по поло-бола за каждый амфорея. С молодого же вина, сколько ни продаст, — по оболу за каждый (амфорея), и со сладкого молодого вина за каждый амфорея — по оболу, и с медового вина. И с платы за сдачу в аренду земли, домов и садов тот, кто сдает в аренду, пусть платит столько, даже если берет в залог и получает арендную плату. А в апойкиях и клерухиях општрафованных по суду, делать, согласно данному постановлению, свободными всех тех, кто вел себя спокойно и согласно, и взимание пени с них производить во вторую пританию. . . до совета на периодическом народном собрании, налоги же вносить. . . периодическое народное собрание. . .»

Удачное дополнение стк. 4, сделанное Ф. Хиллером, позволило определить длину строк надписи, ввиду чего реконструкция текста обретает определенность. Декрет в целом трактует о пошлинах, устанавливаемых Афинами за продажу товаров и аренду недвижимости в пределах Аттики. Заключительная часть декрета трактует процедуру освобождения општрафованных по суду в афинских колониях и клерухиях (в несохранившейся части надписи речь об этом велась применительно к Аттике).

В сткк. 1—5 речь идет о пошлинах с продажи вина на рынках Аттики. Качественные вина (сладкое, молодое с урожая на корню и медовое) подлежали обложению в 1 обол с проданного амфорея — метрета (39, 39 литра), менее качественное — в поло-бола с амфорея. Отсюда ясно, что в стк. 1 содержались названия этих менее качественных вин ⁵⁴.

Восстановленное в стк. 2 выражение *ἡμίστοις ἀμφορέος* имеет корреспонденцию в сткк. 4—5. Обозначение вина в сткк. 2—3 [*τὸ οἶνο τῷ*] *χαρτῷ* восстановлено по аналогичному⁵⁵ его обозначению в известном фасосском декрете V в. о виноторговле: *γλεῦχος μῆδε οἶνον τῷ χαρτῷ τῷ ἐπὶ τῆς ἀμπέ- [λοις]* ⁵⁵. В фасосском декрете этот род вина обозначен полностью («вино с урожая на корню»), т. е. с закупленного урожая, находящегося еще на виноградных лозах ⁵⁶, в ат-

⁵⁴ Подборку названий вин см.: *Pollux.*, VI, 15—18.

⁵⁵ *Pleket H. W. Epigraphica. Leiden, 1964, 1, N 2.*

⁵⁶ *Daux G. Nouvelles inscriptions de Thasos. — BCH, 1926, 50, p. 215—217.*

тическом декрете такой вид вина обозначен кратко: οἶνος τοῦ χαρποῦ.

Частица δέ в стк. 3 и καί в сткк. 4—5 указывает, что сткк. 3—5 составляют единый период фразы, противопоставляемой предыдущему периоду этой же фразы. Иначе говоря, перечисляемые в сткк. 3—5 названия составляют группу вин, с продажи которых взимается пошлина в 1 обол в противоположность винам, упоминаемым в сткк. 1—2 и ранее, которые подлежали пошлинному обложению в полуобол. Отсюда оболόν в стк. 3 восстанавливается по аналогичному обозначению размера пошлины в стк. 5. Поскольку двухпроцентная пошлина взималась с продажи товара, в стк. 3 восстановлено πρᾶξει (ср. τῶν δὲ πρὶ τῆς ἐν τῷ πεντηκ[οστῇ])⁵⁷. Такое восстановление согласуется с местным характером торговли, а не импорта, вытекающим из продажи урожая на корню, упоминаемого в стк. 3. Конъюнктивный оборот, восстанавливаемый в стк. 3, имеет соответствие в стк. 7.

В стк. 5 в обозначении медового сорта вина при μέλι-τος следует дополнять οἶνος, так как μέλι в качестве названия вина само по себе не употреблялось⁵⁸. Медовое вино было высококачественным напитком — его, к примеру, подавали к пиру у Трималхиопа наряду с опимианским фалерном столетней выдержки⁵⁹.

Поскольку размеры пошлин с метрета вина разных сортов нам известны, можно попытаться определить, с каким финансовым мероприятием Афин был связан данный декрет, который предварительно может быть датирован последней третью V в. до н. э. по характеру письма и окончанию dat. pl. -αις (стк. 9), основ на -α⁶⁰. В пределах указанного отрезка времени афиняне предпринимали следующие финансовые мероприятия, целиком обусловленные потребностью в средствах на ведение Пелопоннесской войны. В 433—423 гг. афиняне проводили займы у храмов. В 428 г. была проведена эйсфора среди афинян⁶¹, ранее взимавшаяся с колоний (Гестиэя) и союзников (Милет и др.). В 425/4 г. более чем вдвое был увеличен форос. В 422 или 418 г. (вряд ли в 434 г.) был

⁵⁷ *Tod*, 2, N 165.5—6.

⁵⁸ Ср.: *Ps.-Arist.*, *Mirac. ausc.*, 22—832a 6 (ἐκ τοῦ μέλιτος οἶνος). См. также название медового вина μελιθεός: *Poll.*, VI, 15.

⁵⁹ *Petr.*, Sat., 34.

⁶⁰ Ср.: *ML*, p. 160.

⁶¹ *Thuc.*, III, 19.

принят декрет Каллии, согласно которому при продаже товара взималась десятая часть его цены, т. е. десятипроцентная пошлина⁶². Тем не менее после сицилийской экспедиции казна опустела. В 413 г. была введена пятипроцентная пошлина со всех перевезенных по морю товаров⁶³. С 409 г. была установлена десятина с ввоза и вывоза товаров в Понт⁶⁴.

Цены на вино в Аттике второй половины V в. известны нам в недостаточной степени, но в целом, хотя в зависимости от различных факторов стоимость вина колебалась, можно определенно думать, что качественные сорта шли по 8—12 и более драхм за метрет, менее качественные — около 4 драхм⁶⁵. Сообразуясь с этими цифрами, можно считать, что пошлина в обол и полуобол была не десятиной и даже не пятипроцентной пошлиной с союзников (εἰκοστή примерно 413—410 гг.), а обычной двухпроцентной пошлиной (πεντεκοστή), взимавшейся не только в Афинском морском союзе, но и в других греческих полисах⁶⁶. Если думать, к примеру, что в декрете подразумевается пятипроцентная пошлина, то при величии этой пошлины в 1 обол метрет качественного вина стоил бы 20 обол (чуть больше 3 драхм), что маловероятно при имеющихся в нашем распоряжении ценах на вино в Аттике V—IV вв.

Двухпроцентная пошлина, как думают, это поднятая вдвое обычная 1%-ная пошлина. Ее ввели после сицилийского разгрома 413 г., когда афинские финансы пришли в сильный упадок⁶⁷. Союзники, как указывалось, в это же время были обложены пятипроцентной пошлиной. Следовательно, данный декрет относился к афинянам, их клерухиям и колониям (ср. стк. 9). Отмеченные об-

⁶² *ML*, X 58.

⁶³ *Thuc.*, VII, 28.

⁶⁴ *Xen.*, *Hell.*, I, 1, 22; IV, 8, 27; *Diod.*, XIII, 64, 2; *Dem.*, XX, 60.

⁶⁵ См.: *Pritchett W. K.* The Attic Stelai, 2. — *Hesperia*, 1956, 25, p. 199—203; *Boeckh A.* Staatshaushaltung der Athener, 1³, S. 123—125; *Billiard R.* La vigne dans l'antiquité. Lyon, 1913, p. 135—129; *Spaventa-de Novellis L.* I prezzi in Grecia e a Roma nell'antichità. Roma. 1934, p. 55.

⁶⁶ *Busolt G.*, *Swoboda H.* Griechische Staatskunde, 1, S. 614; 2, S. 1228—1229.

⁶⁷ *Andreades A. M.* A History of Greek Public Finance. Cambridge (Mass.), 1933, 1, p. 296; *Michell H.* The Economics of Ancient Greece. Cambridge, 1940, p. 256, Ср.: *Boeckh A.* Staatshaushaltung der Athener, 1³, S. 391—392.

стоятельства указывают, что данный декрет о пошлинах относится ко времени между разгромом сицилийской экспедиции и поражением Афин в Пелопоннесской войне, когда афинские клерухии были ликвидированы, т. е. к 413—404 гг.

В сткк. 5—8 декрета следуют предписания по взиманию пошлинны при сдаче в аренду земли, домов и пр. Слово *πεντακοστή* не помещается ни в одной из лакун сткк. 5—8, так что, надо думать, здесь стоял какой-то его эквивалент, например *τόσον*. Аналогичным образом, к примеру, наречием *τοσοῦτον* заменено упоминавшееся выше слово *πεντακοστή* в письме Антонина Пия⁶⁸. Взимание двухпроцентной пошлинны за аренду земли имело место в Афинах и в IV в.⁶⁹ Сохранившиеся перед лакуной стк. 6 буквы ΚΔ можно было бы принять за начало слова *κα[ταβαλῆν]*, которым обычно выражалось внесение платы (*τοῦ ἀργυρίου*), но это действие выражено через глагол *ἀποτε[λῆν]* стк. 7, поэтому следует думать, что в стк. 6 перечислялись объекты аренды. В аттических надписях обычным объектом аренды были земля, темены, дома, сады⁷⁰, но литературным источникам известна аренда и других объектов. Поэтому *κα[ὶ κέπον]*, естественно, дополняю условно⁷¹. Арендная плата обозначалась различными словами, в том числе и *τὸ ἀργύριον*, как в IG, I², № 94.16.

Двухпроцентную пошлину за аренду земли, домов и прочего должен был платить тот, кто сдавал перечисленные объекты в аренду (стк. 7). Далее, в лакуне стк. 7 и начале стк. 8, стояло слово, оканчивавшееся на *ζει*, которое уже давно в соответствии *-ἀπολαμβάνει* стк. 8 восстанавливалось как *[ἐνεχρά]ζει*. Такое восстановление привлекательно в первую очередь тем, что связывает стк. 8 с предшествующим текстом, иначе говоря, стк. 8 продолжает предписание относительно аренды. В реальном плане оно находит соответствие в аттической практике арендных контрактов. Эта практика предусматривала возможность того, что арендатор не вносил положенной арендной платы к установленному сроку, обязательно обусловленному контрактом. В таком случае объект аренды брался в залог и арендная

⁶⁸ Pleket H. W. Epigraphica, N 24.4.

⁶⁹ Ibid., N 25 (336—334 гг. до н. э.). Ср. № 42.40.

⁷⁰ Например: IG, I², N 94, 377.

⁷¹ Ср.: Ibid., № 43, 45 (аренда садов).

плата либо взималась из полученного урожая и прочего имущества арендатора, как в контракте дема эксонейцев 346/5 г. до н. э.⁷², либо взыскивалась с арендатора по суду, а объект аренды передавался другому желающему, как в декрете фратрии диалейцев 300/299 г. до н. э.⁷³ Декрет о пошлинах устанавливает, что если объект аренды взят в залог, то двухпроцентную пошлину все равно уплачивает арендодатель, т. е. тот, кто берет в залог объект аренды ([καὶ ἐὰν ἐνεχυράζῃ] и получает арендную плату (ἀπολαμβάνει τὸ μίσθωμα)), хотя временно и не в полном объеме. В этом и состоит смысл оговорки декрета: пошлина с (годовой или полугодовой) арендной платы взимается и в случае нарушения контракта арендатором, при принудительном взимании платы с него.

Начиная с стк. 9, где упоминаются апойкии и клерухии, терминология исследуемого декрета находит соответствие в постановлении о лемносских клерухах. Ключевое слово здесь — ἐλευθέρος сткк. 9—10, которое, как известно, определяет свободное состояние объекта, например имущества⁷⁴, или субъекта в плане рабство — свобода, либо в смысле свободного от долгов состояния. Процедура взятия в залог объекта аренды, как мы видели (ἐνεχυράζει сткк. 7—8), была следствием нарушения условий контракта по внесению арендной платы, что, как в упомянутом декрете фратрии диалейцев, могло привести к взысканию задолженности через суд. Таким образом, ὁ ὀφείων («должник») становился ὁ ὀφλὼν — тот же должник, но выплативший свой долг по суду. Ср. перечень τοὺς δὲ ἰοφλήοντας δίκας — «оштрафованных по суду» и не выплативших штрафы жителей Кеоса⁷⁵. При таком понимании слова ἐλευθέρος как антитезы слова τοὺς ὀφλόντας, восстановливаемого в стк. 9, сткк. 9—15 декрета увязываются с пре-

⁷² Michel Ch. Recueil, N 1354. 5—9: τὴν δὲ μίσθωσιν ἀποδιδόναι τοῦ Ἐκαστοβαίωνος μηνός, ἐὰν δὲ μὴ ἀποδιδῶσιν εἶναι ἐνεχυρασίαν Αἰξωνεῦσιν καὶ ἐκ τῶν ὠραίων τῶν ἐκ τοῦ χωρίου καὶ ἐκ τῶν ἄλλων ἀπάντων τοῦ μὴ ἀποδιδόντος. То же и в декрете IG, II, № 565.

⁷³ Michel Ch. Recueil, № 1357. 33—41: если не внесет арендную плату (μίσθωσιν) в установленное время... то диалейцы могут ἐνεχυράζειν πρό δίκης καὶ μισθῶσαι ἑτέροι. . . Были и другие меры, принимаемые по отношению к арендаторам, нарушившим условия контракта.

⁷⁴ Dem., XXXV, 21; Syll.³, N 364. 36—37.

⁷⁵ Michel Ch. Recueil, № 1341 (V в. до н. э.).

дыдущей клаузулой об аренде недвижимости, а сткк. 5—15 в целом приобретают тематическое единство и трактуются в одном плане как установления о выплате пошлин за аренду земли и прочей недвижимости в Афинах, их апойкиях и клерухиях, в связи с которой, как в декрете о лемносских клерухах, фигурируют должники и перечисляются мероприятия афинских властей по ликвидации задолженности. В этом декрете, как было показано выше, по причине задолженности арендаторов идет речь о взимании долгов с них, в связи с чем упоминаются опись имущества, привлечение к суду, устанавливается срок выплаты долга, штрафы, фиксируются конфискованные хозяйства, претензии општрафованных и тяжбы по поводу проводимых властями мероприятий (№ 17.7 сл.). Такой контекст и позволяет восстанавливать в стк. 9 декрета о пошлинах τὸς ὀφλόντας — «општрафованных по суду должников» — как коррелят к ἐλευθέρως следующей строки. Ср. также афинское постановление о святилище Диоскуров, где в разрушенном контексте упоминаются двухпроцентная пошлина и должники ⁷⁶. Оговорка декрета о пошлинах, что освободить от штрафа можно тех, кто вел себя спокойно и лояльно по отношению к афинским властям, явно соотносится со στασιάζοντες декретов о лемносских клерухах (№ 17.52) ⁷⁷.

Содержание сткк. 11—15 составляют предписания, развивающие предыдущую клаузулу об освобождении општрафованных от долга и устанавливающие порядок прохождения этой процедуры. Стк. 12 имеет соответствие в стк. 18 декрета о лемносских клерухах, где назначается срок уплаты долга к определенной притании. Следовательно, в лакунах сткк. 11 или 12 должно содержаться указание на взимание выплат с општрафованных ⁷⁸. В декрете о Гестиэе, как указывалось выше, освобождение осужденных по суду, вероятно, также связывалось с возвращением их долга (№ 12.10—13).

⁷⁶ IG, I², № 127. Ср. также: ἡο ἡαλός («осужденный») декрета о Гестиэе (№ 12.10); IG, I², № 6.31 — ὀφλόντας и IG, I², № 9.3 — ὀφλον[— —].

⁷⁷ Ср.: IG, II², N 1052.14.

⁷⁸ Ср.: IG, I², № 116.15—17: πράξιν при τι ὀφελόμενον — задолженность и ее взимание (ср. также № 12.6). К восстановлению πράχας. . . γίγνεσθαι ср.: Syll.³, N 364.67: αἱ πράξεις γεγόνασιν.

В плане предложенной реконструкции содержания исследуемого декрета *kuría êkklēsia* стк. 13 и, вероятно, 15 — это периодически созываемое народное собрание соответствующей апойкии (ср. № 13.22) или Афин (применительно к клерухам и жителям Афин). *Τέλη* стк. 14 имеет соответствие в декрете о выводе неизвестной колонии (№ 6.12): речь идет, надо полагать, об обычных налогах, выплачиваемых колонистами.

Декрет о пошлинах показывает, насколько глубокой была связь афинских колоний с их метрополией в сфере экономики. Апойкиям как членам Морского союза Афины диктовали размер пошлин с продажи различных товаров и при аренде недвижимости. Для клерухов их предписания были обязательны как для афинян.

Проведенное исследование эпиграфического материала позволяет, привлекая свидетельства литературных источников, реконструировать в общих чертах весь процесс отправления колонистов и основания полиса. При этом приходится признать, что такая реконструкция, учитывая многообразие форм, вызванное локальными особенностями, поневоле несколько схематична. Поэтому вовсе не обязательно, что все характерные черты колонизации будут находить свое отражение в каждом конкретном случае. Предлагаемая реконструкция — это обобщение известных нам фактов и представлений о выведении колонистов и основании полисов.

Древнегреческое колонизационное движение в основном осуществлялось в форме вывода апойкий. Процесс этот состоял из двух последовательных этапов: отправление колонистов и основание нового полиса. Апойкия в традиционном смысле образовывала самостоятельный полис с собственным гражданством, своими общественными учреждениями и своим *jus soli*. Другой формой колонизационной деятельности был вывод эпойков. Традиционная эпойкия представляет собой контингент колонистов, отправляемых для усиления военного потенциала какого-либо уже существующего полиса. Формально поселения эпойков именовались эпойкиями или апойкиями.

Набор колонистов производился различным образом: при помощи жребия, посредством обязательного набора среди всего населения, но самым обычным способом был набор лиц, добровольно пожелавших отправиться в колонию. Численность колонистов обыкновенно была невелика: в экспедицию отправлялось не менее 100, редко — более 1000 чел. Обычно выведение колонии осуществлялось под эгидой полиса, объявлявшего набор колонистов; иногда для этой цели объединялись два или больше государств. В V в. с лиц, записавшихся в число колонистов, отправлявший колонию полис взимал денежный залог для подтверждения участия в предприятии. Колониальную экспедицию возглавлял назначаемый государством ойкист

(в архаическую пору — архагет), обычно выбиравшийся из древнего знатного рода; в Афинах им мог быть также известный государственный деятель (например, Гагнон, Демоклид).

Приняв решение о выводе колонии, тот или иной полис отправлял группу в несколько человек на поиски наиболее удобного места для основания города, при этом прежде всего учитывалась его пригодность для земледелия.

Перед отправлением экспедиции с давних пор было принято запрашивать оракул; в древнейший период прибегали к Додонскому оракулу, однако в процессе Великой греческой колонизации на первое место выдвинулось Дельфийское святилище. Афинские колонисты, однако, к оракулу не прибегали, обходясь собственными жертвоприношениями.

Отправлявшиеся колонисты клятвенным образом обязывались поддерживать интересы своей метрополии в различных делах и ни в коем случае не отпадать от нее. Обычно, эта клятва, как можно полагать, сохраняла силу на протяжении жизни одного поколения. При этом иногда принималось постановление, регулировавшее устройство будущего полиса. С согласия обеих сторон отдельные пункты такого постановления могли быть изменены.

Прибыв к месту основания города, колонисты прежде всего сооружали оборонительные стены, после чего приступали к разделу земельных участков. Для этого от каждой филы (или группы колонистов) выделялся один человек в комиссию геономов, которые и занимались разделом. Распределение земли производилось сначала по филам (группам), затем каждый колонист получал участок в том районе, который достался его филе. Каждый колонист получал в городе ойкопедон — площадь, отведенную под строящийся дом, двор и хозяйственные постройки при нем; в отдельных случаях к ойкопедону прирезался приусадебный участок.

Раздел хоры производился так, что на долю каждого колониста приходилось два или более участка в различных массивах. Земля ценилась в зависимости от качества почвы и по степени близости к городу. Размеры участков определялись естественными ресурсами местности и величиной хоры полиса. Один участок определенных размеров представлял собой так называемый «основной надел», представлявший собой земельный ценз, необходи-

мый для того, чтобы считаться полноправным гражданином. Дополнительные колонисты — эпойки — получали ойкопедон в черте города и меньшие наделы из неподеленной земли; они не имели основного надела, что лишало их доступа к высшим магистратам.

В афинской колонизационной практике большое значение придавалось теменам, которые сдавались государством в аренду. По существующему обычаю десятая часть вновь обретенных государством земель отводилась под эти священные участки. В клерухиях арендная плата с теменов отчислялась в государственную казну.

Как правило, социально-политическое устройство метрополии воспроизводилось в колонии (разумеется, за исключением тех случаев, когда основание нового полиса было предпринято оппозиционными элементами). Сохранялась также прежняя социальная стратификация общества. Контингент колонистов, принимавших участие в объявленной государством экспедиции, состоял из свободных граждан, которые и составляли костяк полноправного гражданского общества будущего полиса. Ряду греческих полисов была свойственна олигархическая по своей сути система выделения группы первых колонистов и их потомков в сословие полноправных граждан, в результате чего, по цитировавшимся словам Аристотеля, «меньшинство свободных властвовало над большинством несвободных», поскольку «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляли незначительную часть всего населения»¹. Аристотель говорит о таком обычае на Фере и в Аполлонии на Ионийском море, колонии Коринфа и Керкиры. Так же обстояло дело в Кирене, колонии Феры, и Черной Керкире, колонии Иссы. Исходя из связи между Ферой и Киреной, можно полагать, что это явление было свойственно и колонизационной практике Коринфа, поскольку оно засвидетельствовано в отношении его двух колоний (Исса основана Сиракузами, колонией Коринфа), и Спарты, выславшей колонию на Феру. По всей видимости, данная черта характерна для общегреческой колонизационной практики в целом, поскольку такие олигархические институты, как правление «ста» или «тысячи» в Опунте, Локрах Эпизефирских

¹ *Arist., Pol. IV, 3, 8.*

и других полисах, «шестисот» в Массалии, тоже могут рассматриваться как возникшие в результате закрепления привилегированного положения первых колонистов и их потомков.

Свободные переселенцы, прибывавшие после основания полиса (т. е. в сущности эпойки), обычно получали неполные гражданские права. В случае острой нужды полиса в военной силе эпойкам, однако, могли обещать предоставить равные права, но такие обещания, видимо, не всегда выполнялись. Например, в нарушение постановления о разделе земли в случае приема эпойков жители одного из западнолокридских полисов предоставили колонистам участки не в основной части хоры, как предписывал закон, а в худших массивах. Судя по тому же декрету, принятие эпойков в число граждан полиса сопровождалось дискриминационными законодательными мерами, направленными на ограждение интересов исконного населения.

В качестве дополнительных переселенцев в колонию уходили и различные слои зависимого, несвободного населения метрополии. Таким образом, среди колонистов можно выделить три группы людей: полноправные, свободные неполноправные граждане и, наконец, зависимые слои несвободных. Социальная неоднородность переселенческой массы порождала дух корпоративности: при разделе земельных участков и соответствующем определении степени полноты гражданских прав равенство соблюдалось внутри отдельных групп колонистов, но не между ними. Социальный статус колониста, следовательно, определялся двумя факторами — местом, занимаемым в социальной иерархии метрополии, и принадлежностью к той или иной группе колонистов — основателей полиса. Более прочная экономическая база колонистов второй и третьей групп на новом месте жительства, побуждая их к борьбе, могла способствовать изменению их социального статуса.

При устройстве нового полиса обычно сохранялось старое деление на филы. Но при наличии разношерстной массы переселенцев в полисе могли быть образованы новые филы. Колонисты вносили подати по повому месту жительства. Включение колониста в филу и налоговые списки, собственно, и означали получение им гражданских прав в колонии. Общественные учреждения нового полиса обычно повторяли институты метрополии, что особенно ясно видно на примере афинских колоний, которые

буквально копировали органы народной власти, гражданские разряды, систему налогового обложения, законодательство и прочие социальные институты метрополии. Если колония основывалась двумя или более полисами, то магистратуры могли быть смешанными, как, например, в Геракле Луканской.

Обычно колонии сохраняли разнообразные связи с метрополией. Пребывая в метрополии, колонисты оказывались на положении привилегированных ксенов. Они могли принимать участие в общенародных и групповых культовых отправлениях. Из жителей метрополии для них назначались простаты. Их судебные дела подлежали первоочередному рассмотрению. За ними сохранялись и права наследников. Они могли передавать или завещать свое имущество по собственному усмотрению. Одна из существенных привилегий состояла в обусловленном праве колониста на возвращение в метрополию.

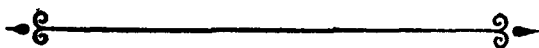
Со своей стороны колонисты должны были назначать простата для жителя метрополии, уступать ему первенство при жертвоприношениях. На общенародных празднествах колония воздавала «положенные почести» своей метрополии. Между метрополией и колониями существовали дружеские отношения, основанные на взаимном равноправии. В случае необходимости они оказывали помощь друг другу. Вражда Керкиры со своей метрополией — Коринфом рассматривалась как нечто из ряда вон выходящее.

Совершенно особая картина наблюдается в отношениях между Афинами и их колониями, выведенными в V в. Многие традиционные нормы взаимоотношений между колониями и метрополиями получили своеобразное преломление в афинской колонизационной практике. Афины определяли внешнюю политику колоний, связывая их системой не только двухсторонних, но и многосторонних договоров. Афинские колонии были обязаны помогать метрополии в ее многочисленных военных предприятиях. Эти обязательства находили символическое выражение в установленном афинянами обычае принесения колонистами паноплии на Великие Панафины. Интересам Афин была подчинена и внутренняя политика колоний: государственное устройство, раздел земельных угодий, наконец социальная структура были заранее определены афинскими властями. Афинские декреты о Гестиэе показывают, насколько тщательно и подробно регламентировались

различные стороны государственного устройства колонии и ее внутренняя жизнь, вплоть до установления тарифов на проезд в Гестиэю. Детальным образом регламентировались также вопросы судопроизводства в колонии, в особенности относящиеся к области юридических взаимоотношений между жителями метрополии и колонистами. Наконец афинские власти регламентировали всеобщее налоговое и пошлинное обложение в своих колониях.

Нормы взаимоотношений между Афинами и их колониями во многом определили характер отношений, существовавших между членами Делосской симмахии и их гегемоном. Такие меры, как всеобщее пошлинное обложение и требование периодического принесения символических даров, были сначала декретированы афинянами в отношении своих колоний, а затем распространены и на всех союзников.

Афинские колонии были тесно связаны с метрополией в различных сферах взаимоотношений. Они предоставляли метрополии денежные средства, военные силы, сырье, в том числе строевой лес для флота — основы афинского могущества. Колонии являлись форпостами афинского влияния во многих районах эллинского и варварского мира. Важное значение для Афин разветвленной сети колоний, тысячью нитей связанных с метрополией в военно-политическом и экономическом отношении, позволяет говорить о существовании особой афинской колониальной архэ — системы колоний, являвшейся основой и важнейшей составной частью афинской морской державы.

I. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ КОЛХИДЫ

4—11 мая 1977 г. в Цхалтубо состоялся симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. К этому симпозиуму была выпущена книга О. Д. Лордкипанидзе «К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья»¹. Содержание ее вкратце таково.

Сначала приводятся данные античных источников о греческих городах Колхиды (Фасис, Диоскуриада, Гиэнос), которые «содержат лишь упоминание поселений греков (милетян) на Колхидском побережье, но ничего не сообщают об их политической и социально-экономической жизни, о взаимоотношениях с местным населением и т. д.» (с. 8). Скудость письменных источников и археологическая неизученность самих греческих городов определили, как указывает автор, различие мнений о характере греческой колонизации Колхиды. Традиционная точка зрения заключается в том, что колхидские колонии были типичными греческими полисами (А. И. Болтунова), однако этот тезис, по мнению О. Д. Лордкипанидзе, «не находит буквально никаких подтверждений ни в письменных источниках, ни в археологических материалах» (с. 10). Археологические же исследования двух последних десятилетий говорят о высоком уровне социально-экономического и культурного развития Колхиды, что заставляет думать о значительной роли местного населения в возникновении и развитии здешних приморских городов, а следовательно, ставит вопрос и об особенностях процесса греческой колонизации Колхиды. Вместе с тем, продолжает автор, относительно конкретных форм и характера греческой колонизации мнения разошлись. Так, по Г. А. Меликишвили, греческие города не только не оказали никакого влияния на политическую жизнь Колхиды,

¹ Тбилиси, 1977. 108 с.

по и сами подпали под влияние крупного местного политического образования и были его значительными торговыми центрами, сыгравшими большую роль в социально-экономической жизни Колхиды².

Согласно М. II. Инадзе, при основании Фасиса и Диоскуриады «имело место перенесение сюда греческих форм городской организации, однако влияние высокоразвитой местной среды помешало дальнейшему развитию греческой самостоятельной замкнутой городской общины. Поэтому перенесенные сюда формы городской организации лишь внешне сохранили греческий облик, по существу же в ней важную роль играл местный элемент (пользование правом гражданства, участие в городском управлении и т. д.)³. Как считает сам О. Д. Лордкипанидзе (и с ним согласен Т. К. Микеладзе), греческие поселения в Колхиде представляли собой эмпории, основанные при местных крупных поселениях городского типа⁴.

² Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 244.

³ Инадзе М. II. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, с. 157.

⁴ Далее автор рассматривает некоторые общие вопросы великой греческой колонизации. В этом разделе вызывают удивление терминологические разъяснения О. Д. Лордкипанидзе: «... следует самым решительным образом отличать друг от друга основание городов в процессе вынужденных переселений — то, что сами греки называли «апоикна» (ἀποίκια), т. е. «выселение» или «переселение», а само поселение — апоикис (ἡ ἀποικίς) от основания торговых поселений и городов, т. е. эмпорий (τὸ ἐμπόριον)» (с. 25). Замечу по этому поводу, что у греческих авторов и в надписях словом ἀποικία обозначалось само основанное поселение, т. е. колония, и лишь в позднегреческом языке это слово приобрело в редких случаях также значение «переселение, миграция» (в словаре Линдсэла—Скотта—Джоупса приводится только один пример такого словопотребления, см: *Philo Jud.*, 2, 410). Слово же ἀποικίς — «колония» — чрезвычайно редкое сравнительно с ἀποικία и употреблялось в указанном значении вкупе со словом πόλις, реже — без него. Наконец слово ἐμπόριον не относилось к особому торговому типу колонии — им обозначался торговый выселок какого-либо полиса в пределах его хоры или ближней зоны его экономического влияния, территориально близкой (как эмпорий эгестия, акрагантия — *Stb.*, VI, 266; ср. также VI, 256, VI, 283 и т. д.), либо же в дальней зоне экономического влияния, но в пределах того же географического ареала — части суши или залива (например, эмпорий, основанный массалиотами на юге Галльского залива, в котором расположена и сама Массалия, — *Stb.*, III, 159 и т. д.). Если же такой торговый выселок отправлялся в другую географическую

Поскольку греческие города Колхиды еще не обнаружены, продолжает О. Д. Лордкипанидзе, единственный реальный путь, чтобы определить их характер (полисы или эмпории?), заключается в археологическом исследовании их предполагаемой хоры. Сравнение полученных данных с материалами из Средиземноморья и Причерноморья, в первую очередь признаков, характеризующих влияние городов-колоний разных типов на окружающие их территории, позволит сделать вывод о характере греческих городов-колоний Колхиды. Для определения условий, в которых происходило основание греческих колоний, О. Д. Лордкипанидзе рассматривает археологические материалы прибрежной Колхиды VIII—VI вв.; отдельно — для определения степени греческого влияния — рассматриваются материалы VI—V вв. до н. э.

Археологические данные, заключает автор, свидетельствуют о том, что до начала и в период греческой колонизации Причерноморья прибрежная полоса Колхиды была густо заселена, и здесь высокого уровня достигли металлургия и земледелие. Известен ряд крупных колхских поселений, некоторые из которых О. Д. Лордкипанидзе квалифицирует как поселения городского типа. В VI—V вв. жизнь во многих из них продолжается и они по-прежнему сохраняют чисто местный облик. О. Д. Лордкипанидзе подробно рассматривает археологические материалы из Кубулети — Пичвнари и Гиэноса (Очамчире), а также из окрестностей Диоскуриады и Фасиса. Всюду его выводы однозначны — эллинизм представлено только импортом и нигде на прибрежной полосе Колхиды не отмечено каких-либо значительных сдвигов или перемен в образе жизни местного населения. «Если считать, что эти поселения (речь идет об окрестностях Фасиса. — В. Я.) возникли на базе греческого города, то здесь если не все, то ведущее должно быть греческим. На самом же деле эллинизм представлено только импортом (ионийские и аттические изделия), который весьма незначителен и то-

зону, это была обычная апойкия, имевшая своего ойкиста (здесь решающим оказывался фактор значительной удаленности от метрополии, не позволявший ей осуществлять постоянный действенный контроль над поселением); ср. афинский декрет 325 г. до н. э. об отравлении колонии в Адриатику, которая фактически служила эмпорием, торговым пунктом афинян, но формально считалась апойкией (№ 14.175—177, 217—232).

нет в общей массе местного материала» (с. 45). Все это, по мнению О. Д. Лордкипанидзе, свидетельствует о том, что Колхида в VI—V вв. не подверглась сильной эллинизации, что наблюдается в других районах греческой колонизации.

Исходя из этого О. Д. Лордкипанидзе считает возможным предположить, что в Колхиде не было самостоятельных греческих полисов. Условия, в которых протекала здесь греческая колонизация, — наличие Колхидского государства с поселениями городского типа, с развитым ремесленным производством, наличие на побережье местного населения, производственная деятельность которого была связана не только с земледелием и ремеслом, но и с морем, — по мнению автора, должны были существенно ограничить ее возможность и препятствовать образованию независимых греческих полисов. По окончательному заключению О. Д. Лордкипанидзе, уже без первоначальных оговорок «может быть» или «возможно», «греки не принесли в Колхиду тогда сложных эллинских форм политической и социальной организации». Здесь не возникло полисов «с глубокой структурностью и территорией», т. е. полисов «со сложной и строгой организацией земельного пространства в городе и далеко за его чертами» (с. 78). «Греческие поселения в Колхиде представляли собой торговые колонии, или эмпории, основанные в богатой природными ресурсами стране, главным образом с целью получения металла» (с. 79). Другими статьями вывоза были лес и лен. Греческий керамический импорт в Колхиде, отмечает автор, говорит о распространении греческих, главным образом ионийских, изделий в VI в. в прибрежной полосе до Фасиса, а по реке — и во внутренние районы страны. Севернее Фасиса находки греческой керамики единичны для VI в. Поскольку остатки греческих поселений этого столетия еще не открыты, трудно судить о том, приняли ли уже в это время греческие торговые поселения в Колхиде организованную форму, что можно было бы предполагать, исходя из сведений античных авторов, приписывавших их возникновение деятельности Милета (колонизационные предприятия которого закончились к началу V в.). В V в. наблюдается активизация афинской торговли.

В заключение О. Д. Лордкипанидзе пишет: «Включение Колхиды в орбиту высокоразвитой греческой международной торговли, несомненно, усложняло экономиче-

ские структуры колхидского общества, а в первую очередь — структуру внутриколхидской торговли. Наиболее ярким ее проявлением следует считать возникновение денежного обращения: с последней четверти VI и в течение V—IV вв. до н. э. по всей Колхиде широко обращаются серебряные монеты (так называемые колхидки) разных номиналов» (с. 96). О. Д. Лордкипанидзе рассматривает вопрос о колхидках и приходит к выводу, что это — не греческая полисная чеканка, а колхидская, предназначенная для обращения на внутреннем колхидском рынке.

В обстоятельной работе О. Д. Лордкипанидзе дана широкая картина развития Колхиды в VI—V вв., собран обильный археологический материал, наглядно иллюстрирующий тезис о высоком уровне экономического развития колхидского общества. По сути дела содержание книги даже не соответствует ее заголовку: основное внимание уделено не столько греческой колонизации, сколько характеристике колхидской материальной культуры. К сожалению, собранный автором обильный материал сильно обесценивается существенным методическим недостатком: буквально с первых страниц книги обнаруживается ее заданность — анализ письменных, археологических, нумизматических и топонимических данных сознательно направлен на доказательство тезиса о невозможности возникновения в Колхиде VI—V вв. до н. э. самостоятельных греческих полисов ввиду очень высокого уровня развития колхидского общества, который допускал лишь основание здесь факторий.

Рассмотрим под этим углом аргументацию автора.

Безусловно, греческая колонизация Колхиды носила своеобразный характер, что, впрочем, справедливо практически для всех областей, втянутых в орбиту греческого колонизационного движения. Что действительно отличало Колхиду, к примеру, сравнительно с Боспором, так это относительно высокий уровень развития местного населения, обладавшего развитым металлургическим и керамическим производством. Но этот фактор мог повлиять — и повлиял — лишь на характер деятельности основанных здесь греческих колоний (ориентация на торговлю), но не на их сущность — полисный характер устройства колоний. К примеру, в Сицилии позднебронзового и раннежелезного века было не менее развитое сравнительно с Колхидой металлургическое и керамическое произ-

водство⁵, была там и царская власть⁶, однако эти факторы нисколько не помешали грекам основать здесь многочисленные полисы.

В процессе великой греческой колонизации выработалась главная форма основания — апойкия, т. е. полис; эти понятия равнозначны в силу того, что развитие городской жизни в Греции переживало процесс становления в ходе колонизационного движения раннеархаической поры. Благодаря культурно-экономическому превосходству греки основывали свои полисы по всему Средиземноморью и Понту (при всем многообразии местных условий в различных районах), и только в одном регионе — на Ближнем Востоке — они не смогли сделать этого. Главной причиной здесь было высокое развитие городской жизни на территории Сирии, Палестины и Финикии, уходившее корнями в традиции великих ближневосточных цивилизаций II тысячелетия до н. э. Высокий уровень городской цивилизации на Ближнем Востоке, сопровождавшийся традиционно развитым мореходством, определил то обстоятельство, что здесь полисы были попросту нецелесообразны для греков и не нужны местному населению, в силу чего эллины основывали только торговые фактории при местных центрах — это археологически известные нам поселения Аль-Мина, Таббат аль-Хаммам, Телль-Сукас и др.⁷ В Колхиде же подобный фактор начисто отсутствовал, здесь еще только развивалась городская жизнь и, таким образом, отсутствовали материальные причины, которые могли бы препятствовать основанию греческих полисов.

В работе О. Д. Лордкипанидзе приводятся некоторые данные о развитии городской жизни в Колхиде — характеризуются как поселки городского типа поселения у Батуми и Кобулет — Пичвнари, но датировка их суммарна («начало I тысячелетия» — с. 29, «VI—II вв.» — с. 31), не говоря уже о том, что не приведены признаки классификации их в качестве таковых. Когда будет доказано, что в Колхиде VI в. до н. э. существовала высокоразвитая городская цивилизация, сопоставимая по уровню с ближ-

⁵ *Bernabo Brea L. Sicily before Greeks.* — N. Y., 1966, p. 130 f.

⁶ См.: *Thuc.*, VI, 4, 1.

⁷ См.: *Ritts P. J. The First Greeks in Phoenicia and their Settlement at Sukas.* — *Ugaritica*, 1969, 6, p. 435 f.; *Boardman J. The Greeks Overseas.* Harmondsworth, 1973, p. 38 f.

невосточной, лишь тогда будут веские основания говорить о невозможности образования здесь греческих полисов. Поскольку же каких-либо перспектив в этом отношении не наблюдается, можно смело утверждать, что в Колхиде отсутствовал основной фактор, который мог бы решительно повлиять на политическую форму устройства греческих колоний.

Следующий довод О. Д. Лордкипанидзе состоит в том, что образованию греческих полисов в Колхиде препятствовало наличие здесь в VI в. государства с централизованной царской властью. Тезис о существовании колхидского государства в VI в. спорен⁸, и настаивать на этом аргументе нельзя. По-видимому, в указанном столетии существовало какое-то объединение колхских племен (в этом отношении привлекателен тонкий анализ данных Геродота, звучавший в выступлении Т. К. Микеладзе на симпозиуме), но социальный характер этого объединения — государственный или догосударственный — нам неизвестен. Если и решать данный вопрос положительно, то наличие царской власти ни в коей мере не может служить аргументом подобного рода: существование ее в Сицилии и Испании, к примеру, не мешало, а наоборот, способствовало установлению греческих полисов⁹.

Еще один аргумент О. Д. Лордкипанидзе — наличие развитой жизни на побережье: местные поселения с высоким уровнем развития существовали здесь задолго до начала греческой колонизации, причем они продолжают жить и развиваться и в античную эпоху (с. 42 сл.). По словам О. Д. Лордкипанидзе, побережье было занято местными поселениями, так что плодородных земель, необходимых для функционирования греческих полисов, не оставалось. В этом отношении следует заметить, что сами материалы, приведенные в работе О. Д. Лордкипанидзе, явно свидетельствуют о количественном увеличении колхских поселений на побережье именно в VI—V вв., т. е. с основанием греческих колоний местное население вовлекалось в их экономическую деятельность и «подтягивалось» к ним в пространственном отношении, образуя новые поселки. Такое явление было свойственно греческой

⁸ Ср.: *Болтунова А. И.* Колхи и держава Ахеменидов. — В кн.: *Проблемы античной истории и культуры.* Ереван, 1979. 1. с. 51—55.

⁹ *Идт.*, I, 163; *Thuc.*, VI, 4, 1.

колонизации в различных районах и особенно наглядно прослеживается в Нижнем Побужье и Подпестровье, где с основанием греческих колоний — Березани, Ольвии, Тиря и Никопия — в хоре возникают многочисленные сельскохозяйственные поселения, лепная керамика которых свидетельствует о присутствии фракийского, скифского степного и лесостепного населения¹⁰. Таким образом, местные поселения в прибрежной полосе Колхиды не только не могли служить препятствием к возникновению здесь греческих полисов, но, напротив, основание последних стимулировало их количественный рост. Кстати, образование новых поселков само по себе свидетельствует о наличии незапаятых еще массивов земли на побережье.

Особое значение О. Д. Лордкипанидзе придаст отсутствию элементов эллинизации поселений хоры, ярко проявляющихся в Сицилии и Южной Италии, а именно: 1. Образование смешанных этнических групп. 2. Отсутствие урбанистических элементов, в частности строительной техники. 3. Отсутствие широкого сбыта изготовленных в колониях ремесленных изделий и какого-либо влияния греческих форм на местную керамику. 4. Не отмечается обращение местной полисной монеты.

Прежде всего следует отметить, что степень и характер эллинизации в различных районах в зависимости от местных условий были неодинаковы, поэтому требование обязательного наличия в Колхиде элементов, зафиксированных в Великой Греции, чисто методически неправомерно, не говоря уже о том, что археологические исследования Сицилии и Южной Италии ведутся более века, а в Колхиде по сути дела еще только начаты (применительно к проблеме греческой колонизации). Тем не менее рассмотрим и эти аргументы О. Д. Лордкипанидзе.

Что касается первого пункта, то он необязателен для колоний с торговой ориентацией, какой был, судя по всем признакам, Фасис (см. ниже). Последний пункт был убедительно опровергнут Г. Ф. Дундуа, который показал, что колхидки были полисной монетой, получившей

¹⁰ См.: Марченко К. К. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. — ВДИ, 1974, № 2, с. 149 сл.; Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. — Археологический сборник, 1961, 2, с. 31 сл.

хождение по всей Колхиде ¹¹. Утверждение об отсутствии влияния греческих форм на местную керамику не вполне точно: при осмотре материалов второй половины VI в. из раскопок поселения в Симагрэ, находящегося в предполагаемой хоре Фасиса ¹², Л. В. Копейкиной и мною был отмечен светильник местного производства, полностью подражающий форме открытых греческих светильников VI в. Думается, что объективный разбор всех керамических материалов из прибрежных поселений дал бы и другие образцы подобного рода, но и отмеченного факта достаточно для констатации греческого влияния на местное керамическое производство, тем более что оно вряд ли было очень интенсивным в силу высоких местных традиций гончарного ремесла.

Что же касается отсутствия элементов греческой строительной техники в поселениях хоры, то наличие их необязательно: греки скорее должны были усвоить здешние традиции деревянного зодчества, хорошо адаптированного к местным условиям. К тому же О. Д. Лордкипанидзе не разъясняет, что он подразумевает под элементами греческой строительной техники (известно, что в Северном Причерноморье, к примеру, техника домостроения в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, на Тамани имела свои особенности). Судя по выражению «распространение элементов греческого урбанизма (в первую очередь строительной техники)» (с. 74), О. Д. Лордкипанидзе, вероятно, имеет в виду прежде всего каменное строительство. Однако для греческих поселений Причерноморья в VI—первой половине V в. наличие каменного домостроения в хоре довольно редко даже при наличии каменных строений в городе ¹³.

¹¹ Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 280—283. Ср. также: Болтунова А. Н. Колхидки. — ВДИ, 1973, № 4, с. 92 сл.

¹² Ср.: Микеладзе Т. К. Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса). — КСИИ, 1977, 151, с. 12 сл.

¹³ Например, основной тип жилища на многочисленных поселениях ольвийской хоры — землянки и полуземлянки (VI—V вв.). Каменные фундаменты и стенка полуземлянки здесь встречаются в единичных случаях — на поселениях Старая Богдановка II, Широкая балка и Викторовка I. См.: Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья. . . , с. 39; Капошина С. И. Из исто-

Наконец тезис об отсутствии широкого сбыта изготовленных в колониях ремесленных изделий существует, но поставлен преждевременно: этот вопрос может быть серьезно решен в полном объеме лишь после раскопок собственно греческих городов, в первую очередь Фасиса и Диоскуриады, и определения в каждом конкретном случае их производственного облика ¹⁴.

Таким образом, анализ аргументации и основных положений работы О. Д. Лордкипанидзе показывает, что утверждаемый в ней тезис о невозможности основания греческих полисов в Колхиде VI в. несостоятелен практически ни в одном компоненте. Концепция О. Д. Лордкипанидзе не только не соответствует уже накопленным фактам, но и в силу своего антиисторического характера делает бесперспективным направление археологических исследований в прибрежной Колхиде: сколько ни раскапывать далее одни лишь местные поселения, будет происходить более количественное, нежели качественное накопление фактов. Напротив, широкие раскопки Фасиса, Диоскуриады, Кобулет и Пичвнари — Гизноса и других греко-колхских центров позволят воссоздать историческую картину развития колхского общества во всей ее полноте и многообразии связей с эллинской цивилизацией ¹⁵.

рин греческой колонизации Нижнего Побужья. — В кн.: Оливия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л., 1956, с. 244.

¹⁴ Что касается греческого влияния в Колхиде VI—V вв. вообще, то его проявления были рассмотрены Г. А. Лордкипанидзе (Проблемы греческой колонизации. . . , с. 322—326). К ним можно добавить как результат влияния греческой мифологемы головы минотавров (выполненные в камне и монументальные по размерам), которые были найдены в окрестностях Кутаиси (V в. до н. э., по убедительной датировке Ш. Я. Ампираншвили). Утверждая же, что чернолаковая ваза из погребения V в. в Ихтвиси с греческим граффито является единственным примером употребления греческого письма в Колхиде (с. 105; очевидно, подразумеваются VI—V вв., ибо от IV и последующих столетий материалы многочисленны), О. Д. Лордкипанидзе не учитывает материалов А. Ю. Кахидзе (многочисленные граффиты Кобулет и Пичвнари, из которых опубликована лишь небольшая часть: *Кахидзе А. Ю.* Античные памятники Восточного Причерноморья. Батуми, 1975, табл. VIII, X).

¹⁵ Памятники фасисской округи залегают очень близко к современной дневной поверхности (например, в Симатра — на глубине около 0,5 м). Это обстоятельство наводит на мысль о том, что поиски Фасиса затруднены не только из-за физических условий местности.

Своеобразие греческой колонизации Колхиды заключалось не в том, что там были основаны греческие фактории при местных крупных центрах, а не полисы, но в преимущественной торговой ориентации основанных здесь эллинских городов, что было установлено исследованиями М. П. Инадзе, А. И. Болтуновой, Г. А. Лордкипанидзе и других ученых. Богатые сырьевые запасы, высокий уровень металлургии, развитые земледельческие традиции местного населения обусловили преимущественно торговый характер деятельности греческих колоний Колхиды, причем они в основном играли роль перевалочных пунктов, через которые осуществлялся обмен товаров метрополии на колхидское сырье и отдельные виды изделий. Эту роль могли выполнять и фактории, но что касается существа проблемы — полис или фактория, то здесь мы располагаем определенными свидетельствами письменных источников о том, что по меньшей мере Фасис был полисом. В этой связи различные исследователи неоднократно ссылались на фрагмент из «Политии фасиан», восходящей к Аристотелю¹⁶.

Другим неопровержимым доказательством служит указание Помпония Мелы (I, 108) на то, что у Фасиса был свой ойкист — Фемистагор, сын Деметрия. Ойкисты же были только у апойкий, т. е. полисов (в IV в. до н. э. также у некоторых афинских клерухий), но никогда — у факторий.

¹⁶ В выступлении Н. Ю. Ломоури на первом Цхалтубском симпозиуме была сделана попытка изменить смысл данного фрагмента: если читать не *φῆεν*, а *φῆεν* — «говорят», то привязка его к Фасису отпадает, тем более что гениохи в Колхиде не жили [следует опровержение ряда свидетельств, в том числе точного, основанного на автоисии указания Арриана (Per., 11, 2 Roos), их надо помещать на Северном Кавказе. (Проблемы греческой колонизации. . ., с. 383—386)]. На это можно сказать, что фрагмент, к счастью, обладает своей внутренней географической логикой: если речь в нем идет не о Колхиде, то где же на Северном Кавказе Н. Ю. Ломоури найдет милетян, о городе которых (т. е. колонии милетян) говорит данный фрагмент (напомню, что ближайшая к северу от Диоскуриады милетская колония — Гермонасса на Тамани). Никаких милетских колонистов на Северном Кавказе не было, так что традиционное отождествление этого фрагмента (по связке гениохи — милетские колонисты) с Колхидой остается в силе. Текст фрагмента испорчен, но попытки преуменьшить на этом основании его значение как свидетельства о наличии полиса милетских колонистов в Колхиде не состоятельны.

Таким образом, проблема полиса в Колхиде в том аспекте, в котором рассматривает ее О. Д. Лордкипанидзе — могли ли быть здесь греческие полисы или нет, — поставлена и решена искусственно. Действительная сущность проблемы полиса в Колхиде заключается в конкретном выяснении характера и форм симбиоза греческих и колхских элементов в местных греческих колониях, в определении реальной степени взаимовлияния колхидо-иберийского мира и греческих полисов Восточного Причерноморья. Первый шаг в этом отношении сделан — это раскопки А. Ю. Кахидзе в Кобулети — Пичвари, еще ожидающие полной и достоверной исторической интерпретации. Словом, будущее — за раскопками греческих полисов Колхиды ¹⁷.

II. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО КОЛОНИЗАЦИИ, РЕЛИГИОЗНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Литературные источники мало что сообщают о Березанском поселении. В «Хронике» Евсевия говорится об основании Борисфена на втором году 33-й олимпиады (или на первом году 34-й). Таким образом, основание Березанского поселения приурочивается к 647 г. (или 644 г.). Географы Птоломей и Мела лишь упоминают древнее

¹⁷ В выступлении на первом Цхалтубском симпозиуме О. Д. Лордкипанидзе отметил, касаясь моей критики его доклада, что я основывался при этом лишь на данных об уровне местного производства, а другие приведенные О. Д. Лордкипанидзе факты не отметил — экологические условия, демографическая ситуация, социально-экономическое и политическое развитие Колхиды, античный импорт и т. д. «Но самое интересное то, что после своих рассуждений Яйленко пришел к тому же выводу, что и я: «Эллинские города в Колхиде, — сказал он, — были ориентированы на посредническую торговлю. Они не обязательно должны были переходить к собственному производству. . .». Я прошу вас самих квалифицировать подобные методы научной полемики» (Проблемы греческой колонизации. . ., с. 400—401). Что касается односторонности моей критики, то, как и здесь, я говорил в своем выступлении по докладу О. Д. Лордкипанидзе о всех его основных аргументах. Что касается одного и того же вывода о торговом характере греческих городов Колхиды и их преимущественно посреднической роли, то отмечу, что это давний и бесспорный вывод. Не следует только смешивать факты: основные положения моей критики сводятся не к этому выводу, а к другому — отрицанию главного тезиса О. Д. Лордкипанидзе о невозможности образования в Колхиде греческих полисов.

название острова — Борисфен, а Страбон (VII, 3, 17) обмолвился о гавани на острове. Отсюда ясно, что основным нарративным источником о Березани являются надписи, причем от доримской эпохи до нас дошел только один лапидарный памятник — надгробие Мастора, остальные надписи — граффити и дипинти. Происходят они главным образом из раскопок Г. Л. Скадовского, Э. Р. Штерна, М. Ф. Болтенко, а также В. В. Лапина, ныне скончавшегося (как и другой исследователь Березани — Л. В. Копейкина). Граффити из раскопок Скадовского, Штерна и Болтенко только что переизданы¹. Великолепная лапинская коллекция граффити дает представление о составе березанских колонистов, о религиозной и культурной жизни первых веков существования этой древнейшей в Северном Причерноморье колонии².

§ 1. Состав березанских колонистов

Надписи представляют в наше распоряжение косвенные данные о составе березанских колонистов. Это — имена, особенности языка и шрифта надписей, позволяющие определить диалект и метрополию переселенцев. Выяснение указанных особенностей имеет *raison d'être* прежде всего на материале памятников VII—VI вв. до н. э. Сюда относятся лапидарное надгробие Мастора и несколько граффити. Рассмотрим сначала первый памятник.

В альбоме к дневнику раскопок Скадовского 1900—1901 гг. на березанском некрополе имеются три фотографии массивной известняковой плиты с надгробной надписью³.

¹ Яйленко В. И. Граффити Левки, Березани и Ольвии. — ВДИ, 1980, № 2 (далее — Граффити), с. 89—99.

² Предварительную публикацию этого материала см.: Яйленко В. И. Из березанского эпиграфического архива. — В кн.: XIV Международная конференция античников социалистических стран: Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 537—538; *Он же*. Ономастика Березани. — В кн.: II Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья: Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1979, с. 95—97; *Он же*. Малоазийско-балканские имена в граффити Березани и Ольвии VII—IV вв. до н. э. — В кн.: VIII конференция по Древнему Востоку. Тезисы докладов. Даугавпилс, 1980, с. 29, 31.

³ Архив Ленинградского отделения Института археологии. Археологическая комиссия, ф. 1, 1900 г., д. № 141, табл. VIII —

В настоящее время камень утрачен ⁴.

Согласно дневнику раскопок Скадовского, плита была найдена в 1900 г. в кладке круглой в плане каменной стены с входным проемом шириной около 1 м на юго-западной стороне ⁵. К сожалению, раскопщик — губернатор, погубивший для науки ценнейший березанский некрополь, не отметил характер залегания плиты в кладке (надписью наружу или вовнутрь, боком или прямо). Вполне возможно, что надпись была составной частью этого погребального комплекса и в таком случае середина VI в., когда на березанском некрополе кремация заменяется трупоположением, была бы хорошим *terminus ante quem* для датировки надписи. Характер этих под-

наиболее качественное воспроизведение надписи (рис. 1а); Там же, д. № 141^а, табл. XVIIIа и XVIIIв — еще два фотоснимка того же камня (рис. 1б, в). Выражаю благодарность дирекции ЛОИА, предоставившей эти материалы в мое распоряжение.

⁴ Лучшие вещи из раскопок Скадовского экспонировались в 1904 г. на выставке Археологической комиссии и тогда же были переданы в Эрмитаж. В их числе значится и плита с надписью: Архив ЛОИА, ф. 1, 1901, д. № 8, л. 25 — по каталогу А вещей Скадовского камень имеет № 498; лл. 32, 33 об. — № 498 каталога А значится в числе вещей, переданных в Эрмитаж; л. 25 — в перечне находок Скадовского номера присланных из Херсона вещей обведены синим карандашом, причем № 498 не обведен, что, по-видимому, означает, что камень не был прислан в Петербург. Странным образом В. В. Латышев прошел мимо этой уникальной надписи, хотя по своей должности товарища председателя Археологической комиссии он принимал участие в переписке, связанной с поступлением вещей Скадовского на выставку. Надо думать, что если бы камень поступил в Петербург, он оказался бы в поле зрения Латышева. С другой стороны, в 1907 г. фотограф Археологической комиссии И. Чистяков делал в Херсоне съемку вещей Скадовского (его негативы хранятся в фотоархиве ЛОИА), но плиту с надписью среди них мне обнаружить не удалось. Все эти прямые и косвенные данные заставляют думать, что камень с надписью не поступал в Эрмитаж (где его нет, как сообщали мне К. С. Горбунова и Л. В. Копейкина), а вскоре после находки был утрачен в Херсоне.

⁵ Архив Эрмитажа, ф. 1, он. 5, 1900 г., д. № 37, л. 72. Сооружение было обнаружено на девятой полосе, примыкающей к морю южной стороной (см. план раскопа Скадовского в кн.: *Лапин В. В.* Греческая колонизация, вклейка между с. 112—113). На плане раскопа, хранящемся в Одесском археологическом музее (далее — ОАМ), внутри кольцевой стены обозначены 6 захоронений, в том числе № 428, 431, 453. Толщина стены по плану — примерно поларшина, что с учетом визуальных наблюдений над фотографиями камня дает приблизительные размеры плиты с надписью: толщина ее около 0,4 м, ширина составляла примерно две толщины (до 0,8 м), высота — 1,7 ширины, т. е. примерно 1,5 м.

ковообразных сооружений определялся в литературе по-разному⁶. Могу отметить в этой связи, что подобные сооружения открыты, например, на архаическом афинском некрополе Керамика. Если же плита с надписью была вторично использована при возведении подковообразного сооружения, оно и ему подобные монументы должны относиться ко времени после середины VI в. — даты надписи по эпиграфическим признакам. Отмеченный факт, что данная кольцевая стена частично легла на более раннюю каменную площадку и кострище, пожалуй, свидетельствует в пользу вторичного употребления плиты с надписью. Однако до специального исследования этот вопрос остается невыясненным⁷.

Поверхность плиты основательно повреждена выбоинами, что сильно затрудняет чтение текста. Над пятистрочной надписью, идущей бустрофедоном, вырезано профильное изображение головы покойного в левом повороте (рис. 1г). Линия углублений, идущая от затылка к темени, как и абрис головы, указывают, что покойный был изображен в венке или с головной повязкой, либо же в шлеме или шапочке⁸. Незаполненные плоскости нехарактерны для архаических рельефов. В правой части стелы над надписью трудно что-либо разобрать, но, возможно, здесь помещалось обычное в таких случаях изображение оружия, т. е. на рельефе, вероятно, был изображен воин.

⁶ Кольцевая стена — не самое древнее сооружение на данном участке некрополя: согласно дневнику раскопок Скадовского (с. 72—74), она частично легла на более древнюю каменную площадку и кострище. Характер этих каменных подковообразных в плане сооружений не ясен. И. В. Фабрициус связывала их с кремацией покойников (Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев, 1951, с. 58). С. И. Капоштина видела в них культовые сооружения некрополя (Из истории греческой колонизации Причерноморья, с. 218). В. В. Лавин отрицал их связь с некрополем (Греческая колонизация... , с. 114 сл.)

⁷ К сожалению, мне не удалось выделить из альбома находок Скадовского керамику, найденную при погребениях внутри данного подковообразного сооружения, что прояснило бы до некоторой степени вопрос о характере и датировке как всего комплекса, так и надписи.

⁸ Ср.: Richter G. M. A. The Archaic Gravestones of Attica. L., 1961, pl. 80, 107—108; Snodgrass A. M. Arms and Armour of the Greeks. L., 1967, pl. 39, 47—49; Pais E. Storia dell'Italia antica. Roma, 1925, I, pl. 188. Обычный поворот профильных изображений на архаических надгробных стелах — правый, левый встречается редко.

Стк. 1 надписи идет справа налево. Перечислю по ходу бустрофедона буквы, различные на всех трех фотографиях (см. прорись; если буква видна на всех фотографиях, ссылка на рисунок не приводится). Буквы первой строки хорошо видны на рис. 1а. У правого края стелы видны *мю*; наклонные гасты *альфы*, *сигма*, *тау*, *омикрон*, *ро*, снова наклонные гасты *альфы*, *тау*, *омикрон* и последняя буква у левого края плиты — *ню*. В стк. 2 слева направо заметны после выбоин у края *ро* (рис. 1а, в), *тау*, *эпсилон* (рис. 1в), *омега*, частично *эпсилон*. Стк. 3 начинается у правого края плиты с кружочка, затем следует вертикальная черта и *омега*. Далее сохранились лишь очень неясные остатки, судя по размерам лакуны, примерно 4 букв. В конце стк. 3 хорошо читаются *альфа*, *ро*, *иота*, *сигма*. Стк. 4 открывает *тау* (рис. 1в), за которой видны левая часть *омеги* (рис. 1в), *ню*, частично *ипсилон* (рис. 1а, б), *мю*, *омикрон*, *сигма* (рис. 1в), *мю*. В стк. 5 у правого края плиты — скопление выбоин, где предположительно можно различить усики каппы, верхнюю часть А, Λ или Ρ. Далее следует выбоина, после которой идут хорошо различимые *альфа* и *тета*, а также наклонная гаста.

Различные буквы надписи позволяют сделать следующие первоначальные наблюдения над ее текстом и содержанием. В стк. 1 читается имя Μίστωρ в винительном падеже, на что указывают артикль τού в конце этой строки и наклонные гасты *альфы* после *ро*. В стк. 2 читается -ρτω, окончание патронимика Мастора. Следующее слово скорее всего является эпитетом, характеризующим покойного. В соответствии с различными остатками букв предположительно восстанавливаю здесь ἐ[ξ]ολ[ύ]ψ[η]ς — «погибшего». С конца стк. 3 и в стк. 4 хорошо читается имя Ἀριστώνυμος. В стк. 5 различные остатки и буквы -αθ- позволяют читать необходимый к тексту надписи глагол ἔταθ[ε]ν[το]. В целом текст надписи читается следующим образом:

Μίστωρα τού	←— «Меня, памятник
[?Βέ]ρτω ἐ[ξ]-	→ погибшего Мастора,
ολ[ύ]ψ[η]ς Ἀρι-	←— сына Берта,
τώνυμος μ[ε]	→ поставил
ἔταθ[ε]ν[το?]	←— Аристони́м».

Ионийский диалект эпитафий обнаруживают альтернатива кратких и долгих гласных на письме, а также пат-

ронимик на -εω. Расстояние между левым краем плиты и буквой *ρ*о стк. 2 показывает, что здесь утрачены две буквы. Этому условию, судя по обратному словарю греческих имен Б. Хансена, отвечают имена Μάρτης, Πόρτης, Ἀόρτης, но первое имя — византийское, второе — из позднего Египта, третье — мифологическое, хотя и раннее [один из кентавров, упоминаемый Дерекидом у Поллукса (10, 139)]. Эти имена малоподходящи для нашего случая, так что наиболее вероятным представляется восстановление здесь имени Βέρτης, известного в надписи III в. до н. э. из понийских Эрифр⁹.

Глагол ἐξόλλυμι — «полностью истреблять», в среднем залоге — «гибнуть», в том числе и причастие медиального перфекта ἐξολωλώς — «погибший» употребительны в поэтическом языке¹⁰. Стоящее в стк. 4 μ[ε] — «меня» — относится к подразумеваемому при винительном падеже имени Мастора слову στήμα или μνημα — «надгробный памятник», что имеет многочисленные параллели среди эпитафий архаического времени¹¹.

Остатки различных в стк. 5 букв вкупе с хорошо сохранившимися *альфой* (она напоминает *ρ*о, но *ρ*о в надписи имеет наклонную нижнюю черту головки, а не прямую) и *тетой* середины строки позволяют, как уже говорилось, реконструировать глагол κατέθε[το] — «поставил». Восстановление здесь не активного залога κατέθη, а медиального обусловлено тем, что известна медиальная эпическая форма без приращения — θέτο, в то время как активная форма η в эпическом языке имеет приращение. Иначе говоря, хорошо различимая перед *тетой альфа* заставляет восстанавливать форму глагола τίθημι без приращения, т. е. средний залог.

Эпическая форма глагола сама по себе указывает на стихотворный характер эпитафии. Метричность ее текста определялась в первую очередь тем, что винительный падеж имени покойного — Μάστορα — сам по себе образовывал дактилическую стопу. Метрическая схема эпитафии не вполне ясна из-за утраты текста в конце стк. 2 — на-

⁹ Robert L. Inscriptions d'Erythrai. — BCH, 1933, 57, p. 468, 475—476. И. Кайль восстанавливал это имя еще в одной эрифрейской надписи.

¹⁰ Ср.: Aristoph., Pax, 483: ἐξολωλότες.

¹¹ Friedländer P. Epigrammata. Berkeley; Los Angeles, 1948, № 3ε, 27, 32, 61; с другими словами — 37, 41, 42а, 43, 147.

чале стк. 3, где предположительно восстановлено слово $\epsilon[\xi]\lambda\phi[\lambda\acute{o}\tau']$. Примерно она выглядит следующим образом:
 — ∪ ∪ | — — | — || ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — — | — ∪.

Метрическая схема текста после имени Ἀριστώνηρος также по указанной выше причине не вполне ясна и может быть трактована различно. Такие эпитафии со сверхкомплектными к гекзаметру стопами не редкость среди ранних надгробных надписей¹². Если восстановление $\epsilon[\xi]\lambda\phi[\lambda\acute{o}\tau']$ правильно, начальная гласная слова может быть принята за краткую мору аналогично выдержанной в размере того же гексаметра ольвийской надписи V в. ἡδύποτος κῶλιξ εἰς φῖλη πινόντι τὸν οἶνον — «я приятный для питья килик, любезный пьющему вино», где ι в слове κῶλιξ краткое вопреки позиции перед двойной согласной. Это явление объясняется тем, что в произношении ξ утрачивало свою двусогласную природу, что повлекло за собой бытование таких форм, как κῶλιξ («килик») другой ольвийской надписи¹³.

За исключением этого момента, обязанного скорее не вполне правильному восстановлению текста, эпитафия составлена удачно, хорошим поэтическим языком, несмотря на известные трудности, создаваемые включением трех имен в текст надписи. Как во всяком хорошем гексаметре, в пятой полустопе соблюдена мужская цезура после арсиса третьей стопы. Во второй и пятой стопах применены спондеи, сообщающие эпитафии медленность и торжественность, соответствующие надгробному характеру надписи. Таким образом, эпитафия Мастора является одним из древнейших поэтических текстов, когда-либо созданных на территории СССР и дошедших до нас в первозданном виде (см. также № 165 сл.), а автор этого спондеического гексаметра Аристоним — древнейший поэт нашей страны, известный нам по имени.

Датировка надписи определяется характером письма. Бустрофедон в ионийских памятниках во второй половине VI в. выходит из употребления, и только отдельные его образцы наблюдаются в Милете до раннего V в.¹⁴ Для письма эпитафии Мастора характерно сосуществование архаической формы *ню* с одной ножкой (стк. 1) с более

¹² См.: Там же, № 7, 11, 12, 53, 54е.

¹³ См.: Яйленко В. П. Несколько ольвийских и березанских граффити. — КСИА, 1979, № 159, с. 58, 60.

¹⁴ LSAG, p. 326, 329, 335—336, 377.

развитой формой из двух наклонных параллельных гаст (стк. 4)¹⁵. Наряду с невысокой, «ползучей» формой *мю* стк. 1, 4, состоящей из четырех равновеликих гаст, при-
мыкающих друг к другу под одинаковыми углами, в конце стк. 4 присутствует форма с удлинёнными пропорциями средних гаст буквы, образующих более острые углы¹⁶. Отмеченная неустойчивость письма, сочетающая характерные для VII—VI вв. формы букв с инновациями второй половины VI в., как и параллели эпитафии Мастора из числа понийских памятников, предполагает ее датировку временем около середины VI в.¹⁷ Особенно характерно совпадение письма березанского надгробия с другой аналогичной надписью понтийского ареала — эпитафией Мандрона, найденной на острове Галоне, напротив Кизика, которая относится ко времени около середины VI в.¹⁸ Письмо этой надписи включает те же элементы, что и эпитафия Мастора: сильная разомкнутость четырехчастной *сигмы*, наклон *омеги*, сосуществование двух форм *мю* и *ню*, слегка уменьшенные размеры *омикрона*, *альфа* с перекладиной, касающейся низа левой наклонной гасты, наклонный *эпсилон*, *ро* с укороченной ножкой. Последний признак, кстати, имеет соответствие в надписи на мелко-
фигурном килике (рис. 116а), т. е. датированном по не-
эпиграфическому признаку, что подтверждает датировку надгробия, данную по характеру письма: Kleinmeister-
schale производились в третьей четверти VI в.

Имя Мастор — эппическое, встречается как в «Илиаде» (XV, 430; ср. 438), так и в «Одиссее» (II, 158; XXIV, 452), это помен *agentis* к *μῆτορ* со значением «ищущий, стремящийся, желающий»¹⁹. Безусловный источник имени нашего березанца — гомеровские поэмы. Наряду с известной надписью на светильнике: ὡς λύχνον εἰρήναι καὶ φαῖνο
ῥ|εοῖς|ν χνδρόποισιν («поскольку я светильник, то и свечу
богам и людям»), которая является реминисценцией стиха 8 из VIII Гомеровского гимна к Солнцу и из «Илиады» (XX, 64), это обстоятельство свидетельствует о популярности гомеровского эпоса на Березани и в ее метрополии уже в первой половине VI в. Таким образом, необычай-

¹⁵ Ср.: Ibid., tabl. 4—43. Атика, конец VI в.

¹⁶ Ср.: Ibid., tabl. 65—41. Хиос, около 574—550 г.

¹⁷ Ср.: Ibid., tabl. 56—28, 65—41.

¹⁸ Ibid., p. 367, tabl. 72—52.

¹⁹ Ср. вместе с тем: Bechtel F. Die historischen Personennamen des griechischen. Halle, 1917, S. 295.

ная любовь ольвиополитов к Гомеру ²⁰ восходит не только к милетским основателям Ольвии середины VI в., но и к березанцам, принявшим, стало быть, участие в основании новой столицы греческого Нижнего Побужья.

Аристократический характер носит и имя Аристоним. Уникальность данного надгробия для Березани и Северного Причерноморья в целом (других столь ранних эпитафий здесь нет) в сочетании с аристократической антропонимикой указывают на нерядовое положение Мастора. На Березани это единственное надгробие и единственный лапидарный памятник доримского времени. Последующие исследования вряд ли добавят значительное количество подобных памятников, поскольку и некрополь, и поселение уже в значительной мере раскопаны. Эта уникальность позволяет заключить, что Матор был одной из значительнейших фигур ранней Березани. Известно, что в колониях первенствующее положение занимали ойкисты.

В нашем распоряжении пока слишком мало данных для того, чтобы судить, к эмпорию или апойкии относится сообщение Евсевия об основании Борисфена в 647 г. Определение Борисфена как *civitas* в сирийской версии «Хроники» Евсевия, разумеется, ничего не дает, ибо это лишь эмендация позднеантичного времени, поясняющая читателю, что такое этот Борисфен. Нам известны керамика и два-три граффити второй половины VII в. (№ 2, 165), но удивительным образом слой этого времени не обнаружен, хотя поселение вскрыто уже в значительной степени. Это может указывать, что в середине VII в. на Березани был основан эмпорий, и, когда взаимоотношения со скифским хинтерландом показали экономическую состоятельность отправления сюда колонии, где-то в начале VI в. сюда прибыла большая партия колонистов. Только с этого времени Березанское поселение стало регулярной апойкией — самостоятельным политическим организмом, протополисом. Об интенсивном наплыве большой массы колонистов говорят развернувшееся в первой половине VI в. широкое аграрное освоение противоположащего побережья и, может быть, смена кремации на некрополе труположением. В любом случае изменение похоронного обряда на протяжении небольшого отрезка времени указывает на изменения в составе населения.

²⁰ *Dio Chr.*, XXXVI, 51.

Если верно предположение, что Березань стала апойкней только в начале VI в., то можно думать, что уникальность надгробного монумента Мастора объясняется его положением ойкиста колонии. Обязательному в греческой колонизационной практике обычаю выбирать основателя из аристократической среды вполне соответствует аристократический характер его имени.

Альтерация кратких и долгих гласных в надписи применительно к середине VI в. показывает, что ее автор — Аристоним происходил из ионийского двенадцатиградия, т. е. из малоазийской Ионии. В остальных греческих центрах, в том числе и островной Ионии — на Кикладах, Эвбее, в это время краткое и долгое с еще не различалось на письме. Метрополия Березанского поселения нам неизвестна, но ряд обстоятельств позволяет предполагать первенствующую роль ведущего центра ионийского двенадцатиградия — Милета — в основании апойкии на острове. Помимо общего указания письма надгробия на ионийский додекаполис, думать об этом заставляют следующие данные. Во-первых, Милет был метрополией Ольвии, основание которой около середины VI в., как мы видели, вряд ли произошло без участия березанцев. В третьей четверти VI в. на Березани и в Ольвии действует одно и то же лицо (см. № 116), что безусловно подтверждает тезис о Березани и Ольвии как двух звеньях одной политической системы. Во-вторых, фонетические и графические особенности ранних березанских надписей имеют соответствие в восточноионийских, т. е. малоазийских ионийских, памятниках. Имеется даже изоглосса — передача дифтонга *εο* через *εο*, засвидетельствованная во второй половине VI в. в Милете, а на рубеже VI—V вв. на Березани (милетский список стефанефоров и березанское письмо Ахиллодора). Следы аканья, представленные в письме Ахиллодора, позволили мне высказать предположение о происхождении части березанских колонистов из милетской хоры, пограничной с дорийским Галикарнасом²¹. Наконец, нижеследующие граффити второй половины VII в. или начала VI в. показывают со всей определенностью, что на Березанском поселении этого времени проживали выходцы с островной Ионии (№ 2) и из восточной, малоазийской Ионии (№ 165, где различается

²¹ Яйленко В. П. Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора. — ВДИ, 1975, № 3, с. 134—135.

краткое и долгое о). Отсюда следует, что поселение на Березани было основано в середине VII в. выходцами из восточной и центральной (островной) Ионии.

Итак, несколько березанских граффити показывают, что в основании поселения на острове наряду с Милетом принимали участие и другие центры.

1. Инв. АБ 74—260²². Ионийский тонкостенный кувшинчик с ручкой, почти целиком сохранившийся. От основания ручки кругом по тулову идет надпись, завершающаяся у другой стороны ручки: Ἰδάνω ἐμὶ τῶι φ(ό)λῃ ἀρῶστῃχός — «я кувшинчик похотливого Идана».

По шрифту надпись датируется серединой—третьей четвертью VI в., на что указывает одновременное употребление трехчастной и четырехчастной *сигмы*: такая графика зафиксирована и на посвященных неким Στρ сосудах, один из которых — мелкофигурный килик третьей четверти VI в. (рис. 116а), а второй — хиосский кубок с фризом из вертикальных черточек, нанесенных коричневым лаком на венчик (№ 116).

Надпись Идана характеризуется причудливым смещением черт эолийского и ионийского диалектов. Здесь φ(ό)λῃ — эолийский гететив существительных на — ης. Название сосуда ἀρῶστῃχός первоначально было вырезано в эолийской форме ἀρῶστῃχος (ср. эолийское πρῶτῃς при ионийских формах на πρῶτῃ-, хотя в целом для лесбосского говора эолийского диалекта более характерно обратное явление — замена о у²³. По-видимому, это написание через о обязано происхождению Идана не с Лесбоса, а из материковой Эолиды (см. ниже). Ионийские черты — следующие: ἐμὶ (при лесбосском и фессалийском ἐμῇ), употребление *ты* и *омеги* (ошибочно вырезанной вместо *оми-*

²² Нижеследующие граффити хранятся в киевском Музее природоведения АН УССР (кроме № 7, 173, 174, 179). Первые две цифры указывают год раскопок (буквы АБ шифра далее опускаются). Номер граффито и номер рисунка совпадают. Рисунки даны в некотором уменьшении. Обычно граффити расположены на наружных поверхностях сосудов, что не оговаривается, отмечаются лишь случаи размещения надписей на внутренних частях сосудов. Все даты — до н. э.

²³ Buck, p. 27, 149. Ср. тирское граффито II в. до н. э. с близким названием сосуда: Ἰμὶ ἀρῶστῃρ — «я чаша такого-то» на фрагменте края буrolаковой мегарской чашки с пояском ов; от имени владельца сохранилась часть начальной буквы (Белгород-Днестровский музей, инв. 3686). Здесь ἀρῶστῃρ — вариант слова ἀρῶστῃρ — «чапа, кубок».

крона в слове οἰφώλης) при отсутствии их в эолийских алфавитах в целом²⁴. Выражение дифтонга ου через ὠ одинаково свойственно как ионийской, так и эолийской графике. Сочетание τῷφώλῃ выражает красис τῷ (= τοῦ) с οἰφώλῃ (ср. τῷερμέω = τοῦ Ἐρμέω в березанском посвящении VI в.)²⁵

Судя по небольшим размерам, ἀρώστηχος Идана предназначался для парфюмерии. На это же указывает и изображение карлика, сбивающего палкой (суб)тропические плоды, из которых, видимо, и вырабатывались ароматические средства, возбуждавшие «похотливого Идана».

Имя Ἰδανος не засвидетельствовано в греческой и малоазийской ономастике, тем не менее происхождение его довольно прозрачно. Оно явственно намекает на происхождение владельца сосуда из Эолиды, в которой была расположена гора Ида. Имена с основой Ἰδα- были распространены в архаическую эпоху в южной восточногреческой среде, т. е. в малоазийской Ионии²⁶. Аналогичные имена последующего времени обнаруживают ту же дистрибуцию: все они происходят из достаточно удаленных от Эолиды юго-западных областей Малой Азии (Кария, Ликия)²⁷. В этом ареале происхождение имен связано с ионийской глоссой, приведенной Гесихием: Ἰδῆ [— —] ὄρος Τροίας· ἡ ὕλη [— —]. δῆλοι δὲ καὶ τὸν ὄψιλόν τόπον. [— —] Ἰωνες δὲ ὀρεμῶν ὄρος «Ида ... горная цепь Троады, или лес. . . Обозначает также и высокое место. . . Ионийцы же называют так поросшую лесом гору». Поскольку ионийцы вообще называли словом Ἰδῆ поросшие лесом горы, то в их ареале были свои «Иды», служившие основой для образования соответствующих антропонимов. Напротив, эолизмы надписи Идана предполагают непосредственное происхождение его имени от названия большого горного массива Ἰδα, залегающего в Эолиде.

²⁴ Присутствие *эты* в надписях из эолийской Ларисы и Магнезии объясняется влиянием соседней ионийской Фокеи (LSAG, p. 359—361).

²⁵ Schwyzer, № 737. В предварительной публикации во избежание исправления *омеги* я объяснял ΤΟΙΦΩΛΗ надписи как патронимик Идана, входящий в группу фригийских имен на Βωλα-, но теперь отказываюсь от такого объяснения.

²⁶ Так, в надписях упоминаются родосец Идаменей, галикарнасец Идагиг (LSAG, p. 348, 353).

²⁷ Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 191—192.

Далее смесь ионийских и эолийских черт в языке Идана свидетельствует о не очень долгом еще пребывании этого эолийца в ионийской среде. Он еще не усвоил как следует различие на письме долгих и кратких гласных, о чем свидетельствует ошибочно написанная им *омега*, непривычная ему как эолийцу, на месте *омикрона* в слове $\omicron\iota\phi\acute{o}\lambda\eta\varsigma$. Все это заставляет видеть в Идане колониста середины VI в., прибывшего с массой ионийцев на Березань. Кроме того, граффито Идана — это шутливая надпись владельца, что также свидетельствует в пользу того, что он был жителем Березани, а не залетной птицей.

Таким образом, в колонизации Березани примерно в середине VI в. наряду с ионийцами принимали участие и эолийцы. В Северном Причерноморье это уже третий случай участия эолийцев в основании колоний совместно с ионийцами, что зафиксировано источниками также применительно к Гермопассе²⁸ и, на мой взгляд, к Тире. Дело в том, что в Тире, основанной в VI в. милетянами, т. е. ионийской колонии²⁹, найдено граффито, написанное на неионийском диалекте. Это застольная надпись, процерченная по краю большого чернолощеного блюда, у краины снизу (рис. 1д, от блюда сохранился фрагмент края³⁰. $\chi\acute{\iota}\lambda\lambda\alpha \rho\acute{\alpha}\varsigma$ — «отличная ягода».

Форма $\rho\acute{\alpha}\varsigma$ указывает на неионийский диалект автора надписи (ионийское $\rho\acute{o}\varsigma$), чему соответствует и эолийская или дорийская форма прилагательного женского рода — эолийское $\chi\acute{\iota}\lambda\lambda\alpha$ или дорийское $\chi\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}$ (= ионийско-аттическому $\chi\acute{\iota}\lambda\lambda\eta$). Время составления надписи близко времени основания Тиры — по шрифту она относится ко второй четверти—середине VI в.³¹, что дает *terminus ante quem* для времени возникновения этой колонии. Как памятник, оставленный первыми колонистами Тиры, эта надпись чрезвычайно важна для определения того неионийского пласта, который был представлен здесь наряду с ионий-

²⁸ *Eustathii Comm. ad Dion. Per. 549=Arriani Bith., fr. 60.*

²⁹ *Scymni*, 802—803.

³⁰ Белгород-Днестровский музей, инв. 1008. Приношу благодарность дирекции музея, предоставившей тирские граффиты в мое распоряжение.

³¹ Характерные формы *альфы* с очень архаичным перекосом перекладины, *ро* на развитом корешке и *лямбды* с разнообразными гасками находят хорошие параллели в сигейской надписи Фанодика, исполненной бустрофедоном и датированной примерно серединой VI в., а также в хийском законе второй четверти VI в. (LSAG, tabl. 65—41, 71—43, 44).

ским. Ключ к решению этой проблемы заключается в определении диалектной принадлежности надписи. Поскольку прилагательное *κλῆ* может быть дорийским и эолийским, для выяснения диалектной принадлежности этой очень краткой надписи мы вынуждены прибегнуть к данным внеэпиграфического характера.

Каких-либо сведений о дорийских элементах в Тире нет, зато привлекает внимание то обстоятельство, что неподалеку от Тиры в устье Днестра известно *κώλη Ἑρμώνιατος* — «селение Гермонакта». Имя эпонима этого селения явным образом соответствует имени того Гермона, который вместе с Семандром основал боспорскую Гермонассу. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Евстафий в указанном пассаже сообщает, что Гермонасса названа по имени ойкиста Гермона, точно так же как Фанагория — по имени своего основателя Фанагора. Он приводит и другую версию — арриановскую, согласно которой Гермонасса была названа по имени жены Семандра, по смерти мужа унаследовавшей власть в основываемом городе. Арриановское объяснение названия города носит чисто экзегетический характер, что достаточно определенно показал уже С. А. Жебелев³². Поскольку в литературе только что сделана попытка поддержать арриановскую версию, в дополнение к аргументам Жебелева, которых достаточно, чтобы стала ясной несостоятельность арриановского объяснения, приведу следующие данные. Арриановское разъяснение названия Гермонасса основано на народной этимологии топонима. Есть большая группа женских греческих имен, представляющих собой *composita* из *ἄνασσα* — «владычица, предводительница» — и соответствующего эпитета: *Καλλιἄνασσα*, *Λυσιἄνασσα*, *Ἰφιἄνασσα*, *Ἀρετἄνασσα* и т. д.³³ По народной этимологии в качестве такого женского имени понималось и название *Ἑρμώνιασσα* с *ω*, получившимся из слияния *ο* и *α*: *Ἑρμό-ἄνασσα* — таким путем и возникла легенда о некоей Гермонассе, якобы правившей (*ἄνασσα*!) в названном по ее имени городе. Ошибочность этой народ-

³² С. А. Жебелев (Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 67) привел примеры объяснения названий Аррианом: Фасос назван по Фасосу, сыну Посейдона, Нил — по Нилу, потомку Атланта, и т. д.

³³ Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. В., 1957, S. 42.

ной этимологии следует из того, что, во-первых, имя 'Ερμόνασσα не входит в группу *composita* с ἄνασσα, так как первый ее компонент — не прилагательное, и, во-вторых, ни одно из женских имен этой группы не стало топонимом. Таким образом, версия Арриана содержит только одно реальное зерно: Гермонасса была основана некими эолийцами во главе с ойкистом Семандром из Митилены.

Арриановская традиция в передаче Евстафия носит лакунарный характер — в ней отсутствует упоминание об ионийцах в числе основателей города. В данном случае не столь существенно выяснять, Евстафий ли умолчал об этом в своем пересказе или ионийцы вообще не фигурировали в изложении Арриана. Важно, что географ II в. н. э. Дионисий Периегет (552) и вслед за ним Евстафий и Стефан Византийский (s. v. 'Ερμόνασσα) называют Гермонассу городом, основанным и населенным ионийцами. Эта версия подтверждается и уточняется наличием милетского культа Аполлона Дельфиния в Гермонассе, что является свидетельством основания города милетянами³⁴. Другая гермонасская надпись IV в. подтверждает и сообщение Арриана об участии эолийцев в основании города: в эпитафии Ἀτοῦς Ἀτρυαίου патронимик имеет эолийское окончание родительного падежа на -ω³⁵. Таким образом, сообщения литературных источников о совместном основании Гермонассы ионийцами (во главе с милетянами) и эолийцами, в числе которых, судя по этнику Семандра, были лесбосцы, находят подтверждение в эпиграфике города.

В соответствии с греческой колонизационной практикой колониальная экспедиция, состоявшая из двух гетерогенных групп переселенцев, имела двух ойкистов. Предводителем ионийцев, по Евстафию, был Гермон, вождем эолийцев, по Арриану — Семандр³⁶. Поскольку мы

³⁴ КБН, 1038, IV в. О сношениях Боспора с Митиленой в V—IV вв. см.: Syll.³, 212; КБН, 274. Ср. также: *Thuc.*, III, 2, 2: перед отпадением от Афин Лесбос запросил в Понте стрелков из лука, хлеб и пр. Это экспорт, характерный для Северного Причерноморья, и очень вероятно, что Митилена, согласно греческой практике, обратилась за помощью к тамошней своей колонии, каковой была Гермонасса (вряд ли слабая еще Тира — см. ниже).

³⁵ КБН, 1061; ср.: *Schwyzler*, 446 сл.

³⁶ Например, Гелу сообща основали Антифем с родосцами и Эптим с критянами, ойкистами Занклы были Перпэрес от Кум и Крагемен от Халкиды и т. д. (*Thuc.*, VI, 5, 3—5).

выяснили, что жена последнего — чисто этимологический вымысел, ясно, что в основе названия города лежит имя ойкиста Гермона, оформленное топонимическим суффиксом *-ασσα*: $\text{'Ερμων} + \alpha\sigma\sigma\alpha > \text{'Ερμῶνασσα}$. Что это так, подтверждается другим, параллельным названием того же города — Гермония, фигурирующим у Стефана Византийского. Суффикс *-ασσα* сам по себе является свидетельством того, что боспорский топоним был образован по модели, употребительной в Эгееде: недавние переселенцы дали название новооснованному городу по имени своего ойкиста, оформленному топонимическим суффиксом, употребительным в их метрополиях — Ионии и Эолиде.

Если обратиться к Тире, то здесь можно увидеть ряд соответствий к обстоятельствам основания Гермонассы: присутствуют те же милетские ионийцы, топоним, который можно выводить из имени Гермона, надпись, которую можно считать эолийской, наконец присутствует тот же эгейский топонимический суффикс *-σσα*. Каждое из перечисленных соответствий само по себе может быть трактовано по-разному, но в комплексе они достаточно однозначны как свидетельство участия в основании Тира тех же ионийцев и эолиан, которые основали Гермонассу. Прежде всего на основании приведенного комплекса данных очевидна эолийская диалектная принадлежность надписи $\chi\lambda\alpha\rho\acute{\alpha}\xi$, так как какие-либо доризмы, повторяю, в Тире нам не известны. Поскольку этот памятник относится ко времени возникновения Тира, это означает, что в основании данной колонии наряду с ионийцами принимали участие и эолийцы. Если это так, загадочный топоним в устье Днестра $\chi\omicron\rho\eta\text{'Ερμῶνατος}$ может быть связан не с некоей личностью по имени 'Ερμῶναξ , а с историческим лицом — ойкистом Гермонам: по той же народной этимологии, которая видела в названии Гермонасса слово $\acute{\alpha}\nu\alpha\sigma\sigma\alpha$ — «владычица, предводительница», название $\chi\omicron\rho\eta\text{'Ερμῶνατος}$ было образовано из первоначального топонима с основой 'Ερμων при помощи слова $\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\acute{\iota}\varsigma$, обозначавшего ранг Гермона как предводителя, ойкиста, т. е. $\text{'Ερμων} + \acute{\alpha}\nu\alpha\tau\acute{\iota}\varsigma$ с гаплогонией $> \text{'Ερμῶναξ}$, фиктивное имя эпонима $\chi\omicron\rho\eta\text{'Ερμῶνατος}$. Эта этимологическая операция сама по себе спорна, но в сопоставлении со следующим аргументом продуктивность ее возрастает, я имею в виду присутствие там же, в низовье Днестра, названия Офиусса, имеющего тот же эгейский топонимический суффикс *-σσα*, что и Гермонасса. Этот

суффикс балкано-малоазийского происхождения³⁷, разнесенный переселенцами по всему Средиземноморью, в Северном Причерноморье представлен в раннее время только в названиях Гермонасса и Офиусса (в римское время известны также Антисса, Асса, Ниосс, Описсас, Спадуса). Само по себе и это могло бы быть случайным совпадением, но, взятое в комплексе тирских соответствий обстоятельствам основания Гермонассы, оно служит показателем взаимосвязи возникновения обоих городов.

Итак, Тира являет собой аналог Гермонассе: оба города основали ионийцы во главе с милетянами и эолийцы; в обоих городах представлены надписи на ионийском и эолийском диалектах³⁸; в обоих пунктах имя одного и того же ойкиста Гермона было увековечено в топонимике, в оба пункта привнесены эгейские названия с суффиксом -сса, отсутствующим в топонимике других областей Северного Причерноморья. Эти соответствия могут быть объяснены однозначно тем, что соединенная экспедиция ионийских и эолийских колонистов, отправленная Милетом в Понт во главе с ойкистами Гермоном от Милета и Семандром от Митилены, основала Гермонассу на Боспоре и селение около устья Днестра, откуда вскоре колонисты перешли в Офиуссу и далее — в Тиру, если это не два названия одного города. Аналогичным образом мегаряне в Сицилии, прежде чем утвердиться в Мегаре Гиблее, основали два местечка — Тапс и Тротил; и киреняне тоже несколько раз меняли место своего пребывания на новой родине. Поэтому не исключено, что возникновение еще одного незначительного поселения, также именовавшегося Гермонассой, около Трапезунта³⁹, тоже связано с движением экспедиции Гермона.

В ходе греческой колонизации известны подобные экспедиции колонистов, отправляемые со стратегическими целями. Так, еще в VIII в. Халкида выслала колонистов в Сицилию, где они основали сначала Накс, а затем,

³⁷ См.: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, с. 60—64; Откупщиков Ю. В. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы. — В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 5 сл.

³⁸ Ср. пописы в гермонасских надписях: КБН, 1037 сл. — и в тирских граффити (ср. Ἰδὲ: тирской надписи, упомянутой в примеч. 23, а также посвящение тирита, найденное в Ольвии. См.: Граффити, № 80).

³⁹ *Stb.*, XII, 3, 17.

несколько лет спустя, Леонтины и Катану на границах освоенной ими плодородной долины реки Симеф. Это была своевременная мера, ибо вскоре стали прибывать в Сицилию колонисты и из других городов. Мегарские колонисты, проблуждав в Сицилии несколько лет, втиснулись между Леонтинами и Сиракузами. Очень показательна в этом отношении предыстория основания и самих Сиракуз. Коринфяне вслед за халкидянами устремились в Сицилию, но решили одним выстрелом убить двух зайцев. Соединенная колониальная экспедиция, включавшая коринфян и некоторых других дорийцев, по пути в Сицилию остановилась на Керкире, лежавшей на итальянской трассе, и выбила оттуда эретрийских колонистов. Часть коринфских колонистов во главе с ойкистом Херсикратом осталась на Керкире, а другая часть во главе с Архием двинулась в Сицилию и, подобрав по пути дорийцев, неудачно пытавшихся утвердиться там, завладела плодородной долиной реки Анапы, основав Сиракузы.

Как и в Сицилии, где конкурировали между собой халкидяне, коринфяне и мегарцы, в Понте элемент конкуренции также, по-видимому, имел место, поскольку сюда устремились Милет, островные ионийцы, эолийские центры и Мегара. Как Халкида захватила ключевые пункты пути на Запад благодаря основанию Занклы, Накса и Кум, так и Милет в Понте примерно столетие спустя захватил ключи к важнейшим торговым артериям, основав на Истре (Дунае) Истрию, на Борисфене и Гипанисе — Березань, при Меотиде и Тапайсе — Пантикапей. Показательно в этом плане, что основание Истрии и Березанского поселения разделено промежутком в несколько лет; тогда же, судя по одной и той же древнейшей керамике, был основан и Пантикапей. Следующие по значению торговые пути по рекам Днестру и Гипанису (Кубани) Милет освоил уже совместно с эолийцами, основав смешанные колонии Гермонассу и Селение Гермона—Офиуссу—Тиру.

Вернемся, однако, к Березани, к памятникам, свидетельствующим об участии немилетских ионийцев в основании местного поселения.

2.74—37. Фрагмент тулова толстостенного закрытого сосуда со светлой обмазкой и частично рифленной поверхностью. На нем сохранились остатки 4—5 вырезанных ретроградно букв, две из которых очень характерны:

«хвостатое» *rho*, употреблявшееся во многих локальных алфавитах архаической Греции, но не характерное для восточноионийских, т. е. малоазийских, центров Додекаполиса, и следующая налево за *rho* буква в виде трехчетвертной окружности, которая может быть *бетой* или *омикроном* ⁴⁰. *Rho* и *бета* указанных форм употреблялись в алфавитах ионийских среднекикладских островов Наксоса, Делоса, Пароса и колонии последнего — Фасоса ⁴¹. На Дорийском среднекикладском Мелосе также бытовали «хвостатое» *rho* и *омикрон* в форме полукружия ⁴², однако вряд ли стоит думать об участии этого крошечного островка, все внешние интересы которого были ориентированы на Целопоннес, в колонизационных предприятиях Милета.

Таким образом, надпись содержит следующие буквы (справа от *rho* сохранился правый уголок *ню*): -- ΝΡΒΙ! --, что предположительно может быть прочитано как --υ Ρβι?υ--; ср. 'Αρβιῶται письма Ахиллодора (стк. 12) Последнее название я объяснял как топоним карийского происхождения, вынесенный милетскими колонистами (Милет расколот в Карию) в Северное Причерноморье ⁴³. Это позволяет предполагать, что название Березанского поселения в архаическую эпоху, возможно, звучало как ('Α)ρβιῶται или ('Α)ρβιῶαι; ср. упоминаемый Стефаном Византийским и ближе неизвестный город на Понте 'Αρβῆιον.

Характер письма граффито очень архаичен. Высокие, размашисто написанные буквы характерны для надписей

⁴⁰ В ряде центров, в том числе Ионии, известна и *гамма* в виде полукружия, но трехчетвертной доли окружности она достигала в редчайших случаях. «Хвостатое» *rho* засвидетельствовано в малоазийской Ионии лишь на посвящении Креза в храм Артемиды Эфесской (середина VI в.). По выражению М. Гвардуччи, «это довольно редкая для малоазийской Ионии форма» (Guarducci M. Epigrafia greca. Roma, 1967, 1, p. 264—265), а по словам Л. Джеффри, «она необычна в Ионии» (LSAG, p. 339). На Березани же «хвостатое» *rho* достаточно употребительно, это нормальный здесь узус (см. № 7, 89, 173). Немалоазийское происхождение рассматриваемой надписи подтверждается также тем, что в двенадцатиградье полукружьем могла обозначаться *гамма*, и если считать «хвостатое» *rho* восточноионийским, получилось бы бессмысленное сочетание букв ΝΡΓ.

⁴¹ LSAG, p. 289, tabl. 56—35, 57—40.

⁴² Ibid., p. 321.

⁴³ Яйленко В. П. К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора. — ВДИ, 1974, № 1, с. 146.

VII—первой половины VI в.⁴⁴ Это древнейший в Северном Причерноморье письменный памятник, который, соотносясь со временем основания Березанского поселения, датируется в пределах второй половины VII—начала VI в.⁴⁵ Следовательно, он оставлен первопоселенцем березанской колонии. Судя по графике надписи, ее оставил выходец из среднесикиладского ионийского ареала — Наксоса, Делоса, Пароса — либо колонии последнего — Факсоса. Участие выходцев с перечисленных островов в основании Березанского поселения, на мой взгляд, объясняет загадочное приношение гиперборейцами на Делос завернутых в соломку священных даров.⁴⁶ как освященную авторитетом Делосского святилища легенду, в основе которой лежали древние попытки установления торговых контактов кикладских ионийцев со Скифией, минуя посредство Милета.

Аналогичным образом и Парос мог иметь свои интересы на Березани, но иначе — через посредство Милета. Из произведений Архилоха, поэта второй четверти—середины VII в., нам известны колонизационные предприятия паросцев во Фракии, но об их интересах в Северном Причерноморье никаких данных нет. Однако имеются сведения о тесных связях Пароса с Милетом, существовавших уже в VII в., а может быть, и ранее⁴⁷, что предполагает возможность участия паросцев в предпринятом милетянами основании поселения на Березани.

4. 74—830. По фр.⁴⁸ дна чл. чаши надпись второй пол. VI в.: βλίτε νη--.

⁴⁴ Ср., к примеру, надписи Феры (LSAG, tabl. 61) или на ионийской почве — Самоса (Ibid., tabl. 63—1). Близкую графику содержат и надписи 591 г. в Абу-Симбеле.

⁴⁵ К числу древнейших письменных памятников Северного Причерноморья принадлежат нижеследующие граффити № 5, 20, 45, 89, 165, а также № 3: остаток надписи — буква Ε на фрагменте плечей сероглиняного закрытого сосуда типа кувшина (инв. 70—602). Судя по шрифту, эти надписи относятся к первой половине VI в., а некоторые из них могут восходить еще ко второй половине VII в.

⁴⁶ Hdt., IV, 33—36; ср.: *Alcaeus apud Himerii Decl.*, 48, 10—11 Col.=fr. 1 C P.-L.

⁴⁷ LSAG, p. 294.

⁴⁸ Далее употребляются следующие сокращения: буролак. — буролаковый, гл. — глиняный, ион. — ионийский, кл. — краснолаковый, лощ. — лощеный, пол. — половина, фр. — фрагмент, чл. — чернолаковый, шт. орн. — штампованный орнамент. По большей части граффити сделаны на открытых сосудах для

Данное граффито представляет собой основательный эпиграфический «корешек». За исключением одной буквы Ν, второй справа, значение букв надписи неопределенно. Прежде всего установим, что граффито вырезано слева направо, о чем свидетельствует направление букв Β и Ν. Поскольку значение двух первых слева знаков сразу не улавливается, рассмотрим третий. Он напоминает букву *ни*, но не архаического, а позднелинистического шрифта II—I вв. до н. э. с полочкой, продленной за вертикальные черты, левая из которых короче правой. Для архаики такая форма буквы немыслима, и это заставляет думать, что перед нами буква *таυ*, которой предшествует соприкоснувшаяся с ней *iota* или случайная черта.

Если следующий знак читать как *бету*, получится невозможное для греческого языка сочетание согласных ТВΧ, следовательно, знак Β с характерными острыми уголками вместо полукружий имеет другое значение. В архаических греческих алфавитах такой знак, помимо *беты*, выражал краткое и долгое ε в алфавитах Коринфа, Мегары и коринфской колонии Левкады⁴⁹. Заключение о коринфском или мегарском алфавите данной надписи поддерживается первым слева знаком, каковым в алфавитах Коринфа, Мегары и их колоний обозначалась *бета*⁵⁰. В Коринфе она встречена лишь один раз — дипинто на сосуде VI в., но присутствие ее в Сиракузах, колонии Коринфа, указывает, что это древнейшая форма *беты* коринфского алфавита, восходящая еще к VIII в.

Поскольку очевидно, что граффито выполнено не ионийским, а коринфским или мегарским алфавитом (Мегара заимствовала свой алфавит из Коринфа), следует заключить, что последняя буква надписи Π, у правого скола, не *та*, каковой ни в мегарском, ни в коринфском алфавите не было, а *хета*, выражавшая придыхательное произношение гласного. Следовательно, в утраченном тексте за *хетой* следовала какая-то гласная буква.

пintя — киликах, скифосах, чашах и т. д. Ясно, что в большинстве своем это обломки киликов, но, поскольку по сохранившемуся небольшому фрагменту сосуда часто нельзя определить с уверенностью его тип, для обозначения такой посуды пользуюсь наиболее общим определением — чаша. Под ионийской керамикой подразумевается та же, что обозначается и как «родосско-ионийская».

⁴⁹ LSAG, таблица «Формы букв» в конце книги.

⁵⁰ *Бета* так обозначалась также на Мелосе, но *эпсилон* здесь имел обычную форму Ε (LSAG, p. 308).

Осталось выяснить значение второго знака L, состоящего из двух слегка перекрещенных гаст, которым в Коринфе и Мегаре, как и в ряде других местных алфавитов, обозначалась *гамма*, но с поворотом усиков вверх или вниз. Однако в нашем случае такое чтение невозможно, поскольку в греческом языке нет слов, начинающихся на βγ. В ряде других алфавитов примерно таким же знаком обозначалась *лямбда*, причем в Коринфе, Мегаре и множестве других центров ее усик направлены вниз, а в Аттике, Халкиде, Беотии — вверх. Второй слева знак нашего граффито можно считать *лямбдой* «халкидского» типа — один из его усиков ориентирован вверх. Интересно, что *лямбда* такой формы встречена в сицилийской колонии Мегары истмийской — Мегаре Гиблее, в надписи на черенке примерно середины VII в. Появление здесь «халкидской» формы *лямбды* может быть объяснено влиянием соседних халкидских колоний Сицилии. Иное объяснение заключается в том, что такая *лямбда* присутствовала в древнейшем алфавите метрополии, в Мегаре истмийской. В таком случае она была бы результатом аттического или беотийского влияния на алфавит Мегары ⁵¹.

Предположение об аттическом влиянии на форму *лямбды* нашей надписи может быть поддержано тем, что граффито выполнено на чернолаковом, аттического производства сосуде. Далее, читаемый здесь императив настоящего времени βλίτε ⁵² может быть производным от глагола βλίττειν — «обрезать мед, вырезывать соты из улья» (метафорически — «обдирать»), такое значение образует хороший контекст вкупе с сосудом для питья вина, на котором вырезана надпись. Но не исключено, что βλίτε является производным от глагола βλίσσειν, который представляет собой, согласно грамматике I в. н. э. ЭротIANУ (fr. 16), эквивалент глагола μαλάσσειν — «мять, смягчать, исцелять». В таком случае присутствие *тау*, а не *сигмы* в нашей надписи также можно было бы рассматривать как аттицизм.

⁵¹ Guarducci M. Epigrafia greca, 1, p. 308.

⁵² Черта, сливающаяся с палочкой *тау*, таким образом, является *йотой*. В коринфском алфавите эта буква имела форму *сигмы*, но примерно в конце VI в. здесь утвердилось написание *йоты* через прямую черту, как это всегда было в Мегаре (Guarducci M. Epigrafia greca, 1, p. 172).

Из двух возможных значений βλίτς — «собирай мед» или «исцеляй» — трудно предпочесть одно другому. Может быть, в пользу не первого, застольного, а второго, целительного, значения свидетельствует то обстоятельство, что надпись вырезана на дне сосуда, где застольные надписи, согласно березанско-ольвийскому узусу, не размещались. Но при магическом характере надписи ожидалась бы аористная форма «исцели». Если данная надпись имеет целительный характер, буквы υη можно предположительно дополнять как υη[ούου], т. е. «исцеляй от болезни» (ср. выражения с μαλάσσειν, эквивалентом βλίσσειν: νόου μαλάχθη; — «излечишься от болезни»⁵³).

Итак, рассмотренное граффито выполнено дорийцем, но коринфянином или мегарцем? Помимо «халкидской» формы лямбды, в Коринфе или его колониях не засвидетельствованной, в пользу мегарского происхождения автора нашей надписи говорит то обстоятельство, что Коринф не имел в Понте никаких интересов или по крайней мере мы о них пока ничего не знаем, в то время как присутствие мегарян в Понте хорошо засвидетельствовано. В Пропонтиде Мегара основала Астак, Калхедон, Селимбрю, Византий, на западнопонтийском берегу — Месембрю, а на южнопонтийском — Гераклею. Последняя, в свою очередь, основала в Таврике Херсонес, который первоначально именовался Мегарикой⁵⁴. Думается, что такое название указывает на участие мегарян в основании Херсонеса.

Был ли автор данной надписи жителем Березани или заезжим деловым человеком, наверняка сказать нельзя. Ясно, что найденные на Березани надписи на столовой посуде в абсолютном своем большинстве оставлены местными жителями (иное дело — надписи на амфорах, где немало записей, сделанных на месте производства амфоры или ее содержимого, особенно при неоднократном использовании тары). Но, пока на Березани не найдены другие мегарские памятники раннего времени, можно констатировать, что в функционировании Березанского поселения принимал некоторое участие и мегарский элемент, хотя столь же возможно и заключение о присутствии мегарян в числе насельников Березани. Если это был заезжий

⁵³ *Soph., Phil.*, 1334, а также: *Hippocr., Epid.*, 3, 17.

⁵⁴ *Plin.*, N. H., 4, 85.

человек, то торгово-ремесленный облик Мегары подсказывает, что привело сюда выходца из Мегары.

Определенный свет на состав березанских колонистов и последующих поколений проливают надписи владельцев на сосудах. В Греции очень рано, еще с VIII в., появился обычай вырезать на сосуде имя владельца⁵⁵. Превосходнейшим образцом в этом плане является березанское граффито № 5 — «я принадлежу Смикрию», датированное первой половиной VI в., если не второй половиной VII в. Надписи владельцев обычно вырезались на дне сосуда, т. е. на закрытой его части, с тем чтобы не портить внешний вид посуды. Иногда имя вырезалось полностью, но чаще всего — в сокращении⁵⁶. Менее часты сокращения имени и патронимика, но мы не всегда в состоянии отделить одно от другого, так как они обычно ничем не отделялись друг от друга. Например, граффито № 44 ΕΠΙΧΑ может быть и сокращенным именем (например, 'Επίχαρμος), и сокращением имени-отчества владельца [например: Эпи-(крат), сын Ха(ридема)].

Полных имен жителей ранней Березани нам известно немного, до трех десятков (мне доступны не все материалы). Для VI в. зафиксированы имена 'Ιδανος (№ 1), Σμίκρις (№ 5), Τύχων (№ 166), Μητροδωρος (№ 7), Μελησίη (№ 173), Μίστωρ, 'Αριστώνομος (надгробие Мастора). К рубежу VI—V вв. относятся имена Νικοσθ[ένης], (Σ)Μίκη⁵⁷ Θέμιστος (№ 115). [Ἀνδρο- или Πολυ]είνης (№ 6), Πηρίπολις (№ 114), Πρωταγόρης, 'Αναξαγόρης, Ματαπικς, 'Αχιλλόδωρος (письмо Ахиллодора). К V в. относятся имена Πόσις⁵⁸, 'Αρτεμής (№ 113), 'Απολλοφάνης (№ 167), 'Αρχηπόλη, 'Ικέσιος (№ 175), Λέαγρος (№ 179), к III в. — Φῶκος (№ 182). Характер перечисленных имен различен. Одну группу составляют «высокие», аристократические имена — Мастер, Аристоним, Темистос, Никосфен, Посий, Архепола, Гегесиполид, Анаксагор, Протагор, (Андро- или Поли)ксен и теофорные — Ахиллодор, Аполлофан, Тихон, Гикесий. Интересно, что чисто теофорные имена — Аполлофан и Ахиллодор — образованы от имен наиболее почитавшихся на Березани божеств (см. ниже). Другую группу образуют

⁵⁵ Например: LSAG, p. 347: Φοράκῳ καὶ Φύλιχς — «я килик Корака» (Родос, VIII в.).

⁵⁶ О типологии граффити см.: Граффити, с. 72 сл.

⁵⁷ Там же, № 27, 28.

⁵⁸ Там же, № 44.

простонародные имена — Идан, Смикрий, (С)Мика, Мелесия, Матасий, Артемес, Метродор. Отдельно стоят мифологические имена — Леагр и Фок; оба имени засвидетельствованы на черепках с надписями — школьными упражнениями, так что не исключено, что это — не имена учеников, выполнявших упражнения, а проходимый в школе мифологический материал.

Ниже следует подборка имен, сокращений имен или имен-патронимиков, впервые позволяющая составить представление об антропонимической номенклатуре Березани. Сначала — полные имена.

5.69—143. Серогл. черполощ. миска (в глине много блесков), отбита примерно на треть. На стенке, под отверстием для подвешивания, расположенным у самого края, граффито: Σμικριος εἰμί — «я принадлежу Смикрию».

По характеру письма надпись имеет аналогии, датируемые в пределах первой половины VI в. (в частности, посвящение сыновей Анаксимандра, около 611—546 гг.)⁵⁹. Формы *сигмы*, *ро*, *ипсилона*, уменьшенные размеры *омикрона* характерны и для более раннего времени. Если граффити № 2 и 165 дают представление о характере письма второй половины VII в., то граффито № 5 — раннего VI в. Имя Σμικρις («маленький») ономастическим справочником Б. Хансена не засвидетельствовано. На Березани зафиксировано женское имя того же значения (Σ)Μίχη⁶⁰.

6.71—291. Поздний VI в. По фр. дна чл. чаши: |'Ανδρο- или Πολυξείνη[ω] — «сосуд (Андро- или Поли)ксена».

Имя Ξείνης ономастическими справочниками не засвидетельствовано, на -ξένης известны имена 'Ανδροξένης и Πολυξένης⁶¹. Березанское имя содержит два ярких ионизма: генетив на -εω и ε, растяженное в ει вследствие утраты сонанта (из ξενF-). В ранних ионийских надписях засвидетельствованы имена с той же растяженной основой Ξεινήρης, Ξεινοφάνεος, Πρόξεινος и др.⁶² Присутствие на Березани имени с элементом «ксен», конечно же, отражает торговую направленность местного поселения⁶³.

⁵⁹ LSAG, tabl. 64—23; ср. 4 и 27 на той же таблице.

⁶⁰ Граффити, № 28.

⁶¹ Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch, S. 165.

⁶² Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 2, 1959, S. 262.

⁶³ Кстати, о проксеении. Пользуюсь случаем добавить в список реконструированных мною проксеений (см.: Яй-

7. Николаевский краеведческий музей, инв. А 715. Подъемная находка 1968 г. на Березани. Вторая пол. VI в. На круглом основании чл. чаши: Μητροδώρῳ εἰμί — «я принадлежу Метродору».

Судя по «хвостатому» ρο, надпись вырезана, скорее всего, выходцем из ионийского островного ареала (Киклады, Эвбея и др.); см. также № 89 и примеч. 40.

Далее следуют сокращения имен или имен-отчеств либо инициалы владельцев.

8.64—1233. Вторая пол. VI в. На фр. дна чл. чаши процарапана черта, рядом, на стенке конического поддона, с внутренней стороны: Λ.

9.62—348. VI в. По фр. средней части трубчатой ножки ион. темполаковой чаши, вверх ногами: Α.

10.61—631. VI в. По фр. дна ион. чаши: Α.

11.74—364. VI в. По фр. конического основания кл. ион. чаши: Α (возможно, было продолжение).

12.60—983. V в. По фр. дна ион. блюда с чл. пальметками: Α.

Ленко В. П. Материалы к истории проксенической и сакральной деятельности Ольвийского государства. — В кн.: VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории»: Тезисы докладов. М., 1981, с. 125—127) следующие надписи из сборника «Надписи Ольвии»: № 3 + 12: [— πά-
γω[ν χρημ]ά[των αὐτῶι κα]ὶ ἐχ[ύνοις καὶ εἰσα]γωγῇ [καὶ ἐξαγωγῇ
ῶν] ἂν [αὐτὸς βούληται ἢ κα]τ[ῆδες καὶ εἰσ]πλουγ[ῶν κτλ.] № 8: [καὶ]
εἰσα[γωγῇ καὶ ἐξαγωγῇ] ὧν ἂν βούληται ἢ αὐτὸς κτλ. № 11: [— ?
(ὁ δεῖνα τοῦ)]τος — [αὐτ]ὸς καὶ ἐχ[ο]νοι πρόξενοι καὶ ἀτελ[εῖς πάν-
των χρημάτων —]. № 19 + 32: [— χρείας] παρέ[χο]νται [μετὰ
πᾶσιν φιλοτιμί]ας — Μ — —. № 108: [καὶ ἐξα]γωγῆς [καὶ εἰσ]πλουγ[ῶν]
[καὶ ἐκ]πλουγ[ῶν κα]ὶ [ἐν πολέμῳ κα]ὶ [ἐν εἰρήνῃ — —]. № 175: [—
καὶ εἰσ]πλουγ[ῶν καὶ ἐκ]πλουγ[ῶν καὶ [ἐν εἰρήνῃ καὶ ἐν πολέ]μῳ, ἀσ[υ]λεύει καὶ
ἀσπονδεῖ. καὶ] τὰς λ[οιπὰς — — τῆς καθ]ηκούσης τιμῆς — — Ιο — —.
№ 13: [— — ὑπάρχειν αὐτῶι κα]τ[ὰ θάπερ καὶ τοῖς ἄλλοις προ]ξένοις τὰ
πάντα καθ]ήκον[τα καὶ ἀτέλειαν ὧν ἂν εἰσάγ] [ῃ ἢ ἐξάγῃ κτλ.] На
с. 125 стк. 6 снизу убрать εἰς- и добавить пропущенную строку:
[ἄλλοις προξένοις ὑπ]άρχειν [αὐτῶι τὰ λοιπὰ πάντα κα]ὶ εἰς [πλουγ[ῶν н. т. д.
Другие реконструкции: № 131: [Μ. Αἰμ. Α. Σεβ]τήρεϊνος. ῤ (= ἑκα-
τοντάρχης). λ(εγεώνας). Α Ἰταλ(ικοῦ). № 138: — — ἀγορῇ[ι? — —] α
ἐκ[κ]λη[σία — —] οῦ Ἀζι[α]κην [(τοῦ δεινός) — —] ΙΙΙΟΝΕ[— —].
№ 170: Ἀγαθὴ τύχη Διονυσίου καὶ Σεμήλης (μνήμα), Δημήτριος Ἀλε-
ξάνδρου ἀνέθετο, Ἀντώνιος, Αἰνις, Σ(ιλ)βος. ΙΟSΠΕ, 12, 38:
[— — Μηραδάτην Ἀσπ]ούργου. № 73: [— — ἀξι]ωμα[το]προγόνων — —].
№ 77: Ποσιδε[ος Ποσιδ]έγγου. № 274: [— — ἀπείθα]νεν Σκυθ[ί]ας
γ[αίαι — —]. № 275: [— — Ἀ]βαςος τοι ἀν[έ]γειρεν? — —] αται
[— — πολ]ύκλυτον ἄστ[ρ]ι — —] ατος εἰζών [— —] ηνων στοργῆς
[— —].

- 13.66—349. V—IV вв. По фр. стенки чл. чаши, у дна: Λ.
- 14.74—373. V в. По фр. круглого основания чл. сосуда остатки *альфы* или *эты*.
- 15.75—382. VI—V вв. На фр. дна чернолощ. чаши в середине крест, у ободка подставки: как будто Α и Γ или Ι.
- 16.70—360. V—IV вв. По дну от серогл. чернолощ. миски: 'Λ, в лигатуре.
- 17.70—225. V в. По фр. дна чл. чаши: 'Αρε и остатки другого граффито. Возможно, текст был и перед альфой.
- 18.72—67. V в. По фр. дна чл. чаши: 'Αρε, напротив Δ или Δι.
- 19.64—973. V—IV в. По фр. дна чл. чаши: кажется, остаток имени в генетиве -- ιδ и монограмма 'Αρτ.
- 20.70—383. Вторая пол. VII—первая пол. VI в. По фр. дна ион. чаши с красно-буролак. орн. ретроградно: Ασ.
- 21.75—314. IV в. По фр. дна чл. чаши: Ασ и Ν, кажется, соединенное чертой с *ипсилоном*.
- 22.75—1056. V—IV в. По фр. дна чл. чаши монограмма: Ατ (ср. № 19).
- 23.62—313. V в. По фр. круглого основания чл. чаши: Αχ, возможно, с продолжением.
- 24.72—438. V в. По фр. дна чл. чаши: Αχ, возможно, следовало продолжение.
- 25.69—88. VI—V в. По фр. конического основания чл. сосуда: Β.
- 26.75—860. Около V в. По фр. дна ион. чаши: Β.
- 27.75—49. VI—V в. По фр. дна ион. чаши с буролак. крестом на середине донца изнутри (граффито — снаружи): Βι (Ρι ?)⁶⁴.
- 28.74—287. IV в. По фр. конического основания чл. сосуда: Δ.
- 29.69—16. IV в. По фр. круглого основания чл. сосуда Δη в лигатуре.
- 30.64—1132. VI—V вв. По фр. стенки ион. закрытого сосуда: δην[όσιον] (в группу надписей владельцев отнесена условно, ибо это скорее маркировка полисного имущества).
31. Без инв. номера (лежит с находками 1974 г.). V в. По фр. дна чл. закрытого сосуда типа лекифчика: Δι.
- 32.66—372. V в. По фр. дна чл. чаши: Δι.
- 33.66—370. Около V в. По внутренней боковой плоскости конического основания чл. чаши: Δι.

⁶⁴ Ср.: Граффити, № 35—36.

- 34.63—871. IV в. По фр. дна чл. чаши: Δα.
- 35.60—1101. VI—V вв. По фр. дна ион. чаши с кл. декором: Ε или Α.
- 36.64—594. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: Ε.
- 37.75—1061. VI—V вв. По фр. дна красногл. сосуда: Ε.
- 38.75—780. Около V—IV вв. По фр. дна чл. чаши: Ε.
- 39.64—618. V в. По фр. дна расписной чаши: Ε.
- 40.64—1086. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: Ε, возможно, было продолжение.
- 41.67—329. V в. По фр. дна ион. сосуда с чл. ори.: Ε, возможно, было продолжение.
- 42.60—834. V в. По фр. дна ион. буролак. чаши Ε.
- 43.72—262. VI—V вв. По дну от серогл. лощ. чаши Εξ (менее вероятно Εδξ с лигатурой).
- 44.74—231. V—IV вв. По дну фрагментированной чл. чашечки 'Επιχα или 'Επι Χα.
- 45.64—613. Первая пол. или середина VI в. По дну от фрагментированного ион. флакончика с ори. из кл. поясков: Ερ.
- 46.60—1024. V в. На тонкостенном коническом основании ион. чаши с буролак. ори.: Εδ (?).
- 47.72—489. Около V—IV вв. По фр. края серогл. миски: 'Ηρ в лигатуре.
- 48.66—294. Около V в. По фр. дна чл. чаши со шт. ори.: кажется, Ηρ в лигатуре или ΗΔ.
- 49.75—1221. VI—V вв. По дну сосуда: Θυ.
- 50.66—96. VI в. По фр. круглого основания чл. сосуда: Ια или черта и *альфа*⁶⁵.
- 51.63—875. III—II вв. По внутренней боковой грани конического основания фрагментированного блюда: Ν: с предшествующей чертой.
- 52.64—864. Около V в. По фр. дна чл. чаши: Ιτ.
- 53.75—1130. По фр. дна чл. сосуда Κ.
- 54.69—55. V в. По круглому основанию от чл. сосуда Κι.
- 55.67—433. Вторая пол. VI в. По коническому основанию небольшой ион. буролак. чаши: Κλε.
- 56.75—888. По фр. дна чл. чаши: Λ или V.
- 57.75—800. Около V в. По фр. дна краснофигурной чаши: Λ или V.
- 58.75—199. Около V в. По фр. дна ион. чаши: Λ или V.
- 59.69—17. IV в. По фр. дна чл. сосуда: Λ с предшествующим прочерком.

⁶⁵ Ср.: Там же, № 40.

- 60.64—962. V—IV вв. По фр. дна чл. чаши со шт. орн. из пояска ов и пальметок, возможно: $\Delta\epsilon$ в лигатуре.
- 61.74—475. VI—V вв. По дну от ион. буролак. чаши с пурпурным колечком на внутренней плоскости (граффито — снаружи): $\Delta\eta$ (буквы расположены по вертикали).
- 62.66—13. V—IV вв. По фр. горлышка чл. сосуда: ΔP . Кажется, лучше читать: Δp .
- 63.75—338. V в. По фр. серолоц. миски: $\Delta\omega$.
- 64.75—1251. V в. По фр. дна чл. чаши: $\Delta\omega$.
- 65.74—263. V в. По фр. дна. ион. чаши с лаковым орн. два граффити: изнутри — прочерк, снаружи, вероятно: ΔX в лигатуре. Очень вероятно, что данное граффито относится к числу магических знаков (см. № 150 сл.).
- 66.75—323. Около V в. По фр. дна чл. сосуда: M или Σ .
- 67.71—480. Около V в. По дну серогл. подлощенного закрытого сосуда: M или Σ .
- 68.64—668. VI в. По фр. дна чл. чаши, возможно: M , или Σ .
- 69.63—879. V—IV вв. По фр. круглого основания чл. сосуда: $M\epsilon$ в лигатуре.
- 70.75—991. V—IV вв. На фр. ион. светильника: $M\eta$ в лигатуре и черта.
- 71.72—244. Вторая пол. VI в. По фр. дна ион. чл. чаши: $M\eta$.
- 72.67—545. V в. По фр. дна чл. чаши со шт. орн. из пальметт и веерообразно расположенных пластин: $M\omega$ в лигатуре или $N\omega$.
- 73.64—397. VI в. По дну от красногл. небольшого закрытого сосуда: ретроградное N .
- 74.69—114. IV в. По дну от чл. чаши: $O\lambda\eta$; ср. № 172.
- 75.69—270. V—IV вв. По фр. круглого основания чл. сосуда: $\neq$, возможно, следовало продолжение.
- 76.72—126. IV в. На внутренней боковой стороне конического основания чл. сосуда небрежно процарапано: $\neq$.
- 77.72—68. IV в. По дну от чл. чаши со шт. орн. из пальметок в точечном кругу: $\Sigma\epsilon$ $P\iota$.
- 78.66—97. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: Σp ; ср. № 5.
- 79.64—1053. Около V в. По фр. края серогл. миски: $T\omega$.
- 80.60—745. V—IV вв. По фр. дна серогл. серолоц. чаши: $\Gamma\pi$.
81. 64—667. V—IV вв. На массивном круглом основании чл. чаши $X\alpha$, дважды.
- 82.66—179. V в. По фр. дна чл. чаши: XX или два креста.

Окончания надписей владельцев:

83.64—1234. V—IV вв. По фр. дна буролак. ион. чаши: остатки *альфы*. Возможно, был предшествующий и последующий текст.

84.64—1087. V в. По фр. круглого основания чл. сосуда: окончание имени на -δωρος в родительном надеже, в которое почему-то вписаны буквы X и O.

85.75—1243. VI—V в. По фр. дна ион. сосуда: кажется, остаток имени в родительном надеже [-]ηω ε[ιμί?].

86.69—56. V—IV в. По фр. круглого основания чл. сосуда: [--]υλα-- или [--]χλα--.

87.70—372. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: возможно [(τοῦ δεῖνος)ε]ιμί.

88.62—283. VI—V вв. По фр. основания чл. чаши: то же.

89.69—505. Вторая пол. VII—VI в. По фр. конического основания чл. чаши, снизу: [?- -] Ρ. «Хвостатая» форма *ρο* свидетельствует о происхождении автора надписи с островной Ионии (см. № 7 и примеч. 40).

§ 2. Сакральная жизнь Березанской колонии

Культы Березанского поселения по составу пантеона несколько отличаются от культов метрополии. Если в Ольвии основное милетское божество — Аполлон Дельфиний — также было главным, то на Березани наиболее популярными божествами были Ахилл и Аполлон Врач. Такая разница в сакральной жизни между Ольвпсй и Березанью объясняется тем, что Ольвия была колонией Милета, между тем как при основании Березанского поселения Милет играл первенствующую роль, но не более: лицо поселения образовывали несколько гетерогенных групп переселенцев, каждая со своим излюбленным пантеоном божеств. Надписи показывают, что на Березани почитались Афина, Аполлон (в том числе Врач и Дельфиний), Артемида (в том числе Эфесская), Афродита (в том числе Апатура), Ахилл, Гермес (в том числе Отчий), Дионис — Вакх, Диоскуры, Зевс (в том числе Спаситель), Тиха.

Вряд ли на небольшом острове были святилища всех перечисленных богов. Граффито № 97 показывает, что здесь было святилище Аполлона. Раскопками Скадовского на некрополе в погребениях были обнаружены сосуды с посвященными надписями Афродите Апатуре,

Гермесу, Дионису. На этом основании можно полагать, что святилищ указанных божеств на острове не было. Посвященные богам без храмов сосуды хранились в домах посвятителей, по смерти которых клались в могилу.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что посвятельные граффити Березани имеют множество точек соприкосновения с ольвийской эпиграфикой. Помимо общих божеств пантеона, свидетельствующих о том, что в обоих центрах в основном почитались одни и те же культы, привлекает внимание, что на Березани и в Ольвии действуют одни и те же лица (№ 111, 116), проявляются одни и те же политические события (№ 107—108), проводятся одинаковые сакральные мероприятия (№ 99). Все это свидетельствует о том, что с третьей четверти VI в. (датировка граффито № 116) Березань и Ольвия составляли единый политический организм.

90.70—122. V в. По фр. нижней части горлышка серогл. сосуда типа кувшина: [? 'Αθῆ]νᾱι — «Афине».

91.67—149. V—IV вв. По фр. дна чл. чаши со шт. ори.: [(ῆ δεινα)---]να 'Αφρ[οδί]τηι — «--на *посвятила* Афродите».

Посвящения Афродите на Березани и в Ольвии размещались равно как на доньях, так и на открытых частях сосудов, что свидетельствует, пожалуй, не о храмовом, а о домашнем культе этой богини. Как показывает данное граффито, в отличие от множества других посвящений различным божествам, сделанных мужчинами, посвящения Афродите делались и жепщинами, что имеет апалогин, например, в посвящениях, пайденных в навкратийском святилище этой богини, где на десятки посвящений, сделанных мужчинами, приходится несколько посвящений, сделанных Филидой, Доридой и т. д.⁶⁶

92.71—170. V в. По фр. стенки чл. чаши: ['Αφ]ροδί[τηι] — «Афродите» (либо родительный падеж).

93. Без инв. номера, находка 1966 г. V в. По фр. венчика чл. чаши: [(ὁ или ῆ δεινα) 'Αφροδί]τηι ἀνέδ[η]κεν] «*такой-то (такая-то) посвятил(а) Афродите*».

После *эты* текст надписи разделялся ручкой сосуда. Утрата йоты в флексии дательного падежа имела место в ионийских надписях с VI в.,⁶⁷ так что в посвящениях № 91—93 можно читать нейотированные окончания, как в № 94.

⁶⁶ Naucratis. L., 1888, 2, p. 62 f.

⁶⁷ Thumb A., Scherer A. Handbuch. . . , 2, S. 254.

94.71—196. V—IV вв. По фр. стонки с краем чл. чаши: [᾿Αφ]ροδίτη — «Афродите».

95. Без инв. номера, находка 1966 г. V в. По фр. венчика краснофигурного открытого сосуда: [᾿Απόλλ]ωνι — «Аполлону».

96.74—408. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши: [᾿Ιητ]ρῶι — «Аполлону Врачу».

Раскошками Штерна 1906 г. на Березани был найден фр. плечиков толстостенного расписного сосуда (диноса?) стиля Фикеллура с надписью VI в.: [᾿Απόλλω]νος ἐμὶ ᾿Ιητ[ρῶ] — «я принадлежу Аполлону Врачу»⁶⁸.

97.71—540. V в. По фр. венчика чл. чаши: ᾿Από(λλωνος) — сокращение теонима: «собственность святилища Аполлона», скорее всего храмовая маркировка, как и Δελ или ἱρή на сосудах с ольвийского теменоса^{68a}.

98.75—301. Третья четверть VI в. По фр. венчика расписного мелкофигурного килика: Δελφινίῳ — «Аполлона Дельфиния»⁶⁹.

99. Без инв. номера, находка 1966 г. Рубеж VI—V вв. По фр. горла чл. сосуда типа кувшина, под профилированным венчиком двустрочная надпись: [εἰκ]κοστήν ᾿Απ[όλλω]νι-] — «двадцатина — Аполлону» (в стк. 2 сохранились следы двух букв). Такое чтение соответствует надписи рубежа VI—V вв., т. е. того же времени, что и наша [-Δε]λφινίῳ εἰκοστή[ν], найденной на ольвийском теменосе⁷⁰.

⁶⁸ Присутствие Аполлона Врача в текстах на амулетах, т. е. на средствах целительной магии (№ 131—137), достаточно проясняет содержание культа этого божества на Березани и опровергает нелепые домыслы об Аполлоне Враче как «божестве — покровителе первых колонистов» (см.: Виноградов Ю. Г. Русыева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 30—31).

^{68a} См.: Ольвия. М.; Л., 1964, с. 141—142, а также с. 164: Δελφί (на дне сосуда).

⁶⁹ После моей публикации 1979 г. это граффито переиздано: Виноградов Ю. Г. Русыева А. С. Указ. соч., с. 29.

⁷⁰ Ольвия, с. 150. Издатель ольвийской надписи Е. И. Леви понимала εἰκοστή как указание на то, что посвящение было сделано в двадцатый день месяца (там же, с. 146). Это мнение в целом разделили Ю. Г. Виноградов и А. С. Русыева (Указ. соч., с. 39—42). Ж. и Л. Роберы (Bulletin épigraphique. — REG, 1967, № 398) и М. Ладзарини (Lazzarini M. Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica. R., 1976, p. 93) указали на то, что εἰκοστή — это ¹/₂₀ часть доходов посвятившего. Внимательный анализ березанского граффито безусловно свидетельствует об ошибочности пер-

Согласно этим надписям, святилищу Аполлона выделялась двадцатая часть какого-то имущества, например добычи или доходов, либо пятипроцентный пошлинный сбор (не случайно Ольвия и Березань — портовые пункты). Формально возможно и другое чтение: --ος Ζήνα--, но постановка теонима в винительном падеже не характерна для посвячительных надписей (в обоих случаях чтения тин надписи — посвячительный по присутствию теонима) как Греции в целом, так и Нижнего Побужья в частности. Поэтому черта под *tau* — случайного происхождения.

100.74—410. V в. По фр. края солонки, под профилированным венчиком: [Ἀρ]τέμι Ἐφε[αίτη] — «Артемиде Эфесской».

101.66—351. VI в. По фр. венчика чл. чаши: [Ἀχιλ]λεῖ — «Ахиллу». От *лямбды* сохранился нижний конец правого усика, причем игла здесь соскочила направо.

102.63—472. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши: [ὁ δέ]ῖνα Ἀχιλλεῖ ἄ[νέ]τηκεν? — «*такой-то* посвятил Ахиллу».

103.64—169. По фр. дна чл. солонки: Ἀχιλλέως — «Ахилла».

104.75—1213. V в. По фр. венчика чл. чаши: [Διονί]σῳ Βά[χ]ωι — «Дионису Вакху».

105.74—640. VI в. По фр. горла (с венчиком) расписного ион. кратера в середине лакового кружка вырезано Ια, вероятно, сокращение эпиклеса Диониса Ἰα(χ)ος — «Иакх».

106.64—909. VI в. По фр. венчика буролак. чаши: [Δι]ός[κος] — «Диоскурам»⁷¹.

107. Без инв. номера, находка 1971 г. По фр. стенки чл. чаши изнутри: [Δι]ός Σωτ[η]ρ[ος] — «Зевса Спасителя».

108.72—73. По фр. венчика чл. чаши: [Διός] Σωτ[η]ρ[ος] — «Зевса Спасителя».

По характеру письма и лака посвящения № 107—108 относятся к первой половине V в. Культ Зевса Спасителя обычно вводился в городах по случаю избавления от какой-то большой опасности. Ликвидация аграрных поселений ольвийской хоры на рубеже первой — второй четвертей V в. и концентрация ее населения в Ольвии⁷², без сомнения, были связаны с внешней угрозой — с опасностью,

вой точки зрения: если бы имелось в виду, что посвящение сделано в двадцатый день, это слово стояло бы в дательном падеже — εἰκοστῇ.

⁷¹ Ср. аналогичные посвящения полийцев Диоскурам в Навкратисе (Naucratis, 2, с. 67). См. также: Граффити, № 67.

⁷² Крыжицкий С. Д. и др. К истории ольвийской округи. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья, с. 7.

происходившей от кочевых скифов. Скорее всего избавлению от этой скифской опасности и обязано введение культа Зевса Спасителя в Ольвии и на Березани.

109.64—892. VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши, возможно: [(ó deĩva)-]ov Σφ[τῖρι] — «такой-то посвятил Спасителю», но в целом контекст неясен. Заслуживает внимания двухчастная *сигма*.

110.75—1214. V в. По фр. венчика чл. чаши: 'Ερμῖ Πατ[ροῖωι] — «Гермесу Отчему». Вероятно, в данном случае Гермес выступает в качестве покровителя семьи.

Далее следуют несколько надписей с именами посвященных и сильно фрагментированные посвящения.

111.65—226. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика килика: [Ἄναξ]αγόρης μὲ ἀν[έθηκεν] — «меня посвятил Анаксагор».

Это посвящение синхронно еще одному посвящению Анаксагора, найденному на теменосе Ольвии: Ἄναξ[αγόρης-] ⁷³. Этот Анаксагор идентифицируется с влиятельным лицом того же имени, фигурирующим в письме Ахиллора ⁷⁴.

112.66—265. V в. По фр. стенки ион. чаши с красными полосами изнутри, по внутренней же поверхности процарапано и граффито: ΑΡΙΣ. Две первые буквы даны в литературе, так что вероятно чтение: Ἄρ Ισ, включающее сокращение теонима Артемиды или Арея и сокращение имени посвятившего. На внутренней стороне сосуда посвященные надписи вырезались крайне редко; см. также № 107.

113.69—34. V в. По фр. венчика чл. расписной чаши: Ἄρτεμῆω — «посвящение Артемеса».

Размещение надписи владельца на венчике сосуда не характерно для ольвийско-березанской практики ⁷⁵, что и подтверждает другое аналогичное граффито с поселения Варваровка (раскопки 1938 г.): Ἄρτεμῆς — «Артемес» — на фр. дна канфара, безусловно, являющееся надписью владельца. По мнению В. В. Рубана, это граффито датируется первой половиной III в. ⁷⁶ Видимо, мы имеем дело если не с одним и тем же лицом (что предполагало бы уточне-

⁷³ Ольвия, с. 152.

⁷⁴ Подробную характеристику его см.: Вопросы интерпретации... с. 135.

⁷⁵ См.: граффити № 114—118. Относительно Ольвии см.: Граффити, № 76—80.

⁷⁶ См.: ВДИ, 1977, № 2, с. 152.

ние датировки нашего и варваровского граффито), то с традиционным сохранением редкого семейного имени. 114.74—409. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши: 'Ηγρίπολις «Гегесиполид», имя посвяtitеля, которое могло стоять и в родительном падеже.

115.70—617. Рубеж VI—V вв. По венчику фрагментированного чл. килика: [-] Θέμιστος «...Фемист».

Наклонная гаста перед *тетой* принадлежит, скорее всего, *альфе*, видимо, перфектному окончанию ἀνατέθηκα — «я посвятил, Фемист». На ионийской почве это имя имело форму Θέμιστῆς (Милет, III в.), в других местностях — Θέμιστος, как в березанской надписи, что может служить основанием для предположения о неионийском происхождении посвяtitеля.

116.70—315. Середина VI в. По фр. венчика ион. чаши с орн. из трех вертикальных полосок коричневого лака: Στρ, сокращение имени посвяtitеля. Он же посвятил в одно из святилищ Ольвии чернофигурный килик с тем же сокращением своего имени⁷⁷. Указанный обломок мелкофигурного килика из Ольвии датируется по росписи третьей четвертью VI в., чему соответствует трехчастная *сигма* березанского посвящения. Отсюда следует исторически существенное для выяснения вопроса о соотношении Ольвии и Березани в VI в. заключение, что уже в третьей четверти этого столетия в обоих центрах действовали одни и те же лица, т. е. оба пункта были двумя элементами политически единого организма.

117.63—645. По фр. профилированной стенки (с курватурой) чл. сосуда: [(ὁ δεῖνα τοῦ) -] ὅπως μὲ ἀνέθηκην — «*такой-то, сын* -- она, посвятил меня».

118.74—351+417. V в. По фр. верхней части тулова ион. буrolак. чаши: [-] μὲ ἀνέθηκην — «*такой-то* посвятил меня».

119.75—1252 [(?) есть и другое граффито с тем же номером]. V в. По фр. венчика чл. чаши: -ΣΕΡ-. Наиболее вероятным представляется чтение [Διός, 'Ερ[μέω] или [Διός Σωτῆρος, 'Ερ[μέω] по аналогии с антикапейским граффито Διός Σωτῆρος, 'Ερμέω Ἀγαθ(ὸ) — «Зевса Спасителя, Гермеса Доброго»⁷⁸. Но не исключено и иное чтение, вроде [Διός

⁷⁷ Граффити, № 78.

⁷⁸ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953, с. 100.

Ερ[κείδ] — «Зевса Геркия» — эпитет Зевса как семейного покровителя.

120.74—625. VI в. По фр. края лутерия (или массивной крышки), под профилем остаток надписи: Ε, возможно, от слова [ἀνέθεκ]ε.

Граффити предоставляют в наше распоряжение большой материал по изучению народных верований — культовой магии. Известно, что в Нижнем Побужье значительную роль в культовой магии играло местное божество хтонического характера — Ахилл. Неожиданным образом, судя по нижеследующему материалу, немалая роль в магических актах принадлежала Аполлону, а именно Врачу (№ 131—136). Впервые фигурирует в магических действиях и Добрая Судьба (№ 121). Объектом магии могли быть как целые сосуды, на которые наносились изображения целительных, солярных и иных символов, так и обколотые черепки прямоугольной, круглой или эллиптической формы — амулеты, на которых вырезалось изображение соответствующих предметов (например, корабль, человек, глаз, птица, дерево, символ водной стихии и т. д.), всевозможного рода значки, буквы и слова. В примитивных обществах знаки письменности сами по себе обладали магическими свойствами, что, например, хорошо засвидетельствовано в отношении скандинавских рун. Аналогично и греческий алфавит был средством магических упражнений⁷⁹, что впервые в Северном Причерноморье с определенностью засвидетельствовано надписями № 139 и сл.

Характерная черта амулетов — затертость их краев и середины: керамический фрагмент терся о твердую поверхность и, поскольку он обычно имеет криватуру, одна сторона затиралась по краям, другая — в середине. Часто на амулетах по краям делались выщерблины — зазоры для привязывания бечевки и ношения их на теле. 121.64—933. Поздний VI в. Фр. стенки чл. чаши, превращенный в амулет прямоугольной формы. Судя по тексту, амулет слегка фрагментирован слева и примерно наполовину — справа. Обратная сторона затерта по краям, на лицевой стороне затерта поверхность под стк. 2. Надпись двустрочная: Τύχη Ἀ[γαθῆς Σώφ]/ρωος — «Счастливой Судьбе Софрона» (вариант: «от Софрона»).

⁷⁹ Dornseiff F. Das Alphabet in Mystik und Magie. В., 1925.

Граффито содержит обращение от лица, назвавшего себя по имени, к богине судьбы Тихе. Первая буква стк. 2 — *ро* или *фи*, в зависимости от чего можно читать разное имя.

122.62—161. V в. Фр. амулета из стенки чл. чаши. Край амулета на лицевой стороне (внутренняя сторона черепка), где помещена надпись, затерты. От надписи сохранились последние буквы: — ЕМ. Контекст неясен.

123.67—147. VI в. Амулет из фр. серогл. чернолощ. закрытого сосуда, обколотого в форме диска. Содержит только букву Е неясного значения.

Далее следуют магические упражнения, адресованные Ахиллу.

124.75—1136. V в. Пластика талькового сланца с надписью: 'Αχιλλε — «Ахиллу», изображением головы змеи и многочисленными другими знаками. Знак в форме *ипсилона* — начальная буква слова *ὕγια* — «здоровье» или *ὕγιαίνειν* — «быть здоровым» и т. д.⁸⁰ Как я покажу в специальной работе, головка змеи в данном случае, как и изображения змей на других граффити, воплощает в себе само божество — Ахилла.

125.71—110. V в. Дно чл. чаши со шт. орн., обколотое в форму диска. На внутренней стороне дна: 'Αχ, Α и другие буквы и значки с множеством прочерков. В середине — изображение птицы (кажется, журавля)⁸¹.

126.63—472. V в. На амулете из фр. венчика чернофигурного килика надпись: ['Αχ]ιλλε — «Ахиллу» с прочерками.

127.64—421. V—IV вв. По венчику целой одноручной чаши 'Αχ и Α, между которыми — разура, сглаженное место.

128.74—559. IV—III вв. На фр. венчика чл. чаши — елочка, изображение дерева. На Бейкуше, лежащем на побережье напротив Березани, раскопками А. С. Русевой найден известный комплекс амулетов, связанных с культом Ахилла, и на некоторых из них представлена елочка.

129.67—673. IV—III вв. На фр. конического основания чл. чаши — елочка.

⁸⁰ См.: Граффити № 87а.

⁸¹ Ср. там же, № 85 (изображение птицы). О магических свойствах птиц см.: *Aristoph.*, *Aves*, 710 sq.

130.62—470. На фр. стенки эллинистической красногл. амфоры — елочка.

Далее следует группа магических надписей, адресованных Аполлону.

131.72—125. Черепок V в. Амулет из фр. стенки чл. чаши. На лицевой стороне — буквы 'Απ, сокращение теопима Аполлон и множество I-образных знаков, символизирующих испрашиваемое у божества исцеление. Ясно, что при этом подразумевалась ипостась Аполлона — Врач, упоминаемый в надписях № 96, 135 сл. На оборотной стороне — прочерки, в том числе I-образные.

132.71—350. Амулет из донца чл. чаши, на внутренней стороне — буквы 'Απ и различные знаки.

133.68—211. Амулет из обколотого в квадрат фр. стенки чл. чаши с буквами 'Απ в лигатуре, дополненными прочерками. Один из прочерков добавлен к горизонтали *альфы* так, что получилась лигатура 'Ιατρ(ός).

134.71—541. Амулет из донца чл. чаши с буквами 'Απ, T, Γ и прочерками.

135.72—90. Черепок V—IV вв. Амулет прямоугольной формы, обколотый из стенки чл. чаши, с зазором для подвешивания на бечевке. На обеих сторонах — одна и та же надпись, включающая лигатуру 'Απ и T. Буква T, видимо, с предшествующими буквами образует сокращение эпиклеса 'Ιατρός.

136.70—74. V в. Фр. дна чл. чаши с буквами ΙΑΤ -'Ιατ(ρός) и прочерками. К концам горизонтали *тау* причерчены вертикальные галы, так что получилась буква Π, а в целом — 'Απ, начальные буквы имени Аполлон. *Альфа* сокращения имени Аполлона, к которой в виде лигатуры добавляются элементы эпиклеса 'Ιατρός, обуславливает то обстоятельство, что эта эпиклеса имеет аттическую огласовку, а не ионийскую, с *этой*.

137.63—464. Рисунок уменьшен. На фр. сосуда — *альфа* и монограмма из букв Α и T = 'Α(πόλλων) 'Ιατ(ρός)?

138.69—110. V в. Амулет прямоугольной формы, обколотый из фр. стенки чл. чаши, с зазорами на краях для подвешивания на бечевке. Края затерты (на рисунке границы этой разубы показаны пунктиром). В середине вырезаны прочерк, точка, сверху — *мю* или *сигма* (неясно), *альфа* и буквы ΘΠ<, которые можно понимать как θῆς, аористный конъюнктив 2-го лица от глагола τίθημι, но трудно сказать, какое значение этого слова —

«сделай», «дай», «погреб» — имел в виду автор данного магического упражнения.

139. Без инв. номера, находка 1971 г. Амулет из фр. дна сосуда. На внутренней стороне — разлиновка, а до краю — первые 5 букв алфавита: Α, Β, Γ, Δ, Ε, далее, видимо, часть *δзеты*. По-видимому, был вырезан весь алфавитный ряд. В Тире известны алфавитные ученические упражнения на разлинованных предварительно черенках, но эта разлиновка прямая, в то время как на березанском граффито представлено сочетание прямых линий и концентрических колец, непригодных для ученического алфавитного упражнения, затрудняющее его.

Буквы греческого алфавита, как отмечалось выше, согласно поверьям древних, обладали магическими свойствами. Был также особый набор магических знаков, выражавших круг понятий здоровья, блага, счастья и пр. Обе группы таких надписей представлены в числе березанских граффити. Все они были вырезаны на доньях открытых целых сосудов для питья или еды, на внутренней поверхности (сохранились не целые сосуды, а донья). Обычно ставилась одна буква алфавита, но могло быть и более.

140.66—98. V в. Чл. чаша: Α.

141.64—496. VI—V вв. Ион. буролак. чаша: Δ.

142.74—221. Около V в. Ион. буролак. чаша со следами *εпсилона*.

143.62—538. IV в. Чл. чаша, изнутри — *эта* (или *дзета*), снаружи — 4 прочерка по кругу поддона.

144.75—350. VI—V вв. Ион. кл. чаша с остатками скорее всего *теты*.

145.74—52. IV в. Чл. чаша со шт. орн. из идущих по кругу насечек, кажется, с буквами *Ка*.

146.62—417. VI в. Ион. буролак. чаша с *лямбдой*, видимо, трижды прочерченной.

147.66—416 (без прориси). V—IV вв. Чернофигурная чаша со шт. орн. из пальметт и круга ов. Изнутри — *омикрон*, снаружи — черта.

148.62—433. VI—V вв. Стенка ион. блюда с кл. орн. и насечками, идущими по обрзу стенки блюда. На дне снаружи — Ф. В данном случае прочерки сделаны по верхней части блюда, а буква проставлена на нижней части, вопреки обычному размещению букв на внутренней стороне сосуда, а прочерков — на наружной, как в № 143, 147.

149.64—330. VI—V вв. Чл. чаша с буквами XX [кресты (?)] или ХА.

В числе магических знаков на сосудах вырезались пентаграмма, крест и др.

151.67—330. V в. На ион. чаше с буролак. орн. — пентаграмма.

152.69—426. Около IV в. На чл. чаше — пентаграмма.

153.66—404. VI—V вв. На ион. чаше с бурым и краснолак. орн. — знак в виде сопряженных ножками двух букв. пси.

154.69—473. V в. На ион. чаше знак в виде двух сопряженных вершинами треугольников (ср. № 159). На наружной стороне дна краской нарисован крест или буква Х, например начало слова *uāīre* — «будь здоров»; ср. № 149.

155—158 (без прорисей). Кресты на доньях изнутри (64—400, 61—86, 60—1019, 64—660), на последнем, кроме того, на дне снаружи — прочерки. Возможно, это буква Х; ср. № 154.

Далее следуют магические знаки и рисунки, сделанные то ли на целых сосудах, то ли на черепках.

159.74—182. Около V в. На фр. стенки буролак. кувшинчика — такой же знак, как и № 154.

160.75—244. На фр. амфорной ручки — пентаграмма.

161.62—588 ($\frac{2}{5}$ натуральной величины). Около V—IV вв. На фр. стенки красногл. амфоры — якоробразный знак и пентаграмма в круге.

162.74—768. III—II вв. (?) Аккуратно обколотый квадратный амулет из края массивной светлоглиняной миски типа лутерия. На наружной стороне черепка вырезаны волнистый знак водной стихии и корабль, на внутренней — корабль и прочерки.

163.70—263. IV—III вв. (?) Амулет из фр. края чл. чаши с прочерками.

164.64—751. Черепок — V в. Обломок квадратного амулета, сделанного из фр. стенки чл. чаши. На лицевой стороне — рисунок неясного значения, на оборотной — разура и прочерки.

§ 3. Культура колонии

Благодаря археологическим исследованиям, особенно ежегодным раскопкам, проводившимся экспедициями В. В. Манина и Эрмитажа, мы знакомимся не только с материальной культурой Березанского поселения, но и с духовной культурой, с бытом ее населения. Пока еще немного надписей, характеризующих отдельные стороны культурной жизни березанцев. Оливия в этом плане представлена богаче⁸², но не следует упускать из виду хронологическую разницу памятников: если в Ольвии это в основном надписи конца VI—III в., то березанские граффити — на столетие древнее. По содержанию граффити, характеризующие культуру, быт, образование березанского населения, разделяются на застольные, в том числе и стихотворные, дарственные надписи и школьные упражнения.

1. Застольные надписи

165. Без инв. номера, находка 1975 г. По фр. крышки кухонного сосуда: --ς ἄψ ἀργός ὀλώ[δης-].

В кратком сохранившемся контексте вычлениаются три слова, первое из которых: ἄψ — «снова, вновь»⁸³. Слово ἀργός — омоним, включающий две группы значений. С одной стороны, это гомеровский эпитет «блистающий, сверкающий»; по Аристотелю, он является также эквивалентом слова λευκός — «белый, чистый» (Тор., 149а 7). С другой стороны, ἀργός (= ἀεργός) применительно к предметам имеет значение «бесполезный, непригодный». Прилагательное ὀλώ[δης] — известный из Гипократа эквивалент слова θολώδης — «помутневший», которое употреблялось в источниках применительно не к предметам, а к среде — воде, огню, дыму⁸⁴. Следовательно, оба сохранившихся в надписи прилагательных относятся не к сосуду, а к его содержимому, что предполагает значение ἀργός как ἀεργός — «непригодный». Отсюда нашу надпись нужно переводить как «... снова непригодная помутневшая пища», «... снова

⁸² Граффити, № 89—105; ср.: Там же, березанские надписи № 27—28.

⁸³ В предварительной публикации я ошибочно читал здесь имя на основании фригийской параллели — имени владельца сосуда Ψυλλάρης в синхронной надписи из Гордиона.

⁸⁴ *Hippocr. apud Galeni*, 19, 126. См.: LSJ, s. v.

непригодная муть» — оставленная кем-то оценка стряпни, содержащейся в этом кухонном сосуде.

Надпись носит стихотворный характер, на что указывает поэтическое слово $\alpha\psi$, ее возможный размер — гекзаметр: [—]—|— $\cup\cup$ |—[—], но, разумеется, сохранившийся текст слишком краток, чтобы утверждать это.

Данная надпись относится к числу древнейших в Северном Причерноморье. Удлиненные пропорции букв в сочетании с маленькими кружочками *омикрона* и головки *ро* указывают на VII—ранний VI в. В частности, такая графика присутствует в ионийских надписях 591 г. в Абу-Симбеле⁸⁵. Таким образом, данное граффито датируется второй половиной VII в. или началом VI в.

На ионизм надписи указывает то обстоятельство, что $\theta\omega\lambda\acute{o}\delta\eta\varsigma$ в форме $\acute{o}\lambda\omega\delta\eta\varsigma$ засвидетельствовано у Гиппократы, произведения которого отражают ионийский прозаический язык.

166.70—70. По фр. стенки серогл. чернолощ. закрытого сосуда типа кувшинчика двустрочная надпись: [— —] $\tau\acute{\upsilon}\chi\omega\nu\omicron\varsigma$ $\phi\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ [— —|— —] $\chi\epsilon\omega$ $\chi\alpha\rho\acute{\alpha}$ $\alpha\chi\omicron$ [с— —] — «...Тихона шелудивым... *такого-то* радость — боль...».

Слово $\phi\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ имеет значение «зудящий, шелудивый, паршивый, грязный, чесоточный». Кроме того, у Гесихия есть глосса $\phi\acute{o}\rho\omicron\varsigma$ — «недераст». Сохранившееся $\phi\omicron\rho\acute{o}$ стк. 1 может быть или дательным надежом единственного числа, или родительным множественного обоих слов. Несмотря на эту неопределенность, общий смысл стк. 1 ясен: речь идет о шелудивом теле Тихона или его членах, либо о шелудивости лица, домогавшегося Тихона⁸⁶. В стк. 2 сохранилось окончание родительного надежа, которое можно связывать с именем этого другого лица, например Эвалка: [— —] $\epsilon\acute{\upsilon}\acute{\alpha}\lambda\lambda\eta$ $\chi\epsilon\omega$. В таком случае выражение этой шутильной надписи в стк. 2 «радость Эвалка — боль Тихона» подразумевает любовный акт: Эвалк наслаждается Тихоном, но его струпья, царапая Тихона, причиняют последнему боль.

Текст стк. 2 был переправлен: на месте О вырезано А, на месте Х — *эпсилон*, усики которого нашли на следующую *альфу*, *ро* осталось, *альфа* не очень удачно перечерчена на *эпсилон*, последующая *альфа* осталась, на месте

⁸⁵ LSAG, tabl. 66—56, 58; 67, 1—5.

⁸⁶ Формально можно читать также имя $\beta\rho\acute{\upsilon}\chi\omega\nu$, но оно засвидетельствовано в беотийско-македонском ареале.

хи вырезана *сигма*, *омикрон* перечерчен в *эпсилон*. Таким образом, новый текст составили следующие буквы стк. 2: [— —]ΚΕΑΕΡΕΑΣΕ[— —], что может быть понято как [— —] κε ἄρε ἄσε[— —]. Если пятую букву справа в новом тексте принять, как и в старом, за *альфу*, нет реальной возможности вразумительно прочесть текст. Но если учесть, что вырезанный на месте четвертой справа буквы Σ новый *эпсилон* нашел усиками на правую гасту *альфы*, как бы перечеркнув ее, то отсюда появляется возможность читать оставшуюся левую гасту *альфы* как *йоту*, и это дает предложенный выше текст. На ἄσε- начинается несколько слов, и все они одного — негативного — плана. В целом это следующие группы: ἄσεβε:α — «кощунство, нечестие», ἄσελγε:α — «бесчинство, беспутство», ἄσερνος — «недостойный». Любое из этих значений соответствует общему характеру надписи. Согласуется с этими словами и имперфект ἄερε, но трудность заключается в том, что по смыслу к негативному ἄσε- подходят два значения глагола ἀείρειν, прямо противоположные: «увеличивать» и «убирать». Таким образом, остается неясным, идет ли речь об увеличении негативности или, наоборот, говорится об ее исчезновении.

Некоторую параллель к нашей надписи составляет графито на дне аттического килика примерно конца V в., содержащее то же слово φωρός: Μελανθίου ἐμὶ ὅστις ἄλλως εἶπαι, φωρόνῃ — «я килик Мелантия. Кто станет утверждать иное — покроется стружьями»⁸⁷.

Березанская надпись — стихотворная; судя по следующим подряд четырем долгим слогам стк. 1, это гекзаметр. Метрическая схема стк. 1, возможно, выглядит так: [— ∪] ∪ | — — | — — |; стк. 2: [—] ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — [∪ ∪].

Характерный прифт надписи, исполненной бустрофедоном, формы *ро*, *омеги*, *эпсилона* имеют параллели в ионийской эпиграфике, дающие ее датировку — вторая или третья четверть VI в., т. е. время около середины столетия⁸⁸. Об ионийском диалекте надписи свидетельствуют употребление *омеги*, указывающей на происхождение автора эпиграммы из малоазийской Ионии, форма окончания [— —]κεο и ἄερε нового текста.

167.64—1085. Первая пол. V в. На фрагментированной чл. чаще с рифленным пояском у основания тулова два

⁸⁷ Friedländer P. Epigrammata, N 164.

⁸⁸ LSAG, tabl. 63—4, 13.

граффити. На дне снаружи — имя владельца: Ἀπολλοφά-
νεος — «сосуд Аполлофана». На венчике: φάς, ἀήτῶ [— —] —
«говоря, порыва ветра...». В этом стихотворном отрывке
(ἀήτης, по утверждению Платона, — поэтическое слово),
видимо, ведется речь от имени божества. Сохранившееся
начало надписи выдержано в размере восходящего ирра-
ционального ионика: — ∪ — —.

168.72—440. V в. На фрагментированной чл. солонке —
две надписи. На дне сначала было вырезано одно сокра-
щение имени владельца — Ἀπ, затем по нему же — дру-
гое: Δε. На боковой поверхности, состоящей из двух че-
репков (не в контакте), представлен стихотворный текст.
На одном черепке дважды написано слово «факел». Сна-
чала резчик написал его в форме δαί[ς], затем, развернув
солонку на 180 градусов, — в форме δάος. Первая форма
употреблялась и в прозе и в стихах, вторая — только поэ-
тическая. На втором черепке вырезан также поэтический
эпитет в родительном падеже: αἰθωνο[ς] — «раскаленного,
горячего, блестящего». Таким образом, в данном стихотвор-
ном отрывке шла речь о пылающем факеле. Метрическая
схема ввиду скудости сохранившегося текста определенно
не улавливается. Судя по повтору слов и букв, надпись,
возможно, является ученическим упражнением.

169.62—337. V в. На фр. венчика чл. чаши сохранились
буквы ΒΑΨ, начало слова βίπτειν — «черпать» (о вине),
в форме будущего времени или аориста⁸⁹.

170.71—197. IV в. На фр. венчика чл. чаши сохранились
буквы ΦΗ. Слева от φη располагалась ручка сосуда. Это,
возможно, начало слова φημι — «говоря...»; ср.
№ 167.

171.64—1031. IV в. фр. венчика и горла красногл. кув-
шина (венец покрыт красным лаком) с остатками надписи:
[— — ?] ἐν ἔχαι[κ]ε ὀα[ρ]ι — —].

Первое слово, часто фигурирующее в застольных над-
писях, восстановлено предположительно. Последнее слово
начиналось, кажется, на ὀαρ-, им могло быть ὀαρ — «под-
руга» (поэтизм) или ὀαριστής — «собеседник, сотоварищ»,
ὀαρος, ὀαριστός — «беседа». Таким образом, содержание этой
фрагментированной надписи предположительно таково:
«...выпил, наслаждался беседой (собеседником, подру-
гой)». Граффито вырезано нетвердой, нетрезвой, видимо,
рукой, так как буквы «пляшут».

⁸⁹ Ср. βίψομαι: *Aristoph.*, *Lys.*, 51 и βίψαι: *Theocr.*, V. 127.

172.71—111. IV в. По дну от чл. чаши со шт. орн. из пальметт и круга ов вырезана надпись, которую можно понимать следующим образом. На дне стояло сокращение имени владельца (владелицы): Ολη, как в № 74. Затем к *лямбде* слева была добавлена черта, так что получилась лигатура ολ и в целом образовалась ионийская растяженная форма того же имени Ολη. Это каламбур, так как новая форма имени совпала со словом οὐλῆ — «радуйся» — медиальная форма 2-го лица настоящего времени от глагола οὐλέω, упоминаемого Гесихием и грамматиком XII в. Григорием Коринфским⁹⁰. Оно существовало параллельно с глаголом οὐλω того же значения, императив которого οὐλε употреблялся в гомеровском эпосе в качестве приветствия. 173. ОАМ 23482. На верхней плоскости круглого основания ножки чл. чаши граффито, вырезанное бустрофедоном: [— — φ]ίλιος Μελησίης πόμῃ [— — | — —] καί τε χάτω μῖμος ὄφρ[— —] — «...любезный кубок Милесии напиток... и при этом актер опускает брови долу...».

Черепок найден при раскопках Штерна 1906 г. В дневнике раскопок Е. Г. Кагаров (архив ОАМ, 59191, л. 36) дал следующий текст надписи: [Φ]ΙΛΙΟΣΜΕΛΙΣΙΝΣΠΟΜΗ, стк. 2: ΚΑΙ : ΕΚΑΤΩΜΙΜΟΣΟΦΡΥ, откуда следует, что уже после раскопок черепок был обломан справа. Сохранившийся текст надписи дополнен в соответствии с записью Кагарова.

Слово πόμῃ стк. 1, несмотря на скол справа, имеет однозначный смысл — это ионийский вариант слова πόμα (аттическое πῶμα) — «напиток, питье». Это слово — среднего рода, поэтому прилагательное [φ]ίλιος относится не к нему, а к утраченному в лакуне слова существительному мужского или женского рода, каковым при слове «питье», вероятно, было обозначение содержавшего его сосуда. Μελησίης — родительный падеж в ионийской огласовке имени Μελησία, засвидетельствованного Свидой. В слове τε от *tau*, согласно записи Кагарова, остались следы вертикальной галты. Наречие χάτω — «вниз» — предполагает в данном контексте несохранившийся глагол движения. Им могло быть слово ὀφρῶζειν — «выражать что-либо движением бровей», «быть надменным» или ὀφρῶδαι — «быть надменным». И μῖμος — «актер», и χάτω показывают, что в контексте с ними возможно первое зна-

⁹⁰ LSJ, s. v.

чение глагола: «выражать что-либо движением бровей» — об игре актера.

Наряду с указанным глаголом здесь можно восстанавливать и винительный падеж слова ὄφρῶς («бровь») — ὄφρῶν или ὄφρῶς, единственное или множественное число. В таком случае искомым глаголом движения может быть βαλλεῖν; ср. у Еврипида (Cycl., 167): καταβαλεῖν τὰς ὄφρῶς — «опустить брови», герс. «становиться спокойным». Оба варианта дополнения приемлемы для метрической схемы надписи, стк. 1 которой выдержана в восходящем ионике, в том числе иррациональном, стк. 2 — в нисходящем ионике, в том числе иррациональном: [. . .] ∪ ∪ | — ∪ — — | — ∪ — [— . . .] || . . . —] — ∪ ∪ | — — ∪ — | ∪ [. . .].

По своему содержанию остатки сохранившегося в стк. 1—2 текста могут быть связаны между собой в том смысле, что напиток, вино, из кубка Мелесии было предложено актеру, который при этом изобразил какую-то сцену. По-видимому, сохранилась меньшая половина текста надписи.

Датировка ее определяется бустрофедоном, который, как говорилось выше, во второй половине VI в. исчезает из ионийских памятников, за исключением милетских. На немилетское происхождение данного граффито указывает «хвостатое» ρο, свидетельствующее о происхождении автора застольной надписи из островного ионийского ареала (см. № 2). Репертуар форм букв (особенно характерны *омега* и *ро* почти без корешка) также позволяет датировать надпись серединой — третьей четвертью VI в.⁹¹

Существенно сообщение надписи о миме-актере — первое в Северном Причерноморье упоминание о театральной сценке, разыгранной артистом. На Березани не было театра, но жители разыгрывали живые сценки на пирушках, как в данном случае в доме Мелесии. Равным образом в упоминавшемся надписью актере можно видеть заезжего лицедея, какого-либо известного артиста.

174. ОАМ 73237. Поздний VI в. Раскопки Лапина 1960 г. совместно с ОАМ. По фр. края чл. скифоса изнутри (вверх ногами относительно дна): εἰαί, застольный возглас ликования. Первая буква надписи — *эпсилон* — вырезана ретроградно, как в граффито № 179.

⁹¹ Ср.: LSAG, tabl. 63—8.

2. Дарственные надписи

Эта группа граффити в основном выделена предположительно ввиду сильной фрагментированности материала. Надписи этой группы обычно включают имена дарителей и(или) одариваемых лиц, поставленные в родительном (№ 175) или дательном (№ 176) падеже. Такие надписи обычно размещаются на открытых, обозримых частях сосудов и часто отличаются аккуратной профессиональной резьбой букв.

175.74—427. Первая пол. V в. По стенке фрагментированной чл. чаши, изнутри: [— —] ρδ 'Αρχηπόλης 'Ιχεσίδ — кажется, три имени в родительном падеже. Окончание — ρδ может принадлежать и какому-либо слову и имени. Неясное скопление черт перед этими буквами может быть прочитано различным образом. Второе имя не совсем обычно. Есть имя 'Αρχέπολις, в котором замена *эпсилона* этой объясняется понийским диалектом резчика надписи⁹². Но замена *йсты* на *ту* необычна, что заставляет видеть в 'Αρχηπόλης надписи родительный падеж не засвидетельствованного справочниками имени 'Αρχηπόλη, которое хорошо вписывается в группу женских имен на -πόλη⁹³. Из их числа ср., к примеру, 'Πησιπόλη, возникшее в качестве параллели женского рода к мужскому имени 'Πησιπόλις (№ 114). Третье имя — 'Ιχεσίδ — может быть либо патронимиком Архенолы, либо именем второго (третьего) лица. Эта надпись, включающая имена двух-трех лиц в родительном падеже, имеет хорошую параллель в ольвийской надписи позднего IV в.: 'Ελπίδ' καὶ Φαίδων(ας) — «чаша Эльпина и Федона»⁹⁴. Если на сосуде вырезаны имена любовников, это означает, что один из них подарил ее другому. С Березани происходит граффито раннего V в. На чл. килике: κῶγράψας τῶι δίδοντι θεῇ δῶρον εἰ δίκῃ φείλωι καὶ ἐταίρῳ — «и написавший (эту надпись) по справедливости да сделает свой подарок дающему другу и товарищу», что подразумевает обмен у друзей подаренными друг другу кубками⁹⁵.

⁹² Ср. 'Αρχη-γος милетской надписи VII в. (Bechtel F. Die historischen Personennamen, S. 78).

⁹³ Ibid., S. 376—377.

⁹⁴ Граффити, № 96в.

⁹⁵ Нйленко В. И. Березанское граффито-приношение другу. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979, 1, с. 356 сл.

176.64—1170. IV в. По фр. стенки небольшого чл. сосуда остаток надписи, которую предположительно можно понимать в качестве дарственной, содержащей имя одариваемой женщины: [е. g. Εὐκρ]άττι: τῷ δῶρον] — «дар Евкрате». Возможны и иные варианты понимания надписи.

177.67—52. IV в. По фр. плечей серогл. чернолощ. закрытого сосуда, возможно, дарственная надпись, включающая женское имя: [е. g. Φιλίγγι — «Филине». Обращает на себя внимание аккуратное исполнение букв профессиональным резчиком.

178.66—11. V в. По фр. стенки чл. чаши, возможно, остатки женского имени, например: Μίχα[ι] — «Мике». Это имя присутствует в одной из березанских надписей⁹⁶. Надпись отличается тщательной резьбой букв, выполненной профессиональным резчиком.

3. Алфавитные упражнения

179. ОАМ 23705. V в. По круглому основанию пожки чл. чаши две надписи: а) по нижней плоскости: Λεάγρῶ τιμαί — «дары (или приношения) Леагра». Оба слова разделены крестом и чертой; б) на верхней плоскости та же надпись, но с сокращениями: Λ(εάγρῶ) τιμαί и ретроградно: Λ(εάγρῶ) τι(μαί). Тройное повторение одной и той же фразы, как и нечеткость написания букв (ретроградный *эпсилон* в имени Леагра, *тау* — крестообразной формы, *альфа* на верхней плоскости — без перекладины, *лямбда* вырезана с лапками, слова разделены знаками), свидетельствует о том, что это школьное упражнение. Леагр — мифологическое имя, видимо фигурировавшее в упражнениях, заданных учителем. Не исключено, конечно, что это имя самого ученика (ср. № 182), и тогда τιμαί означает не «приношения» мифологического персонажа, а нечто другое. Удивительным образом оно может соответствовать нашему слову «оценки».

180.75—1129. V в. На дне ион. сосуда — несколько надписей: лигатуры имен владельцев: 'Απ и Εχ⁹⁷, а также ученические упражнения на написание согласных — [— —] Π, Κ, Σ. Сделав упражнение, ученик приписал ιαί, возглас радости⁹⁸. Одно тирское граффито содержит упражнение ученика, выполнив которое, он похвалил себя словом

⁹⁶ Граффити, № 28.

⁹⁷ Такая лигатура раскрывается именно так (см. № 182).

⁹⁸ По Софоклу (фр. 631 Р.), у варваров это возглас скорби. У греков это возглас радости.

καλός — «молодец». Согласно другому граффито из Тиря, усвоение учениками гласных и согласных происходило раздельно.

181.74—6. V—IV вв. На фр. стенки серогл. чернолощ. миски — алфавитное упражнение: Α, Γ, Δ, Ε. Пропущена *бета*, вместо *эпсилона* сначала была вырезана *каппа*, что свидетельствует о первых усилиях учащегося по овладению алфавитом.

182.67—532. Горловина красногл. амфоры типа Слеха II, отбитая до шейки, с красной прерывистой полосой под венчиком и на верхних креплениях ручек. На горловине — несколько школьных упражнений. Амфора и надписи одинаково датируются III в. Две верхние надписи — не школьные, они относятся к амфоре и ее содержимому. Слева сверху: 'Απε(λλαῖος) (Π и Ε даны в лигатуре), сокращение дорийского названия месяца розлива вина — Апельея, примерно соответствующего декабрю. Справа сверху: κε' в лигатуре = 25 ксестов — обозначение объема амфоры в 13,7 литра.

Школьные упражнения вырезались на горловине амфоры, отбитой от тулова. После этого нижняя часть горловины амфоры, шейка, снова оказалась фрагментированной, так что граффити школьника частично отбиты справа. Упражнения вырезаны одно под другим, перпендикулярно к венчику, тонким острием. На прориси надписи даны в развороте, расстояние между ними в целях экономии места слегка уменьшено.

Упражнение школьника состоит из следующих надписей. Сначала он вырезал свое имя — Φῶκ[ος] — Фок, мифологическое имя (стк. 1). Ниже он еще раз вырезал первую букву этого имени (стк. 2). Далее, в стк. 3, следует упражнение на слог КАК, повторенный несколько раз, причем слоги разделялись точками: КАК·КАК·Λ·КАΚΚΑΚ. Под этим упражнением вырезано слово τῶτοι — «письмена» и, кажется, еще дважды повторен заучивавшийся слог КАК (стк. 4). Ниже следует упражнение на краткие двухбуквенные слова: ὄς, ῶς — «кабан (свинья), как» (стк. 5). Еще ниже — μῶς ὄς ὦς[ος] — «мышь, которая свинья» [(?) скорее, он хотел повторить союз ῶς, но написал его с *омикроном*, отчего и получился вышепереведенный текст вместо должного «мышь, как свинья»]⁹⁹. Далее ученик

⁹⁹ По-гречески слово «мышь» — мужского рода, поэтому, наверное, подразумевался при сравнении кабан.

стер написанное (разура), очевидно, заметив ошибку, и ниже продолжил упражнение, начатое в стк. 5, написав слово «мышь» в именительном и родительном падежах: ὄς, ὀός, ὠς ἔχε[ι] — «мышь, мыши (родительный падеж), что имеет...». Заключил свое упражнение ученик словом ἐπιχο(υ)ρ(ι)η — «помощь», сделав в нем две ошибки¹⁰⁰, чем продемонстрировал, что ему действительно требуется помощь в обучении грамоте.

Надпись представляет собой целый урок: ученик сначала указывает, кем сделано упражнение, вырезав свое имя, и далее переходит к упражнению в написании слов, отдельных кратких слов — существительных, служебных слов, простейшего глагола (τύποι, ὄς, μῦς, ὠς, ὀς, ἔχει), склоняет одно из существительных (μῦς, μῶς), составляет из них простейшие фразы, причем слова подобраны близко звучащие (μῦς, ὄς, ὠς, ὀς). Наконец, он пишет длинное слово «помощь», но в отличие от кратких слов делает в нем ошибки.

Данное граффито имеет аналогии среди других школьных упражнений, найденных в греческом мире. Приведу одно из них — упражнение ученика, вырезанное на кирпиче (надпись того же эллинистического времени, найдена в Серра Орландо, провинция Кальтаписетта, Сицилия)¹⁰¹: ΣΣΣΣΣΣΣΣΣΣ χαλῶνα ΚΚΚΚΚΚΚΚΚΚ μύλακx ὀός.

Вырезав по десять раз *сигму* и *каппу*, ученик приписал слова в именительном и винительном падежах: «черепаха, большой камень, дав» (надпись составлена на дорийском диалекте). Ср. в березанском граффито упражнение на слог КАК, заключенное словом τύποι — «письмена». Следующее упражнение сицилийского школьника, как и в березанском граффито, включает приблизительно одинаковые по звучанию слова: καὶ νέα καὶ νέα νέοι τέρον, ὠς νέοι ἂ καῦς — «новому кораблю молодежь обтесала новые доски, чтобы корабль мог плыть». Завершается упражнение фразой, конечно, еще непосильной для березанского ученика: Ὡ Ζεῦ, ὅσα πρά[σσει] ἐν ταῖ πύλαι — «О Зевс, сколько всего проходит у ворот!»

¹⁰⁰ Возможно и иное чтение: ἐπὶ κίρη (Κόρη), но оно представляется маловероятным в данном контексте.

¹⁰¹ Diels H. Schulknabenscherze auf einem sizilischen Ziegelstein. — Sb. Ak. Berlin, 1913, IIb. 2, S. 715—718.

Мы рассмотрели 182 березанских граффити и, как видим, малая эпиграфика предоставляет в наше распоряжение множество сведений самого различного свойства, вводящих нас во все стороны жизни населения Березани, в том числе уже первых десятилетий существования колонии. А ведь это только малая толика березанских граффити, хранящихся в музеях страны! Годами, десятилетиями лежат там эти надписи канцеевым сокровищем и ожидают специалистов. Сколько мы могли бы уже знать о Березани! Я хотел бы завершить свою небольшую публикацию добрым словом о В. В. Лапине, который нашел эти граффити во время раскопок, обязанных прежде всего его энтузиазму, и бескорыстно передал их в мое распоряжение. *Sit tibi terra levis.*

* * *

Корректирующее примечание. В статье, вышедшей в свет после сдачи данной монографии в печать, Ю. Г. Виноградов читает граффито № 1 как 'Ιδανθέρι τοῖφώλῃ ἀρσενικός — «Идантемиду, развратнику, (эта) кружечка (в подарок)», обвинив меня в том, что «ошибочное толкование, проистекающее от неверного разбора пятой буквы (омикрон вместо теты) и неприемлемого чтения патронимика τῷ 'Ιφώλῃ вместо оправданного dat. τοῖφώλῃ, т. е. τῷ οἰφώλῃ in stasi (вар. οἰφίλῃς), привело к преждевременному рискованному выводу о присутствии в надписи эолийских форм» (Варвары в просопографии Ольвии. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье, с. 140—141). Чтение названным автором имени 'Ιδανθέρις, пользуясь его выражением, не только «рискованно», но и в принципе невероятно. Он усматривает в этом имени две основы: скифскую 'Ιδαν- и греческую -θέρις, но такое сочетание невозможно, ибо подобных скифско-греческих composita в антропонимике нет, а в Нижнем Побужье VI—V вв. до н. э. и в принципе не может быть, поскольку греко-скифские отношения здесь характеризовались культурным антагонизмом (ср. рассказанный Геродотом эпизод с умерщвлением Скила). Сказанное заставляет видеть в пятой букве омикрон и считать, что точка в середине его кружка — случайного происхождения. Далее, чтение 'Ιδανθέρις невозможно и по той причине, что имена на -θέρις имеют такое окончание в вокативе, абсолютно не подходящем к контексту надписи. Дательный падеж таких имен представлен в источниках различными флексиями, но не -θέρις (его можно лишь теоретиче-

ски вообразить по форме Ναυκράτι в навкратийском граффито VI в.). Таким образом, чтение Ю. Г. Виноградовым имени 'Ιδάν-δεμις невероятно с точки зрения принципов образования сложных имен и малосостоятельно морфологически. Поскольку οἰφώλη надписи относится к 'Ιδανδῆς, это родительный падеж слова οἰφώλης, свойственный только эолийскому диалекту (от чтения здесь антропонима τῷ 'Ιφώλῃ, предложенного в предварительной тезисной публикации 1979 г., и отказавшегося еще до выхода в свет статьи Ю. Г. Виноградова, как можно судить по с. 269 данной монографии, сданной в печать весной 1981 г.) Из изложенного здесь на с. 268 явствует, что фигурирующая в предварительной публикации датировка «V» век — опечатка (вместо «VI» век). Что же касается мнения Ю. Г. Виноградова об οἰφώλη надписи как варианте слова οἰφώλης, то это ляпсус, поскольку и женская форма этого слова οἰφίλις (LSJ, s. v) безусловно показывает, что оно пишется через *омикрон*, а *омега* в данной надписи прочерчена ошибочно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ДАН — Доклады Академии наук СССР, серия В
 ЖМПП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 КБН — Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 СА — Советская археология
 ATL — *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc Gregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Cambridge (Mass.), 1939—1953, v. 1—4*
Buck — *Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago, 1968*
 FGH — *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker.*
Hill — *Hill G. F. Sources for Greek History between the Persian and Peloponnesian Wars. Oxford, 1951.*
 IG — Inscriptiones Graecae
 LSAG — *Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1969*
 LSJ — *Liddeell H. G. Scott R. Jones H. S. A Greek-English Lexicon, with a Supplement. Oxford, 1968*
 ML — *Meiggs R. Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969*
 BE — Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
Schwyzler — *Schwyzler E. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Hildesheim, 1960*
 SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
 SGDI — Sammlung der griechischen Dialektinschriften
 Syll.³ — *Dittenberger G. et alii. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae, 1915—1924, v. 1—4*
Tod — *Tod M. N. Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1946—1948, v. 1—2*
 Abh. Ak. Berlin (München, Wien) — Abhandlungen der Preussischen (Bayerischen, Österreichischen) Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
 AM — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BSA — Annual of the British School at Athens
 CPh — Classical Philology
 CQ — Classical Quarterly
 GRBS — Greek, Roman, and Byzantine Studies
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 PP — La parola del passato
 REG — Revue des études grecques
 RF — Rivista di filologia
 Sb. Ak. Berlin — Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse
 SCO — Studi classici e orientali
 VAHD — Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ВВЕДЕНИЕ	4
§ 1. Историкография древнегреческой колонизации	4
§ 2. Три направления изучения греческой колонизации	46
§ 3. Значение эпиграфических источников	47

1

ЭЛЛИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава I

ОТПРАВЛЕНИЕ КОЛОНИИ В КИРЕНУ (по данным «стелы основателей») (№ 1)	61
§ 1. Текст и перевод надписи	61
§ 2. Характер документа	67
§ 3. Причины и обстоятельства отправления колонии (по данным ферского декрета VII в.)	76

Глава II

СТАТУС ЛОКРИДСКИХ ЭПОЙКОВ	83
§ 1. Раздел земли и прием эпойков локридским полисом (по данным «таблицы Палпадакиса») (№ 2)	83
1. Лексический анализ и перевод надписи	84
2. Принятие полисом эпойков и раздел земли	93
§ 2. Декрет онунтских локров о наппактских эпойках (№ 3)	97

Глава III

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ КОЛОНИСТАМИ (по данным декрета иссейцев) (№ 4)	109
§ 1. Текст надписи и его реконструкция	109
§ 2. Раздел земли колонистами	121

2

АФИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава IV

АФИНСКИЕ КОЛОНИИ И ИХ ТИПОЛОГИЯ	135
---	-----

Глава V

АПОЙКИЯ	155
§ 1. Декрет об отправлении колонии в Брею (№ 5)	155
§ 2. Декрет о неизвестной колонии (№ 6)	168

§ 3. Декреты о Гестииэ (№ 11—13)	171
§ 4. Отправление эпойков в Адриатику, 325/4 г. (№ 14)	193
Глава VI	
КЛЕРУХИИ	199
§ 1. Декрет о Саламине (№ 15)	199
§ 2. Декрет о митплеениях, после 427 г. (№ 16)	203
§ 3. Декрет о лемносских клерухах, 387/6 г. (№ 17).	206
§ 4. Декрет о попилах (№ 18)	216
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	241
ЭКСКУРСЫ	247
I. Спорные вопросы греческой колонизации Колхиды	247
II. Эпиграфические источники по колонизации, религиозной и культурной жизни Березанского поселения	258
§ 1. Состав березанских колонистов	259
§ 2. Сакральная жизнь Березанской колонии	287
§ 3. Культура колонии	298
1. Застольные надписи	298
2. Дарственные надписи	304
3. Алфавитные упражнения	305
Список сокращений	310

Валерий Петрович Яйленко
ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ
VII—III вв. до н. э.

(По данным эпиграфических источников)

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский
Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. В. Полякова
Корректоры Г. Г. Петропавловская, Л. Д. Собко

ИБ № 25000

Сдано в набор 4.11.81. Подписано к печати 15.06.82. Т-10525. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,48. Уч.-изд. л. 18,2 Тираж 3850. экз. Тип. зак. 1160. Цена 2 р.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-31, 9 линии, 12